

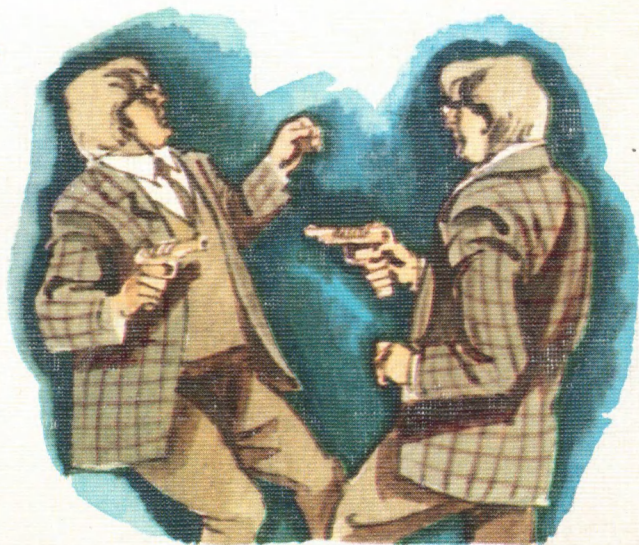
ПАВЕЛ БАГРЯК

Б
С
И
О
Б
В
Л
Е
И
Т
О
С
Т
К
Е
О
К
И
А

Ф А Н Т А С Т И К И

ПАВЕЛ БАГРЯК

ПЯТЬ ПРЕЗИДЕНТОВ

ПЯТЬ **ПРЕЗИДЕНТОВ**

Б И Б Л И О Т Е К А
Ф А О Н В Т Е А Т С Т К И О К И

ПАВЕЛ БАГРЯК

ПЯТЬ ПРЕЗИДЕНТОВ

*Роман
в четырех повестях*

Москва
«Молодая гвардия»
1991

ББК 84Р7
Б 14

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Багряк П.

Б 14 Пять президентов: Роман в четырех повестях.—
2-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1991. — 448 с. —
(Б-ка сов. фантастики).

ISBN 5-235-01721-8

В остросюжетном фантастическом романе рассказывается
о судьбе научных открытий и их авторов в мире конкурен-
ции и тайной борьбы за власть.

Б 4702010201—142 КБ—003—051—91
078(02)—91

ББК 84Р7

ISBN 5-235-01721-8

© Багряк П.,
1991 г.

КТО?

(Повесть первая)

1. Традиционное начало

— Телефон! — Линда тормозила спящего мужа. — Слышишь?

— М-мг... — Фред повернулся на другой бок.

— Мне самой подойти?

Он приподнялся на локтях и чиркнул зажигалкой.

— Успеется... — Потом спустил ноги на пол и стал шарить ими в поисках туфель. — Моим клиентам некуда спешить.

Когда он вернулся, Линда спросила:

— Ну?

— Какой-то профессор... Звонил сам шеф. Вовремя, черт возьми! Нам как раз нужно вносить за пианино.

— Как ты можешь!..

Он пожал плечами.

— Не будь ханжой. Ему уже ничем не помочь.

...На улице шел дождь. Было темно и сыро, и после теплой постели Фред Честер чувствовал себя особенно неуютно. Он поднял воротник пальто и поежился. Подумал: преступники никогда не заботятся о репортажах — ночью, да еще в такую погоду...

Взвизгнув тормозами, из темноты неожиданно вынырнула знакомая машина. Фред едва увернулся.

— Салют, старина! — приветствовал его обычный партнер в подобных поездках фоторепортер Мелани.

Усаживаясь в машину, Честер с завистью посмотрел

на своего спутника. Всегда бодр — ночь для него, что день. Сам Фред все еще никак не мог прийти в себя и, чтобы взбодриться, жадно затянулся сигаретой.

У ворот, ведущих на территорию института, долго и придирчиво проверяли документы. Наконец их пропустили. Проходя по двору, Фред не заметил обычного оживления. Рассекая темноту ярким светом фар, подъехала какая-то машина. Вспыхивали огоньки карманных фонарей. Кое-кто был одет в военную форму. Корреспондентов других газет Фред не видел.

Поднимаясь по лестнице, они столкнулись с Гардом. Дэвид Гард, старший инспектор уголовной полиции, был давнишним знакомым Фреда. Они поздоровались.

— Послушай, Дэви, что за народ? — осведомился Фред.

— Т-с-с! — Гард приложил палец к губам. — Серьезная история. Этот профессор работал на военных. Он, кажется, открыл что-то важное.

Фред насторожился. Чутьем опытного газетчика он почувствовал запах сенсации и ревниво оглянулся по сторонам.

— Где же «вечные перья»?

— Репортеры? — Гард усмехнулся. — Других не будет.

Фред с чувством пожал ему руку. И правду говорят: «Хорошие друзья дороже денег».

— Пойдемте, я провожу вас, — сказал Гард.

Они шли по длинному коридору второго этажа. По обеим сторонам — двери лабораторий. На металлических табличках выгравированы имена известных ученых. Инспектор открыл одну из дверей, пропуская корреспондентов. Фред успел прочитать надпись: «Профессор Эдвард Миллер». В небольшой светлой комнате стояли стенной шкаф, письменный стол, пишущая машинка.

Сверкнула молния. Это Мелани поспешил щелкнуть затвором.

— Идемте, идемте, — поторопил их Гард. — Это произошло в кабинете.

Они вошли. Большой кабинет профессора Миллера напоминал муравейник. Какие-то люди что-то искали, измеряли, фотографировали. Обычная картина. В этой суете Фред не сразу заметил тело, распростертое на полу как раз посреди комнаты.

Профессор Миллер лежал на боку, лицом к двери, подмыв под себя правую руку. Тело его было напряжено, словно, упав, он пытался встать. Крови почти не было. Гард наклонился над трупом и осторожно повернул голову. Глаза под густыми, сросшимися на переносице бровями были открыты. На побледневшем лице, чуть пониже правого глаза, резко выделялся синевато-багровый шрам, след неудачного эксперимента. Честер впросительно посмотрел на Гарда.

— Пуля прошла чуть ниже сердца. Вскрытие покажет. Навылет. Вот посмотрите. — Инспектор указал на маленькое аккуратное отверстие в стене.

Мелани сфотографировал.

— Стреляли из этого? — Фред кивнул на пистолет, валявшийся на полу рядом с трупом.

— Видишь ли... — Гард помолчал. — Стреляли оба. Вероятно, профессор защищался. Во всяком случае, вот.

Он подвел репортеров к противоположной стене. Там, в промежутке между двумя книжными полками, чернело второе отверстие, в точности похожее на первое. Мелани снова сфотографировал, сначала крупно, а затем, отойдя в другой конец кабинета и сменив объектив, сделал еще несколько снимков так, чтобы захватить сразу обе стены.

— А не может быть, что в профессора стреляли дважды? — спросил Фред. — Помнишь, как в деле Мортон?

— Нет. — Гард покачал головой. — В пистолете не

хватает только одного патрона. Второй выстрел был произведен из другого оружия.

Честер взглянул на часы.

— Сейчас десять минут четвертого. Когда же это случилось? И куда мог скрыться убийца? И вообще как он мог скрыться, если здание охраняется?

— Хотел бы и я это знать, — сказал Гард.

Один из агентов что-то тихо сообщил ему.

— Пойдемте, — обратился Гард к репортерам. — Допросим дежурного.

Они снова вышли в первую комнату. Дежурный, маленький полный человечек с седыми волосами, сидел за столом, закрыв руками лицо. Его била дрожь.

— Успокойтесь, — сказал Гард. — Постарайтесь все рассказать. По порядку.

В ответ слышалось что-то невнятное.

— Возьмите себя в руки. Я требую, наконец!

Дежурный поднял голову. Честеру показалось, что его лицо еще бледнее, чем лицо убитого. Все молча ожидали.

— Это... это было около полуночи, — произнес дежурный. Он продолжал дрожать, лицо его подергивалось.

— Точнее, — потребовал Гард.

Дежурный на минуту задумался.

— Это случилось сейчас же после полуночи... Пробили часы и... Сигнал зажегся вскоре после того, как пробили часы...

— Говорите яснее, — попросил Гард. — Какой сигнал?

— Перед дежурным висит табло с сигнальными лампочками, инспектор, — пояснил кто-то из агентов. — Если нажать в лаборатории кнопку, на табло вспыхивает лампочка.

— Хорошо, продолжайте.

— Зажегся двадцать седьмой, — сказал дежурный. — Лаборатория Миллера... Я еще подумал: кто

может быть там в такой поздний час? Снял телефонную трубку... набрал номер... Никто не ответил. Пока я звонил, сигнал погас... Я успокоился. Решил: какая-нибудь неисправность в сигнализации. Но сигнал сейчас же вспыхнул опять! Тогда я пошел наверх... пошел по коридору... Я смотрел на таблички... я никогда не был в этой лаборатории... не знал, где дверь... И тогда... — Голос дежурного вдруг стал глухим, словно раздавался из пустой бочки. — И тогда я встретил его.

— Кого?

Дежурный молча кивнул в сторону кабинета.

— Миллера?

— Он быстро шел по коридору мне навстречу. «Это вы давали сигнал?» — спросил я. Но он не ответил. Прошел мимо. Не знаю почему, господин инспектор, мне стало как-то не по себе. И я подумал: «Нет, Джозеф, ты все-таки должен посмотреть, что там стряслось!» Джозеф — это я, господин инспектор, я всегда так себе говорю...

Дежурный замолчал.

— Продолжайте, — сказал Гард.

— Я был так взволнован, что, добравшись до конца коридора, не нашел двери. Двадцать седьмой номер... Наверное, я пропустил его... Тогда я пошел назад и увидел дверь. Она была не заперта. Я прошел в кабинет. Горел свет, а на полу лежал... он! Больше никого не было. Я поднял тревогу.

— Вы слышали выстрелы? — быстро спросил Гард.

— Нет.

— Вы уверены, что в коридоре встретили именно профессора Миллера?

— Да. Тот же серый костюм в клетку... черные волосы... Глаза... глаза. Нет, я не заметил... нет-нет, я не знаю... Я больше ничего не знаю... я все сказал...

— Что ты думаешь? — осведомился Честер, когда репортеры остались с Гардом без посторонних свидетелей.

— Это не простое убийство, — медленно произнес инспектор. — Похоже, что профессора Миллера устранили.

Фред привстал. В глазах его вспыхнули азартные огоньки.

— Но это же... Я давно жду такого случая. Повод для большого разговора.

Гард сразу охладил его пыл:

— То, что я сказал, не для печати. Боюсь, что и на этот раз тебе придется ограничиться чисто уголовными деталями.

— Но разве тебе самому не безразлично... — начал было Фред, но инспектор сухо оборвал его:

— Мои интересы тут ни при чем. Я должен отыскать убийцу. А все остальное меня не касается. Да и тебе советую поменьше философствовать.

...По пути в редакцию Честер обдумал, как лучше преподнести материал. Жаль, конечно, что нельзя писать, чем занимался Миллер. И все же это будет сенсация, настоящая сенсация! Он представил себе гигантские заголовки, фото на всю полосу — труп профессора и лицо крупным планом — отдельно. Спасибо Гарду.

Домой Фред вернулся уже под утро. Несмотря на бессонную ночь, он испытывал чувство приятного удовлетворения от удачно сделанной работы. Материал был продиктован, отредактирован, набран. Честер сам проследил, как его разместили на первой полосе. Правда, фотографий он не дождался. Но на Мелани можно было положиться — он не подведет.

Фред снисходительно поцеловал спящую Линду, залпом осушил стакан холодного молока и, быстро раздевшись, нырнул под одеяло.

Когда он проснулся, было уже десять. Сквозь опущенные шторы пробивались солнечные лучи, и, казалось, ничто не напоминало о мрачных событиях минувшей ночи. Очутившись на улице, Фред с наслаждением вдохнул осенний воздух и, предвкушая удовольствие,

подумал о том, как развернет сейчас утреннюю газету. Хотя Честер был опытным журналистом, он все равно испытывал приступы радости, видя свои материалы напечатанными на полосе. Его никогда не переставало удивлять, что слова и мысли, рожденные им, как бы освобождались от власти автора и вдруг начинали жить самостоятельной жизнью на газетных страницах, словно дети, ставшие взрослыми и ушедшие из родительского дома в необъятный мир. А иногда случалось, что, вырвавшись на волю, слова бунтовали в этой новой жизни и вели себя не совсем так, как хотелось автору. И уже ничего нельзя было сделать...

Подозвав мальчишку-газетчика, Честер вложил в его ладонь десятилемовую монету и развернул еще пахнувший свежей краской номер. На первой полосе его материала не было. Вторая, третья, четвертая, пятая... Он торопливо пробежал глазами заголовки: «Глубоководная экспедиция», «Авиационная катастрофа», «Встреча министров», «Бракосочетание мисс Каролины Бэкли»...

Репортаж исчез.

2. Встреча

Что за чертовщина! Он сам видел, как его материал верстали на первую полосу... Мистика?..

Это было так неправдоподобно, что, не веря собственным глазам, он в третий раз медленно перелистал все двадцать четыре страницы газеты.

В редакции тоже никто ничего не знал. Распоряжение снять материал пришло в последнюю минуту. Приказал сам Хейсс. Пришлось заново набирать первую полосу, номер опоздал на полтора часа. В ответ на распросы Честера сотрудники пожимали плечами.

— Я так рассчитывал!.. — признался Фред начальнику своего отдела Мартенсу. — Что же это, в конце концов?

Всегда грустный, страдающий отдышкой Мартенс сочувственно кивал головой.

— Кто может это знать, Честер? По-моему, ваш материал был как раз то, что надо. Я тут ни при чем, сами понимаете. Шеф!

— Хорошо, придется спросить у шефа! — не выдержал Фред.

Мартенс положил ему руку на плечо.

— Не советую...

Но Честер уже бежал по лестнице. Навстречу ему попался Мелани. Всегда улыбающийся итальянец сейчас тоже выглядел расстроенным.

— Почему сняли материал? — остановил его Фред. — Что у вас тут стряслось?

Фоторепортер сокрушенно покачал головой.

— Не знаю...

Фред яростно чертыхнулся и побежал дальше.

— Может быть, я во всем виноват, — прокричал ему вдогонку Мелани, — пленка оказалась засвеченной!

Но Честер уже скрылся за поворотом лестницы.

Однако, добежав до приемной Хейсса, он резко остановился на пороге. «В самом деле — зачем? Чего я хочу добиться? — подумал он. — Не станет же Хейсс объяснять свои поступки каждому репортеру уголовной хроники! Нет, прав был Мартенс — это до добра не доведет...»

И Фред уже хотел было незаметно исчезнуть, но в этот момент мисс Горн, высокая, сухопарая, похожая на классную даму секретарша Хейсса, заметила его.

— Мистер Честер, как хорошо, что вы пришли! — с улыбкой прощбетала она. — Шеф как раз посылал за вами.

И она любезно распахнула перед Фредом дверь кабинета.

Пыл Честера уже испарился, а вместе с ним и решительность. Но делать было нечего — он шагнул через порог и молча остановился.

Хейсс был занят разговором по одному из своих многочисленных телефонов. Судя по его лицу, беседа была не из приятных. Он даже отодвинул немного телефонную трубку: видимо, собеседник кричал. И действительно, Фред ясно различил слова, сопровождаемые усиленным дребезжанием телефонной мембраны:

— ...или вся ваша контора отправится к чертовой матери!..

«Ага, значит, и на тебя иногда покрикивают», — мелькнула у Фреда злорадная мысль. Но это было только на миг. Заметив вошедшего в кабинет Честера, шеф бросил на него неприязненный взгляд и, плотно прижав трубку к уху, быстро закончил разговор такими словами: «Хорошо... Так точно... Можете не сомневаться, господин Дорон».

Фред продолжал стоять у порога, молчаливо ожидая неизбежного разноса. Чего еще можно было ждать, если материал из верстки попал в корзину?

— Что вы стоите, Честер? — с неожиданной любезностью произнес Хейсс, поднимая из-за стола свое короткое толстое тело. — Прошу вас, садитесь.

«Сейчас начнется», — тоскливо подумал Фред, опускаясь в кресло.

— Я был вами доволен, Честер, — продолжал шеф, шагая по кабинету. — Особенно последнее время. Вы, кажется, второй год работаете без отпуска?

Фред кивнул, не глядя на шефа. Куда он клонит?

— Вам надо отдохнуть. Обязательно. Немедленно. По вашему лицу видно, как вы устали.

Сердце у Фреда сжалось: неужели конец?

— Простите, сэр, — произнес он, стараясь не выдавать волнения, — простите, но я чувствую себя отлично. Я не устал и могу...

— Нет, нет, — перебил его Хейсс. — Никаких возражений. Берите жену и поезжайте к морю на недельку-другую. За сегодняшний материал получите двойной

гонорар. Кроме того, вам выдадут еще двести пятьдесят кларков, я уже распорядился.

И Хейсс сел за стол, давая понять, что разговор окончен.

Ничего не понимающий Фред медленно попятился к двери.

«Спросить или не спросить? — лихорадочно размышлял он, глядя на шефа. — Эх, была не была!»

— Простите, сэр, — пробормотал он, останавливаясь. — Почему мой материал... Я хотел бы знать...

Произнеся эти слова, Фред сейчас же пожалел об этом. Всем сотрудникам редакции было отлично известно, что шеф терпеть не может, когда подчиненные задают ему вопросы.

Однако на этот раз в серых, глубоко сидящих глазах Хейсса, к удивлению Фреда, мелькнуло что-то похожее даже на сочувствие.

— Не стоит жалеть об этом, Честер, — сказал он мягко. — Одним материалом больше, одним меньше. У вас еще всё впереди. Послушайте моего совета. — В голосе Хейсса вновь зазвучали твердые нотки. — Отправляйтесь отдыхать и постарайтесь забыть обо всей этой истории.

Фред немного пришел в себя только на лестнице.

«Нет, положительно сегодня невероятный день, — подумал он. — В конце концов, все обернулось не так уж плохо. Но почему все-таки снят материал? И с какой стати шефа заинтересовало мое здоровье? Что все это значит? Похоже, что меня просто хотят на время спровадить отсюда. Интересно знать, Мелани тоже получил подобное предложение?»

Маленького фоторепортера он отыскал в небольшой каморке позади буфета, где Мелани обычно колдовал над своими пленками. Итальянец склонился над столом. Многочисленные бачки и ванночки были отодвинуты в сторону, а на образовавшемся свободном пространстве аккуратными пачками были разложены клар-

ковые бумажки. Итальянец, часто слюнявя палец, тщательно пересчитывал одну из пачек.

— Раскладываешь пасьянс? — осведомился Фред. — Двести пятьдесят?

Мелани удивленно взглянул на него:

— Откуда ты знаешь?

— И отпуск на две недели?

Итальянец молча кивнул.

Честер присел на свободный стул и сказал, глядя фоторепортеру прямо в глаза:

— Вот что, Чезаре. Вся эта история мне не нравится. Тут что-то не так... Ерунда...

— Не знаю... — пробормотал Мелани.

— Не хочу чувствовать себя дураком, — продолжал Честер. — Я должен выяснить, в чем дело. Где твоя пленка?

— Я же сказал тебе, она оказалась засвеченной.

— Засвеченной?! Неостроумно. Придумай что-нибудь проще.

Мелани молчал.

— Ты сам ее проявлял? — спросил Фред.

— Нет, пленку забрали в центральную лабораторию.

— А когда выяснилось, что она засвечена?

— Вскоре после того, как ты ушел домой.

— Пленка у тебя?

— Нет, мне ее не отдали.

— Так. — Фред встал. — Вот что, Чезаре, поехали.

— Куда?

— Туда... туда, где мы были ночью. Я хочу еще раз побывать там.

— Кто нас пустит? — возразил Мелани.

— Ну, как хочешь. Я поеду один.

Мелани вскочил.

— Послушай, Фред! Послушай меня, не ввязывайся в эту историю. Ну что тебе до этого? В конце концов, свой гонорар мы получили.

— Сдается мне только, — усмехнулся Фред, — что он чересчур велик.

— Что же тут плохого? — не понял Мелани.

— Ну ладно! — Честер хлопнул его по плечу. — Бери мой гонорар и отдай мне твой характер... Пока, старина!

В проходной института его неожиданно пропустили, как только он предъявил свое редакционное удостоверение. Фред миновал холл, быстро поднялся на второй этаж и нашел знакомую дверь.

И здесь, стоя у двери и еще не открыв ее, он вдруг не то чтобы понял — для этого у него не было никаких оснований, скорее интуитивно ощутил, что сейчас произойдет нечто невероятное. Это ощущение было так остро, что Фред почувствовал неприятный холодок в пояснице.

И он даже не удивился, когда, открыв дверь и войдя в кабинет, увидел, что навстречу ему из-за стола поднимается профессор Миллер...

3. «Спи спокойно, друг!»

— Гард, объясни в конце концов, что произошло!

Инспектор взглянул на журналиста, но ничего, кроме растерянности на его лице, не заметил.

— Успокойся, Фредерик. Дело не заслуживает того, чтобы так волноваться.

Фред вспылил:

— Десять минут я как дурак стоял перед Миллером, не зная, что ему сказать. Тем самым Миллером, труп которого видел собственными глазами ночью. А ты говоришь — успокойся? Что это все значит?

Гард усмехнулся:

— Ровным счетом ничего! Не всегда верь глазам своим: не было никакого убийства. Тебе приснился сон.

Фред резко встал и, наклонившись к невозмутимому лицу Гарда, сказал медленно, отчеканивая каждое слово:

— Не считай меня идиотом. Час назад я видел два отверстия от пуль в кабинете Миллера. Убийство было.

Инспектор недовольно поморщился.

— Не кричи, — сказал он. — У тебя большое воображение. Тебе нужно отдохнуть. Ты слишком много работаешь.

Честер, не спрашивая, взял сигарету на столе, затянулся и подошел к окну. Он долго смотрел на мигающую рекламу пива. Из ярко-красной бутылки лился радужный фейерверк огней. Они плясали на лице Фреда, и Гард, внимательно наблюдавший за репортером, заметил, как заглаживаются морщины на его лице.

— Ты говоришь то же самое, что Хейсс, — успокоившись, проговорил Честер. — Мы с тобой друзья, знаем друг друга почти десяток лет. Но ты мне сказал то же самое, что Хейсс. Почему?

— Фред, ты хочешь носить голову на плечах или под мышкой? — спросил Гард.

— Покажи мне протокол убийства, — неожиданно прервал сыщика Честер.

— Нет никакого протокола. — Гард замялся, подошел к Фреду и дружески обнял его за плечи. — Я привязался к тебе, мы друзья. Поэтому я прошу: забудь, что было. Представь, что шла обычная тренировка полиции. Еще одна проверка, которых у нас, сам знаешь, хватает.

Зазвонил телефон. Гард поднял трубку.

— Да... да... сейчас выезжаю.

— Что это? — встрепенулся Фред.

— На Селенджер-авеню драка, двоих отправили в больницу, один убит. Поедем?

— Нет, я уже в отпуске.

...Шел мелкий, неприятный дождь. Фред поднял воротник плаща и побрел прочь от полицейского участка. «Ну и черт с ним, с Миллером!» — подумал он. Неожиданно кто-то ударил его по плечу, он обернулся и увидел расплывшееся от улыбки лицо Конды. От него несло дешевым вином.

— Привет, Честер! Ты чего грустный? Пойдем поднимем настроение?

— Не хочется. Да и тебе хватит на сегодня.

— Ну что ты, — запротестовал Конда. — Я выпил лишь рюмочку, а при моей работе это пустяк!

Конда работал в морге полицейского участка и убеждал всех, что покойники не выносят трезвых. Они любят жизнерадостных людей, а не хлюпиков, которые брезгливо бросают их на полки и стараются смыться из морга. А Конда может душевно поговорить с любым из своих подопечных, ну, конечно, хватив при этом рюмочку-другую.

— Зайдем на минуту. — Конда схватил за рукав Фреда и потянул его в соседний кабачок. — Не упрямысь, мне скоро на работу, а я не в форме.

Фред заказал два бокала вина. Выпили. Официант принес еще.

Конда болтал не переставая.

— Передай своему приятелю, фотографу, — говорил он, — что порядочные люди так не поступают. Снимок он напечатал, а где десять кларков? Нет их. Я ему полный порядок навел, своих подопечных простынями укрыл, лампу принес, а он и носа теперь не показывает. Да и мой портрет неважный. Расплывчатый. Мог бы постараться твой фотограф, нехорошо...

— Вот, возьми, — Фред протянул Конде десятикларковую бумажку. — Мелани просил передать, — солгал он.

Конда схватил деньги и быстро спрятал их.

— Это другое дело, — пробормотал он. — Вы, журналисты, народ приличный. С вами можно иметь дело.

— Если ты окажешь мне одну услугу, — сказал Фред, — получишь вдвое больше.

— Валяй говори.

— Покажи мне списки твоих покойников, которых привезли вчера.

— Гони двадцатку!

Фред достал бумажник.

— Я могу тебе список не показывать. — Конда захохотал. — Потому что вчера было всего два трупа: старуху машиной сбило и женщина покончила самоубийством. Всё. Адреса их...

— Не надо. — Фред протянул Конде стакан вина. — А мужчин не было?

— Привозили одного старикана, но его не выгружали. Шеф сказал, что вскрытия не будет, сразу отправили к Бирку... Да, это не тот товар, который тебя интересует. Помнишь, две недели назад, когда ту, девятнадцатилетнюю, отчим утопил в ванне? Это другое дело. А вчера старуха, неврастеничка да нищий. Скучно.

— Старик был нищим?

— Конечно, поэтому и не вскрывали... Давай выпьем!

— Хватит! — Честер встал. — Мне пора. Жена ждет.

Конда с сожалением поплелся к дверям вслед за журналистом. На улице они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны...

Хозяин фирмы «Спи спокойно, друг!» пользовался всеобщим уважением. В прошлом году Бирк напечатал в одной из утренних газет шесть статей под заголовком «Почему мы хороним вечером?». Бирк доказывал, что «похороны с факелами в руках на закате дня наиболее отвечают таинству происходящего, когда индивидуум меняет один мир на иной». Статьи вызвали споры, и фирма Бирка начала процветать.

Честер несколько раз встречался с Бирком. Он писал репортажи с его кладбища, их печатали дважды

на первой полосе с великолепными снимками Мелани. Помнит ли Бирк его?

Бирк никогда ничего не забывал. Фред убедился в этом, едва он набрал номер телефона и услышал голос секретаря Бирка: «Шеф примет в любое удобное для вас время. Для ведущего репортера уголовной хроники он никогда не бывает занят».

Контора находилась у входа на кладбище: изящный коттедж из стекла и алюминия на фоне черных крон деревьев. Бирк встретил Честера у входа.

— Прошу, садитесь! — Он показал Фреду на кресло. — Валери, — обратился он затем к секретарю, — прошу вас, вино и коньяк.

Фред огляделся. В центре кабинета небольшой стол, четыре стула. Стол затянут черным бархатом. «Для заседаний», — решил Честер. На стене напротив развешено несколько фотографий, среди них — знакомые, те, что делал Мелани. В углу кабинета письменный стол, рядом два кресла. На одно из них и сел Фред.

Бирк расположился напротив.

— Мы очень давно не виделись, — сказал он. — Ваша газета совсем забыла обо мне. И я, наконец, рад, что вновь вы у меня.

— Я пришел по сугубо личному делу, — угрюмо заметил Фред, — оно к газете не относится.

— Боже мой, это не имеет никакого значения! — Бирк широко улыбнулся, ослепив собеседника большими, как у певца, зубами. — Вы так много сделали для моей фирмы, что я готов оказать вам услугу.

Вошла Валери и внесла на подносе две рюмки, коньяк «Наполеон» и бутылку «Фраскати».

— Шеф, — сказала она, — звонит миссис Бирк, просит соединить.

— Разрешите? — спросил Бирк у Фреда.

Журналист молча кивнул, всем видом своим пытаясь показать, что дело, по которому он пришел, не к спеху. Бирк взял трубку.

— Дорогая, я задержусь сегодня на тридцать пять минут. Уложи детей спать и поезжай в оперу. Я смогу приехать лишь к третьему акту, мне еще нужно переодеться.

Фред, глядя на хозяина фирмы «Спи спокойно, друг!», начал злиться. Безукоризненно светские манеры мистера Бирка (он был принят в высшем обществе), элегантный черный костюм французского покроя и, наконец, холеные белые руки, сливающиеся с накрахмаленной сорочкой, раздражали его. Честеру вдруг захотелось встать и уйти. Но Бирк, поговорив с женой, сел напротив и заулыбался настолько добродушно, что Фред не двинулся с места и, собрав силы, как можно равнодушнее сказал:

— У меня дело... пустяковое. Мне нужно взглянуть на старика нищего, который похоронен вчера.

Бирк понимающе кивнул головой.

— Одну минуту, — сказал он, поднял трубку и вызвал по селектору управляющего седьмым участком. — Принесите мне документы на вчерашнего клиента. Да, да, анкету и результаты обработки. — Бирк положил трубку и, обращаясь к Фреду, предложил: — Отведай-те «Наполеона», я предпочитаю его остальным.

— А как же с моим делом? — спросил Фред.

— Прошу вас подождать несколько минут.

На селекторе зажегся красный глазок.

— Простите, — вновь извинился Бирк. Он пододвинул микрофон поближе к себе: — Слушаю.

— Шеф, к клиенту номер 4725, — услышал Фред, — пришла жена, а репродуктор не работает. Мы вызывали радиомеханика, но он придет лишь через полчаса. Что делать?

— Кто обслуживает клиента?

— Лермен.

— Оштрафуйте его на десять кларков. Если подобное повторится, увольте. Перед женой клиента изви-

нитесь и дайте музыку с соседнего участка, так, чтобы она слышала, конечно.

— Еще один вопрос, шеф. Клиент любил Моцарта и Штрауса. Кого из них транслировать?

— Сегодня пасмурно. Дайте Моцарта.

Огонек на селекторе погас.

— Бирк, — сказал Честер, — вам нравится работать здесь?

— Безусловно! У меня беспроектный бизнес, и, кроме того, разве можно найти более спокойное место? Десять лет назад, после окончания Кембриджа, я два года работал в одной из крупнейших клиник Лондона, но больно уж там беспокойно. Наш же клиент тихий, благоразумный.

— Да, пожалуй, вы правы.

Появилась Валери и положила на стол черную папку. Фред прочитал: «Клиент № 24657. Доставлен 24 сентября 1965 года. Участок № 7».

Бирк раскрыл папку, быстро пробежал глазами анкету.

— Драгоценностей нет, золотых зубов тоже, — сказал он Фреду. — Что вас интересует в этом клиенте?

— Я хочу просто посмотреть на него.

— Странно. — Бирк пристально глянул на Честера. — Очень странно... Ну что ж, милый Фред, я уже дал распоряжение на раскопки. Но это незаконно, потому что беспокоить наших клиентов могут только полицейские...

— Разрешите, я пойду туда? — нетерпеливо сказал Фред.

— Одна маленькая формальность, — остановил его хозяин фирмы. — В какой банк представить счет?

— Я предпочитаю платить наличными.

— Нас это вполне устраивает. Итак, непосредственно за раскопку — 6 кларков 25 лемов и за риск — как известно, среди деловых людей не оплачивается — 150 кларков. Итого 156 кларков 25 лемов.

«Бандит», — выругался про себя Фред, но быстро достал деньги и положил на стол.

Когда вместе с Бирком они подошли к седьмому участку, рабочие уже закончили работу. Бирк осветил фонарем могилу, потом гроб, покрытый сырыми комьями глины.

— Откройте крышку! — приказал он.

Один из служащих спустился вниз и приоткрыл крышку. Фред отшатнулся: он увидел лицо профессора Миллера...

4. Накануне решения

Гард подпернул брюки, чтобы не так сильно мялась складка, сел и уже был готов заняться обычными криминалистическими делами, когда раздался стук в дверь.

Еще не видя человека, Гард по характеру стука определил, что посетитель взволнован, нервничает и что следующие минуты будут беспокойными. Поэтому его лицо приняло любезно-сосредоточенное выражение.

— Войдите!

Вошел Фред Честер.

Они не виделись три недели, и Гард не знал, что делал это время журналист, был ли он вообще в городе, но не удивился его неожиданному приходу, потому что уже давно отучил себя удивляться: мешало работе.

— Гард, — тихо сказал журналист, — зачем было обманывать меня?

Фред заметно изменился. Он походил на человека, выброшенного из привычной колеи жизни. Гарду было достаточно увидеть, как дрожат его пальцы, чтобы понять это.

— Сегодня прекрасный день, — сказал Гард. — Но газеты пишут, что в Австралии ураган. Так-то вот.

— Гард! — Голос журналиста дрогнул. — Завтра этот ураган может быть здесь!

— Возможно. Ну и что? Сегодня небо безоблачное. Сегодня истина в этом.

— Брось! Я раскопал то дело... о Миллере.

Искусство сыщика во многом зависит от умения слушать: кто больше знает, тот и сильнее.

— Я слушаю тебя, — сказал Гард.

Честер вытащил из кармана блокнот.

— У меня нет протоколов, — сказал он. — И я не проводил следствия. Дело вообще не в фактах — они часто лгут. Дело в людях, которые стоят за этими фактами. Поэтому не удивляйся. Многое покажется тебе непривычным и странным...

— Я слушаю, — повторил Гард.

И он услышал то, что уже знал Честер.

...В то утро Миллер стоял у распахнутого окна. Была осень. Он смотрел на поток прохожих. Каждый торопился по своим делам. Редко кто поднимал голову, а если поднимал, то задумывался ли о большом мире, который его окружает? О людях, что шли рядом? О себе, наконец? Эдакие маленькие, замкнутые вселенные двигались по тротуару, далекие от Миллера, как и он от них. И равно близкие.

Миллер захлопнул окно. Великолепие осени раздражало, как обман. Он оглядел кабинет. Все стояло на своих местах, но Миллер испытывал состояние человека, увидевшего, что во всех углах вдруг занялся пожар.

Всего лишь несколько дней назад он пережил счастливый миг, когда внезапно, в каком-то истинном озарении нашел то, что искал долгие годы. Это был тот миг, когда Миллер увидел путь до самого конца — так, будто уже прошел его. Начинался он, как ни странно, в самом запаутиненном отсеке физики, куда давно никто не заглядывал, ибо там двери были заперты аксиомами. Миллера толкнуло отчаяние поиска, — право же, мысль его уже готова была ломиться в любую дверь.

Что означала его находка для него самого, для лю-

дей, он понял не сразу. Кинулся сначала к Дорону — докладывать, но что-то остановило Миллера, он словно споткнулся о взгляд этого военного в штатском, который прямо, как перпендикуляр, восседал в кресле. Споткнулся и забормотал о каких-то пустяках... Дорон, естественно, остался недоволен им больше, чем обычно.

«Главное — жить в мире с самим собой», — сказал кто-то из мудрых. Но у Миллера началась отныне мучительная схватка с самим собой. То, о чем он сегодня думал как о подлости, завтра казалось ему добродетелью. А послезавтра — наоборот. Его средство могло — действительно могло! — избавить мир от страшной угрозы ядерного самосожжения. Атомные бомбы, которые не взрываются! Водородные заряды ракет, которые не могут поразить и воробья! «Люди! Это возможно, возможно, возможно!» — хотелось ему кричать. Но люди бывают разными. «О да, — сказал бы Дорон, — это великолепно. Бомбы не взрываются — у противника! Вы, Миллер, великий патриот. Вы герой!»

Он скажет так и даже не улыбнется.

Когда Миллер понял это, ему стало страшно. Конечно, он может нарушить подписку о неразглашении военных тайн и послать статьи с описанием «эффекта Миллера» и схемы установки во все ведущие журналы мира. Сделать его установку несравненно легче, чем создать атомную бомбу. Тогда он спаситель человечества от угрозы ядерной войны. Но тогда он государственный преступник в глазах доронов и его ждет быстрая и «случайная» смерть, ибо дороны не прощают. Они убьют его просто потому, что так надо. В назидание другим.

Или — или. Выбор. Между славой и гибелью. Между благом человечества и собственным благом. Газеты твердят: маленький человек, сегодня ты особенно ничтожен. Ты винтик сверхсложной машины современности... Миллер тоже так считал. Но в наше время маленький человек может оказаться у кнопки, повелевающей силами ада и рая. Все беды и заботы мира лежат на

твоих плечах, маленький человек, профессор Миллер!

Вот и сегодня, как много раз за последние дни, с потухшей сигаретой в руке он стоял посреди кабинета. По циферблату настенных часов бежала секундная стрелка. Секунды, минуты, часы... Рано или поздно, но он должен принять какое-то решение... На его открытие завтра набредет кто-то другой. Это неизбежно. И тогда ответственность перед самим собой и перед всем человечеством ляжет на плечи этого другого, но кто знает, что решит он?

Когда зазвонил телефон, Миллер догадался, что это Ирен. Он волновался, видя издали девушку, похожую на нее. Он волновался, проходя мимо тех мест, где они бывали вместе. Миллер мог представить мир без себя, но представить себя без Ирен — это было выше его воли.

Он снял трубку.

— Да...

— Ты решил?

Миллер едва не застонал. Вчера, в минуту слабости, он малодушно попытался переложить тяжесть решения на ее плечи. Он не сказал Ирен ничего о существовании своего открытия, — он просто дал ей понять, что стоит на грани решения, от которого зависит либо их собственное счастье... либо счастье всего человечества.

Ирен ответила ему тогда: «Я хочу быть с тобой. Как всякая женщина, я хочу иметь свой дом, своих детей — твоих детей. И чистое небо над головой. Мне легко принять решение, но решать должен ты. Потому что, если это сделаю я, ты мне не простишь». Она права. И, что бы она ему ни сказала, свободы в их отношениях уже не будет.

— Ты меня слышишь? — спросила Ирен. — Ты еще не решил?

— Завтра утром...

Почему завтра утром, он сам не знал. Наступило молчание. Миллер готов был взвыть от боли.

— Завтра утром, Ирен! Я буду тебя ждать... И про-
сти!

Он бросил трубку. Потом побрел к двери. Его вел уже не разум, а инстинкт, желание найти кого-то более сильного, умного, кому можно было бы пожаловаться, как в детстве он жаловался отцу.

Миллер не помнил, как очутился у двери профессора Чвиза. Это был единственный человек — его старый учитель, — к которому он еще мог прийти. Не рассказать — об этом не могло быть и речи, — но хотя бы услышать его спокойный голос.

На дверях лаборатории горела надпись: «Не входить! Идет опыт!»

Но Миллер не заметил ее. Он дернул дверь, она не поддавалась. «Старик опять заперся, чтобы ему не мешали», — подумал Миллер и нажал тайную кнопку, отключающую блокировку. Дверь распахнулась, и он вошел в лабиринт установок.

Он шел мимо электронных машин, не видя их, думая о своем. Его лицо отразилось в экране телевизора. «Нет, нет, — говорил он себе, — мой страх ложен! Разве прокляли себя создатели атомной бомбы?» Он шел мимо колонн Графтена, мимо бетонных выступов, за которыми прятались шины, несущие в себе миллионы вольт напряжения, мимо пультов электронных микроскопов. «Хорошо то, что разумно, — билось в голове. — Какое мне дело до всех, если меня ухлопают дороны и меня не будет?»

Он шел мимо полусфер гиперрегулятора — гордости старика Чвиза. «Жизнь, богатство, Ирен, дети, власть, слава — стоит ли отказываться от всего этого из-за дурацкой политики?»

Что-то радугой сверкнуло перед глазами Миллера. Какая-то пелена окутала раструбы гиперрегулятора. Миллер взмахнул рукой. Ее кольнул холод. Сверканье исчезло. Миллер опомнился. Нет, он попал не туда... Надо взять влево.

— Миллер, вы опять здесь? — вскричал Чвиз, увидев его. — Я же просил вас...

— Меня? — сказал Миллер. — Это было, наверное, вчера, дорогой учитель, когда вы прогнали своего любимого ученика из лаборатории.

— Идите домой, Миллер, на вас нет лица.

— Пустое... Нервы.

— Но у меня до нуля упало напряжение! Миллер, вы случайно...

— Простите, Чвиз. Возможно. Я задумался. Но разве у вас идет опыт?

Борода Чвиза стала торчком.

— Вы были в камере?!

— Это опасно? — Миллер спросил почти равнодушно.

— К счастью, нет. Но вы меня напугали. Вот этот кролик, — он показал на застекленный вольтер, — благодаря вам мог превратиться в эдакого сфинкса....

— Как жаль, учитель, что я не перенял у вас способности шутить! Но простите меня, я, кажется, действительно очень виноват, что помешал вашему опыту.

— Ничего страшного, Миллер, ничего страшного. Но вам следовало бы отдохнуть. Погодите, я провожу вас.

...Заснуть в эту ночь Миллеру не удалось. Тьму наполняли лица, даже когда он плотно зажмурился глазами. Лица. Молодые, старые, красивые, уродливые, они толпой шли через сознание и смотрели, смотрели на Миллера. Их взгляд был невыносим. Так, вероятно, могли смотреть те, кого нацисты вели в газовые камеры.

С истерзанными нервами, стучащим сердцем Миллер бросился к ванной, чтобы принять холодный душ и хоть так прогнать видения.

И в эту минуту он услышал, как в замочной скважине входной двери заскрежетал ключ. Миллер обмяк. Ключ повернулся. Кто-то осторожно нажал дверь, но запор изнутри не поддавался. Тогда за дверью стало тихо. «Что за бред! — подумал Миллер. — Кому я нужен, если мои секреты еще при мне?»

В порыве отчаянной решимости он отбросил запор и распахнул дверь. На лестничной площадке никого не было, но внизу затихали шаги.

5. Галстук из Монако

На следующее утро, как обычно, ровно в 9.00 Миллер был в институте. Он прошел длинным коридором, легким наклоном головы приветствуя встречающих, и, остановившись перед дверью своего кабинета, не сразу понял, что она уже отперта. «Странно», — подумал Миллер и вошел в кабинет.

Мягкий щелчок заставил обернуться человека, стоящего спиной к Миллеру и перебиравшего бумаги на столе.

— Простите, я не совсем понимаю... — начал Миллер, плохо сдерживая раздражение от бесцеремонности посетителя, — это мой кабинет и...

— Ваш, — искренне изумился человек у стола, и только в этот момент Миллер вдруг понял, что тот удивительно, просто удивительно похож на него. Такое же растерянное, веселое недоумение заметил он и во взгляде незнакомца. Миллер бросил портфель в кресло и подошел ближе, вглядываясь в стоящего напротив человека. Он видел себя! Именно таким он знал свое лицо. Час назад, когда он брился, он видел вот этого человека в зеркале. Зеркало? Голографическая проделка шутника Раута из оптической лаборатории? Он подмигнул своему изображению, но оно не ответило ему, и он понял, что это реальность.

Человек у стола засмеялся нервно и коротко.

— Забавно, очень забавно, — проговорил он задумчиво, разглядывая Миллера.

Тут физик заметил, что и одежда незнакомца была точной копией его костюма. Те же серые брюки, пиджак в клетку, белая рубашка, черные полуботинки и даже

этот галстук с крохотным гербом Монако внизу, который он купил в прошлом году, когда ездил на Ривьеру. Галстук — это уж слишком... Он подошел ближе и спросил:

- Простите, откуда у вас этот галстук?
- Купил в Монако, — ответил незнакомец.
- В прошлом году?
- В прошлом году.
- В августе?
- В августе.

Тут у Миллера впервые мелькнула мысль, что все происходящее — галлюцинация, болезненная реакция мозга, утомленного бессонными ночами последней недели. Как это называется у психиатров? Раздвоенность сознания? Неужели он заболел? Заболеть сейчас, накануне решающих опытов... Ужасно... Он опустился в кресло и, прикрыв лицо рукой, до боли надавил на глаза. Взглянул снова. Вот он, стоит.

— Это редчайший феномен, — сказал незнакомец и засмеялся нервным смехом. — Насколько я знаю, у моей матери не было близнецов. Вероятность такого совпадения практически равна нулю. И тем не менее, коли уж вы пришли ко мне, давайте познакомимся.

— Я пришел к вам? — спросил Миллер.

— Не понимаю. — Незнакомец пожал плечами. — Или вы будете отрицать, что минуту назад переступили порог моего кабинета?

— Но это мой кабинет! — Миллер встал с кресла.

— Черт с ним, с кабинетом! Не будем спорить по пустякам. Итак, разрешите представиться. — Незнакомец протянул руку. — Профессор Эдвард Миллер, доктор физики...

— ...родился в Женеве 9 марта 1927 года, — продолжал Миллер, — окончил Мичиганский университет в 1959 году.

— Совершенно верно! — воскликнул незнакомец.

— Еще бы неверно! — сказал Миллер. — Это же я!

Теперь он подумал, что участвует в грандиозной ми-

стификации, великолепном иллюзионе, и уже заранее восхищался гением неизвестного фокусника.

— Что значит «я»? — спросил незнакомец.

— Я — значит я, — сказал Миллер весело. — Эдвард Миллер, доктор физики, — это я.

— Та-ак... — протянул незнакомец и вытащил из кармана пачку сигарет.

«Курит тот же сорт», — подумал Миллер и взял сигарету. Две зажигалки щелкнули одновременно. Две одинаковые зажигалки. Они оба заметили это.

— Так... так, — снова протянул незнакомец и выпустил первое колечко дыма. — Итак, вы утверждаете, что вы тоже профессор Миллер?

— У меня есть на это некоторые основания, — не без иронии сказал Миллер.

— Хорошо. Предположим. Как говорят политики, поговорим не о том, что нас разъединяет, а о том, что нас объединяет.

— При самом беглом осмотре видно, что объединяет нас чересчур многое.

— Итак, вы мой двойник.

— Простите, это вы мой двойник.

— Не понимаю.

— Почитайте «Начала» Евклида, он пишет там о принципе подобия, — посоветовал Миллер.

— Кстати, я читал Евклида.

— На третьем курсе. Главным образом для того, чтобы произвести впечатление на Леру Вудворд, рыженькую теннисистку с химфака.

— Вы и это про меня знаете? — удивился незнакомец.

— Это я знаю про себя!

— Послушайте, — сказал незнакомец, — а ведь всё серьезнее, чем вы думаете. И зря вы веселитесь.

— Это — единственное средство, чтобы не сойти с ума.

— Да, нервы работают за красной чертой. И еще бессонная ночь: не привык ночевать в гостинице.

— В какой вы остановились? — с веселой любезностью спросил Миллер.

— Нигде я не останавливался. Я живу на Грей-авеню...

— ...дом 37, квартира 14.

— Верно! Но прошлой ночью я вернулся поздно и обнаружил, что замок заклинило. Ломать замок — это работа до утра, и я решил заночевать напротив.

— В «Скарабей-паласе»?

— Да.

— Значит, это вы скреблись в дверь, когда я сидел в ванной?

— В какой ванной?

— В своей ванной, в своей квартире. 14, дом 37, на своей улице Грей-авеню.

— Та-а-ак.

— А ведь вы правы, — задумчиво продолжал Миллер, — положение действительно гораздо серьезнее.

Помолчали.

— Послушайте меня спокойно. Кажется, я все понял, — сказал наконец Миллер. — Так вот, я — настоящий Миллер, а вы — мой двойник, случайно синтезированный вчера в лаборатории Чвиза. Старик добился своего! Он рассказывал мне не раз теорию матричной стереорегуляции. Человек — система живых клеток, особым образом организованных. Никакой души, духа и прочей мистики. Физика и химия. Только! Организм для Чвиза — матрица. Он дробит его на молекулярном уровне в поле своего гиперрегулятора и перепечатывает наново... Полная копия, абсолютно полная, вплоть до напряженности нейронов... Чвиз рассказывал об этом, но я всегда считал, что это бред.

— Кстати, и я думал, что это бред, — сказал незнакомец.

— Да-да, не перебивайте. Еще вчера утром вас не

было. Поэтому мы никогда не встречались раньше. Вы — это я в то самое мгновение, когда я проходил мимо его биохологенератора или как там его называют.

— Послушайте, а вы не отличаетесь скромностью, — сказал Двойник. — Почему «я — это вы»? А если наоборот? Как я мог родиться вчера, если я помню себя десятки лет? Я все помню, — сказал он задумчиво. — Я могу показать вам могилу отца, и две сосны, где висели мои качели, и свои фотографии... Мальчик на велосипеде...

— Это мои фотографии!

— ...и свои фотографии, и ту скамейку в Парке смеха, где я впервые увидел Ирен...

— Ирен! — воскликнул Миллер. — Вы знаете Ирен?

— Простите, это моя невеста, — спокойно ответил Двойник.

— Но это чудовищно!

— Успокойтесь, так называемый «профессор Миллер». И давайте здраво взвесим все события. Если вы утверждаете, что я возник вчера и виной тому ваша неосторожность в лаборатории старика Чвиза, то, насколько я знаю теорию Чвиза, мы должны быть абсолютно одинаковы физиологически, а характер и эмоции одного из нас должны определяться характером и эмоциями другого точно в момент синтеза. Каким были вы в ту секунду, когда Чвиз включил полет? Не помните? Разумеется, вы не помните: человек не может контролировать и запоминать свои эмоции по секундам. А тогда ответьте мне на вопрос: как можно сейчас доказать, что вы — настоящий Миллер, а я — синтезированный?

Миллер молчал.

— Значит, критерия нет, — продолжал Двойник. — Сравнивать не с чем. И, клянусь, я не отобрал у вас вашего имени. Синтезированный двойник — вы.

— Послушайте, — сказал Миллер, — но ведь я отлично помню, как все было. После разговора с Чвизом я сел на такси и уехал домой, а утром...

— А я после разговора с Чвизом пошел домой пешком и опоздал: вы заперли дверь.

— Но я помню все, что было до Чвиза, я все время думал.

— И я прекрасно помню, я тоже все время думал о своей установке нейтронного торможения.

— Это ваша установка?

— Ну, а чья же?

— Послушайте, но ведь это уже очень серьезно! Теперь нас двое. Наша установка... — он невольно запнулся, так дико прозвучали эти слова «наша установка», — мы двое должны решить наконец...

— Не знаю, как вы, а я уже решил, — ответил Двойник. — Всю ночь в «Скарабейе» я ворочался с боку на бок и думал, думал...

В этот момент в дверь постучали.

— Это Ирен! — сказал Миллер.

— Да, это Ирен, вчера я попросил ее зайти ко мне, — подтвердил Двойник.

— Она не может видеть нас двоих, — зашептал Миллер, — вы должны уйти!

— Я?

В дверь опять постучали.

— Убирайтесь! — закричал Миллер.

— Послушайте, — глухо сказал Двойник, — эта женщина — единственное, что есть у меня в этом мире, единственное, во что я верю.

Он резко оттолкнул Миллера и бросился к двери.

6. Кредо

Миллер едва успел закрыть за собой дверцу стенного шкафа. До прихода Ирен у него оставалось мгновение, чтобы оценить ситуацию, в которую он попал, и найти какую-нибудь статичную позу. О боже, оценить ситуацию! Люди устроены так, что необычность своего поло-

жения по достоинству оценивают потом, много позже, заливаясь краской стыда, смеясь или испытывая приступы запоздалого страха. Но в конкретный момент они нередко ведут себя столь спокойно и привычно, словно всю жизнь только тем и занимались, что на два часа в сутки регулярно прятались в темных и душных стелных шкафах.

Так или иначе, но Миллер немедленно присел на корточки, чтобы замочная скважина оказалась на уровне его глаз, и обнаружил под собой твердый предмет, пригодный для сидения. Он даже успел подумать о том, что неплохо бы узнать, какой это болван не выполнил его распоряжения и не выбросил старенький опельсейф... Впрочем, надо бы при случае сказать ему «спасибо».

И тут вошла Ирен.

Дальнейшее было, как в кино. Нет, как в романе. Нет, как во сне. Во всяком случае, было так, как не бывает в обычной, нормальной жизни. Миллер, сидя в шкафу, наблюдал через замочную скважину не просто сцену свидания знакомого или незнакомого мужчины со знакомой или незнакомой женщиной, что уже достаточно пикантно и необычно для ученого с его именем, — он подглядывал за самим собой, причем подглядывал совсем иначе, нежели мы порой следим украдкой за собственным отражением в зеркале. Он имел возможность наблюдать себя, ну, что ли, целиком, хоть со стороны затылка, понимая при этом, что отражение может действовать совершенно независимо от своего хозяина.

Миллер затаил дыхание и прильнул к замочной скважине.

Между тем Миллер-второй, подойдя к Ирен, поцеловал ее в лоб, как это делал всегда Миллер-первый. Потом подумал и вдруг поцеловал в губы, что Миллер-первый делал чрезвычайно редко, когда испытывал прилив особого волнения от встречи с Ирен. Затем он специфическим миллеровским движением шеи поправил

воротничок рубашки, и Миллер-первый подумал про себя, что жест этот выглядит со стороны удивительно неприятно и какое счастье, что Ирен на этот раз, как, вероятно, и всегда, не обратила на него внимания.

Звук поцелуя помог Миллеру-первому очнуться от созерцательности. «Я ревную или не ревную?» — неожиданно спросил он себя и понял, что сама возможность спокойно задать этот вопрос уже есть ответ на него.

Он чуть не рассмеялся. В конце концов, можно относиться к происходящему как к научному эксперименту, способному вызвать у ученого лишь любопытство. Важно только понять, беспредельно ли оно. Итак, что будет дальше? Пора предложить Ирен кресло у окна — ее любимое низкое кресло, стоящее рядом с низким столиком, — затем открыть крышку бара, достать начатую вчера бутылку кальвадоса или стерфорда... «Ты сегодня лирически настроена, Ирен? Значит, кальвадос?»

Словно подчиняясь приказанию Миллера-первого, Двойник мягко проводил Ирен в ее любимое кресло, затем беспомощно оглянулся, будто ища чего-то («Действительно, — подумал в это же мгновение Миллер-первый, — куда я сунул вчера ключ от бара?»), потом решительно протянул руку к той самой книжной полке, где стоял недочитанный томик Вольтера («Он вспомнил быстрее меня!» — с интересом отметил Миллер-первый), достал ключ, и вот уже крышка бара открыта.

— Я очень хочу, Ирен, чтобы ты была серьезной.

Итак, кальвадоса не будет. Ирен бросила на Миллера-второго внимательный взгляд и протянула рюмку. Забулькал стерфорд.

Отлично. У юристов это называется «экссессом исполнителя»: отражение проявило свою первую независимость от хозяина. Непонятно лишь, зачем Ирен надо быть серьезной.

— Ты устал, Дюк?

Ну вот, они произнесли наконец по одной фразе. У Миллера гулко застучало сердце: узнает ли Ирен

подделку? Поймет ли, что перед ней не настоящий Миллер? Не заподозрит ли по одним ей известным приметам, что это двойник?

Нет, не заподозрила. Она сказала: «Дюк», она произнесла «Дюк», а не свое обычное «Эдвард», и это была ее маленькая благодарность за его волнение, за поцелуй при встрече, за предстоящий разговор, серьезность которого она угадала, — так редко он доверял ей серьезные разговоры...

Признательность не всегда красноречива.

«Ты устал, Дюк?» И все. Ни одного лишнего слова.

— Спасибо, милая... Я плохо спал этой ночью.

— Сердце? (Бедняжка, она всегда волновалась из-за его сердца!)

— Нет. Думал. Я хочу сказать тебе...

В замочную скважину Миллер плохо видел выражение ее лица. Она сидела вполоборота к шкафу, а свет из окна шел неяркий: на улице моросил дождь.

Но вся ее поза: и закинутая голова с пышной прической, и поставленная быстрым движением рюмка, и рука, беспокойно лежащая на подлокотнике, — все это говорило о том, что она волновалась.

— Что ты хочешь сказать мне? — переспросила Ирен, привыкшая к тому, что Миллер, погруженный в свои мысли, не всегда торопился их излагать. — Ты принял решение? Или что-нибудь случилось?

«Ого! Еще как случилось!» — подумал Миллер-первый и с благодарностью посмотрел на Ирен: умница, все-таки почувствовала что-то...

— Да, — сказал Миллер-второй, — я, кажется, принял решение...

Зазвонил телефон. «Черт возьми, надо будет завтра сказать миссис Слоу, чтобы она не лезла со своими звонками в дообеденные часы!» — нелепо подумал Миллер-первый, нетерпение которого было естественным. Между тем двойник, извинившись перед Ирен, спокойно поднял трубку.

— Я вас слушаю, миссис Слоу. Дорон? Ну что ж, соедините. И скажите Керберу, чтобы он зашел ко мне... минут через десять.

«Дорон? Как он некстати!» — подумал Миллер-первый и даже приподнялся со своего сиденья, потому что никогда не видел себя разговаривающим по телефону с шефом.

— Дорон? — сказал Двойник. — Вы очень кстати, я только что хотел вам звонить... Да, генерал, я готов принять участие в испытаниях. Кое-что есть, попробуем... Благодарю вас, шеф, но поздравления я буду принимать после испытаний. Когда? Вы говорите, сегодня? Ну что ж, не возражаю. Пусть будет в четыре. До встречи на полигоне!

Невероятным усилием воли Миллер-первый заставил себя усидеть в шкафу. Так вот оно, решение! Минутный разговор с Дороном, десяток элементарных слов — и подведена черта переживаниям, бессонным ночам, гамлетовским раздумьям. Как это просто — в течение минуты решить судьбу свою, судьбу Ирен, судьбу всего мира! И ничего вокруг не изменилось. Где-то по коридору шагает спокойно Кербер; как всегда, подкрашивает губки миссис Слоу, едут машины по улице, танцуют где-то пары; работают где-то люди; на какой-то части земного шара шьется пальтишко для ребенка, и неизвестно теперь, успеет ли он его надеть... Нет, не дрожит рука Миллера-второго; булькает стерфорд в рюмку Ирен.

— Спасибо, Эдвард, я больше не хочу.

Он взял ее ладонь, прижал к своей щеке.

— Но ты же сама отдала мне решение.

— Ты говоришь так, будто я возражаю.

— У тебя теперь будет все, Ирен, — продолжал он, словно не слыша ее слов. — Виллы, яхты, машины, покой, счастье... Знаешь, если верно, что отдельные беды порождают общее благо, то пусть общая беда создаст хотя бы наше с тобой счастье. Мне надоело...

— Ты говоришь так, — повторила Ирен, — будто я возражаю!

— Когда, Ирен, впереди идет гордость, позади идет убыток. Но я люблю тебя, Ирен, ты понимаешь?

Раздался стук в дверь. Вошел помощник Миллера, Кербер. Он остановился у порога, издали поклонился Ирен и, как всегда, сняв очки, молча обратил свой взор к шефу. Он был в сером халате с рукавами, засученными до локтей, а его голый череп, начищенный до блеска, опять, как и всегда, вызвал желание у Миллера-первого поставить на нем печать. Даже сейчас, сидя в шкафу, он почувствовал зуд в руках и, глядя на своего двойника, понял, что и тот, вероятно, испытывает нечто подобное.

— Кербер, — сказал Миллер-второй, — мы сейчас осмотрим установку. К четырем часам ее надо доставить на полигон. Ирен, это займет не более десяти минут. Прости, тебе придется подождать. Я пришлю за тобой, как только мы кончим.

Кербер расширил глаза, но ничего не ответил, только склонил голый череп.

Они вышли.

Совершенно неожиданно Ирен показала им вслед язык, потом достала из сумочки пудру и повернулась лицом к окну.

Не колеблясь, Миллер осторожно отворил дверцу и бесшумно вышел из шкафа. Когда он, уже не таясь, сделал несколько шагов по кабинету, Ирен, не оглядываясь, без удивления спросила:

— Так быстро?

— Да. Мне нужно позвонить.

— Ты где-то выпачкал весь костюм, — сказала, повернувшись, Ирен.

Миллер уже поднял телефонную трубку.

— Миссис Слоу, срочно соедините меня с Дороном!

Прошла долгая минута, прежде чем Миллер услышал:

— К сожалению, шеф, Дорон не отвечает.

Миллер швырнул трубку на рычаг.

— Черт возьми! — вырвалось у него.

— Эдвард, — сказала Ирен, — случилось еще что-нибудь?

— У тебя не будет ни яхт, ни вилл, Ирен. Это все бред. Ты будешь нищей, как я. Ты будешь...

— Что это значит, Эдвард?

— Я не могу объяснить. Не умею. Нам пора уходить.

— Куда?

— Этого я тоже пока не знаю. Если угодно, я испытывал тебя, Ирен, хотел проверить.

— И Дорона тоже испытывал? И Кербера? Зачем?!

— Пойдем, Ирен. Все очень сложно. Тебе не понять.

— У меня голова идет кругом... Опомнись и помоги, опом...

Она не договорила. Миллер вдруг увидел в ее глазах ужас. Она смотрела мимо него совершенно невыносимым взглядом. Потрясение было так сильно, что она лишилась чувств.

Он быстро оглянулся.

В дверях стоял Миллер-второй.

7. Голый король

Нахальства у Двойника, очевидно, хватало. Он подтолкнул Миллера к шкафу.

— Забирайтесь назад, — сказал он, — поговорим в постом.

Миллер чуть не задохнулся от злости. В нем все клокотало, но он понимал, что пререкаться сейчас бессмысленно: каждую секунду Ирен может очнуться, и тогда трудно представить, что произойдет. Он забрался в шкаф.

Всё в ту же замочную скважину Миллер увидел, как Двойник, смочив носовой платок водой, приложил его ко лбу Ирен. Она глубоко вздохнула и открыла глаза.

Ее взгляд скользнул по кабинету беспомощно и боязливо.

— Дюк, — тихо сказала она, не то спрашивая, не то утверждая, — я больна?

— Успокойся, Ирен, — мягко сказал Двойник, — не надо волноваться.

Он поднял ее и усадил в кресло.

— Эдвард, мне показалось, что ты... Я видела двоих...

— То есть как двоих? Кого?

— Мне страшно, Дюк.

— Успокойся, Ирен, — повторил он. — Ты очень утомлена. Это бывает. Когда я много работаю, со мной происходит нечто подобное. Это не болезнь. Успокойся. Ты знаешь, миражи в пустыне, ложные солнца... Ты, наверное, волновалась? Не будем сейчас об этом. — Двойник обнял Ирен за плечи. — У нас еще целая вечность впереди.

— Да-да, Дюк, ты прав, как всегда.

Миллер, наблюдавший за этой сценой из шкафа, вначале удивился тому, как Двойник вышел из столь трудного положения, как легко он успокоил Ирен. «Молодец! — невольно похвалил он. — Я, наверное, не смог бы сделать это столь убедительно». Но когда Ирен, тронутая его тактом и благодарная, прильнула к Двойнику, смотреть на это было выше его сил.

— Я провожу тебя, — услышал Миллер голос Двойника.

— Не надо, Дюк. Мне нужно побыть одной.

Ирен направилась к двери. У порога она остановилась, и ее взгляд вновь скользнул по кабинету.

Миллер сидел неподвижно, закрыв лицо руками, пока Двойник не распахнул двери шкафа.

— Выходите, — сказал он, — мы одни.

Нестерпимо жгло горло. Опустившись в кресло, где минуту назад сидела Ирен, Миллер схватил рюмку, од-

ним махом выпил вино и закашлялся. Двойник укоризненно посмотрел на него.

— Я не думал, — ехидно заметил он, — что у вас есть склонность к алкоголизму.

Миллера взорвало, но он сдержал себя и как можно спокойнее ответил:

— Еще неизвестно, какие пороки обнаружились бы в вашем характере, если бы вы сидели в этом шкафу, а я бы нежничал с вашей невестой.

— Оставим это, — прервал Двойник. — Лучше обсудим положение. — Он посмотрел на часы. — До испытаний осталось мало времени, я должен к ним подготовиться. Ну, а вы...

— Что вам делать на испытаниях? Если кто-нибудь из нас должен на них присутствовать, то, конечно, я! Вы оставайтесь здесь, в кино сходите, что ли.

— Я не люблю кино. И вы отлично это знаете. Мне нужны испытания, они слишком много для меня значат, поэтому я должен быть на полигоне!

— В таком случае я звоню сейчас Дорону и говорю ему, что поедет один Кербер. — В голосе Миллера слышались металлические нотки. Он решительно направился к телефону.

Двойник остановил его:

— Не торопитесь. Через час после вашего звонка я зайду к Дорону и скажу, что еду на испытания!

— Он примет вас за сумасшедшего.

— Почему меня, а не вас?

Они замолчали.

— Поймите, я, как и вы, тоже ученый, — сказал Двойник. — Мне, как и вам, прежде всего важно убедиться в том, что установка работает.

— Это, пожалуй, единственное, что заслуживает внимания. — Миллер усмехнулся, понимая, что первый раунд у них кончился вничью. — Так давайте, коллега, объединим свои усилия хотя бы на этом этапе.

Оба помолчали и шеями поправили воротнички рубашек.

— Вы... впрочем, могу и я... короче говоря, один из нас поедет на полигон раньше, — неожиданно предложил Двойник. — Там и встретимся. В бункере могут находиться только двое, нам места хватит.

— Но как с Кербером? Он всегда ездил на полигон вместе со мной...

— И со мной тоже... Обойдемся без Кербера, — отрезал Двойник. — А то, боюсь, я ему все же поставлю печать на лысину!

И они, быть может впервые, добродушно рассмеялись, отлично поняв друг друга.

...Как и договорились, Миллер приехал на полигон раньше, а Двойник должен был приехать вместе с Дороном. Предъявив часовому пропуск, Миллер прошел в свой бункер. Дверь была открыта. У пульта управления колдовали два механика — служащие полигона. Они доложили, что установка к опыту готова. Миллер отослал их.

Оставшись один, он полностью переключил свой мозг на предстоящий эксперимент.

В то время как глубоко под землей должна будет взорваться бомба и вспыхнет ядерный шквал огня, он, Миллер, находясь в двух километрах от этого ада, попытается задержать взрыв — ну, пусть на пять секунд, на десять, этого будет достаточно, чтобы понять: установка сработала! Она сейчас там, над черным жерлом шахты, уходящей в глубины земли. Но если нажать вот эту красную кнопку, суперполе должно заключить атомный огонь в свои объятия. Это поле должно держать его не только секунды — вечно, всегда! — но может и выпустить, и тогда бетон, земля — все превратится в сгусток плазмы...

Миллер чувствовал, что эксперимент закончится хорошо. Все прошлые ошибки исправлены. Но все ли? Да, кажется, все... Сегодня установка будет работать!..

А вдруг нет? Разве он застрахован от неожиданностей? И кто вообще избавлен от них?

Неожиданно Миллер услышал голос Дорона.

— Профессор, — сказал генерал, — что вы нам сегодня обещаете?

Миллер испуганно отшатнулся, но, поняв, рассмеялся. На командном пункте включили трансляцию, голос Дорона доносился из репродуктора.

— Наука не терпит спешки. — Ошарашенный Миллер услышал свой собственный голос. «Значит, они уже там. Лишь бы Двойник не наговорил лишнего!» — Из суммы рядовых репетиций складывается премьера, генерал.

— Вы театрал, профессор, — ответил Дорон с раздражением, — но у нас все-таки не спектакль! Вы когда-нибудь скажете мне толком о ходе ваших работ?

— Но, генерал, иногда и репетиция может доставить удовольствие! — ушел от прямого ответа Двойник.

Да, он вел себя осторожно. «Или он не уверен в исходе испытаний, — подумал Миллер, — или... — и тут его поразила неожиданная мысль: — Или он, кроме самой установки, больше ничего не знает!»

— Профессор, — сказал между тем Дорон, — мы с нетерпением ждем завершения вашей работы. И чем быстрее она будет закончена, тем лучше для вас.

— Я постараюсь, генерал.

Когда Двойник наконец появился в бункере, он увидел Миллера, улыбающегося и почти счастливого. Миллер сидел в кресле и курил сигарету. Он встретил своего коллегу иронически.

— Как добрались, профессор? — спросил Миллер.

— Отлично, профессор. — Двойник принял предложенный тон разговора. — Правда, Дорон забросал меня глупыми вопросами, а в остальном все нормально. Установка готова к опыту?

— Конечно.

— Я представляю, — сказал он, — как мы начнем

выпускать установки серийно, большими партиями. Любой хороший завод освоит их производство за два месяца.

— Это не так просто, — заметил Миллер.

— Знаю. Но достаточно посадить конструктора, чтобы он грамотно сделал чертежи по уже существующей разработке, и все будет нормально. В установке, конечно, не все совершенно, но она и так хороша.

— Может быть, хватит болтать? — зло заметил Миллер. — Пора приступить к делу.

Они тщательно проверили все приборы.

— Я очень волнуюсь, — признался Двойник, — и в то же время я спокоен; мне кажется, что опыт будет удачен.

— Возможно, возможно. — Миллер испытующе посмотрел на Двойника. — Но меня беспокоит одна деталь: сможет ли гиперполе пробить такую толщу земли? Я как-то упустил это из виду.

— Вполне естественно, — сказал Двойник. — Как вы могли думать о том, о чем я не думал?

Они взволнованно зашагали по комнате. «Господи, почему я не проверил это раньше?» — подумал каждый.

— А если... если... — Двойник остановился, — увеличить напряженность?

Миллер на секунду задумался, но, проделав в уме несложные подсчеты, разочарованно сказал:

— Нельзя! Не справятся блоки фокусировки поля. Кроме того, в зону действия установки попадет первый бункер, там люди...

— Ерунда! — Двойник загорелся своей идеей. — Я уверен, ничего им не будет!

— Люди могут пострадать! — резко сказал Миллер.

— Вы просто хлюпик, профессор!

Миллер ничего не ответил. В голову пришла любопытная мысль: если включить оба генератора гиперполя последовательно, то этого будет вполне достаточно...

— Слышите, я требую! — упрямо повторил Двойник.

— У нас нет времени, чтобы переналаживать установку.

— Что же делать?

— Включим генераторы поля последовательно.

— Зачем? — не понял Двойник.

Миллер, не скрывая своего превосходства, объяснил идею. Некоторое время Двойник не понимал и только в конце, когда Миллер сказал ему, что и как надо делать, согласился. Через несколько минут аппаратура была готова.

Миллер торжествовал: «Двойник, — думал он, — не очень-то хорошо соображает. Впрочем, это естественно, ведь он живет отдельно от меня второй день — значит, уже два дня мыслит иначе, совсем иначе... Вероятно, в лаборатории Чвиза воспроизводилось далеко не все... Главное! — И от этой мысли Миллер пришел совсем уж в отличное настроение. — Двойник, кажется, и не подозревает о некоторых тонкостях теории нейтронного торможения!»

— Еще есть надежда, что король голый, — сказал вслух Миллер.

— Что? — не понял Двойник.

— Это я просто так. — Миллер мысленно обругал себя за несдержанность. Он подумал о том, что если не будет установки — она, например, исчезнет, — то Двойнику грош цена. Ведь он не сможет вновь создать установку.

В репродукторе раздался голос начальника полигона:

— Зона освобождена. Приготовиться, через пять минут взрыв.

— Садитесь за пульт, — сказал Миллер. — Я буду снимать показания приборов.

И отошел в глубь бункера.

...Из командного пункта доносился монотонный голос начальника полигона:

— До взрыва тридцать секунд... десять... пять... три...

Двойник включил установку.
Начальник полигона считал:
— Два... Один... Взрыв!
Тишина.
Прошло пять секунд, десять...
Взрыва не было.
— Выключайте, — спокойно сказал Миллер.
Двойник даже не пошевелился.
На командном пункте началась паника.
— Выключайте! — сказал Миллер.
— Еще несколько секунд, — не оглядываясь, ответил Двойник.
— Выключайте!
Двойник взорвался:
— Как вы не понимаете, что каждая лишняя секунда — это тысяча кларков в недалеком будущем!
Миллер остолбенел от изумления.
Паника катилась по полигону.
— Немедленно проверить энергетику! — ревел в микрофон Дорон. — Начальника третьего участка ко мне!
— Выключайте! — закричал Миллер и бросился к пульту.
Двойник, сжав кулаки, поднялся ему навстречу.

8. Билет в Аргентину

Миллер не успел нажать кнопку сброса поля: рука Двойника цепко обхватила его запястье. Физик рванулся. Двойник засмеялся коротко и неприятно.

— Драка отменяется, — сказал он отрывисто, — ведь и физически мы равны. — И разжал руку.

Миллер чуть тронул красную кнопку, и в тот же миг они увидели, как острой пикой взметнулась вверх дрожащая голубая линия на экране нейтронного счетчика: в шахте взорвалась бомба.

Миллер устало опустился в кресло, закрыл глаза. Двойник подошел к контрольному секундомеру.

— Шесть минут, семнадцать и три десятых секунды, — сказал он. — Боже мой, какой вы все-таки идиот! Просто не верится, что вы мой двойник.

— Идиот вы, — лениво сказал Миллер. — Впрочем, даже кретину ясно, что если процесс ядерного деления можно затормозить на десять секунд, то при определенном расходе энергии его можно затормозить на десять минут или дней. Это уже неинтересные технические детали, которые должны заботить не физика, а репортера... А вы упивались своей властью над нейтронами, как мальчишка, которому подарили барабан и который не может остановиться.

— Да! Упивался! — закричал Двойник. — Упивался! Потому что нам с вами все ясно и секунду спустя, а Дорону и господам из министерства обороны секунды мало! Им нужен эффектный фокус — вот тогда им будет ясно! Эффектный и достаточно долгий, чтобы они успели сообразить. Года два назад я листал книжку «Теория рекламы»...

— Это я листал! — сказал Миллер.

— Опять дурацкий спор, — вздохнул Двойник. — Ну хорошо: мы листали. Но вы ничего, видно, не запомнили, а я запомнил. Надо уметь продавать. И, право же, все равно, чем вы торгуете — пивом или установками нейтронного торможения. Если вы принесете Дорону листок с формулами, вам заплатят тысячу кларков, а если вы сунете ему под нос секундомер, можете сорвать миллионы.

— Так, так, — сказал Миллер, — браво! Раньше я думал, что есть физики-теоретики и физики-экспериментаторы. Оказывается, есть еще физики-лавочники.

— Зря стараетесь: драки не будет, — спокойно сказал Двойник. — Ну что вы злитесь? Почему цену моим мозгам должен назначать кто-то, а не я?

— Вашим мозгам? — переспросил Миллер.

— Ну хорошо: нашим.

— Это, простите, меняет дело. Я сам распоряжаюсь своими мозгами.

— Можете не волноваться: я джентльмен. Все деньги — пополам. И, послушайте меня, давайте сразу договоримся: я покупаю билет в Аргентину или в Австралию, куда хотите, хоть в Россию, и вы уезжаете. Нам будет трудно вдвоем.

— Интересно, — сказал Миллер, — очень интересно. Я уезжаю, а вы? Что будете делать вы? Только откровенно.

— Абсолютно откровенно! Я иду к Дорону и рассказываю ему о том, что генератор существует, работает, и предлагаю его купить... ну, допустим, за миллиард кларков.

— Зачем вам такая куча денег?

— Я не жадный: миллиард надо просить для солидности. На двоих нам вполне хватит двадцати миллионов. Потом отдаю установку, ее разбирают, изучают...

— Но они не понимают принципа генерирования и ориентации поля.

— А зачем его понимать? Кто понимает, что такое энтропия? Кто представляет себе бесконечность пространства? Так даже удобнее: я им — установку, они мне — чек. И до свидания. Поселимся с Ирен где-нибудь у теплого моря...

— Но ведь Ирен будет в Аргентине.

— Почему?

— Вы же собираетесь спровадить меня в Аргентину.

— Вас, но не Ирен.

— Ах, вы надеетесь, что я...

Их разговор прервал голос Дорона из репродуктора:

— Профессор Миллер! Профессор Миллер!

Двойник быстро подошел к микрофону, щелкнул выключателем.

— Миллер у микрофона.

— Мы до сих пор не понимаем, чем вызвана задержка взрыва, — сказал Дорон. — Могут ли ваши опыты влиять на наш эксперимент?

— Гм... Трудно сказать... — осторожно начал Двойник.

— Думаю, что не могут, — быстро вставил Миллер. Двойник погрозил ему кулаком.

— Вы могли бы зайти ко мне? — спросил Дорон.

— Хорошо, — сказал Двойник.

— Я зайду через десять минут, — добавил Миллер. Двойник выключил микрофон.

— Зайду все-таки я, — сказал он.

— Послушайте, мне это надоело. — Миллер закипал. — С меня хватит. Вы ходили по моему кабинету — я сидел в шкафу, вы ездили в моей машине — я брал такси. Давайте вести честную игру: утром вы говорили с Дороном, теперь моя очередь.

— Понял, — сказал Двойник и улыбнулся. — Вы думаете, что я начну торговлю и оставлю вас в дураках...

— А где гарантия? — перебил Миллер.

— Вот это настоящий разговор! — захохотал Двойник. — «Где гарантия»? Да, вы не такой простак, каким хотите казаться. — Внезапно он стал серьезным. — Даю вам слово: сегодня торговли не будет. Это слишком серьезное дело, и к нему надо подготовиться. Более того, я постараюсь убедить Дорона, что задержка, возможно, не имеет к нам отношения. Если он узнает о нашем опыте, то спокойно сможет обойтись и без нас: установка в его руках. Итак, сейчас пятнадцать тридцать, в семнадцать встретимся дома и всё обдумаем... Да, пока не забыл: купите себе домашние туфли, я не могу больше ходить по квартире босиком.

Двойник вышел. Некоторое время Миллер неподвиж-

но сидел в кресле, потом встал, в задумчивости походил по тесному бункеру, сел снова. И так, решение, о котором он думал так долго, принято. Принято не им. Помимо его воли. Двойник продаст установку, это вопрос только времени. Он должен помешать ему. Как? Как? Как?

Он сидел долго. Вдруг вспомнил: «Кто понимает, что такое энтропия? Кто представляет себе бесконечность пространства?» Миллер быстро встал.

— Может быть, это не лучшее решение, но это — решение, — сказал он своему отражению в трубке осциллографа. Выпуклое стекло искажало его лицо. Там, в трубке, он совсем другой, не похожий на Двойника...

«Мерседес» профессора Миллера подъехал к стенду, где была смонтирована установка. Он улыбнулся часовому: тут его знали. Подошел к аппарату, долго возился, отключая провода, тянувшиеся к маленьким ящичкам — блокам ориентации поля. В них — всё. Два ящичка не больше жестянки из-под чая. Правда, тяжелые. «Гири, — подумал Миллер, — гири на весах войны и мира». Он отнес их в машину.

Через десять минут, когда он был уже милях в пятнадцати от полигона, он остановил свой «мерседес» у моста через реку. Вышел. Вынул блоки, положил под передние колеса. Сел за руль и двинул автомобиль. Раздался легкий хруст, как сахар на зубах. «Мерседес» снова остановился. Миллер вышел с газетой в руках. Аккуратно сгреб в газету исковерканные пластинки металла, панельки, магнетики, битое стекло, комочки рваных проводов. Завернул. Пакетик полетел в реку, шлепнулся и даже проплыл, к удивлению Миллера, несколько метров. Но тонкая бумага быстро размокала, расплзлась под тяжестью разбитых приборов.

Он переехал мост. Крутой поворот шоссе был огорожен белыми бетонными столбиками, прямыми и строгими, как солдаты. Миллер на ощупь проверил застёжки

предохранительного шоферского пояса. «Жалко все-таки машину...» — это была его последняя мысль, перед тем как «мерседес», ударившись правым боком в столбик, с визгом отлетел на левую сторону шоссе. Маленькая тонкая струйка побежала к обочине. Наверное, это была вода. А может быть, бензин. А может быть, кровь?

...17.00. Миллера нет. Что он придумал? Душно. Двойник подошел к окну, распахнул створки и в тот же миг услышал голос мальчишки-газетчика: «Экстренный выпуск! Новый подземный взрыв прошел успешно!» (Он улыбнулся.) «Миссис Лэлли Кичкин — мать двадцать шестого ребенка!» (Молодец Лэлли!) «Известный физик профессор Миллер — еще одна жертва автомобилизма». Двойник вздрогнул. Нет, он не мог ослышаться. Выскочил на улицу, схватил газету и сразу увидел на первой полосе свой искореженный «мерседес». Отдельно — фотография Миллера: голова откинута назад, глаза закрыты. Не понимая слов, пробежал глазами заметку: «...доставлен в госпиталь св. Фомы...» Где этот святой находится?

Первое, что сказал врачу Миллер, когда открыл глаза в госпитале святого Фомы, было:

— Прошу вас позвонить по телефону РС-15-875... господину Дорону... и рассказать ему...

— Обязательно, обязательно, — суетливо и ласково ответил врач и тут же начал набирать номер.

«Так, — подумал Миллер, — установки нет. Это раз. Дорон знает, что я в больнице. Это два. Сегодня об этом напишут газеты. — Он готов был смеяться от радости. — Главное теперь — надуть врачей... Какие признаки сотрясения мозга? Тошнота. А еще? Кажется, сотрясение нельзя проверить никакой электроникой... Итак, он перешел наконец на легальное положение. «Профессор Миллер — жертва автомобильной катастрофы». Ха! Ха! Пусть теперь тот покрутится!

— Если придет мой брат — вы узнаете его, он очень

похож на меня, — пропустите его, пожалуйста, — сказал он самым больным голосом, на который только был способен.

Двойник приехал в тот же вечер, едва не столкнувшись с только что ушедшей Ирен. Миллер улыбнулся, увидев его наклеенные усы.

— Не колются? — спросил он шепотом.

— Что? — не понял Двойник.

— Усы не колются? — Миллер захохотал. — Может быть, теперь вам купить билет в Аргентину?

— Чему вы, собственно, радуетесь? Разбили мою машину...

— Нашу машину, — поправил Миллер.

— ...нашу машину, — продолжал Двойник, — и только ради того, чтобы заставить меня купить эти дурацкие усы? Это не смешно, это глупо. Неужели вы до сих пор не понимаете, что Дорону совершенно наплевать на то, кто из нас настоящий Миллер? Ну, пусть вы. Пусть. А я пойду и предложу ему установку. Он что же, по-вашему, не возьмет ее только потому, что вы, так называемый «настоящий Миллер», лежите в госпитале? Чепуха!

— Правильно, — весело сказал Миллер. — Все правильно. Но вся штука в том, что теперь вам нечего предлагать Дорону.

Он ожидал увидеть на лице Двойника удивление или возмущение. И не увидел.

— Знаю, — Двойник устало махнул рукой, — все знаю. Я был на полигоне. Вы сняли блоки ориентации поля и выбросили в какую-нибудь помойку. Согласен с вашим выбором: это самая дорогая вещь, которая когда-либо лежала на помойке за всю историю человечества. Но я не буду их искать. Пусть ищет Дорон, если ему жалко двадцать миллионов кларков. А мне эти блоки не нужны. У меня они есть. Вот тут.

Он постучал себя пальцем по лбу.

9. Ключевое уравнение

Миллер молчал, а Двойник со вкусом описывал детали открытия. Он так увлекся, что вынул карандаш и потянул к себе листок с температурной кривой, чтобы изобразить ключевое уравнение.

Это было уже слишком. Перед Миллером сидело его «я», на этот раз не только физическое, но и интеллектуальное. Сидел ученый, которому формулы доставляли чисто эстетическое наслаждение.

— Хватит, — сказал Миллер.

Карандаш Двойника замер.

— Хорошо, коллега, хватит. Но согласитесь, что у нас с вами великолепная профессия. Право, мне жалко лишать вас удовольствия быть ученым.

— То есть как лишать? Почему меня, а не себя?

Это был глупый и ненужный вопрос, но Миллер нарочно задал его, чтобы выиграть время.

— По-моему, это ясно. — Двойник улыбнулся. — В наши дни все силы дорогов жизни ученого трудна. Я к ней более приспособлен, потому что во мне, к счастью, нет вашего комплекса неполноценности.

— Совести, — поправил Миллер.

— А! — Двойник улыбнулся. — Для нас, ученых, объективная реальность превыше всего. Что такое совесть? В каких координатах прикажете ее измерять? Вот так-то.

— Пожалуй, вы правы, — заметил Миллер, — вам легче жить.

— Ну, не сказал бы. Черт возьми, кому из нас приходится больше заботиться друг о друге: вам или мне?

— Если вы имеете в виду вариант с Аргентиной...

— Почему? Мы можем рассмотреть и другие варианты. Помнится, в детстве я — значит, и вы, — мы оба мечтали быть художниками. Почему бы вам не вернуться к живописи? Тоже творчество.

— Действительно, почему бы?

— Да и вообще Аргентина не обязательна. Вы можете остаться здесь, вы станете моим братом, документы мы купим. Затем вилла на Коралловых островах, а? Плохо разве?

— Неплохо, — согласился Миллер.

— Но без Ирен, профессор, — сказал Двойник. — Ирен — моя.

Миллер не умел притворяться. Он знал за собой эту слабость. К тому же у него по-настоящему заболела голова.

— Так что же, — сказал Двойник, — обсудим этот вариант?

— Не сейчас. — Миллер закрыл глаза. — Завтра... У меня голова идет кругом.

— Вижу, вижу, вы побледнели. У вас действительно сотрясение мозга? Бедный мой братик...

Двойник нежно погладил Миллера по плечу.

«А ведь он, пожалуй, не врет, — подумал Миллер. — Он действительно жалеет меня, ибо считает поверженным. Он просто опьянен сознанием своего превосходства! Это хорошо».

И вдруг Миллера, как острым ножом, резанула мысль: «Двойника не было раньше, и его не должно быть в будущем! Боже, как это просто! Как это бесчеловечно просто!»

— Завтра, — сказал Миллер, не открывая глаз. — Решим все завтра. Вы подумайте... о вариантах. Я тоже подумую... братик.

Последнее слово далось ему с трудом, но почему-то очень захотелось его произнести.

— Что ж, неплохо! Дела наши, кажется, идут на лад. А говорят, что от автомобильных катастроф один только вред. — Двойник подмигнул Миллеру. — Итак, завтра. Вы больной, а потому выбирайте время.

— Я выйду отсюда в девять вечера. Заеду домой переодеться — у меня порван пиджак. Встретимся в одиннадцать... На углу Кригс-стрит и Лобн-авеню.

- Почему на улице? Уж лучше в кафе...
- Хорошо, давайте тогда в институте. Там никого уже не будет, и нам не помешают.
- Дома еще спокойней.
- Нет, нет, только не дома!
- Понимаю. Может прийти Ирен? Пожалуй, вы правы, профессор...

Двойник поправил шею воротник рубашки и вышел.

Когда за ним закрылась дверь, Миллер понял, что еще минута-другая — и он сорвался бы. Накричал бы, нагрубил и все испортил... И так, Миллер против Миллера. Как странно. Впрочем, странно ли? Разве все эти последние месяцы он не был занят борьбой с самим собой? Здесь ничего не изменилось, если не считать того, что его второе, темное «я» отделилось и зажило самостоятельной жизнью. Завтра этой борьбе придет конец, только и всего. Но хватит ли у него сил сломать это «я» в другом человеке?

...Утром Миллер проснулся бодрым, решительным, каким давно уже не был. Уговорить врачей выписать его из госпиталя не составило особого труда. Куда труднее было дожидаться вечера.

План был четок и ясен. В 9.15 Миллер заехал к себе домой, торопливо переоделся, открыл ящик стола и, ни секунды не колеблясь, сунул в карман пистолет. Потом вышел на улицу, остановил такси. «Уэлком-сквер, 18!» — крикнул шоферу.

Ирен, как он и ожидал, была дома. С того времени, как Миллер оказался в больнице, она не находила себе места, но из квартиры не вышла ни на секунду. В любой момент Миллер мог позвать ее — так думала Ирен, страдая от случившегося.

Когда Миллер вошел, она молча поднялась к нему навстречу, и глаза ее говорили больше, чем любое слово, которое могли бы произнести губы.

— Ирен, — сказал он. — Помоги мне быть сильным...

Она на шаг отступила — маленькая серьезная де-

вочка с внезапно осунувшимся лицом — и тихо спросила:

— Дюк, нам будет... очень плохо?

— Да, Ирен, скорей всего. Я принял решение, и через два часа...

— Но уже ночь, — сказала она.

— Через два часа я сделаю самый важный и самый трудный шаг к его осуществлению. Я пойду сейчас...

— Не надо, — прервала Ирен. — Что бы ты ни сделал, я одобряю. Однажды я уже сказала тебе об этом. Лишь бы ты не был таким...

— Каким?..

— Таким... разным. Издерганным. Я устала мучиться твоими мучениями.

— Ирен, я должен сейчас уйти.

— Хорошо.

Она подняла голову. В ее глазах блеснули слезы.

— Потом ты мне все объяснишь. Когда у тебя будет время. Я жду, Дюк.

Говорить Миллер больше не мог. Он благодарно посмотрел на Ирен и вышел из комнаты.

Ирен с минуту еще стояла у двери, опустив руки: Медленным взглядом обвела комнату, в которой сгустились сумерки. Потом вытерла слезы, посмотрела на часы — было десять вечера — и пошла в спальню. Когда раздался стук в дверь, она была уже в халате.

— Лили, это ты? — спросила она, решив, что это маленькая Лили, живущая на первом этаже.

Дверь открылась.

— Дюк?! — воскликнула Ирен, удивленная столь внезапным возвращением Миллера.

— Да, я. Ты расстроена? А у меня хорошие новости. Все складывается так удачно, что не сегодня завтра ты станешь женой богатого и знаменитого мужа. Через неделю, Ирен, мы отправимся на Коралловые острова. Ты так давно мечтала о поездке... Что с тобой, дорогая?

Ирен зажала рот, чтобы не закричать.

— Ирен! — Он шагнул с ней, но она отпрянула в угол.

— Не подходи... — прошептала она. — Это не ты! Страшным усилием воли Двойник удержал проклятия.

— Ирен, послушай... Я не думал...

Но Ирен не слушала его. Она вжалась в стену и медленно покачивала головой. Потом словно обмякла, взгляд ее потух.

— Уходи, — глухо сказала она. — И не появляйся, пока я не позову тебя. Мне надо подумать.

— Но я тебе все объясню!

— Десять минут назад я не просила у тебя объяснений. — Она засмеялась. — Ты хамелеон. Ты не способен решать рази навсегда. Теперь решу я сама. Уходи.

...Двойник быстро шел по темному коридору института, не глядя по сторонам. Если бы перед ним сейчас вдруг возникла стена, он не стал бы ее обходить, он прошиб бы стену — так переполняла его ярость. Но у двери в кабинет он замедлил шаг, вынул из кармана пистолет и, поколебавшись секунду, поставил спуск на предохранитель...

10. Развязка без конца

— Что было дальше? — быстро спросил Гард.

Некоторое время Фред не отвечал. Он закрыл блокнот, отвернулся к окну и с тоской смотрел на улицу. У Гарда возникло ощущение, что, не будь его в кабинете, Фред распахнул бы сейчас окно и измерил остаток своей жизни двадцатью метрами до мостовой.

— Ты слишком близко принимаешь все к сердцу, — сказал Гард. — Тебя так надолго не хватит.

— Что было дальше? — медленно спросил репортер, словно не слыша последних слов Гарда. — Они вполне созрели для решительных действий. Понимаешь,

Дэвид, — он повернулся к инспектору, — это почти то же самое, как в одном человеке идет борьба с самим собой и вот он однажды решает, что пора подвести черту. Быть или не быть — в конце концов, это каждому рано или поздно приходится решать. Но когда мы подводим черту для себя, мы можем убить мысль, оставив плоть живой. У них же плоть оказалась неотъемлемой от мысли... Убийство было, Гард, и ты это прекрасно знаешь!

— Но юридически...

— Но юридически его не было, если Миллер жив, а наличие двойников нигде не зафиксировано.

— Однажды я уже слышал это, — сказал Гард.

— От Дорона, — спокойно добавил Честер.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю все. С того момента, как появился Двойник, и до того момента, как тебя вызвал Дорон. Он тебя вызывал?

— Но при этом никто не присутствовал.

— И он говорил с тобой?

— За последние три года я впервые позволяю себя допрашивать. Да, говорил, две минуты.

— Вполне достаточно, чтобы сказать: «Инспектор Гард, зарубите себе на носу...»

— Но про Двойника он мне ничего не говорил.

— А ты у него спрашивал? Дорон привык иметь дело с теми, кого уже трудно превратить в людей, потому что святой Франциск давно обратил их в бессловесных скотов...

— Фредерик!

— Что было дальше, Дэвид? Была ночь. Дежурный сказал, что это случилось где-то в районе двенадцати. Но их последняя встреча началась часом раньше. Целый час они сидели в креслах друг пред другом, пили вино и сжимали в карманах пистолеты. В сущности, Гард, они не были врагами, потому что человек не умеет быть врагом самому себе. Непримиримы были их планы!

Одинаковое прошлое — и взаимоисключающее будущее! Это трагедия, Гард, трагедия нашего века, — я не взял бы на себя обязанность адвоката, если нужно было бы защищать оставшегося в живых... Дурацкая жизнь, если она может до такой степени искалечить психологию человека, что нередко и без двойников мы сами себя не узнаем!

Да, Гард, они были умными людьми и наверняка думали обо всем этом в тот последний час. Впрочем, тогда уже ничто не имело для них значения — ни открытие, ни установка, ни Аргентина, ни даже Ирен. Они еще произносили какие-то слова, но только для формы, боясь спугнуть жертву, ведя тонкую игру. Здесь каждый из них думал, что лишь он замыслил убийство, меж тем жертва об этом даже не подозревает!

Вот почему, Гард, они, не сговариваясь, выстрелили одновременно и даже несколько неожиданно для себя, хотя оба стремились к такому финалу, — они выстрелили вскоре после того, как одновременно поняли, что оба пришли убивать. А сначала... Сначала они наивно искали повода вытащить друг друга из кабинета, из этого института куда-нибудь на улицу, в темноту, чтобы можно было сбросить труп в канаву, обезобразив предварительно лицо, или в реку... Это страшно, Гард, это чудовищно, но представь себе:

«— Ах, как хорошо сейчас на свежем воздухе, профессор!

— Где-нибудь у реки...

— Цивилизация скоро задушит природу.

— А помните, как мы в детстве мечтали попасть на необитаемый остров?

— Вместе с рыжей химичкой Лерой Вудворд?

— Нет, еще раньше. Правда, тогда у нас была... Роза Мэрфи. Она жила в соседнем доме...

— И тоже рыжая! Нам с вами везло на рыжих, коллеги.

— Какая славная пора! Так выйдем на воздух?

— Пожалуй...»

Разговор современных убийц... В недалеком будущем, Гард, прежде чем покончить со своими жертвами, убийцы будут, как фотографы, говорить: «Простите, можно попросить вас чуть-чуть повернуть голову — вот так? Смотрите в эту точку. Подбородочек повыше, это выглядит эстетичней. И, пожалуйста, повеселее взгляд. Отлично!» А затем: «Спокойно, стреляю!»

— Знаешь, что испортило им все дело? Вызов дежурного. Не нажми Миллер кнопку, мы ничего не знали бы о происшедшем... Ни мы, ни весь мир...

— Ты думаешь, — сказал Гард, — что мир об этом узнает?

— Иначе какой смысл в том, что это случилось?

— От тебя?

— Да, от меня. Чего бы это ни стоило. И очень скоро!

— А почему ты считаешь, что именно Миллер вызвал дежурного? И зачем?

— Потому что Миллер... Видишь ли, он позволил себе поиграть с Двойником в кошки-мышки. Ты обратил внимание, Гард, на то, что Миллер почти во всем был перешителнее Двойника? Он, а не Двойник, сидел в шкафу, он прятался на полигоне, он жалко выглядел перед Ирен, он метался из крайности в крайность... Я не знаю, почему так происходило. Возможно, потому, что человек, творящий зло, всегда решительней человека, творящего добро. Зло более прямолинейно, оно грубее, целеустремленней...

— Но добро все же сильнее, Фред.

— Только в итоге. И не всегда. Так вот, Дэвид, дежурного вызвал тот из них, у кого прежде сдали нервы. Миллер незаметным движением — спинкой кресла, чуть откинувшись назад — нажал кнопку вызова дежурного. Когда раздались бы шаги по коридору, он сказал бы Двойнику: «Сюда кто-то идет. Прячьтесь в шкаф!» — и настоял бы на этом со всей решительностью, которой

ему прежде так не хватало. Он еще не знал в тот момент, что Двойник тоже пришел убивать. И он рассчитывал не просто подшутить над Двойником, а получить при этом хоть крохотное подтверждение собственной решимости и воли, без которых его палец не смог бы нажать на спусковой крючок пистолета.

Но дежурный не появлялся! А повторный вызов уже не прошел незамеченным. И вот тут-то, в течение каких-то секунд, словно спрессованные обстоятельствами, разыгрались трагические события.

«Зачем вам дежурный, Миллер?» — спросил Двойник.

«Чтобы загнать вас в шкаф!» — так же прямо ответил Миллер.

«В шкафу проще убивать?»

«Проще на улице».

Вызов был принят. Они всё поняли. Они уже не сидели. Они стояли посередине комнаты. Они смотрели друг другу в глаза, но видели все, что делают их руки.

Два выстрела слились в один.

Остальное ты знаешь, за исключением некоторых подробностей.

Убийца, перешагнув через труп, вышел из кабинета. В любую секунду могла открыться дверь. Правда, у него оставалась возможность убрать дежурного, но это было уже слишком, и он понимал, что убийство дежурного юридически не оправдывает.

И действительно, они столкнулись почти у самых дверей кабинета.

«Вы давали сигнал?» — спросил дежурный.

Он ничего не ответил: он был взволнован и, кроме того, ему было некогда.

Через семь минут его машина остановилась у дома, где живет Дорон. От института до этого дома ровно семь минут езды по ночной улице. Это был тот случай, когда разговор с Дороном должен был состояться не по телефону и немедленно, поэтому он рискнул прийти к нему

прямо в дом и поднять с постели. А не прийти не мог: в кабинете лежал труп, надо было предупредить события. Еще через десять минут Дорон выехал в институт. Ты помнишь машину, которая, сверкнув фарами, въехала во двор института, когда мы, допросив дежурного, выходили из здания? Это был Дорон.

Так что же, Гард, он сказал Дорону?

Он напомнил ему о направлении поисков Чвиза, сказал о появлении Двойника и об Ирен. И больше ничего. Об открытии и установке не было сказано ни слова! Пока не было сказано ни слова... И у него были для этого существенные причины. Я не знаю точно, какие именно, но полагаю, что самой главной была та, что он боялся стать таким же трупом, как тот, что остался лежать в кабинете... Ведь Дорон мог легко освободиться от автора открытия, считая, что в его руках установка, тем более что повод для этого был самый подходящий...

Затем последовали два вызова: тебя и Чвиза. Старика подняли с постели, и Дорон принял его у себя в кабинете. Понимаешь, если бы можно было повторить все условия, при которых получился Двойник, это стало бы открытием всех открытий! Дорон отлично это понимал. Вероятно, он уже рисовал в своем воображении какого-нибудь кретина, физическая сила которого вполне компенсировала отсутствие мозга. Таких кретинов можно было бы делать тысячами и миллионами, это были бы замечательные солдаты, полицейские, дешевая рабочая сила, — черт знает какие перспективы открывала такая возможность! Бедный Чвиз! Теперь он испытывает на себе такое давление Дорона, какого не испытывал даже Миллер. Я не знаю, сумеет ли он воспроизвести эксперимент, который привел к появлению Двойника, но то, что он сам теперь раздвоится, не сомневаюсь. Это будет битва не менее трагическая и не менее кровавая, чем битва двух Миллеров! То, что сказал тебе Дорон, ты помнишь, я повторять не буду. Конечно, он немедленно позвонил Хейссу, и газета на следующий день вышла без

моего репортажа. Труп, завернутый в какие-то тряпки, убрали сначала в морг, выдав за нищего. А затем убитого похоронили на кладбище Бирка. Похоронили рано утром, хотя Бирк вот уже шесть лет хоронит только вечером, при свете факелов. Но чего не в силах сделать Дорон!

Утром профессор сидел в своем кабинете, как будто бы ничего и не случилось...

— А что с Ирен? — спросил Гард.

— Сейчас, наверное, уже все в порядке. Она ведь ничего не знает об убийстве, а все ее подозрения и тревоги должно развеять время.

— Фред, ты гениальный сыщик! — сказал Гард. — Как ты все узнал? Ты нашел очевидцев? Видел...

— Дело сейчас не во мне. Это в другой раз. А сейчас... Ты должен помочь! Дай хотя бы совет. Я не знаю, Дэвид, что делать... Или немедленно предупредить мир о случившемся, или... Что мне делать, Гард? Я должен торопиться с решением — пока не поздно, пока еще можно предотвратить катастрофу!

— О чем ты говоришь, Фред?

— Мир должен быть сейчас предельно бдительным, Дэвид. Нам нельзя спать спокойно, мы должны...

— О чем ты говоришь? — повторил Гард.

— Ах, Дэвид, ты никак не хочешь понять, в чем ужас положения! Да, я знаю все, я знаю все про двух Миллеров. Но я не знаю главного: кто из них остался в живых!..

ПЕРЕКРЕСТОК

(Повесть вторая)

1. Генерал делает историю

Дорон, как всегда, приехал вовремя.

Машина, моргнув стоп-сигналами, ушла за поворот. Ветер тронул придорожные кусты и сдул с пустынного шоссе струю бензинового перегара. Дорон запахнул плащ, плотней надвинул шляпу, тяжеловесным прыжком одолел канаву. Здесь не было и намека на тропинку, однако он уверенно двинулся к прогалу в чернеющем ельнике. Густая роса окропила ботинки и манжеты брюк — увы, ничего не поделаешь: срочная и секретная встреча с президентом имела свои неудобства.

Наконец обозначился силуэт двухэтажного дома с флюгером на островерхой крыше. Пройдя вдоль глухой стены, Дорон распахнул неприметную калитку — кто-то тотчас запер ее — и быстро пересек широкий двор.

Дорогу генералу заступил было охранник, но, узнав, немедленно стушевался. Дорон и на него не обратил внимания.

Он миновал короткий коридор, на ходу снимая плащ и шляпу, и поднялся по деревянной лестнице, застланной потертой на сгибах ковровой дорожкой. Репортеры любили отмечать эту подробность, — вся страна знала, что президент живет скромно и старомодно.

Замкнутое лицо Дорона не выражало ни озабоченности, ни волнения, когда он входил к президенту.

В небольшом зале, обшитом панелями из мореной

лиственницы, старческая фигура президента совершенно терялась среди громоздкой, темной от времени мебели. Единственным источником света был сложенный из массивных камней очаг, в котором потрескивали смолистые поленья. Здесь все дышало минувшим веком, и белый телефон с кнопчным диском казался занесенным сюда случайно. Играющие отблески падали на красное сукно восьмиугольного столика, зажигая рубиновые точки в стакане глинтвейна. Президент — щупленький человек с напомаженными волосами и маленькой эспаньолкой — раскладывал «гранд-пасьянс». Его губы шевелились, словно он разговаривал сам с собой. Бамм!.. — ударили часы в углу.

— А, генерал! — Президент выпрямился в кресле; у него оказались розовые, висящие мешочками щеки и неожиданно живые ярко-синие глаза. — Вовремя пришли. Не знает ли ваша математика способа заставить сойтись этот проклятый пасьянс?

Он энергично стукнул кулачком по разложенным картам.

— Могу дать задание машине рассчитать, — четко сказал Дорон.

— Присаживайтесь, генерал. — Президент махнул рукой в сторону кресла. — Хотите к огню? И, прошу вас, без церемоний. Вы ведь знаете, я сугубо штатский человек, и все военное мне претит. Разумеется, это не касается вас, дорогой генерал.

Дорон молча поклонился, а затем не без усилий придвинул кресло к камину и сел.

— Приступать к докладу?

— Может, стаканчик глинтвейна, чтобы согреться?

— Не меняю привычек, господин президент.

— И напрасно. Совершенно напрасно, генерал. Маленькие слабости делают нас человечней. Докладывайте.

Дорон покосился на шлепанцы президента.

— Как я сообщил телефонным звонком, — сухо сказал он, — дело имеет чрезвычайную государственную

важность. Речь идет об установке, работающей по принципу...

Президент умоляюще замахал кулачками.

— Не надо подробностей! Я полон уважения к людям, знающим, из чего состоит вода, но техника, как вам известно, нагоняет на меня сон.

— Как будет угодно, господин президент. Речь идет об установке, которая будет создана в Институте перспективных проблем и которая предназначена для дублирования людей.

— Что? — сказал президент. — Дублирования? Как вы прикажете вас понимать, генерал?

Секунду-другую Дорон наслаждался произведенным эффектом, хотя внешне это никак не проявлялось.

— Берут человека, господин президент, подробности опускаю, и дублируют его. Получаются новые люди, точно такие же. В неограниченном количестве.

Президент вскочил. Шаги то уносили его в темные углы зала, тогда оттуда белел лишь венчик его седых волос на затылке, то внезапно устремляли к огню, и тогда его заливал багровый отсвет скопившихся углей. Дорон холодно следил за стариком. Его раздражало шарканье шлепанцев президента.

Наконец президент сел, отхлебнул глинтвейна.

— Не так давно, помнится, вы приходили ко мне с идеей другой установки. Той, что не позволяет атомным бомбам взрываться. А потом выяснилось...

— Что аналогичную установку создал потенциальный противник.

— Не только противник, генерал... И другие... Даже во время визита в Этруссию мне преподнесли нечто подобное как сувенир. Пришлось подарить дюжину лошадей. Одной из них я очень дорожил.

— Я сожалею, мой президент.

— А бедные налогоплательщики? Эх, генерал, они не простили бы нам те кларки, которые вы выбросили на свои установки.

— Жертвы нужны не только на войне.

Президент поморщился.

— Не надо банальности, генерал, — сказал он. — Я не виню вас. К сожалению, ученые есть и в других странах.

— Я хочу, чтобы у нас их было больше! И поэтому предлагаю их производить, а не ждать, когда они появятся... — Дорон замаялся, — естественным путем, — наконец добавил он.

— Значит, двойники. И сейчас я должен взять на себя всю ответственность за этот шаг? Я должен разрешить дублирование людей, наделенных божественной душой, разумом, чувствами?

— Да, господин президент. И еще дать разрешение использовать некоторые суммы из государственного бюджета.

Президент пожал узенькими плечами.

— Но разве не тем же самым, господин президент, занимаются наши казармы? Разве там не стараются сделать людей одинаковыми?

— Уж не думаете ли вы...

— Почему бы и нет, если нужно?

— Генерал, давайте говорить серьезно. Я не хочу, чтобы вы забывали о таких понятиях, как общественное мнение и суд потомков. Для меня это, поверьте, не пустой звук.

— Господин президент, вы вольны сказать «нет». Смею, однако, предупредить, что рано или поздно установка будет создана в какой-нибудь другой стране. Это неизбежно. Найдутся ученые, которые придут к той же идее, и найдется правительство, которое скажет «да».

Президент задумался и посмотрел туда, где висели портреты великих деятелей прошлого. Отблеск огня совсем слаб, портреты покрывала тень, лишь на ближнем портрете редкие вспышки пламени оживляли чей-то суровый лик.

— Так вы полагаете, что эта идея изготовления сол-

дат-двойников может прельстить какое-нибудь правительство?

— Должен уточнить. Солдаты-двойники и армии неограниченной численности — это в перспективе. Пока что дублирование слишком дорого.

— Сколько?

— Двести тысяч кларков экземпляра.

— Уф! Если не ошибаюсь, рядовой солдат стоит соток тысяч?

— Совершенно верно.

— Так кого же вы будете дублировать, генерал? Уж не себя ли?

— Нет. Талантливых ученых.

Президент удивленно посмотрел на Дорона.

— По-моему, их у нас и так слишком много, — сказал он.

— Согласен. Ученых много. Но речь идет о талантливых, по-настоящему талантливых людях.

— Это ужасный народ! Несносный! Их приходится терпеть, потому что они полезны, но...

— Разрешите возразить. В наши дни побеждает тот, на чьей стороне больше талантливых мозгов. Это аксиома, которую не поняли немцы. Этим они лишили себя атомной бомбы.

Из бокового кармана куртки президент, помедлив, извлек маленькую записную книжку.

— Сколько стоит ученый, господин генерал?

— Рядовой ученый — сто пятьдесят тысяч кларков, выдающийся... тут нет точной цены. Иногда его мозг может стоить сотни миллионов. Мозг гения — миллиарды.

Карандаш президента занес цифры в записную книжку. Минуты две он что-то подсчитывал, беззвучно шевеля губами, потом удовлетворенно сказал:

— Итог получается: чистая прибыль — два миллиона кларков. Неплохо, мой генерал!

— Простите, не совсем понял ваш баланс.

— Поясню. — Президент назидательно поднял па-

лец — привычка с тех времен, когда он был судьей. — Принимаем ориентировочный доход от дублирования талантливого ученого равным... не миллиарду кларков, тут вы хватили через край, генерал, а десяти миллионам. Для гениев вполне достаточно. Теперь — расходы. Само дублирование — двести тысяч, создание материальных благ для «новорожденного», — президент улыбнулся, — ну, это мизер... Всякие там автомобили, виллы... Расходы на обработку общественного мнения страны в пересчете на одного дублируемого человека — два миллиона кларков. Впоследствии этот расход может быть снижен... Затраты на обработку мирового общественного мнения положим равными трем миллионам. Отчисления на амортизацию престижа страны — надеюсь, временную — два миллиона, престижа правительства внутри страны — около миллиона... В дальнейшем, особенно при массовом производстве, расходы могут быть значительно снижены. И это, конечно, черновой расчет. Вы с ним согласны?

— Не совсем. Зачеркните графу «расходы на обработку общественного мнения». Очень талантливых ученых, как я сказал, мало. Для начала мы сделаем не так уж много дублей. Вопрос их статуса можно урегулировать без оповещения общественности. Здесь есть свои трудности, но...

Его остановил жест президента.

— Я даю разрешение, генерал. Но только на проведение опытов. Во имя науки. Ясно?

— Вполне, господин президент. Я вас еще ни разу не подводил.

— Я знаю.

Некоторое время они молчали.

— А что, — неожиданно с интересом спросил президент, — эти ученые... Они согласятся?

Дорон улыбнулся впервые за весь вечер.

— Меня иногда интересует, — сказал он, — видит ли рыба крючок, перед тем как попасться. Лично я думаю, что видит.

— Значит, все дело в приманке?

— Конечно. Наша главная слабость в том — ведь некоторым образом и я ученый, господин президент, — что мы безумно хотим видеть конечный результат своих опытов. Разве мало было исследователей которые пробовали на себе культуры всяких там зловредных микробов?

— Вот это-то, говоря откровенно, и страшит меня в ученых.

— А разве вы сами не хотите видеть результаты своей политики?

Президент досадливо поморщился и допил глинтвейн.

— Кстати, генерал, кто будет первым... э... Нет, я не так должен спросить. Кто будет вести опыты?

— Опыты ведут профессор Чвиз и профессор Миллер, который однажды уже испытал действие установки на себе (президент вздрогнул). Мы рассчитываем закончить работы в течение года.

— Так. — Лицо президента приняло отрешенное выражение. — Год... только год... Сегодня четверг? Через неделю вы представите мне подробный доклад о всех аспектах проблемы. Опыты продолжайте. Должное финансирование вам будет обеспечено.

— Благодарю, господин президент.

Дорон встал.

— Сегодня я проведу ночь в молитвах, — сказал президент.

После ухода генерала он включил свет и сел и за неоконченный пасьянс. Его губы беззвучно шептали что-то, и со стороны могло показаться, что президент молится.

2. Необычный день

До звонка оставалось ровно пять минут. Луиза успела еще раз взглянуть в зеркальце и улыбнуться своему отражению. Ей ответило улыбкой миловидное продол-

говатое лицо с маленьким прямым носиком, припухлыми губками и серо-зелеными, чуть нависшими глазами.

«Пусть попробует эта рыжая девчонка, когда ей стукнет двадцать восемь, выглядеть так же, — подумала она. — И что нашел в ней хорошего Питер? Странные вкусы у этих мужчин...»

Она торопливо спрятала зеркальце и помаду в сумочку, потом достала из ящика лабораторные журналы и стала раскладывать их на столе в раз навсегда заведенном порядке.

Луиза спешила. Она знала, что еще не успеет отзвонить звонок, как дверь лаборатории резко распахнется и на пороге появится профессор Чвиз. Он стремительно подойдет прямо к ее столу и, вскинув бороду, в тысячный раз произнесет одну и ту же фразу: «Добрый день, Луиза. А где профессор Миллер?»

Третий год работает Луиза в лаборатории старика Чвиза и уже привыкла к тому, что здесь всегда все совершается по заведенному порядку, заведенному и педантично охраняемому профессором Чвизом. И эти журналы, и этот обязательный утренний вопрос о Миллере, и даже сама Луиза, безропотно и пунктуально выполняющая все многочисленные распоряжения своего придирчивого шефа.

В коридоре мелодично запел звонок. Открылась дверь. Появился профессор Чвиз. Подошел к столу. Запроникнул голову, так что борода встала торчком.

— Добрый день, Луиза. А где профессор Миллер?

— Добрый день, шеф, — автоматически ответила Луиза. — Профессор Миллер просил передать, что его сегодня не будет.

Чвиз что-то недовольно пробормотал, но, как всегда в таких случаях, молча прошел в соседнюю комнату. Луиза видела, как он подошел к умывальнику и, засучив рукава своей неизменной нейлоновой куртки, принялся мыть руки.

Каждое утро он проделывал эту операцию с особой тщательностью, словно врач перед осмотром больного. У Луизы никогда не хватало терпения смотреть, как он долго и упорно трет один за другим каждый палец.

Она подвинула к себе журнал и, листая страницы, стала искать последнюю запись.

«Слава богу, с Миллером на сегодня покончено», — отметила она про себя.

Действительно, не было еще случая, чтобы на протяжении дня Чвиз поинтересовался Миллером вторично. «Сейчас он усядется в свое любимое кресло, — подумала Луиза, — и потребует, чтобы я читала вчерашние данные. Боже, как все это мне надоело!»

Могла ли она предполагать, что этот день, начавшийся точно так же, как все предыдущие, окончится необычайно?

Но пока все шло по традиционному расписанию. Чвиз опустился в кресло, несколько раз провел своей широкой ладонью по бороде и, устремив взгляд куда-то вверх, произнес:

— Ну что же, послушаем вчерашние данные.

Лабораторный журнал был уже раскрыт на нужной странице, и Луиза сразу начала читать ровным голосом:

— «Опыт номер 1421 — шестнадцать часов пятнадцать минут. Объект — три бутона роз, начальное напряжение — восемьсот вольт, пиковое — двенадцать тысяч».

Ее прервал телефонный звонок. Среди многочисленных странностей и чудачеств профессора Чвиза была и такая: он терпеть не мог телефона. Его просто в дрожь бросало от каждого звонка. А когда ему все же приходилось брать трубку, он держал ее двумя пальцами, точно взрывчатку, на почтительном расстоянии от уха.

— Алло? — сказала Луиза. — Это вас, шеф.

Она узнала голос Дорона.

— Слушаю, — недовольно произнес Чвиз. — Да, я внимательно слушаю.

Дорон говорил четко и громко, и даже Луиза поняла каждое его слово:

— Разрешение президента получено, профессор. Деньги есть. Поздравляю. Форсируйте опыты.

— Благодарю вас, генерал, — ответил Чвиз. — При-
му к сведению.

И двумя пальцами — осторожно, как будто трубка могла взорваться, — положил ее на рычаг.

— Можно продолжать? — осведомилась Луиза и, поскольку Чвиз ничего не ответил, стала читать дальше: — «Сила тока в импульсе — три тысячи ампер...»

Но Чвиз остановил ее:

— Вы не знаете, когда придет профессор Миллер? Луиза удивленно взглянула на шефа.

— Я уже говорила, что профессора Миллера сегодня не будет.

— Да, да... — как-то неопределенно протянул Чвиз. — Простите, Луиза, мне нужно подумать.

Он зашагал из угла в угол, почему-то держа руки перед грудью, как это делают хирурги перед началом операции. Левая щека его нервно подергивалась. Луиза удивленно наблюдала за шефом. Никогда еще она не видела Чвиза таким. Старик был явно выбит из колеи, хотя обычно поражал Луизу своей невозмутимостью и непоколебимым равновесием. Впрочем, Луизе и раньше иногда казалось, что вся эта пресловутая пунктуальность и педантичность Чвиза только щит, с помощью которого он пытается оградить себя от необходимости принимать какие-либо решения. Женское чутье подсказывало Луизе, что за подчеркнуто суховатым, а временами даже грозным внешним обликом Чвиза скрывается мягкий и слабохарактерный человек. Во всяком случае, такие мысли не раз приходили ей в голову.

Чвиз неожиданно остановился возле Луизы и сказал, глядя куда-то в сторону:

— Простите, Луиза, я хочу вас спросить... Для меня это очень важно. Вы, кажется, разошлись со своим мужем?

Щеки Луизы мгновенно вспыхнули.

— Да. — И почему-то торопливо добавила: — Но это было три года назад.

— Еще раз простите, — продолжал Чвиз. — Я, возможно, касаюсь событий, воспоминания о которых вам неприятны, но, повторяю, для меня это важно. Вы сами решили его оставить?

— О нет! — вырвалось у Луизы. — Питер ушел от меня к другой...

— Жаль, — перебив Луизу, сказал Чвиз и отошел от стола.

Луиза растерянно посмотрела ему вслед. Кажется, она сделала глупость. Ну конечно же, не следовало так говорить. У мужчин свой взгляд на вещи, и оставленная женщина, вероятно, не может вызвать их сочувствия.

— Это все равно должно было случиться, — торопливо заговорила Луиза, словно стараясь оправдаться перед Чвизом. — Я слишком идеализировала Питера. Такая уж я неисправимая фантазерка. А он был всего лишь обыкновенным, заурядным парнем, если прельстился этой...

Чвиз бросил на Луизу быстрый взгляд из-под своих густых бровей.

— Вы сейчас одиноки? То есть... — Он смутился. — Извините, я не знаю, как это лучше сформулировать.

Луиза на мгновение задумалась.

— У меня есть друг, — сказала она, стараясь придать своему голосу игривое выражение, хотя вовсе не была уверена в том, что это вообще следовало говорить.

— И, устроив свою жизнь, вы, вероятно, не прочь были бы оставить работу? Ну, я хочу сказать, вы не очень жалели бы, если бы вам пришлось покинуть эту лабораторию?

— Бэри хорошо обеспечен. И, мне кажется, он любит меня, — уже серьезно ответила Луиза.

— Мм-г... — протянул Чвиз не то разочарованно, не то удовлетворенно и медленно пошел в другую комнату.

Через открытую дверь Луиза видела, как он открыл сейф, достал с полки большой желтый портфель с серебряной монограммой, извлек из него пачку чертежей и, развернув их перед собой, углубился в какие-то подсчеты.

Чвиз сидел к Луизе вполоборота, и она могла видеть, как он то сосредоточенно что-то писал, то вдруг откладывал ручку и, наморщив лоб, устремлял свой взгляд куда-то в пространство.

«А что, если сбрить у него бороду? — вдруг мелькнула у Луизы озорная мысль. — Как бы он выглядел?»

Она попыталась представить себе Чвиза без бороды. Высокий рост, могучее телосложение, запоминающееся лицо, — с таким мужчиной приятно пройти по улице, ничего, что ему уже за шестьдесят. Но почему он задавал ей эти странные вопросы? О разрыве с мужем, о дальнейших планах? Что бы все это могло значить? И Луизе вдруг захотелось продолжить прерванную беседу. Удобно ли только отрывать его от работы? Но, в конце концов, он сам начал этот разговор.

Она поднялась из-за стола и, тихонько пройдя в другую комнату, осторожно присела на стул рядом с Чвизом.

— Скажите, профессор, — негромко спросила она, — вы всегда жили один?

— Что, что? — не сразу понял Чвиз, отрываясь от бумаг. — Ах вот вы о чем...

Он сунул ручку в карман своей блузы и откинулся на спинку кресла.

— Нет, дорогая Луиза. Но все это давно ушло. Все позади.

— Почему? — запротестовала Луиза. — Вы не должны так говорить!

Она неожиданно смутилась и замолчала.

— Что поделаешь, дорогая Луиза. Время, увы, — необратимая функция, — грустно пошутил Чвиз.

Оставшаяся часть рабочего дня промелькнула для Луизы словно в каком-то сне. Она машинально переходила от прибора к прибору, автоматическими движениями смахивала пыль с многочисленных циферблатов и шкал, что-то поправляла, что-то записывала. Но мысли ее были о другом.

«Чвиз влюбился, — думала она, — это ясно как день. Но боится, что слишком стар для меня. Бэри, конечно, намного моложе Чвиза, но ему, пожалуй, все же далеко до него... Но что это я?» Луиза попыталась приостановить стремительный полет своего воображения, однако услужливая фантазия уже рисовала ей одну картину заманчивее другой. Вот они венчаются в церкви, вот отправляются в свадебное путешествие на борту белоснежного лайнера, вот они вдвоем стоят на палубе, и все пассажиры бросают на нее и Чвиза восхищенные взгляды...

К реальной жизни ее вернул звонок, возвестивший окончание рабочего дня. Чвиз тоже оторвался от своих бумаг и посмотрел на часы. Они показывали половину пятого.

— Луиза!

— Да, — встрепенулась Луиза, уже начавшая было собирать свои вещи.

— Могу ли я обратиться к вам с просьбой?

— Да, конечно.

— Вы сегодня никуда не торопитесь?

— Мы с Бэри собирались уехать к морю на субботу и воскресенье. Но если...

— Не могли бы вы немного задержаться? Я должен сделать контрольный опыт. Мне очень не хотелось бы откладывать его на понедельник.

И хотя это были совсем не те слова, которых ждала

Луиза, она, не задумываясь, сняла телефонную трубку и набрала номер:

— Бэри? Это я. Мне придется немного задержаться. Не знаю, может быть, час, полтора. Ты будешь ждать меня? Хорошо.

Она положила трубку и посмотрела на Чвиза.

— Что я должна делать?

— Прежде всего сходить в виварий и принести кролика.

Когда Луиза вернулась в лабораторию, неся в руках небольшую клетку с белым зверьком, Чвиз уже приготовил установку. Он взял у Луизы клетку и поставил ее в один из отсеков большого прозрачного колпака, к которому тянулось множество проводов. Потом он начал задраивать люк, но в это время в лаборатории появился Кербер. Он вежливо поздоровался с Луизой и почтительно поклонился Чвизу:

— Добрый день, шеф. Как идут дела?

— Работаем, как видите, — не слишком любезно пробурчал Чвиз.

Он вообще недолюбливал этого человека, который когда-то работал у Миллера и вместе с ним появился в лаборатории Чвиза. Профессор считал Кербера неважным физиком и старался по возможности обходиться без его помощи.

Кербер приблизил свою лысую, похожую на бильярдный шар, голову, на которую профессору Миллеру всегда хотелось поставить печать, к прозрачной стенке колпака и с интересом посмотрел на кролика.

— О, вот какой опыт вы собираетесь делать! Понимаю, понимаю. — Он внимательно посмотрел на Чвиза. — Выходит, мы уже у самого финиша?

— Возможно, — буркнул Чвиз, поглядывая на часы.

Как бы не замечая этого, Кербер несколько раз медленно прошелся по лаборатории.

— Ну, не буду вам мешать, — откланялся он наконец.

Когда дверь за ним закрылась, Чвиз еще раз проверил люк и подвел Луизу к главному пульту.

— Вы должны следить за тем, чтобы стрелки на этих двух вольтметрах показывали одинаковые напряжения. Правая должна дублировать левую. Если возникнет отклонение, вы будете вносить поправки этим верньером. Правда, в цепи стоит автоматический регулятор, но я не очень на него надеюсь. А теперь — самое главное, — продолжал Чвиз. — Как только стрелка на этом приборе дойдет до красной черты, — он указал на большой прямоугольный циферблат, вмонтированный в стену, прямо над пультом, — вы должны нажать эти две кнопки. Только строго одновременно. И как раз тогда, когда стрелка достигнет черты. Ни раньше, ни позже. Обычно за этим следит профессор Миллер, но сегодня... Одним словом, я прошу вас быть очень внимательной. Вы все поняли?

Луиза кивнула.

— Тогда начнем.

Чвиз отошел ко второму пульту, установленному рядом с прозрачным боксом. Сухо щелкнули реле. Лабораторию наполнило равномерное гудение. Луиза увидела, как стрелка на левом вольтметре медленно поползла по шкале. Вслед за ней послушно двинулась и стрелка на правом приборе.

Гудение усилилось. Стрелки на вольтметрах дошли до середины шкалы и одновременно остановились.

Луиза на мгновение оглянулась. Чвиз стоял к ней спиной, возле бокса, и сосредоточенно вращал какие-то ручки. Кролик в боксе сидел неподвижно, словно изваяние, плотно прижав длинные уши. Его окружало колеблющееся сиреневое сияние.

Луиза торопливо, как бы испугавшись того, что на мгновение перестала следить за вольтметрами, вновь наклонилась над пультом. И сразу же стрелки приборов,

словно они только того и ждали, начали стремительный замысловатый танец.

Следить одновременно за двумя циферблатами, да еще все время поглядывать на верхний прибор, было мучительно трудно. Уже через несколько минут у нее заболели глаза. Между тем скачки напряжения становились все сильнее. Они следовали один за другим во все убыстряющемся темпе. Луиза не успевала переводить взгляд с одного циферблата на другой. Сияние за спиной становилось то ослепительно ярким, то спадало настолько, что сиреневые блики на стеклах прибора гасли и исчезали.

Гудение временами достигало угрожающей силы. За спиной Луизы что-то происходило. Но она не решалась оторвать взгляда от приборов. От напряжения у нее потекли слезы. Перед глазами бежали желтые, зеленые, красные круги.

Луиза уже не видела ничего, кроме лихорадочного метания стрелок. Она едва успевала переносить взгляд с пульта на верхний циферблат и обратно. Весь мир сосредоточился для нее сейчас в двух маленьких белых кружках с черными делениями и красной чертой наверху.

Стрелки, гудение, вспышки, стрелки. Все перемешалось в нескончаемом водовороте. Луизе начало казаться, что все приборы застыли в неподвижности, а она сама вместе с лабораторией мечется из стороны в сторону.

Словно сквозь сон Луиза увидела, как черное острие на верхней шкале коснулось красной линии. Обенми руками она с силой нажала кнопки.

Оглушительный треск! Вспышка ослепительного света!

И все стихло.

Обессиленная, как после тяжелой работы, Луиза в изнеможении откинулась на спинку стула. Словно откуда-то из другого мира до нее донесся голос Чвиза:

— Благодарю вас, Луиза.

Она с трудом выбралась из-за пульта и, пошатываясь, подошла к боксу. Чвиз стоял, прижавшись к прозрачной стенке, и смотрел внутрь. В правом отсеке, который еще несколько минут назад был совершенно пустым, теперь стояла клетка с белым кроликом. Точно такая же, как и в левом отсеке.

Луиза понимала, что это значит. Она восторженно посмотрела на шефа, но, к своему удивлению, увидела, что лицо его мрачно.

Чвиз заметил ее взгляд и повторил устало:

— Благодарю вас, Луиза. Без вашей помощи я бы ничего не смог сделать. А теперь вы можете идти.

Очутившись в коридоре, Луиза прислонилась к стене. Голова все еще немного кружилась, а перед глазами плыли оранжевые пятна. Она взглянула на часы. Было двадцать пять минут шестого. «Пожалуй, пойду выпью чашку кофе». Держась за перила, Луиза медленно поднялась на четвертый этаж в бар, но в последний момент вспомнила, что оставила сумочку с деньгами в лаборатории. «А что, если Чвиз уже ушел?» — подумала она.

Однако лаборатория оказалась незапертой, хотя Чвиза в ней не было. Ключ торчал из замочной скважины с внутренней стороны двери. Луиза подошла к своему столу, чтобы достать сумку. На гладкой коричневой поверхности стола белел клочок бумаги, прижатый сверху большим ключом с замысловатыми бороздками — ключом от сейфа.

Холодея от смутного предчувствия, Луиза наклонилась над столом и прочла несколько слов, написанных знакомым косым почерком Чвиза:

«Я ухожу навсегда. Чвиз».

Еще не осознав как следует смысла записки, Луиза быстро прошла в аппаратную. Все как обычно. Но в аппаратной Чвиза не было.

Луиза беспомощно огляделась по сторонам. Увидела две клетки с кроликами. Они стояли в углу. Только то-

гда до нее вдруг дошел истинный смысл слов «ушел» и «навсегда».

Ужасная догадка обожгла Луизу: Чвиз отослал ее, чтобы зачем-то проделать опыт на себе! Ну конечно же, он убрал клетки с кроликами и сам занял место в боксе. И что-то произошло. Какое-то несчастье. Зачем она только послушалась его и ушла?..

Стараясь побороть противную дрожь в ногах, Луиза добралась до телефона и набрала знакомый номер.

— Бэри? Случилось что-то ужасное. Исчез профессор Чвиз! Он оставил записку. Нет, я ничего не трогала. Да-да, я понимаю... Да-да, конечно.

Она медленно опустила трубку на рычаг.

3. И у шефа бывают неприятности

Генерал Дорон вставал ровно в восемь.

Впрочем, об этом, вы, наверное, знаете из нашумевшего три года назад репортажа Эдуарда Поста «В гостях у осьминога». Пост — первое перо журнала «Еппи» («Скука»), самого интересного из всех иллюстрированных еженедельников. Эдди Пост полгода ходил у Дорона в садовниках, пока его допустили в дом присматривать за аквариумами. Тут он и состряпал своего «Спрута» — восемь полос с фотографиями. Помните? Сначала сад, вилла, а потом все остальное. Например, спальня с кроватью XV века и японскими электронными штучками, которые имитируют шум дождя, чтобы лучше спалось.

А помните библиотеку? Генерал собирал только рукописные книги. Нет, не старинные — современные. Писатели переписывали ему от руки собственные книги. А как отказаться, если только за переписку он платил больше, чем издательство за книгу! Правда, штрафовал за помарки. Генеральская страсть неплохо подкармливала некоторых молодых.

А помните тир с настоящими летучими мышами, по которым гости Дорона лупили трассирующими пулями в абсолютной темноте?

Ну зачем повторяться, вы, конечно, читали Поста. Редко, кто не читал его репортаж три года назад, и никто не сомневался в том, что генерал открутит Посту голову за этот репортаж и за фотографии, сделанные микроаппаратом, который Пост упрятал в зубную коронку. Стоило ему улыбнуться и нажать языком спуск, как снимок был готов.

Но случилось чудо: Пост был обласкан генералом и спустя неделю распрощался с хозяином «Еппи», намекнув ему, что, даже если его еженедельник будет выходить толщиной с библию и на каждой странице будут помещать его фотографии, он все-таки заработает меньше денег, чем сегодня предлагает ему Дорон.

Это была сушая правда, хотя Пост был не из последних хвастунов. Это была правда, потому что, когда Дорон решал что-нибудь купить — кровать XV века, ловкого репортера или научный институт, — он не жалел денег.

Генерал Дорон, или Дорон-младший, был сыном знаменитого Дорона-старшего, короля электробритв. Отец генерала выпускал миллионы электробритв, и его эмблема — шимпанзе, со смехом бреющей себе живот, — украшала рекламные щиты на всех континентах.

Дорон-старший отправил своего единственного наследника в военно-морское училище, считая, что это неплохое начало для любой карьеры и что с какой-нибудь пустяковой медалью и мужественным гавайским загаром мальчику будет легче пролезть в конгресс. Однако сын несколько спутал планы папаши, заняв вскоре довольно теплое кресло в управлении военно-морской разведки. Затем он перебрался в Центральное управление разведки (ЦУР), а затем, прикрываясь, как фиговым листком, пяпиным «шимпанзе», путешествовал по Европе и Южной Америке, что, впрочем, не вызвало замет-

ного оживления электробритвенного бизнеса. Потом он вновь вернулся в ЦУР и, наконец, тихо и незаметно отпочковался в самостоятельную организацию, так называемый «Комитет Дорона», род деятельности которой был известен не более чем десятку людей в стране.

Дорон-старший, дожив до весьма преклонного возраста, окончил свой век в Швейцарии, в пансионате для слабоумных миллионеров, где последний год дни и ночи напролет писал яростные письма Гомеру, Чарлзу Дарвину, Менделееву и Хемингуэю, требуя, чтобы они брились его электробритвами. После его смерти Дорон-младший стал единственным наследником гигантского капитала. Впрочем, он не очень нуждался в нем, будучи к моменту кончины своего родителя человеком и без того весьма и весьма состоятельным.

Генерал Дорон был теоретиком шпионажа. Долгие годы работы в разведке многому научили его. Он презирал старую классическую школу и смеялся над резидентами, пересчитывающими перископы подводных лодок в какой-нибудь бухте или заставляющими своих агентов ночевать в канавах на сортировочных станциях железных дорог.

Вся легальная дипломатическая разведка, все эти советники и атташе, на которых Дорон вдоволь насмотрелся в Европе и Южной Америке, напоминали ему инфузорий под микроскопом. И тогда Дорон всерьез задумался о собственном «деле».

Зачем нужна разведка вообще? Чтобы узнать силу противника, его резервы, его возможности. Что составляет в наш век эту силу, эти резервы? Заводы? Нет. Танки? Нет. Количество дивизий? Нет. Ракеты? Нет и нет! Главная сила — идеи. Бесплотные сегодня, они могут обернуться завтра и заводами, и ракетами, и танками. Талантливые мозги — вот за чем надо присматривать в самую первую очередь.

«Поймите, что бумажные салфетки, оставшиеся в ресторане после спора двух физиков, стоят дороже чер-

тежей атомной бомбы», — говорил Дорон сотрудникам.

«Не тратьте деньги на жадных осведомителей, тратьте деньги на отвергнутых изобретателей», — поучал он.

«За агента — лаборанта из Бактериологического центра, ворующего немытые пробирки, готов отдать двух агентов — полковников из Генерального штаба с их микрофильмами совершенно секретных инструкций о введении новой офицерской портупен». Этой шуткой он гордился.

«Я хочу знать сегодня то, что будет открыто завтра» — это был его девиз.

Комитет Дорона являлся крупнейшей организацией научно-технического шпионажа. Его люди работали в обсерваториях, ядерных центрах, на биостанциях. Они плавали на исследовательских судах океанографов и поднимались в стратосферу. Редкий институт обходил Дорон своим вниманием. Очень часто он вербовал агентов в мире ученых. Это обеспечивало меньший процент погрешностей при обработке сведений. Сведения эти под разными грифами, в зависимости от степени их Срочности, Важности и Секретности, ложились каждое утро на стол Дорона. Сам он ввел десятибалльную систему для определения этих критериев: от единицы до десяти нарастали Срочность, Важность, Секретность; цифра в углу бланка сразу говорила ему все.

Итак, Дорон вставал всегда ровно в восемь часов утра. В десять секретарь Дитрих клал перед ним суточную сводку. В этот день все было как обычно. Генерал сел в кресло и раскрыл папку.

«Сроч.», «Важ.», «Секр.».

1.3.1 — Опыты кормления коров хлореллой.

1.1.4 — Доктор Сидзуки (радиоактивные изотопы) продолжает переписку с филателистом Кривопаловым А. В. из города Великие Луки.

4.8.2 — Фирма «Бицоти» проводит заключительные испытания пилюль, вызывающих бессонницу.

- 3.10.6 — Английское адмиралтейство дало заказ на покрытие для подводных лодок, искажающее ультразвуковое эхо.
- 9.7.9 — Инженер-изобретатель Коллинз вчера начал испытания подземного снаряда-крота.
- 2.1.3 — Получены полные чертежи нового военного австралийского геликоптера.
- 1.2.9 — Инженер-изобретатель Коллинз погиб во время испытания подземного снаряда-крота.
- 3.3.3 — Новые каблуки для ботинок с ракетными двигателями однократного действия, позволяющие прыгать в длину до 10 метров и в высоту до 4 метров.
- 10.10.10. — Взгляд Дорона задержался. Три десятки. Такое бывает нечасто. Нечто Сверхсрочное, Сверхважное и Сверхэкстренное.
- 10.10.10 — Исчез профессор Чвиз.

Рука Дорона уже уперлась в белую кнопку звонка. Натренированный Дитрих появился в кабинете с такой скоростью, что дверь для него можно было бы заменить шторками фотозатвора.

— Миллера, Кербера и Гарда срочно ко мне!

Этими короткими быстрыми словами Дорон уже взвел себя, как пружину, и сразу почувствовал, что взведен. Он отметил в себе это, казалось, уже позабытое, азартное состояние упругой силы и какой-то нестареющей, совсем юношеской легкости. Он, проповедник протокольной точности, ревнитель картотек, списков и досье, поклонник холодных и абстрактных цифр, шифров, он, издевающийся над детективными фильмами, презирающий всю эту невыразимо бездарную толпу сексуально распушенных полуковбоев, полушпионов, кривляющихся с дорогим оружием в руках на обложках пестрых книжек, — он все-таки любил, стыдясь признаться себе в этом, вот такой накал мужества, как у Шона Коннери, автомобильную погоню, темноту западни и сладкий запах, который можно почувствовать, потянув носом воз-

дух из пистолетного ствола. Наверное, в нем еще жил тот мальчишка, который, насмотревшись гангстерских фильмов, решил учиться подкрадываться к Дику, огромному датскому догу Дорона, так тихо, что пес не поворачивал морду на его шаги...

4. Настоящий или двойник?

В это утро супруги Миллеры проснулись, как обычно, в тот момент, когда по радио началась передача, открывающаяся маршем из популярной комедии «Семеро засыпают в полдень». Пока Эдвард брился, Ирэн еще нежилась в постели.

В спальню вошла горничная.

— Кофе готов, — сказала она. — Только что звонили из секретариата генерала Дорона и попросили передать, чтобы хозяин приехал на совещание к одиннадцати часам.

— Накрывайте на стол, Агата, — ответила Ирэн и обратилась к мужу, вышедшему из ванной комнаты: — Дюк, звонили от Дорона...

— Я слышал, милая, спасибо.

После завтрака Эдвард позвонил Керберу:

— Отто? Предупредите профессора Чвиза, что я приеду сегодня позже, так как меня вызывают к Дорону. Вас тоже? Ну и прекрасно. Тогда позвоните ему прямо сейчас, а потом мне.

Через несколько минут Кербер был вновь у телефона.

— Чвиза нигде нет, — сказал он. — Я звонил и домой, и в лабораторию. Вероятно, он тоже приглашен на совещание и уже находится где-то в пути.

Миллер повесил трубку и посмотрел на часы. Таратуре уже пора было подавать машину.

В эту минуту Таратура, сидящий за рулем черного «мерседеса» — любимой марки профессора Миллера, — был уже недалеко от дома своего шефа. На углу Дай-

нен-стрит, при повороте направо, ему пришлось резко затормозить, чтобы не стукнуть какого-то чудака, меланхолически переходящего улицу.

— Ой, ля-ля! — сказал Таратура, узнав журналиста Фреда Честера, с которым не виделся больше года, с тех самых пор, когда Честер написал за Таратуру его первую и единственную в жизни статью под названием «Я — гоночный автомобиль».

Дело в том, что Таратура работал прежде инспектором полиции, и тем, кто забыл его имя, можно напомнить, что именно он блестяще расследовал убийство банкира Костена. Когда дело было закончено и убийца — им оказался зять миллионера — предстал перед судом, Таратура, в свою очередь, предстал перед многочисленными репортерами и газетчиками, и еще неизвестно, кому из них было легче: убийце или инспектору полиции. «Вечерний звон» предложил Таратуре выступить на его страницах с автобиографическими воспоминаниями, и вот тогда инспектор Гард познакомил Таратуру с Фредом Честером. Честер к тому времени уже был под каким-то предлогом уволен из газеты, сидел без работы и кое-как перебивался небольшими заработками.

Три вечера они провели в кафе «Золотой зуб», а затем появилась статья, принесшая Таратуре еще большую известность. «Я — гоночный автомобиль, — написал Честер от имени инспектора, — и, пока с «бензином» дела обстоят благополучно, преступникам далеко не уйти». Лишь одного не мог понять Таратура: зачем Фреду понадобилось критиковать в этой статье президента, обвиняя его в попустительстве финансовой олигархии, — но Честер успокоил инспектора, сказав, что это обстоятельство ни в коем случае не повредит популярности Таратуры. «Наоборот! — сказал он и объяснил, что глава государства, как известно, читает только те газетные статьи, в которых упоминается его имя, не очень-то волнуясь из-за критики. — Он будет знать тебя, старина, а это не так уж мало!»

Вскоре после того как статья была опубликована, профессор Миллер и позвонил инспектору Гарду. Затем у Гарда с Таратурой состоялся разговор, из которого Таратура понял, что он может неплохо устроить свою жизнь, если плюнет на карьеру. Миллер в то время еще жил на старой квартире. Таратура приехал к нему, совсем не зная, как отнестись к предложению профессора, но долго сопротивляться не стал.

— Мне нужен человек, — сказал Миллер, — который был бы моей тенью. Такой человек, как вы.

— Тень — бесплотное существо, — ответил Таратура, — а у меня есть тело.

Миллер улыбнулся и мягко произнес:

— Я буду платить вам девятьсот кларков.

Это было вдвое больше, чем получал Таратура в управлении, и только сумасшедший мог отказаться от такого предложения. Сумасшедшим Таратура не был.

— Позвольте, профессор, задать вам один вопрос.

— Прошу, — сказал Миллер.

— Ваше положение в науке привлекает внимание агентуры других стран? Или вас волнуют иные соображения?

— Думаю, — ответил Миллер, — ваши обязанности от этого не изменятся.

И Таратура стал личным шофером, секретарем и телохранителем профессора Миллера. Он кое-что слышал о неприятностях, которые были у его нового шефа некоторое время назад, но, когда спросил о них Гарда, тот посоветовал обратиться по этому поводу к Честеру, «если тебе, сказал он Таратуре, очень уж хочется знать то, что знать не нужно». Таратура был любознательным человеком, таково было свойство его прежней профессии, но разыскать Честера в ту пору ему не удалось, а со временем любопытство несколько увяло. Тем более что его новая работа занимала очень много времени, хотя обязанностей теперь было несравненно меньше, чем в полиции: они свелись, по существу, к сидению за ру-

лем «мерседеса»; а на жизнь профессора, к счастью, еще никто не покушался.

И вот Честер, самым господом богом посланный Таратуре чуть ли не под колеса автомашины.

— Фред! — крикнул Таратура, прижав «мерседес» к тротуару. — Алло, старина! Куда ты смотришь?

Фред Честер, остановившись посреди улицы, смотрел на окна домов, на крыши, на толпу прохожих, но никак не на шикарный «мерседес», откуда кричал ему Таратура. Когда его взгляд все же упал на физиономию бывшего инспектора полиции, Честер покачал головой, как это делают люди, желая отбросить кошмарные видения.

— Таратура? — сказал он, подходя к машине. — Я знал, старина, что прежде ты раскрывал преступления. А теперь, наверное, сам кого-нибудь ограбил?

— Судьбу! — ответил Таратура, широко улыбаясь. — Но не завидуй, Фред, эта штука мне не принадлежит.

— Удивительное совпадение, — сказал Фред. — Я этот плащ тоже взял напрокат.

— Старина, я очень рад тебя видеть, но страшно тороплюсь, и если опоздаю хоть на минуту, мне придется занимать где-то голову. Тебе не по пути со мной?

— А куда ты едешь?

— Клингельнпарк, двенадцать.

— А, мне все равно, — сказал Честер, влезая на сиденье рядом с Таратурой. — Когда человека кормят ноги, можно дать им немного отдохнуть. Гони!

Они тронулись с места, и Таратура тут же спросил:

— Фред, я давно хотел с тобой поговорить. Что это за история с профессором Миллером, в которой, говорят, ты когда-то копался?

— Много будешь знать, — сказал Честер, — меньше зарабатываешь.

— Я не шучу, старина.

— А меня прямо-таки распирает от хохота.

— Секрет?

— Какой, к черту, секрет! Загадка.

Таратура сжал губы и искоса посмотрел на Честера.
— Не обижайся, — сказал ему Фред. — Я сам на себя обижен. До сих пор решаю этот ребус и никак не могу решить.

Машина остановилась в это время у дома Миллера.

— И все? — спросил Честер. — Кто тут живет?

— Мой шеф.

— Прилично платит?

— Как говорится, на хлеб с сосисками мне хватает.

— «Гоночный автомобиль» нашел себе пристанище в уютном гараже? Ну ладно, я пойду, а то еще твой шеф решит, что я пытаюсь переманить тебя.

Честер открыл дверцу машины, и в это время появился Миллер, который, быстро пройдя садик, окружавший особняк, торопился к «мерседесу».

— Профессор Миллер? — тихо сказал Фред, слегка поклонившись.

Миллер на мгновение задержал на лице бывшего журналиста взгляд, словно припоминая, откуда ему знакомо это лицо, и, тоже кивнув Честеру, сел в машину. Через мгновение Честер остался одиноко стоять на тротуаре, глядя в ту сторону, где скрылся «мерседес».

«Вот оно что! — подумал он. — Значит, Миллер переехал в этот особняк. И купил Таратуру... Что бы это могло значить?»

Подняв воротник, Фред зашагал по улице, обдумывая эти мало что говорящие данные и пытаясь сопоставить их с тем, что вот уже более полутора лет не давало ему покоя. Он все еще мучился вопросом: какой же Миллер остался в живых, настоящий или двойник?

5. Четверо у сейфа, не считая Фукса

Дорон не тратил времени на приветствия.

— Гард, у меня к вам дело. Куда-то запропастился профессор Чвиз из Института перспективных проблем,—

сказал генерал инспектору полиции, когда тот вместе с профессором Миллером и Кербером вошел в кабинет. — В его лаборатории обнаружена вот эта записка: «Я ухажу навсегда». Я не стал бы тревожить вас по пустякам, но этот старик действительно мне нужен. И желательно — живой. Мои ребята тоже ищут его, но им надо помочь. К вам, — Дорон обернулся к ученым, — пока единственная просьба: попытаться установить, где находятся чертежи установки Чвиза и другие документы.

— Мне кажется, это нетрудно сделать, — сказал Миллер, поправляя очки, — все документы были в сейфе...

— Тем лучше, — перебил генерал и подумал: «Мир, в котором профессора верят в неизбежность сейфов, воистину не оставлен еще господом богом». — Не смею задерживать. — Дорон встал.

«Все-таки он деловой парень, этот генерал, — подумал инспектор Гард: — Но люди, которые подразумевают в беседах сообразительность, обычно плохо кончают».

— Вы не возражаете, профессор, если я поеду в институт вместе с вами? — спросил Миллера полицейский инспектор, когда они вместе с Кербером вышли из кабинета генерала Дорона.

— Пожалуйста. Как вам будет угодно. — Миллер был погружен в собственные мысли.

— Я бы хотел посмотреть на этот сейф с документами, — продолжал Гард, делая вид, что он не замечает выражения сосредоточенного раздумья на лице физика. — Если эти документы еще там...

— А если их нет? — быстро спросил Кербер.

— Ну, в этом случае мое присутствие становится просто необходимым, — спокойно сказал Гард, шурясь от яркого солнца, ослепившего их после мрачных коридоров «Комитета Дорона». — Вы на машинах?

— Нет, генерал прислал за мной свою, — сказал Кербер, а Миллер промолчал.

— Отлично, тогда поедем на моей. — Инспектор распахнул дверцу черного «Гепарда-108», над крышей которого торчала антенна, длинная, как удочка. — Помимо неплохой резвости, у нее есть еще одно важное преимущество: мы можем не обращать внимание на знаки движения и полицейские трели. — Он вздохнул и добавил с грустной улыбкой: — Поверьте, это единственная радость в моей жизни.

Ехали молча. Инспектор — за рулем, ученые — на заднем сиденье.

— Кстати, профессор, — прервал молчание Гард, — для меня было бы нелишним узнать, у кого, собственно, находились ключи от сейфа.

— Дубликата не было, — ответил Кербер.

— Да, они всегда были у Чвиза, — подтвердил Миллер.

— А дубликат?

— Дубликата не было, — ответил Кербер.

— Откуда вы знаете? — спросил инспектор.

— Мне помнится, что сейфом пользовался только профессор Чвиз.

— Да, других ключей не было, — подтвердил Миллер.

— Вам не кажется, что запертый сейф без ключей — достаточно унылое зрелище? — спросил Гард, включая рацию на приборной панели автомобиля.

Миллер и Кербер не улыбнулись. Гард поправил ручку громкости и сказал:

— Я шестьдесят седьмой, вызываю дежурного.

— Дежурный О'Лири слушает, — хриповато отзывался динамик.

— Здравствуйте, О'Лири, как дела? Много работы?

— Здравствуйте, инспектор. Пока все нормально. В лесу, в восьми милях по Хамберлендскому шоссе, об-

наружен мужской труп без следов насилия. Пока не опознан. Больше ничего интересного. Прием.

— Молодой или старый?

— Старый. Борода. Прием.

Миллер встрепнулся и теперь внимательно слушал радиодialog. Кербер тоже подался вперед, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Хорошо, я потом посмотрю его. Вещей или бумаг не было?

— Корзинка с грибами и фляжка с водой. Прием.

— Хорошо. У меня к вам два дела. Пошлите Ройта и еще кого-нибудь, кто поглазастее, на квартиру профессора Чвиза. Пусть просто посмотрят, как там у него, но поаккуратнее. В общем, они знают, как это делается. И второе: подошлите Фукса с его готовальней в Институт перспективных проблем. Там для него есть работа. У меня все.

— Слушаюсь, инспектор. Фукс будет через полчаса...

Гард повернул ручку, раздался мягкий щелчок, рация умолкла.

— Надо сейчас же осмотреть труп, — сказал Кербер. — Я вспомнил, Чвиз говорил как-то, что любит собирать грибы.

— А он не говорил, что этим занятием, кроме него, увлекается еще миллионы десять человек? — спросил Гард.

— Но приметы... — Миллер тронул инспектора за плечо. — Согласитесь, что это может быть...

— Может быть! — перебил Гард. — А может и не быть. Не обижайтесь, дорогой профессор, двадцать лет назад, когда я начинал, я бы, не дожидаясь ваших советов, сломя голову бросился опознавать труп этого бедняги. Но теперь я стал старым и умным. Теперь я знаю, что труп — это верняк, он уже никуда от меня не денется. Это «самые спокойные клиенты в нашем беспокойном мире», как говаривает Бирк, хозяин похоронной фирмы «Спи спокойно, друг!». А вот сейф — дело другое. По-

верьте мне, дорогой профессор, я знал случаи, когда сейфы бегали не то что резвее покойников, а побыстрее самого олимпийского чемпиона, как там его... забыл... склероз.

Но тревоги инспектора оказались неоправданными: сейф был на месте. Да и мудро было похитить его. Стальной куб был вмурован в стену лаборатории так искусно, что среди развешанных на стене химических диаграмм не сразу можно было заметить узкий глазок замочной скважины.

— Вот здесь, — сказал, подходя, Миллер.

— Да-а-а, — задумчиво протянул Гард, — аккуратная вещица. Впрочем, если внутри нет никакой нестандартной штуки, Фукс с ним справится.

— Кто это? — спросил Кербер.

— «Человек-ключ», как писали о нем в газетах, — усмехнулся инспектор. — Старик из Одессы, в прошлом — взломщик сейфов экстра-класса. Из Одессы он уехал еще в двадцатом году. Знаменит ограблением королевского банка в Копенгагене. В Париже его поймали, отсидел лет пять. Потом он некоторое время резвился в Бразилии и Аргентине, опять попался и решил, что тюрьма чудесно обойдется без него. Сейчас он выручает ротозеев, которые теряют ключи, и иногда помогает нам. Но не будем терять времени. Я хотел бы узнать у вас некоторые детали.

— Какие детали? — быстро спросил Кербер.

— Прежде всего надо установить последовательность событий. Итак, когда вы видели в последний раз профессора Чвиза?

— В пятницу, около пяти часов вечера, я заходил в лабораторию и видел Чвиза, — сказал Кербер. — Он, как обычно, сидел около установки, вон там.

— Один?

— Нет, здесь была Луиза, его лаборантка.

— Вы говорили с ним?

— Говорил.

- О чем?
- Даже не помню. Какой-то пустяковый разговор.
- А вы, профессор? — Гард обернулся к Миллеру.
- Последний раз я видел его тоже в пятницу, примерно в то же время.
- Вы были вечером в институте?
- Да. Я приехал где-то около шести часов. Чвиз зашел ко мне, мы немного поговорили.
- Что было дальше?
- Потом он сказал, что окончил опыт и собирается уходить.
- Какое он произвел на вас впечатление? Вы не заметили в его поведении чего-нибудь необычного?
- Он всегда был чудаковатым человеком. Все необычное в нем трудно перечислить.
- Ну например?
- Например, он мог бы сейчас разговаривать с вами и одновременно разучивать гимн Эфиопии.
- Скажите, профессор, а чем он, собственно, занимался в этой лаборатории? Вы понимаете, я спрашиваю не из праздного любопытства.

Миллер помолчал.

— Как вам объяснить, — начал он. — Это очень сложная проблема. Чвиз разработал теорию матричной стереорегуляции. Вы, и я, и он, — Миллер оглянулся на Кербера, — все мы состоим из клеток, клетки — из молекул и так далее. Если говорить популярно, популярно до вульгаризации, Чвиз научился разлагать организм на молекулярном уровне в поле гиперрегулятора...

— Вон в той штуке? — перебил его инспектор, кивнув в сторону установки.

— Совершенно верно. Только не непосредственно в той штуке, а в поле этой штуки создается молекулярная матричная копия, двойник организма. Энергия огромна. Секунда работы установки стоит...

Но Гард уже не слушал профессора. Он отошел в глубину лаборатории, к установке, разглядывая это

огромное, причудливое сооружение. Медные шины, какие-то белые решетки на толстых блестящих изоляторах, тусклые металлические зеркала. Гард сразу заметил, что одна из двух больших прозрачных полусфер под этими зеркалами расколота.

— Простите, если я не ошибаюсь, установка повреждена?

— Да, к сожалению, — сказал Миллер.

— Это серьезная поломка? — спросил Гард.

— Как вам сказать? Сферу сделать не так уж трудно, но фокусировка займет несколько недель. И не всегда это получается с первого раза.

Взгляд Гарда задержался на циферблате часов, наверное единственно знакомом и привычном предмете в этом непостижимо дремучем лесу техники.

— А зачем тут часы? — спросил инспектор.

— Часы показывают время работы установки. А на счетчике срок работы в миллисекундах, — ответил Миллер.

Гард подошел к ученым.

— Итак, вы, профессор, не были вечером в пятницу здесь, в лаборатории?

— Нет, я был у себя в кабинете.

— А вы, — Гард обернулся к Керберу, — были?

— Да, минут десять.

— Между пятью и шестью часами. Так?

— Что-то около этого, — ответил Кербер.

— В это же время он заходил к вам, профессор. Так?

— Примерно.

— Что же произошло раньше? Ваш визит в лабораторию или... — Гард обернулся к Миллеру.

— Право, не знаю, — сказал Миллер. — Да и какое это имеет значение?

— Думаю, что профессор видел Чвиза позже меня, — сказал Кербер. — Когда я пришел в лаборато-

рию, он еще работал, а профессору он сказал, что кончил опыт и уходит.

— Разумно. Но вы говорили, что Чвиз работал с лаборанткой. Она сможет уточнить это? Она здесь?

— Думаю, что здесь. Я позову ее, — сказал Кербер.

— Не торопитесь, — остановил его Гард. — Я попрошу всех подойти к установке. Итак, если, как вы говорите, опыт был окончен до шести часов, каким образом эти часы показывают 18.15?

— Что? Этого не может быть!

Гард обернулся и увидел бледное лицо Кербера.

— Поразительно, — сказал Миллер.

— Простите, профессор, — Гард повернулся к Миллеру, — насколько мне удалось вас понять, старик разбивал организм вдребезги, делал копии с каждого осколка и вновь склеивал теперь уже точных двойников. Так?

Миллер улыбнулся.

— Хорошо, что вас не слышит Чвиз, он бы показал вам «вдребезги». Впрочем, в принципе вы правы.

— А если так, может ли эта штука, — инспектор показал на гиперрегулятор, — разбить, но не склеить?

— Что?

— Разбить, может быть, даже снять копию с осколков, но не склеить эти осколки? Ни первый, ни второй экземпляр? Так быть может?

— Нет. Программа работы регулятора заложена в него...

— Но ее можно вынуть и заменить?

— Нет, ее нельзя вынуть. Как таковой ее не существует, вы не поняли. Программа заложена в природе самой установки. Ну, как бы это сказать... Нельзя заставить автомобиль ехать только на задних колесах.

— Какое-то время можно.

— Весь процесс длится в течение тысячных долей секунды.

— Отлично! И если в это время, когда он уже напо-

ловину прошел, отключить все эти провода? Что тогда?

— Сброс поля?

— Назовем это так. Значит, эта штука может разрушить и не создать?

— Но схемы задублированы... — рассеянно сказал Миллер.

— Это уже детали, дорогой профессор.

— Вы хотите сказать, что Чвиз...

— Я ничего не хочу сказать, но, прежде чем двигаться вперед, я хочу видеть перед собой все дороги. Этот случай — побег, похищение или, наконец, впервые в моей практике, превращение в ничто, в святой дух? Или остается какой-нибудь пепел?

— Какой пепел? Ну что вы! Полная сублимация, — спокойно сказал Миллер.

— А это что за штука?

— Сублимация? Переход из твердого состояния в газообразное, минуя жидкое.

— Да, из этой штуки получился бы отличный крематорий, — усмехнулся Гард. — Если надумаете, возьмите меня в пайщики. — Он подошел к телефону, не спеша набрал номер: — Алло! О'Лири? Это опять я. Нет, еще не приехал. А что слышно с тем грибником? Так. Ну спасибо. — Гард повесил трубку.

— Это он? — спросил Миллер, заметно волнуясь.

Гард внимательно посмотрел на профессора.

— Нет. Это кузнец из соседней деревушки. Инсульт. Видно, нагнулся не за своим грибом.

— Разрешите войти? — раздался сзади тихий голос.

Все обернулись и увидели маленького старичка с небольшим чемоданчиком, похожим на этюдник.

— Входите, Фукс! — весело сказал Гард. — Тут для вас я припас одну хитрую коробочку.

Он показал Фуксу замочную скважину сейфа. Фукс открыл чемоданчик, достал отмычки и, любовно перебирая их в руках, покосился на скважину.

«Возможно, что в исчезновении Чвиза повинен толь-

ко сам Чвиз, — размышлял Гард, наблюдая за работой Фукса. — Конечно, это возможно. Обыкновенное самоубийство или эта... как ее?... Переход в газообразное состояние. Но тогда документы должны быть на месте. Если бы Чвиз захотел унести с собой в могилу секрет всей этой штуки, он уничтожил бы не только чертежи, но прежде всего саму установку...»

Что-то мягко и тихо шелкнуло под руками Фукса.

— Покорно прошу отойти в сторонку, — ласково попросил Фукс. — Вы не представляете, какие нервные люди строят эти сейфы. Ты их открываешь, а они поливают тебя из огнемета. Просто кошмар, а не работа.

Гард, Миллер и Кербер неторопливо отошли. Старик бесшумно распахнул дверцу. В черном чреве сейфа не блесло ни одной бумажки.

— И вот вам награда за мои труды, — грустно улыбнулся Фукс.

— Отлично, — сказал Гард. — Вот теперь я попросил бы вас, — он посмотрел на Кербера, — пригласить эту... как ее зовут... ну, лаборантку.

— Луизу?

— Да.

Кербер вышел.

Минут через пять он вернулся с Луизой.

— Извините за беспокойство, — никто не ожидал от Гарда такого изысканно благородного полупоклона, — я хотел бы задать вам вопрос: вы первой обнаружили записку, оставленную профессором Чвизом?

— Да, я.

— И это вы передали ее в секретный отдел института?

— Да, я.

— Когда вы в последний раз видели Чвиза?

— Это было в пятницу, часов в пять. Потом профессор отпустил меня...

— В это время он не выходил из лаборатории?

— Не помню... Как будто нет... Нет, не выходил.

- Вы работали на установке?
- Да.
- В какое время вы включали установку?
- Я же говорила: около пяти часов.
- Не позднее?
- Нет, ведь я ушла, когда еще не было шести.
- И когда вы вернулись?
- Что?
- Когда вы снова пришли в лабораторию и увидели записку?
- Утром, в понедельник...

6. Тридцать роковых минут

— В понедельник... — задумчиво повторил Гард, не испытывая удовольствия ни от вопроса, который он задал, ни от полученного ответа, поскольку вообще терпеть не мог так называемых «дежурных» слов, не продвигающих следствие хотя бы на дюйм вперед. Но, повинувшись своей старой привычке, он вскинул голову и строго посмотрел на Луизу: — Итак, вы говорите, в понедельник? В котором же часу?

— В девять тридцать утра, — коротко ответила Луиза и с нескрываемым любопытством посмотрела на Гарда.

Он был одет в темно-серый костюм свободного английского покроя, какой обычно носят клерки из отдела мелких ссуд, причем одна пуговица на левом рукаве пиджака могла вот-вот оторваться. Это обстоятельство не ускользнуло от внимательного взгляда Луизы и позволило ей вслух, причем в довольно милых выражениях, сказать Гарду о том, что, если бы она была его женой, он никогда не терял бы пуговиц не говоря уже о том, что не носил бы полосатые галстуки Айви-лиг, которые Луиза считала «консервативными».

Гард в некотором замешательстве выслушал эту ти-

раду, и ему понадобилось усилие, чтобы выжать из себя слова, более свойственные инспектору полиции, нежели джентльмену, ведущему светскую беседу.

— Я вынужден прервать вас, — сказал Гард, — поскольку меня больше интересует, какое впечатление произвел на вас профессор Чвиз, когда вы его видели в последний раз...

Луиза мгновенно прикусила язык и, подняв глаза вверх, припомнила свой последний разговор с Чвизом.

— Профессор показался мне несколько странным, — сказала она, — так как прежде он никогда не интересовался ни моим прошлым, ни будущим, а тут вдруг задал мне нелепый вопрос, замужем ли я. Кроме того, он задержал меня в лаборатории после работы, а это у нас не принято, хотя отлично знал, что я тороплюсь, и разрешил мне уйти лишь в половине шестого, а если говорить точнее, то в 17.25 вечера.

— У вас прекрасная память, — сказал Гард.

— В тот день я следила за часами, так как имела кое-какие планы на вечер.

— А вы действительно замужем? — неожиданно для самого себя спросил Гард и тут же подумал, что если бы его бывший учитель и шеф, ныне покойный Альфред Дав Купер, узнал о таком вопросе, то наверняка сказал бы: «Стареешь, Гард, стареешь».

Луиза быстро оглянулась на Миллера и Кербера.

— Простите, инспектор, — сказала она, чуть-чуть помедлив, — но, может быть, вы позволите мне пришить вам пуговицу?

При этих словах оба ученых, как по команде, посмотрели на пуговицу Гарда, как будто от нее зависел дальнейший ход следствия. Вероятно, они прислушивались к разговору, и Гард решил пощадить Луизу. Чуть-ем опытного сыщика он понял, что невзначай приподнял покрывало с какой-то скорее всего маленькой и личной тайны Луизы, которую он из чисто профессиональных соображений обязан был теперь открыть для себя — да

простит его Альфред Дав Купер! — хотя пятью минутами раньше у него и в мыслях не было затягивать так долго допрос лаборантки.

И Гард, улыбнувшись Луизе своей знаменитой «гардовской» улыбкой, на которую, кроме него, больше никто не был способен во всем полицейском управлении, галантным жестом предложил ей пройти в соседнюю с лабораторией комнату.

В этой комнате обычно переодевался Чвиз, мыл руки и готовился к опыту. Там стояло всего одно кресло, высокое и старомодное, как трон, и Гард предложил его Луизе. Сам он присел на край низкого журнального столика, удивительно нелепого в сочетании с этим древним креслом, и его глаза оказались почти на уровне рук Луизы, положенных на колени. Руки чуть-чуть дрожали, но Луиза сохраняла на лице спокойное выражение и, как заметил Гард, даже успела мельком взглянуть на себя в круглое зеркало, прикрепленное над умывальником. В комнату заглянул кто-то из помощников Гарда, но инспектор попросил оставить его на время в покое.

— Итак, я вас слушаю.

— Что? — спросила Луиза.

— Кто ваш муж?

Гард умел быть настойчивым, он знал за собой это качество и хотел, чтобы Луиза это поняла. Она еле заметным движением руки, на которое способны только женщины, что-то поправила в своей прическе.

— Питер, — произнесла она кротко и таким тоном, как будто Гард не позднее как вчера вечером ужинал вместе с этим Питером в «Лармене», а сегодня с утра уже успел сыграть с ним партию в гольф.

— Кто он и где сейчас?

Луиза кокетливо подняла бровь.

— Я обязана отвечать?

— Нет. Мы можем выяснить это и без вашего участия. Но я попрошу вас хотя бы объяснить причины, по которым вы не желаете мне ответить.

— Мы расстались с Питером три года назад, — сказала Луиза, и на глазах у нее выступили слезы. — Простите вас, не думайте ничего дурного... Но я не хочу, чтобы он оказался втянутым в эту историю. Я скрываю от Питера, что служу лаборанткой и... что вообще служу.

Открылась дверь, и вновь вошел кто-то из помощников Гарда.

— Простите, шеф, — чрезвычайное сообщение.

— Вы мне еще понадобится, — сказал Гард, хотя почувствовал, что интерес к тайне Луизы у него пропал.

Первое, что он увидел, вернувшись в лабораторию, было растерянное выражение лица профессора Миллера. Кербер стоял к Миллеру вполборота и с таким видом, который ясно давал понять, что сожалеет о случившемся, но поделать ничего не может. У Гарда не оставалось сомнения в том, что чрезвычайное сообщение исходит именно от Кербера, и он сразу подошел к нему:

— Я вас слушаю.

— Повторить?

— Пожалуйста.

— Видите ли, — сказал Кербер, — с того момента, как я увидел стрелки контрольного циферблата, я подумал, что тут какое-то недоразумение.

— Продолжайте.

— Стрелки показывают, что опыт Чвиза кончился в 18 часов 15 минут. Между тем лично я отдал распоряжение обесточить весь институт получасом раньше.

— В пятницу?

— Совершенно верно, в пятницу. На шесть часов вечера был назначен ремонт пульта центрального сектора. Профессор Чвиз, вероятно, не знал об этом или просто забыл, или... я вообще ничего не понимаю.

— Ваше указание было выполнено?

— Не помню случая, чтобы мои указания не выполнялись.

— Кем?

— В ту пятницу, вероятно, Пэнтоном.

— Он здесь, шеф, — сказал помощник Гарда. — Мы успели его вызвать.

Вошел Пэнтон, добродушного вида человек в синем комбинезоне.

— Меня звали?.. А что это здесь стряслось?

— Вы электрик? — спросил Гард.

— Ну и что? — ответил Пэнтон.

— В минувшую пятницу вечером вы обесточили институт?

— А я-то при чем? Мне сказали, и я выключил рубильник.

— В котором часу?

— Как сказали, так и выключил: в 17.45. На секунду промедлишь — будет несчастье, я это понимаю. Может, что-нибудь и стряслось? А? Но, клянусь вам, я выключил ровно в срок и еще сказал Ивенсу: «Слушай, дружище...»

— Благодарю вас, — прервал Гард. — Вы свободны.

Кто-то из помощников осторожно взял за локоть Пэнтон и вывел из комнаты.

Гард мгновенно оценил обстановку. Если все так, как утверждают Кербер и Пэнтон, профессор Чвиз не мог в 6 часов вечера разговаривать с Миллером. Его опыт должен был закончиться не позднее 17.45, и не позднее этого времени он должен был превратиться в газообразное состояние, если он действительно «сублимировался». На этих же цифрах обязаны были замереть стрелки контрольных часов. Но они не замерли, они проделали еще путь, измеряемый тридцатью минутами. Сами? Нет, не могли. Выходит, кто-то и зачем-то эти стрелки передвинул.

В ближайший час в лаборатории стояла тишина, никто не произнес ни единого слова, если не считать коротких междометий, которыми обменивались срочно вызванные специалисты по снятию отпечатков пальцев.

Когда один из помощников Гарда вернулся из се-

кретного архива, неся с собой две формулы — одну с только что снятых отпечатков и вторую, взятую из архива, с которой первая формула совпадала, — в комнате произошло легкое движение, какое обычно происходит в театральном зале при открытии занавеса, хотя никто из присутствующих не трогается с места.

— Чвиз, — одним дыханием сказал помощник, наклоняясь к Гарду. Он сказал это тихо, но достаточно четко, так, что по его губам все сумели угадать слово, им произнесенное.

Луиза уткнулась в книгу недвигающимися зрачками. Кербер нервно тер лысину, а Миллер, тяжело и громко вздохнув, закуривал, но никак не мог прикурить.

Гард на секунду закрыл глаза и, когда открыл их, уже знал, что будет делать дальше.

— Господа, — сказал он, — я не смею вас больше задерживать. Спасибо за помощь.

Лаборатория быстро пустела, и только Миллер продолжал сидеть в своем кресле. Гард благодарно посмотрел в его сторону, поскольку профессор сам избавил инспектора от неприятной обязанности задержать его.

— Прощу ко мне в кабинет, — сказал Миллер, когда, кроме помощников Гарда и людей Дорона, никого не осталось. — Я хотел бы поговорить с вами наедине.

7. Голос с того света

— Получается так, — сказал Миллер, — что если Чвиз покончил с собой, это должно было случиться не позже 17.45?

— Да, профессор, — сказал Гард.

— Кроме того, получается, что я ухитрился разговаривать с ним после его сублимации?

— Вы правы, профессор.

— Значит, я что-то путаю или попросту лгу, когда

утверждаю, что беседовал с Чвизом в районе шести часов вечера?

— Не исключено, профессор.

— И вы склонны подозревать меня в причастности к его исчезновению, хотя вам известно, что стрелку он передвинул сам?

— Не буду этого скрывать, профессор.

— Отлично. В таком случае, я тоже буду с вами откровенен.

— Это скорее в ваших, а не в моих интересах.

— Я понимаю.

Миллер умолк и сделал несколько шагов по своему огромному и мрачному кабинету. Он явно что-то обдумывал и, кажется, даже забыл на время о Гарде. Гард терпеливо ждал, наблюдая за Миллером и чувствуя себя той кошкой, которая позволяет мышонку еще немного поиграть, прежде чем им поужинать. Но вот Миллер решительно подошел к высокому секретеру, нажал кнопку, и Гарду открылся крохотный магнитофон. Повернувшись всем телом к инспектору, Миллер произнес:

— Гард, профессор Чвиз действительно был в этом кабинете, он сидел в том самом кресле, в котором сидите сейчас вы, и это случилось в районе шести часов вечера. Мы говорили с ним не более пятнадцати минут. Я записал наш разговор на пленку, я хочу, чтобы вы сейчас его прослушали. Вы готовы?

— Да, профессор.

Неприятный холодок пробежал по спине Гарда, предвещая ему наступление того знакомого, одновременно жуткого и желанного состояния, которое он, уже не как кошка, а как хорошая гончая, неизменно испытывал, попадая на точный след, чуя его, готовясь к погоне или острой схватке. Для того чтобы Миллер не заметил его волнения, Гард быстро положил сигарету в пепельницу и обеими руками крепко сжал подлокотники кресла.

Миллер и сам волновался не меньше. Он даже снял свои массивные очки, чтобы протереть стекла, как буд-

то ему предстояло сейчас что-то увидеть, а не услышать.

— Хочу вас предупредить, — сказал Миллер, прежде чем пустить магнитофон. — Я встретил Чвиза в коридоре, столкнувшись с ним у дверей своего кабинета. Начала разговора здесь нет, но там, в коридоре, было сказано лишь несколько слов — я, право, не помню, каких именно.

Бесшумно двинулась кассета, даже шипением не нарушая мертвой тишины, и Гард услышал голос Чвиза, прозвучавший так близко, и так реально, что лишь усилением воли он заставил себя не оглянуться.

«— ...ровно на пять минут, я очень тороплюсь. Откровенно говоря, никак не ожидал вас сейчас увидеть. Спасибо, я сяду. Вы были у Роуса?

— Нет, в Бред-Харре.

— Коньяк? А где ваш знаменитый стефорд?»

Наступила пауза, во время которой Гард услышал, как булькает жидкость и как горлышко бутылки мелко и дробно стучит о край рюмки. — Чвиз никогда не пил, — успел сказать Гарду Миллер, прежде чем пауза кончилась. — Во всяком случае, такие крепкие напитки. Я сразу понял, что ему не по себе.

«—Что случилось, профессор? — услышал Гард спокойный голос Миллера. — Уж не влюбились ли вы?

— Мне не до шуток, Эдвард. Звонил Дорон.

— Сегодня?

— Он был у президента.

— Не хватит ли вам одной рюмки, профессор?

— Пожалуй, вы правы, Миллер. Дорон сказал, что нам дали деньги и дали срок. Я не уверен, что вы меня правильно поймете и что вообще кто-нибудь способен меня понять, но мне стало страшно...»

В этот момент послышался звук опрокинутой рюмки и резко отодвигаемого кресла.

— Ему стало плохо, — сказал Миллер Гарду.

«— Нет, нет, не волнуйтесь, — услышал Гард голос Чвиза. — Я, вероятно, просто пьян.

— Присядьте, профессор, у вас и так неважное сердце. Стоит ли нервничать раньше времени?

— Ах, мне бы ваши годы, Миллер!.. Скажите мне как своему коллеге и соавтору: вы думали когда-нибудь о том, что нам с вами придется отвечать перед историей?

— С меня вполне достаточно отчитываться перед Ирен, которая даже сегодня спросит, где я так поздно задержался.

— Вы это серьезно, Эдвард? Я никогда не мог угадать, где вы говорите серьезно, а где шутите... Но вы думали о том, что наши потомки не простят нам, если установка будет создана? Вы это понимаете? Или вы думаете, что Дорон будет дублировать вместо солдат коров? Но что Дорону, который ответствен лишь до тех пор, пока он физически существует? А мы живем и после нашей смерти...

— Вы что-то рано о ней заговорили, профессор.

— Ну ладно, хорошо, поймите меня правильно. Я знаю, что у меня просто не хватит сил бороться с Дороном, если в такой борьбе вообще есть смысл. Но, честно говоря, я до сих пор не понимаю вас. Что вы хотите? Что вы намерены делать? Вы стали осторожны...

— Коллега, вам нельзя много пить.

— Ну вот, так я и знал, вы совершенно не приемлете разговоров на эту тему. А мне чрезвычайно важно знать, Миллер! Чтобы решить, что мне делать. Ну, что мне делать?

— Я отвезу вас сейчас домой, а утром...

— Поздно. Конечно, я чудак, с вашей точки зрения, но вы знаете: я упрям в своем чудечестве. В конце концов, одной ногой я уже в могиле, и вот я стою перед вами, а на самом деле...

— Профессор, я никогда не думал, что одна рюмка...

— Как мне хочется все бросить и уйти, исчезнуть, раствориться, плюнуть на Дорона, на эту страшную

установку, даже на вас, простите мне, ради бога, такие слова!

— А потом?

— Потом? Какое мне дело, что станет потом? Когда вам, Миллер, будет столько лет, сколько мне сейчас, вы тоже серьезно задумаетесь над тем, с какой совестью лучше отправляться на тот свет. Ладно, мне пора, я и так уже заговорился».

Часы в кабинете Миллера четко пробили шесть раз. Гард поднял глаза и убедился, что звук идет с пленки магнитофона, так как реальным часам еще предстояло минут пятнадцать повременить до боя.

«— Прощайте, коллега», — сказал Чвиз откуда-то издали — вероятно, от двери.

И пленка кончилась. Несколько минут они сидели молча, и наконец Гард нарушил тишину:

— Пожалуйста, профессор, включите с того момента, где Чвиз говорит о могиле, в которой он стоит одной ногой.

Кассеты завертелись в обратную сторону, и Гарда даже передернуло, когда он услышал голос Чвиза, перешедший в визг и действительно ставший потусторонним. Но вот наконец:

«— ...одной ногой я уже в могиле, и вот я стою перед вами, а на самом деле...

— Профессор, я никогда не думал, что одна рюмка...»

— Спасибо, — сказал Гард. — Только вы зря, Миллер, перебили его мысль.

Миллер ничего не ответил, и в комнате опять наступила тишина.

— Позвольте вам задать один вопрос, профессор, — тихо произнес Гард, глядя на Миллера в упор. — Почему вам пришла в голову мысль записать этот разговор с Чвизом?

Миллер сел в кресло напротив и, тоже глядя в упор на Гарда, спокойно сказал:

— С некоторых пор, Гард, — а что я имею в виду, вы прекрасно понимаете — я стал принимать некоторые меры по самозащите. Но разве сам факт записи вызывает у вас какие-то подозрения?

Гард пожал плечами.

— Не знаю, быть может, в ваших сомнениях и есть резон, — продолжал Миллер, — но я привык теперь записывать все разговоры, которые ведутся со мной, по крайней мере в этом кабинете. Надеюсь, вы не обидитесь, если узнаете, что и эта наша беседа...

Миллер перевел рычаг магнитофона, и Гард услышал собственный голос:

— «...задать один вопрос, профессор. Почему вам пришла в голову мысль записать этот разговор с Чвизом?

— С некоторых пор, Гард, — а что я имею в виду, вы прекрасно понимаете, — я стал принимать некоторые меры по самозащите. Но разве сам факт...»

Миллер резким движением выключил магнитофон. Гард вновь пожал плечами.

— И все же, профессор, я не могу сказать, что полностью удовлетворен. Во всяком случае, если даже к исчезновению Чвиза вы действительно не имеете отношения, то папка с документами...

— Мне трудно убеждать вас, Гард, — прервал Миллер нетерпеливо, — но неужели вы до сих пор не понимаете, что документы мне не нужны, так как все данные по установке находятся вот здесь. — И он тронул рукой свою голову. — Больше того, Чвизу эта папка тоже не нужна. Какой ему в ней толк, если он знает, что я все знаю?

— Значит, чужой?

— Я вас не понял.

— Вы полагаете, что документы выкрал чужой человек и он же повредил установку?

— Трудно сказать, инспектор. Смотря кого считать «чужим». Того, кто связан с институтом или не связан?

Я хочу, чтобы вы поняли одно: мне документы не нужны!

— А Чвиз вам нужен?

Миллер хотел было что-то ответить, но неожиданно скис и опустился в кресло. Гард почувствовал, что профессор словно бы потерял опору под ногами. По всей вероятности, Миллер возлагал слишком большие надежды на демонстрацию магнитофонной пленки и, когда убедился, что она не произвела на Гарда должного впечатления, откровенно сник.

— Ну что ж, — сказал Гард, поднимаясь с кресла, — в конце концов, у меня теперь есть материал для раздумий. И на том спасибо. — Остановившись в дверях, он добавил: — Если ваш магнитофон, Миллер, включен до сих пор, я хочу, чтобы после моего ухода вы еще раз внимательно прослушали слова, которые я сейчас произнесу: «Уважаемый профессор, мне трудно пока решить, помогли вы мне, продемонстрировав пленку, или только меня запутали. До новых встреч!»

Когда Гард удалился, Миллер подошел к своему столу и решительно нажал кнопку. За спиной профессора бесшумно распахнулись узкие дверцы, и в комнате появился Таратура.

— Таратура, — сказал Миллер твердым голосом, — есть важное дело...

8. Темный лес

Звонок Гарда застал Фреда Честера в ту самую веселую минуту, когда он ссорился с женой.

С тех пор как Честер был вынужден расстаться с газетой, жизнь под одной крышей с Линдой стала для него очень трудной. Нельзя сказать, чтобы она не любила своего мужа или испытывала к нему какую-то неприязнь, но претензии Линды к Фреду явно перерастали его нынешние возможности. Линда продолжала жить так,

будто Фред по-прежнему приносил домой регулярные деньги, а не случайные гонорары, — вероятно, подобным образом устроены все женщины на белом свете, которые однажды, разучившись экономить, уже никогда не могут постичь заново это немудрое искусство. Во всяком случае, Линда и слышать не хотела о продаже пианино, на котором она раз в месяц играла попури из современных оперетт, и тем более старенького «бьюика», у которого только чудом крутились колеса.

В этот день Линда с самого утра пилила Фреда, настаивая на том, чтобы он вновь вспомнил о своей прежней профессии парикмахера. Сначала Фред не возражал, говоря, что в любую минуту готов взять в руки ножницы и щипцы для горячей завивки, если Линда даст согласие быть его первой клиенткой. Но потом ему все это надоело, и он серьезно заявил Линде, что настолько перезабыл парикмахерское ремесло, что наверняка будет среди прочих парикмахеров «каменотесом». И вообще он не желает расставаться с профессией журналиста, чего бы ему это ни стоило.

— Ну вот, — вскричала Линда, — еще не хватает, чтобы ты сам платил за свои дурацкие интервью, вместо того чтобы получать за них!

И в это мгновение зазвонил телефон, за который, кстати, уже три месяца не было уплачено.

— Старина, — сказал Дэвид Гард, — я чувствую, ты, как всегда, чирикаешь со своей милой супругой? У меня есть к тебе дело...

Гард ждал его в парке Майнтрауза, сидя на лавочке, укрытой под плексигласовым навесом. Шел противный, мелкий дождь, и место, выбраное Гардом, было как нельзя более удачным.

Фред уже привык к тому, что Дэвид вызывал его, как правило, для совета. Прежде он был отменным поставщиком сенсационных материалов, но то золотое время для Честера благополучно кончилось на деле Миллера, и даже с самыми сногшибательными статья-

ми он не мог появиться в редакциях ведущих газет. С другой стороны, Дэвид в последнее время все чаще стал заниматься делами, не подлежащими огласке.

— Что стряслось, старина? — спросил Честер, усаживаясь рядом с Дэвидом и «беря быка за рога», поскольку он знал, что у Гарда обычно не бывает свободного времени.

— Я не тороплюсь, Фред, — вопреки обыкновению, сказал Гард. — В этом деле торопливость чревата...

— Ну что ж, тогда давай поговорим для начала о том, как кормят в «Ламенге».

— Ого, не ранее как сегодня утром я вспомнил этот ресторан, когда Луиза сказала мне о Питере.

— Старина, — заметил Фред, — я тоже умею говорить загадками, и если ты хочешь, чтобы у нас получилась толковая беседа, я напомню тебе о Розе и Форшдермоте.

— А это кто такие?

— Позволь спросить в таком случае: кто из нас кого вызвал на это милое свидание? Быть может, лучше ты расскажешь мне, кто такие Луиза и Питер?

— Дело не в них, Фред. Я хочу спросить тебя: что ты думаешь о том, какой Миллер остался?

— Я не могу ответить на твой вопрос хотя бы потому, что не знаю, с какой целью он задан. Кроме того, ты уверен, что я вообще знаю ответ? Таратура мог бы быть тебе сегодня полезней...

— Он человек Миллера и ничего не скажет, даже если бы он и знал, что сказать, — возразил Гард. — А ты, по крайней мере, больше всех возился с тем делом, и, я уверен, оно мучает тебя еще сегодня.

— Хорошо, Дэвид. Но при условии: карты наружу.

— Как всегда.

Они подняли правые руки, коснулись своих левых плеч, что еще с незапамятных времен означало у них клятву в безоговорочном доверии друг к другу, и Гард

в течение получаса подробно излагал Честеру все, что ему было известно по делу Чвиза.

Собственно, знал он не так уж много. Он знал, бесспорно, что профессор исчез, как исчезла и папка с секретными документами, и мог определенно предположить, что его исчезновение было инсценировкой. Он, безусловно, знал, кроме того, что записка написана самим Чвизом и что он собственной рукой передвинул стрелки контрольных часов. Сам ли он задумал исчезнуть или его заставили, по доброй ли воле написал записку или ему продиктовали содержание и, наконец, добровольно ли он передвигал стрелки часов, — ответить на эти вопросы Гард не мог. Старик скорее всего жив, он где-то спрятан или прячется сам, но кому это нужно и зачем, остается тайной.

В конце концов, в этом деле могли быть замешаны совершенно посторонние люди, хотя их вход в институт и выход за его пределы чрезвычайно усложнены, если сравнивать с возможностями «своих». А «своими» были только трое: Кербер, Миллер и Луиза, которая в крайнем случае могла оказаться лишь орудием в чьих-то руках — ну, предположим, в руках некоего Питера, своего бывшего мужа, до которого Гард хотел «добраться». Кербер тоже вызывал сначала серьезные подозрения, особенно после того, как он буквально изменился в лице, когда в лаборатории были обнаружены контрольные часы. Но затем странное состояние Кербера получило разгадку, ибо именно он установил несоответствие стрелок с фактической возможностью проводить опыты. Значит, Миллер? Да, Миллер. И Гард не желает скрывать своих подозрений ни от Честера, ни от Дорона, ни от самого Миллера, который, зная о них, может предпринять кое-какие действия и тем себя разоблачить.

Но вот что интересует Гарда на этом этапе следствия: мог ли Миллер, если учесть его характер, образ мышления и прочие личные качества, «убрать» Чвиза и выкрасть документы? Мог или не мог?

— Я понимаю, — сказал Гард Честеру, — что ты не располагаешь точными данными, но я верил и верю твоей интуиции. Подумай, Фред, и скажи мне: какой Миллер остался?

Честер молчал очень долго, до конца испытыв терпение друга. Наконец он сказал:

— Дэвид, что должна была делать эта установка?

— Какая тебе разница?

— Удовлетвори мое любопытство.

— Откровенно говоря, я и сам толком не знаю. И вообще, на кой тебе черт лезть в это дело, если каждый человек, знающий об установке, рано или поздно попадает в «список» Дорона?

— Я в этом списке так давно, что одним секретом больше, одним меньше...

— Хорошо, — сказал Гард. — Я понял так, что она может превращать людей в газ, а может и создавать новых.

— Печатать?

— У них это называется как-то иначе.

— Я так и думал. Появление двойника Миллера заинтересовало Дорона в той истории больше всего, и я еще тогда понял, что старику Чвизу придется туго.

— А Миллер?

— Что Миллер? Я иногда смотрю на тебя, Дэвид, и мне кажется, что ты появляешься рядом со мной транзитом из потустороннего мира.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не обижайся, старина, но ты или делаешь вид, или действительно наивен, как ребенок, если полагаешь, что от характера Миллера, и только от него, зависит его же поведение. А Дорон? А общественное мнение? А прочие внешние обстоятельства?

— Я инспектор уголовной полиции... — начал Гард.

— Очень приятно познакомиться, — прервал его Честер. — Остальное я могу сказать за тебя: «И я не лезу

в политику. У меня есть труп, и моя задача найти убийцу». Все?

— Все.

— А я сейчас нарисую тебе варианты, и ты поймешь, что твоей страусиной логике полтора лема цена. Предположим, остался «плохой» Миллер — человек крайне реакционных взглядов, коварный, злой, властолюбивый, завистливый и так далее. Ну что ж, вполне логично, если он захочет «убрать» конкурента Чвиза, украсть документы, чтобы они больше никому не достались, получить в свои руки всю установку, а потом диктовать условия доронам и, может быть, всему миру.

— Согласен, — сказал Гард. — Вот это мне от тебя и было нужно.

— Ты, кажется, сказал, что торопливость в этом деле чревата? Куда же ты торопишься?

— Ты стал ворчлив, как твоя милая Линда.

— Один — один. Можно дальше? Так вот, представь себе, что остался «хороший» Миллер — благородный человек, с прогрессивными взглядами, честный и справедливый, гуманный и умный. Что может сделать он в подобной ситуации? Он тоже может «убрать» Чвиза — уговорить старика отправиться в надежное и тайное место, — ибо понимает, что старик слишком слаб и мягок, чтобы сопротивляться Дорону, что он не борец, что он может под небольшим нажимом даже не продать, а просто отдать Дорону все что угодно. И, конечно, может взять при этом документы, чтобы они не попали в чужие руки. Вывод: «хороший» и «плохой» Миллер могли поступить в этой ситуации одинаково.

9. Под зеленой крышей

Таратура стоял перед Миллером, стряхивая пыль с локтей своего пиджака.

— Вы все слышали? — спросил Миллер.

— Иначе зачем бы я там сидел, шеф? Этот тайник надо расширить. Душно. Антисанитарные условия работы.

— Оставьте ваши шутки, — поморщился Миллер. — Вы понимаете, что этот инспектор подозревает меня?

— Я работал с этим инспектором несколько лет, шеф. Вы абсолютно правы, он действительно подозревает вас.

— А что вы думаете обо всем этом? Кого подозреваете вы?

— Вас, шеф.

— Так. Прекрасно. Давайте начистоту. Работа Чвиза — очень важная работа. Я много думал о ней и понял, что должен помогать Чвизу. Мы работали вместе и достигли важных результатов. Я хорошо знаю последнюю модель установки. Многие детали этой модели — мои детали. Я собирал их своими руками. Мне не нужно было красть чертежи. Вы верите мне?

— Допустим.

— Если так, придется сменить объект ваших подозрений. Кто тогда?

— Видите ли, шеф, есть два принципиально разных пути поиска. Можно искать Чвиза, а через него документы. Но можно искать документы, а через них — Чвиза. Оба исчезновения связаны между собой. Это ясно. Ясно и другое: документы похитил не Чвиз. Если бы он задумал бежать со своим изобретением, он должен был бы, простите, пристрелить вас, шеф. Ведь он знал, что вы понимаете, как устроена эта машина. Поэтому к короткой цепочке Чвиз — документы цепляется какое-то дополнительное звено или несколько звеньев. Они могут цепляться за Чвиза, могут за документы, а могут и с двух сторон. Но во всех случаях цепочка остается цепочкой — все связано.

— Это логично, — прокомментировал Миллер.

— Итак, повторяю, шеф: можно начинать с Чвиза, а

можно и с документов. Вы, конечно, считаете, что найти человека легче, чем пачку листов бумаги. Именно так и меня учили в полицейской школе. Но это не всегда так, шеф. Убейте меня, если в моей башке есть хотя бы одна, пусть самая дохлая, идея, где находится Чвиз. В Париже, в Москве, на острове Танти, на дне деревенского пруда, в могиле или в четырех посылках, идущих малой скоростью в разные города по несуществующим адресам. А может быть, старик плюнул на все и валяется четвертый день вон в том доме напротив ваших окон? Другое дело — документы. Они исчезли из института между вечером пятницы и утром понедельника. Доступ в институт открыт очень ограниченному кругу людей. В лабораторию Чвиза — еще более ограниченному. Круг сужается. Ближе всего к его центру вы, шеф, Кербер и Луиза. С этих людей и начал бы любой грамотный детектив. Например, такой, как я. Фантазия в нашей профессии только вредит. Я бескрылый человек, и я начал бы с вас, шеф. Но вы стараетесь убедить меня, что это никудышняя затея, хотя, простите, алиби у вас нет. Только рассуждения. А слова, шеф, такой мягкий материал, что из них можно вылепить что угодно. Теперь вы спрашиваете: «Кто, если не Миллер?» Я начал бы с Луизы. Женщина. Конечно, работы больше, это верно. Но знаете, шеф, интереснее! Механизм поведения женщины — это такая штука, по сравнению с которой установка Чвиза — детский волчок. Я хочу попробовать разузнать что-нибудь интересное о Луизе.

— Хорошо, — согласился Миллер. — Лишь одна просьба к вам: все, что вы узнаете, вы доложите инспектору Гарду. Я так хочу. Он продолжает подозревать меня, но я сам даю ему помощника.

...Таратура не терял времени даром. Ему удалось быстро установить, что Луиза Муллен двадцать восемь лет назад родилась в маленьком городишке Кролле, в шестидесяти милях отсюда, в семье мелкого лавочника Жана Муллена, скончавшегося три года назад. Ее мать

продала лавку и жила в Кролле, а брат, сержант морской пехоты, служил где-то в Юго-Восточной Азии. Живет Луиза на улице Желтого Клоуна, где снимает крохотную квартирку.

Домохозяйка Луизы сразу сообразила, что на Таратуре можно заработать, и ее пришлось «размачивать» десятью кларками. В рассказе домохозяйки была одна любопытная деталь. Никогда никто не видел Луизу в обществе молодых людей. Подруги были. Болтали, дурачились, бегали в кино. Иногда подруги приходили со своими кавалерами. Это бывало. Но Луиза — никогда. Правда, не чаще одного раза в неделю она возвращалась очень поздно. Обычно на такси. Ее никто не провожал.

— Я уверена, что у нее есть возлюбленный, — сказала домохозяйка и подмигнула Таратуре.

Даже она не знала, что Луиза была когда-то замужем. В карточке полицейского управления, к которой Таратура по старой дружбе получил доступ, удалось установить, что Питер Клаус — торговец скобяными товарами, довольно средней руки коммерсант — действительно был мужем Луизы Муллен. Расставшись с ней, он женился на дочери покойного Флетчера Претта, вдова которого держала небольшой ресторан на углу Баркен-стрит и улицы св. Франциска. Полгода назад Питер Клаус объединил свой капитал с матушкой Претт, и ресторан буквально расцвел. Никакого отношения к научному миру Питер никогда не имел, а с Луизой, судя по всему, не встречался.

«Или она таскает документы Института перспективных проблем какому-нибудь шпиону, — подумал Таратура, — или шпион является ее возлюбленным, или Питер еще не забыл дорогу к Луизе, и они продолжают тайно встречаться... Во всяком случае, сейчас выслеживать ее было бы глупо. После всей этой истории она, конечно, понимает, что за ней могут следить. Впрочем, я

увлекаюсь, как это бывало и в прежние добрые времена. А не проветриться ли мне? Пожалуй, надо навестить старушку...»

Следующим утром Таратура уже сидел на веранде крохотного ресторанчика со странным названием «Розовый кавалер» — единственного ресторанчика Кролля, если не считать пивной «Радость» и аптеки, где подавали кофе. Таратура не спеша потягивал пиво и с каждым глотком преисполнялся мира и благодушия. Вся эта суэта с пропажей старого профессора, хриплые телефоны, тайники, автомобили, потные, душные воротнички нейлоновых сорочек, торопливые обеды — вся эта бессмысленная, шумная, пестрая городская жизнь отлетела от него. И он думал о ней так, будто все это его не касалось, будто он уже порвал с ней навсегда, а эта веранда, и плетеные креслица, и холодное вкусное пиво, и гомон ласточек, и это высокое небо будет с ним всегда.

«Как я живу? — вдруг подумал он. — Жизнь — бег, в котором нет финиша, вернее, в котором на финише тебя ждет Бирк. И нет никаких призов, как бы быстро ты ни бежал, а если и дарят цветы, то венки, а не букеты».

— Не хотите ли еще пива? — услышал он за спиной голос хозяина ресторанчика и обернулся.

— Нет, спасибо. У вас отличное пиво, и чем больше пьешь, тем труднее остановиться.

— Мы варим его сами, без всяких химических хитростей, — засмеялся польщенный хозяин. — Я вижу, вам понравилось у нас.

— Да, очень нравится, — просто сказал Таратура и вдруг понял, что «там», в «той» жизни, он бы не смог так просто ответить.

— А надолго в наши края?

— Нет, сейчас поеду... Впрочем, надо еще зайти к мамаше Муллен, передать ей привет от дочки. — И он

снова заметил про себя, что назвал незнакомую ему женщину «мамашей», чего никогда не сделал бы «там».

— О, как хорошо! Она будет рада! Обязательно, обязательно зайдите! — обрадовался хозяин ресторана. — Это же совсем рядом. Вот ее дом, зеленая крыша за зелеными деревьями... Хотите, я провожу вас?

— Спасибо, — сказал Таратура и опять подумал, что «там» никто бы не обрадовался такой крошечной чужой радости и не пошел бы провожать его в чужой дом.

Он вошел в зеленый палисадник и сразу увидел маленькую старушку с лейкой в руках.

— Простите, могу ли я видеть мадам Муллен? — спросил Таратура.

— Это я, — отоввалась старушка и поставила лейку на землю.

— Добрый день. Я от Луизы.

— Вы Бэри?! — воскликнула мамаша Муллен. — Ну конечно, я сразу вас узнала! Ну конечно же, вы Бэри!

«Черт возьми, — пронеслось в голове Таратуры, — этого я не предусмотрел. Однако стоит рисковать».

— Да, я Бэри, — сказал Таратура. — Никак не ожидал, что вы меня узнаете.

— Ну как же! Луиза так много писала о вас! Пойдемте в дом.

И вот они уже сидят в чистенькой гостиной со старенькой мебелью и портьерами с бахромой в виде маленьких шариков, какие «там» нельзя купить ни в одном универмаге. Они сидят, и он рассказывает ей о Луизе и ее работе.

— О, это так трудно — химия! — вздыхает мамаша Муллен. — Я знаю, я читала в газетах. Скажите, а это не опасно?

И Таратура рассказывает, что это совсем не опасно, а она угощает его чаем, советует попробовать джем из слив.

— Вы тоже химик? — спросила она.

— Не совсем, — осторожно сказал Таратура.

— Но ведь Луиза писала, что вы тоже работаете в этом институте?

— Да, разумеется, — поправился Таратура. — Но у нас в институте не только химики. Я занимаюсь химической физикой. Это, как вам сказать...

— О, не трудитесь, я все равно не пойму. — Она замахала на него руками. — Лучше попробуйте вот это. Да, да, засахаренные вишни. Из собственного сада. О, это очень вкусно и дает прекрасный цвет лица! Впрочем, вы в этом не нуждаетесь. С такой целью есть эти вишни вам положительно рано. Никогда вам не дадут ваших лет! Никто и никогда!

— А сколько дадите мне вы? — лукаво спросил Таратура.

— Ну, я не в счет, — заулыбалась мамаша Муллен, — я-то знаю, Луиза писала мне. Я могу вам только польстить.

— Но, может, Луиза прибавила, стараясь показать вам, что у нее серьезный и солидный друг? — сказал Таратура.

— Вы старше ее на двенадцать лет, — с простодушным смущением сказала мамаша Муллен. — Ну что? Теперь вы сами видите, что моя дочка не обманывает свою маму. А?

— Да, это верно, — улыбнулся Таратура.

Он досидел до обеда, и они вместе обедали, а потом опять говорили, и он опять рассказывал, как живет Луиза, где бывает, какие у нее подруги, что купила она себе в последнее время.

Наконец он собрался уезжать, но матушка Муллен не отпускала Таратуру, просила новых рассказов, и он не мог ей отказать.

Потом, уже под вечер, она проводила его, и когда они распрощались и он уже повернулся, чтобы идти к машине, она вдруг схватила его за рукав и, заглядывая в глаза, спросила тихим, срывающимся шепотом:

— Скажите мне, Бэри, вы правда любите мою Луизу? Правда?

— Да, очень, — выдавил из себя Таратура.

— Не обижайте ее, Бэри. Она хорошая, моя девочка. Ну, идите, идите... Храни вас бог.

...Никогда еще не было у Таратуры так мерзко на душе.

Над редким мелколесьем, слева от автострады, уже поднималось розовато-пепельное зарево большого города. Таратура увидел его и понял, что напьется сегодня, как самая грязная свинья.

— Бэри работает в Институте перспективных проблем... Сорок лет, — вслух повторил Гард, когда Таратура рассказал ему все, что узнал. — Ну что же, старина, это и мало и очень много.

Через полчаса перед инспектором уже лежала бумага, срочно присланная из канцелярии института. В институте работало четверо сорокалетних:

Вильям Слейтер — сварщик, сварочная мастерская.
Самуэль Гротгус — инженер, лаборатория № 8.

Мэри Петтерсон — судомойка, бар третьего этажа.

Отто Кербер — инженер, лаборатория профессора Чвиза.

— Кер-бер, Бэ-ри. Ясно, — сказал Гард. — Это именно тот случай, когда надо докладывать боссу. Видит бог, как я не люблю этих случаев...

Еще через полчаса он был у Дорона.

— Очень любопытно. Очень, — сказал генерал, выслушав доклад Гарда. — Но вы идете по ложному следу. Кербера не трогать. Это мой человек в институте.

10. Черный «мерседес»

Миллер прочитал телеграмму, поданную горничной, быстро свернул ее и нервно положил в бумажник.

— Что случилось, Дюк? — спросила Ирен.

— Ничего, — ответил Миллер. — Пустяки.

Он вышел из комнаты, потом вернулся.

— Агата, — спросил он у горничной, — где может быть сейчас Таратура?

— Перед уходом он мне сказал, что с 16.30 до 18.15 будет в «Ветоке», в 18.30 придет сюда, а в 19.45 пойдет в кинотеатр «Боклан», где будет находиться...

— Благодарю вас, — перебил Миллер. — Принесите мне телефонный справочник.

Перевернув несколько страниц, Миллер нашел кафе «Ветока» и набрал нужный номер:

— Прошу позвать Таратуру.

Личный шофер, секретарь и телохранитель словно ждал этого звонка. Через двадцать секунд он был у телефона.

— Слушаю, шеф.

— Немедленно приезжайте! — приказал Миллер.

— Через восемнадцать минут буду, — ответил Таратура и повесил трубку.

— Эдвард, я знаю, что-то случилось, — сказала Ирен.

Миллер ничего не ответил и молча прошел в свой кабинет. Там и застал его Таратура. Профессор не сидел на месте, он ходил по комнате, с явным нетерпением ожидая телохранителя. Сначала Таратуре показалось, что профессор взволнован, но, когда свет лампы осветил его лицо, Таратура понял, что заблуждается. Перед ним опять был традиционно спокойный Миллер.

— Как идут дела, инспектор? — спросил Миллер, хотя было ясно, что он ждал Таратуру не для того, чтобы задать ему этот вопрос.

— Есть любопытные детали.

— Например?

— Кербер и Луиза — любовники!

— Действительно, любопытно, — сказал профессор. — Вы, естественно, пошли дальше?

— Конечно. Разумеется, не вмешиваясь в их интимные отношения.

— Без отступлений, пожалуйста.

Миллер был раздражен, но скрывал свое раздражение. Это ясно. Таратура внимательно следил за лицом шефа. Оно оставалось непроницаемым и чуть-чуть безразличным ко всему на свете. Таратура заметил это безразличие при первом же знакомстве с Миллером. А потом он понял, что это маска, очень удобная и респектабельная.

— Кербер оказался человеком Дорона, — сказал Таратура.

— Откуда вы это узнали?

— От Гарда.

— А Гард?

— От Дорона. Он доложил Дорону о нашем открытии, и генерал...

— Я всегда думал, что Кербер старается не только для меня, — сказал Миллер. — Еще во время работы над той установкой. Н-да, не очень-то приятно узнавать, что твои ассистенты за твоей спиной что-то докладывают начальству.

— Насколько я знаю, вас контролировали всегда, и это ничуть вам не мешало.

— Как знать... — сказал Миллер и резко перевел разговор. — Да, кстати, что вы должны были смотреть в кино?

Таратура не почувствовал подвоха.

— «Призраки испаряются в полночь». Новый детектив Шеллана.

— Это помогает вам искать документы и Чвиза?

Миллер издевался.

Таратура спокойно ответил:

— Нет, шеф. Это помогает убить время.

— У вас его избыток?

— С тех пор, как вы загнали меня в тупик, — ото-мстил Таратура.

— Я?

— Да, вы. Кербер и Лунза автоматически отпали после признания Дорона, а себя вы приказали исключить из расследования.

— В таком случае, я вам помогу. — Миллер протянул Таратуру телеграмму.

Таратура быстро прочитал ее, потом еще раз перечитал, и только тогда смысл темы дошел до его сознания. Он ошалело посмотрел на Миллера, затем еще почти что по складам перечитал телеграмму. Там было написано:

«Я вас видел. Верните документы. Жду одиннадцать вечера у статуи Неповиновения во Фришпарке. Чвиз».

— Настоящая? — наконец сказал Таратура.

Миллер презрительно усмехнулся.

— Неужели вы думаете, что ее написал я, сидя за этим письменным столом?

— Понимаю, — сказал Таратура. — Что мне делать, шеф?

— Что хотите, — ответил Миллер. — У меня после обеда отдых.

И он направился к двери.

— Одну минуту, шеф, — остановил его Таратура, — позвольте задать несколько вопросов.

— Попробуйте.

— Почему вы не хотите сами встретиться с Чвизом?

— Если я ему нужен, пусть заходит ко мне. Он знает мой адрес. Тем более, я не привык встречаться с кем бы то ни было так поздно вечером... да еще у какой-то статуи. У вас есть еще вопросы?

— Да. Как вы относитесь к тексту телеграммы?

— Запомните, Таратура, мне нужны документы или по крайней мере точные сведения о том, кто их взял и

где они находятся. Остальное меня не интересует. Понятно?

На этот раз, не дожидаясь новых вопросов, Миллер решительно вышел из гостиной. Из соседней комнаты доносился смех Ирен, которая, вероятно, смотрела по телевизору комедию.

Таратура еще раз посмотрел на телеграмму, на почтовые штемпеля, потом подошел к кабинету Миллера и осторожно постучал в дверь.

— Кто там? — услышал он голос Миллера.

— Шеф, мне можно воспользоваться вашим «мерседесом»?

— Нет. Он будет мне нужен. Возьмите машину Ирен.

Таратура терпеть не мог «фольксвагены», но делать было нечего.

Таратура отлично знал сквер, который Чвиз назвал в телеграмме Фришпарком. Еще в бытность свою инспектором Таратуре довелось выслеживать здесь соучастников убийцы банкира Костена, которые регулярно встречались в кабачке напротив статуи Неповиновения. Правда, он не был в этом парке года два, но изменилось немного. Только окна кабачка были заколочены досками. Очевидно, хозяин разорился — место было малолюдное — и покинул негостеприимную статую.

Таратуру это обстоятельство вполне устраивало. Вместо того чтобы мерзнуть где-то под кустом и пачкать костюм (хотя он и надел самый старый, но все-таки жалко), он получил великолепный наблюдательный пост.

Оторвать две доски и высадить стекло было делом одной минуты. Таратура очутился в комнате, совершенно пустой, как разграбленные пирамиды фараонов. Найдя в углу стул с отломанной ножкой, Таратура расположился у окна, откуда великолепно было видно статую и освещенный фонарем круг — назначенное Чвизом место встречи.

Было половина одиннадцатого.

Таратура достал из кармана плаща крошечный термос, отлил в стаканчик кофе и еще раз выглянул в окно.

У статуи никого не было.

Ветер раскачивал фонарь, и свет освещал то ноги женщины, то ее грудь, то прятал ее целиком в тень. Казалось, статуя исполняет какой-то медленный и странный танец.

Таратура пожалел эту несчастную обнаженную женщину, символизирующую Неповиновение. Он мысленно обругал скульптора, заставившего ее прозябать в одиночестве на самом краю города.

Кофе приятно разогревал тело, и Таратура подумал, что через час-другой он с наслаждением растянется дома на кровати и забудет все — и Миллера, и этого чудака Чвиза, и даже само Неповиновение. Сны никогда не снились ему.

И вдруг Таратура заметил, как что-то крадется к дому, в котором он находился. Тень скользнула у окна и остановилась...

Таратура замер. Он отчетливо слышал дыхание человека, притаившегося с другой стороны подоконника. Бывший инспектор осторожно поставил на пол стакан с недопитым кофе и на всякий случай потянулся к карману за кастетом.

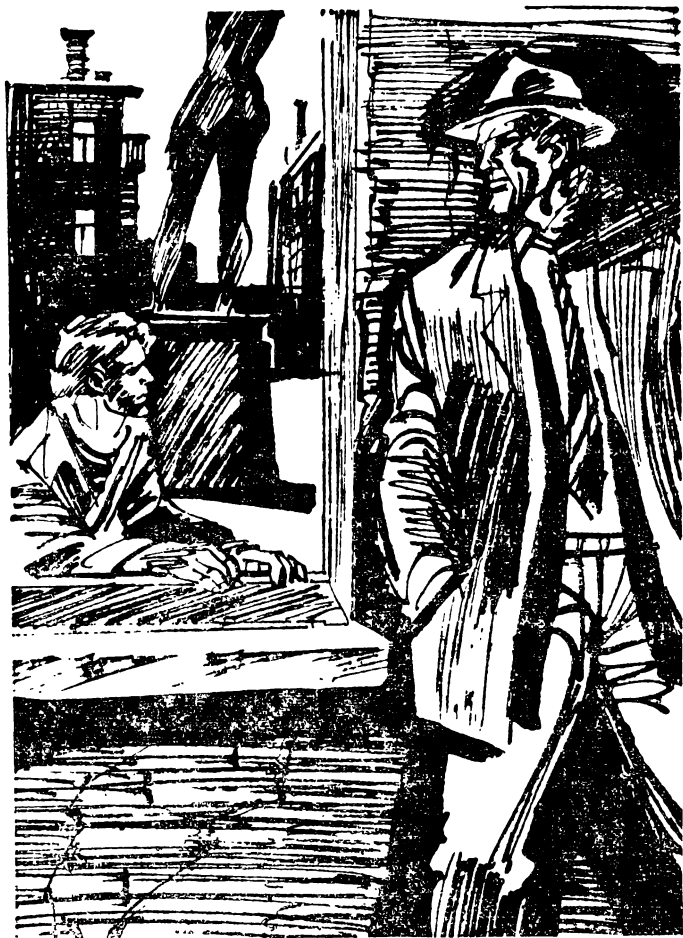
В окне появилась голова незнакомца. Он заглянул в комнату, но не заметил Таратуру, который буквально прилип к стене в десяти сантиметрах от окна.

Послышалось учащенное дыхание: незнакомец полез в окно. Таратура мгновенно выхватил фонарь, и яркий луч света брызнул тому в лицо. Человек зажмурился и закрыл руками глаза.

— Честер? Это ты? — воскликнул Таратура, узнав журналиста.

— Фу-ты, черт! — выругался Честер. — И напугал же ты меня!

— Ты чего здесь делаешь? — спросил Таратура.

— То же самое, что и ты.

— Я пью кофе.

— Превосходное местечко ты выбрал, — улыбнулся Честер.

Таратура взглянул в окно и толкнул журналиста в бок:

— Тише!

В освещенном пятне у статуи появился человек. Он постоял секунду, оглянулся и быстро скрылся за статуей, с той, неосвещенной, стороны.

— Это он, — прошептал Честер.

Таратура привычно перемахнул через подоконник и смело пошел к человеку. Но тот вдруг метнулся в сторону и напрямик, через кусты, бросился из сквера.

— Профессор Чвиз! Куда же вы?! — крикнул Таратура.

Человек, не останавливаясь, довольно ловко перелез через решетчатый забор и вскочил в машину, двигатель которой работал. Когда Таратура, а следом за ним и Честер выбежали на улицу, машина с потушенными фарами уже тронулась с места.

— Профессор Чвиз! Остановитесь! — вновь крикнул Таратура.

— Дурак!.. Быстрее к моей машине! — Честер побежал к микролитражке, которая стояла у самого входа в сквер.

Таратура уже на ходу вскочил к нему в машину.

Они вновь увидели «опель» с погашенными фарами, когда выехали на шоссе, начинавшееся в конце улицы.

— Быстрее! Быстрее! — подгонял Честера Таратура. — Старик просто сошел с ума!

— Дурак! — крикнул Честер. — Это не Чвиз, это человек, укравший документы!

— Что?! — не понял Таратура.

Лицо Честера покрылось капельками пота. Он выжимал из своей микролитражки все возможное, но рас-

стояние между машинами не сокращалось. Более того, «опель» начал постепенно удаляться.

— Уйдет! — Честер выругался.

— Пусти! — крикнул Таратура. — Пусти меня за руль!

Не снижая скорости, по очереди держа баранку и нажимая на акселератор, они поменялись местами, чуть-чуть не свалившись при этом в кювет. Дальним светом Таратура выхватил из тьмы силуэт «опеля», который находился теперь от них в трехстах ярдах.

— Жми, старина! — крикнул Честер не своим голосом. — Там будет перекресток, он может задержаться у него!

«Опель» действительно затормозил у перекрестка. В поперечном направлении плотным потоком шли машины, преградив путь беглецу.

Честер и Таратура почти нагнали «опель», и Таратура уже приоткрыл дверь, чтобы выпрыгнуть, но включился зеленый свет, и «опель» молнией рванулся с места. Погоня продолжалась.

Вдруг сзади раздался пронзительный гудок. Черный «мерседес» — тоже с потушенными фарами — легко обошел их. Вскоре и «мерседес» и «опель» скрылись за поворотом. Под колеса стлалась пустая лента шоссе.

— Ушел... — выдохнул Честер.

И все же они продолжали гнать машину, и деревья вдоль шоссе по-прежнему со свистом проносились мимо.

Внезапно, они не успели опомниться, поворот — луч фар выхватил опрокинутый в кювет «опель». Искореженная ударом о погнувшийся бетонный столб машина смотрела расплюснутым радиатором в небо.

Таратура резко остановил микролитражку. Они выскочили из кабины и бросились к «опелю». Водитель лежал в нескольких шагах на обочине. Он был мертв.

Таратура осветил лицо погибшего.

Перед ним был Кербер.

Честер бессильно опустился на крыло, которое валялось рядом с трупом.

— Комедия окончена, — сказал он.

Таратура не понял. Он еще раз осветил лицо Кербера и его лысый череп.

— Как же Кербер мог оказаться во Фришпарке? Где же Чвиз?

— Я дал им телеграммы, — устало сказал Честер. — Я. Понимаешь? Не Чвиз. Всем троице: и Миллеру, и Луизе, и ему. — Он кивнул в сторону Кербера. — Иди вызывай Гарда.

11. Ночной визит

Через двадцать минут Гард уже мчался к месту происшествия на своем «Гепарде-108» с желтым мигающим огоньком на крыше.

Он прибыл минут за десять до того, как появилась «санитарная молния» и еще три машины, переполненные сотрудниками полицейского управления.

— Кербер? — бросил Гард Таратуре. — Никогда бы не подумал, что Кербер.

Пока он внимательно разглядывал лицо трупа, Честер торопливо рассказывал ему о событиях минувшей ночи.

— Ты сам придумал трюк с телеграммами? — спросил Гард.

— Нет, я посоветовался с Линдой, — съехидничал Честер.

— Ну и ну!.. — произнес инспектор и как-то странно посмотрел на журналиста.

К ним подошел Таратура.

— Я уже осмотрел «опель». Никаких следов столкновения с другой машиной. Видимо, Кербер развил слишком большую скорость и не справился с управ-

лением. Счастливая случайность, Гард, а то бы нам его не догнать.

— Случайность? — В голосе Гарда звучало сомнение.

Он отлично знал, что в жизни бывают поразительные совпадения, но опыт сыщика давно приучил его относиться к любой случайности если не с предубеждением, то, по крайней мере, с осторожностью.

«Случайность должна происходить только случайно», — частенько говаривал своим ученикам покойный Альфред Дав Купер. Из этого замысловатого афоризма Гард научился делать практические выводы. Разумеется, думал он, в этой ночной катастрофе случайность и могла сыграть свою роль. Кербер знал, что его преследуют, он стремился не открывать себя, и не исключено, что при таких обстоятельствах он действительно развил скорость до опасного предела. Но была ли у него необходимость рисковать жизнью? Ведь он не мог не видеть, что у преследователей всего лишь старенькая и слабенькая микролитражка, от которой даже на хорошей лошади можно удрать...

— Дэвид, ты не одобряешь мои действия? — сказал Честер, прервав ход мыслей инспектора. — Пойми, я сделал то, что должны были сделать вы...

— Потом, Фред, потом, если нам вообще придется говорить на эту тему, — ответил Гард и повернулся к медицинскому эксперту, который уже закончил свою работу. — Что скажете, доктор?

— Смерть наступила мгновенно. Перелом шейного позвонка.

— Вы исключаете убийство?

— Трудно сказать, инспектор. Прямых следов насилия нет.

— Ну что ж, — сказал Гард, — посмотрим.

Он приказал полицейским машинам осветить плотно дорог. Вспыхнули три пары автомобильных фар. Гард присел на корточки и прямо так, на корточках,

стал медленно двигаться, тщательно изучая следы на асфальте. С другой стороны ему навстречу двигался Таратура. Когда они сошлись, к ним присоединился Честер и кое-кто из полицейских.

— «Мерседес», — сказал Гард.

Таратура утвердительно кивнул головой.

Две характерные темные полосы начинались на левой стороне дороги, потом поворачивали направо и упирались в обочину.

— Они перекрыли ему дорогу, — сказал Гард. — Старый прием.

— Ты видел «мерседес», который нас обогнал? — спросил Таратуру Честер.

— Откровенно говоря, меня интересовал в основном похититель. Но что-то было, это точно. Черная тень, проскользнувшая слева.

— Подфарники, конечно, были погашены? — спросил Гард.

Честер неуверенно пожал плечами.

— Похоже, что так. Если бы он не разбился насмерть, его, вероятно, прикончили бы. Но расчет у них был точный.

— Это очень опасно, — заметил Таратура. — Я бы не рискнул ставить свою машину поперек дороги. Могло произойти столкновение, при котором жизнью рисковали все.

— Я думал об этом, — подтвердил Гард.

— Не проще ли им было обстрелять его на ходу? — сказал Честер.

Гард впервые улыбнулся.

— Зря они с тобой не посоветовались, старина. Но, мне кажется, они предпочли рискнуть и обойтись без выстрелов. Даже место на дороге выбрано удачно, как раз у бетонного столба. Авария и авария — не придерешься. Машину Кербера осмотрели внимательно?

— Да, инспектор, — отозвался кто-то из полицей-

ских. — В ней ничего нет. Только в кармане обнаружили вот это.

В протянутую руку Гарда были положены два зеленых прямоугольника.

— Билеты на самолет? — сказал Гард. — Ну-ка, посветите фонариком. Да, два билета. В Канберру. Он собирался бежать. Самолет улетает сегодня утром, через два с половиной часа.

— Второй билет, вероятно, предназначался Луизе? — сказал Таратура.

— Все! — решительно произнес Гард. — Всем по машинам. Майкл, возьмите трех человек и гоните на аэродром. Луиза Муллен, двадцать восемь лет, блондинка, среднего роста. Вам ясно? Труп заберет к себе в машину Джеймс. Доктор может быть свободным. Билл Харри сядет за руль «бьюика». Честер и Таратура — со мной.

Минуты через полторы на шоссе уже было пусто, если не считать вдребезги разбитого «опеля».

Когда, даже не скрипнув тормозами, «гепард» остановился у подъезда шестизэтажного серого дома, в котором жила Луиза, было около четырех часов утра. Подъезд был заперт, и прошло немало времени, пока консьержка отозвалась наконец на яростные звонки Таратуры. Лифт не работал, и пришлось подниматься пешком до самого верха. Опередивший всех Таратура осторожно постучал в дверь.

Луиза открыла сразу, как будто она стояла за дверью и дожидалась стука. Увидев Гарда и его спутников, она непроизвольно сделала шаг назад, и по ее лицу разлилась мертвенная бледность. Вошедшие обратили внимание на то, что Луиза была одета и даже причесана: в эту ночь она, вероятно, еще не ложилась спать.

— Вы нас не ждали, — сказал Гард, — но мы не всегда приходим в гости по приглашению.

Луиза молча стояла посреди неприбранной комнаты, безвольно опустив руки.

Гард все еще тяжело дышал, отдуваясь после быстрого марша по лестнице. Несколько минут никто не проронил ни слова, и наконец Гард спросил то, что уже готово было сорваться с уст Таратуры:

— Луиза Муллен, ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос: вы только что приехали домой или как раз собирались уехать?

С трудом взяв себя в руки, Луиза сделала неуклюжую попытку улыбнуться.

— Простите, инспектор, но джентльмены не должны задавать...

— Я повторяю, — сухо прервал ее Гард, — вы приехали или собираетесь уезжать?

— Но по какому праву, — возразила Луиза, — вы врываетесь в мой дом и позволяете себе...

— Хорошо, — спокойно сказал Гард, — в таком случае вам придется поехать с нами.

12. Куда ведут дороги?

— Вы ждали Бэри, Луиза?

Луиза сидела в кресле, Честер — на подоконнике, Таратура стоял, прислонившись к стене, а Гард медленно ходил по своему кабинету. Это был первый вопрос, который он задал с того момента, как они приехали в управление.

Женщина вздрогнула. Ее глаза расширились от удивления.

— Вас удивляет, откуда мы знаем это имя? — сказал Гард. — Теперь мы знаем все, Луиза. Итак, вы ждали Бэри.

В последней реплике инспектора уже не было вопроса, она звучала утвердительно.

— Вам нет смысла отпираться, — продолжал Гард. — Расскажите, что было после того, как профессор Чвиз отпустил вас домой.

— Все, что я могла вам сказать, я сказала еще там, в лаборатории, — упрямо ответила женщина.

— Меня интересует, при каких обстоятельствах Бэри похитил папку с документами.

— Я сказала все. Остальное, если вам угодно, можете спросить у самого Бэри.

— К сожалению, Луиза, это невозможно.

— Как вас понять? — спросила женщина.

— Соберитесь с силами, — ответил Гард, — сейчас вы все поймете.

Честер слез с подоконника и подошел к Гарду.

— Дэвид, — сказал он тихо, — не слишком ли это жестоко?

— У нас нет другого выхода, — так же тихо сказал Гард.

Луиза уже не сидела в кресле, она стояла, испуганно глядя на Гарда и Честера. Левой рукой она сжимала горло, словно удерживая рыдания, готовые вот-вот вырваться наружу. Глаза ее помутнели от тяжелого предчувствия.

— Что случилось? — еле выдавила она из себя.

— Бэри нет в живых, Луиза, — жестко сказал Гард. — Этой ночью он...

— Ложь! — крикнула Луиза. — Ложь!

— Этой ночью он погиб в автомобильной катастрофе.

— Я вам не верю!

— Вы можете увидеть его. У нас это называется «опознать». Таратура, проводите ее в соседнюю комнату.

— Не надо, — сказала Луиза. — Я сама. Куда мне идти?

Гард показал на дверь, ведущую прямо из его кабинета. Как сомнамбула, Луиза двинулась вперед, не глядя себе под ноги. Все трое с напряженным ожиданием смотрели ей вслед. Через мгновение из соседней комнаты донесся исступленный крик.

— Таратура, — сказал Гард, — помогите ей.

— Она справится и без моей помощи.

Честер вскочил с подоконника и, бросив на ходу Таратуре: «Удивительно, как в тебе рядом с сентиментальностью может уживаться жестокость», — пошел к двери. Но не успел он дойти до нее, как на пороге появилась Луиза.

Она была бледна, но выглядела совершенно спокойной. Только плотно сжатые губы и голубая жилка, бившаяся на виске, дали возможность присутствующим догадаться, каких усилий ей это стоит. В глазах Гарда мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Как... это... случилось? — произнесла она очень медленно, с какой-то жуткой расстановкой.

— Его убили, Луиза, — тихо сказал Гард. — Мы будем искать убийцу.

— Я знала, что так случится, — прошептала Луиза, опустив низко голову и ни к кому не обращаясь. — Я говорила ему... — Потом снова выпрямилась и в упор посмотрела на Гарда. — Что вы теперь от меня хотите?

— Ничего, — сказал он мягко. — Прошу вас, присядьте. Таратура, дайте воды... Я понимаю, Луиза, что вам сейчас нелегко. Терять близких всегда трудно, и горе остается горем, с кем бы оно ни случилось. Вы любили его?

— Да.

— Иначе вы не позволили бы ему на ваших глазах взять документы... По всей вероятности, после того как Чвиз отпустил вас, вы вернулись в лабораторию за какой-то забытой вещью, за пудреницей, например, или...

— За сумочкой, — тихо сказала Луиза.

— И увидели на столе записку профессора, — продолжал Гард. — Я бы на вашем месте тоже решил, что Чвиз покончил с собой, и, наверное, тоже бы испугался. А в это время зашел Кербер, ведь вы собирались куда-то с ним ехать, у вас были планы на вечер.

— Нет, я позвонила ему.

— И он прошел. Тотчас. Буквально через три-четыре минуты. Он прочитал записку и, как и вы, поверил в то, что Чвиз распрощался с жизнью. Тогда он подошел к сейфу и открыл его. Сделать это было несложно, так как ключ торчал в замке...

— Он лежал на записке, — сказала тихо Луиза.

— Хорошо, на записке, — мягко согласился Гард. — А когда папка с документами уже была у Кербера, вы неожиданно увидели Чвиза...

— Нет, — сказала Луиза. — Мы его не видели.

— Да, вы не знали, что он сидит в это время у Миллера, живой и здоровый, и ведет с ним беседу. Не знали? И что он вернется потом в лабораторию, чтобы передвинуть стрелки контрольных часов, тоже не знали. И вдруг увидели, как дверь открывается...

— Нет, — повторила Луиза. — Мы слышали скрип в соседней комнате. Просто скрип.

— Вы замерли, прислушиваясь, но все было спокойно? И только в понедельник утром, когда мы приехали в лабораторию, Кербер понял, что означал этот скрип?

— Да, — сказала Луиза. — Он понял, что Чвиз вернулся, чтобы передвинуть стрелки.

— И что он мог вас видеть?

— И что он мог нас видеть, — подтвердила Луиза.

— А в тот вечер, успокоившись, Кербер запер сейф, а потом взял что-то тяжелое и ударил по колпаку установки. Так?

— Я спросила его: «Отто, зачем ты это делаешь?» Он сказал: «Так надо, дорогая, я потом тебе все объясню».

— Ремонт занял бы не менее полугода, и этого времени достаточно, чтобы осуществить свои планы, — сказал Гард. — Он велел вам молчать о записке до понедельника?

— Он не велел, — сказала Луиза. — Он прижал папку к груди и сказал мне: «Лиза! (Он звал меня Ли-

зой.) Лиза, в этой папке наше с тобой будущее!» И больше ничего не сказал, я поняла все сама.

— Ну, а что было после понедельника, я уже знаю. Вы еще виделись с Кербером после того вечера?

— Да. Один раз. После того, как Чвиз прислал нам телеграмму. Мне и ему.

— Вы уверены, что это сделал профессор Чвиз?

— А как же, — сказала Луиза. — Еще раньше, как только Отто понял, что Чвиз жив и что он мог нас видеть, мы не исключали такой возможности.

— Но на всякий случай Кербер «вспомнил» о том, что институт был обесточен, и направил следствие по ложному пути, взвалив подозрение на Миллера. Это понятно, — сказал Гард. — Он хотел выиграть время. А что он делал, получив телеграмму?

— Он вызвал меня на свидание, хотя мы договорились до отъезда не видеться. Мы встретились...

Луиза умолкла. Наступила долгая пауза.

...Если бы Луизу спросили, почему она любит Отто Кербера, она вряд ли смогла бы ответить. Но она его любила! Она знала, что у него нет друзей, что сослуживцы сторонятся Отто, а некоторые откровенно его ненавидят. Но если они не умели понять, за что она любила этого человека, она искренне не понимала, за что они его ненавидели. Разве он эгоист? Разве Отто — холодный и расчетливый человек, как говорили о нем некоторые? Разве он думает только о себе? Кто, как не Луиза, мог лучше других судить обо всем этом? Вот уже два года, как они виделись почти ежедневно, и Луиза была уверена: ни до Кербера, ни после него у нее никогда не было и не будет такого внимательного, доброго и заботливого друга.

Чвиз и Миллер — Луиза это знала — считали Кербера никудышным физиком. А ведь он талантлив. Она понимала это лучше других. Он мог быть ничуть не хуже самого Чвиза. Но разве он виноват в том, что всю жизнь его преследовали сплошные несчастья и угнета-

ющие неудачи, которые могли бы свалить с ног любого?

В детстве у него обнаружили незаурядные математические способности, ему прочили большое будущее, но когда он, блестяще окончив колледж, собрался было поступать на математический факультет, его призвали в армию и отправили в тропики. Три года он воевал с туземцами. Луизе страшно было подумать о том времени, когда ее Отто могли убить! Но нет, он был всего лишь ранен, но на самом исходе войны. И еще два года он провалялся в госпиталях, хотя его товарищи благополучно устраивали свою жизнь. Его еле выходили, потому что тогда с ним рядом не было Луизы...

Неважный физик? Но разве его вина в том, что самые лучшие годы ушли так бездарно? А потом — потом он почувствовал, что стал не тем, чем был раньше. Он прямо сказал об этом Луизе: «Луиза, я потерял свой мозг. Пропала ясность мысли, сообразительность, способность взглянуть на задачу с неожиданной стороны. Осталась разве что только память...»

Она знала, что Отто стал «человеком Дорона». Он признался ей даже в этом. Но Луиза готова была понять Кербера. У него не было иного выхода. Иначе ему никак не удавалось возвыситься над другими людьми, между тем он стремился получить от жизни то, что соответствовало его истинным способностям.

В тот последний раз, когда они встретились, Отто не был мрачным или грустным. Наоборот, он выглядел как человек, воспрявший от неприятностей. Телеграмма Чвиза? Ну и что — телеграмма?! Она лишь поможет ему ускорить события. Так он собирался некоторое время подождать, пока все утихнет, пока улягутся страсти, а потом спокойно уехать вместе с Луизой в такую даль, где никакой Дорон их не достанет. А тут придется действовать решительней. Он не трус, он пойдет на свидание к Чвизу, и если старик заупрямится... Нет-нет, Луизе не надо волноваться, пусть ее не беспокоит, что он предпримет тогда.

Но если его план почему-то сорвется, она должна быть готова. Он заедет за ней ночью, они очень скоро будут в безопасном месте...

— Отто, но что мы будем делать с этими чертежами? — спросила Луиза. — Брось их, мы обойдемся и так.

— Установка Чвиза, дорогая моя, — серьезно ответил Кербер, — важнее сейчас, чем атомная бомба.

В его голосе ей почудились незнакомые нотки.

— Но к чему тебе атомная бомба, милый? — спросила Луиза, как мудрые родители спрашивают своих капризных детишек, требующих слишком дорогую игрушку.

Они сидели в его «опеле», был вечер, машина стояла на обочине загородного шоссе. Кербер внимательно посмотрел на Луизу и совершенно серьезно сказал:

— Атомная бомба мне действительно не нужна. Я говорил тебе однажды: после того как Миллер создал свою установку, тормозящую взрыв атомной бомбы, это оружие стало не более опасным, чем лук и стрелы. Теперь все снова будет зависеть от людей — ты понимаешь? — от людей! Я смогу производить солдат. Сколько угодно солдат. Сильных, не знающих колебаний, готовых на все... Сверхлюдей.

— Что нам с тобой до этого! — воскликнула тогда Луиза. — Пусть заботится об этом Дорон.

— Дорон? — сказал Кербер. — Этот слюнтяй? Человек, который способен только комбинировать, согласовывать и считаться с общественным мнением? Нет, действовать нужно решительно и твердо!

— Ты шутишь, милый?

Кербер тогда странно посмотрел на Луизу и отвернул глаза в сторону.

— Да, я, разумеется, шучу.

И они вернулись в город...

— Он был моим последним и единственным шансом в жизни, — тихо сказала Луиза Гарду.

В кабинете наступила тишина. Никто не двинулся с места. Гард закурил:

— Луиза, где папка с документами?

— Он всегда держал ее при себе. Скажите, — спросила вдруг Луиза, — его убил Чвиз? Во время свидания? Я хочу это знать.

— Нет, — ответил за Гарда Таратура. — Чвиз не был на свидании.

— Но вы нашли Чвиза?

— Вам надо отдохнуть, Луиза, — сказал Гард. — Вас проводят сейчас...

Ни с кем не прощаясь, Луиза медленно вышла из комнаты. Как только за нею и Таратурой закрылась дверь, Фред Честер наклонился к Гарду:

— Невероятная история! Ты понял, Дэвид, что никто из них, за исключением, пожалуй, Чвиза, не действовал предумышленно? Ведь ничего бы не случилось, если бы старик не вздумал «исчезать». Но стоило ему сделать свой первый шаг к исчезновению, как все вокруг оказались удивительно подготовленными к этому шагу! У меня такое впечатление, что они даже не выбирают дорог, по которым идут. Стоят на перекрестке и ожидают, какая дорога освободится, и стоит ей стать свободной, как они бросаются вперед, забыв обо всем на свете, кроме самих себя!

Не «исчезни» старик — произошло бы что-нибудь другое, но обязательно произошло бы! Страшный мир, в котором люди живут, держа руки на спусковых крючках пистолетов... Но, Дэвид, как в старой сказке: направо пойдешь — голову потеряешь, налево пойдешь — жизнь отдашь...

— Ты процитировал, старина, кусок из своей новой газетной статьи, — перебил Гард. — Только не вздумай ее публиковать. Тогда в конце твоей дороги тоже не будет рая.

В комнату вошел Таратура.

— Однако, — сказал Гард, — кто же все-таки убил Кербера?

— И у кого теперь папка с документами? — вставил Таратура.

— Надо искать среди тех, кто знал о мнимом свидании с Чвизом, — сказал Честер.

— Логично, старина, — подтвердил Гард. — Я вообще думаю, не пора ли тебе бросить журналистское перо и целиком перейти на службу в наше управление.

— Скорее ты станешь журналистом, — заявил Честер.

— Итак, о телеграмме знаешь ты, — Гард показал пальцем на Честера, — ты, — он ткнул рукой в Таратуру, — Луиза, затем я, — он приставил указательный палец к собственной груди, словно ствол пистолета, — и еще...

— Профессор Миллер! — чуть слышно сказал Таратура.

13. Миллер, опять этот Миллер!

Дорон умел молчать так, что людей, от него зависящих, прошибал пот. Редко кто мог спокойно выдержать его давящий, холодный взгляд.

Генерал слушал инспектора полиции молча.

Гард формально не подчинялся Дорону, и был он достаточно опытен, чтобы подавить волнение. Все же у него мелькнула тоскливая мыслишка, что именно так, в такие часы, люди и укорачивают себе жизнь. «А ведь я уже стар...» — вдруг ужаснулся он.

Впрочем, это никак не отразилось на речи инспектора.

— Таким образом, генерал, серьезное подозрение падает на Миллера. Катастрофа на шоссе вызвана «мерседесом», и, хотя машин такой марки в городе много, машина Миллера входит в их число. Кроме того, он

был единственным, кто еще знал о встрече с мнимым Чвизом. И если верно, что у него были веские мотивы завладеть документами, тогда его странные, противоречивые поступки получают четкое объяснение, как и убийство Кербера, которое дало ему в руки ускользнувшие материалы. Сколь ни огорчителен этот вариант и как бы неожиданным он ни казался, иного пока не видно, и я счел своим долгом доложить вам о нем.

Напрасно Гард ждал ответа. Молчание сгушалось, и Гард почти физически ощущал удушье. Он даже пошевелил шеей, чтобы избавиться от этого чувства.

— Так какие будут указания? — Гард наконец не выдержал гнетущего взгляда Дорона. — Слежку «вплотную» мы установили за Миллером еще вчера ночью, поэтому маловероятно, чтобы документы...

Инспектор осекся, заметив улыбку на лице Дорона. И вправду, это было жутковато. Вероятно, так могла улыбаться гранитная скала.

— Так вы говорите, что за Миллером установлена слежка? Забавно...

Еще продолжая улыбаться, Дорон надавил кнопку.

— Профессора Миллера ко мне! — бросил он в микрофон селектора.

У Гарда от этих слов сделалось на душе довольно кисло. Он поспешно перебирал в памяти: где и какую ошибку он допустил? Дорон с высоты своего роста и кресла, на котором он восседал, бесстрастно следил за инспектором.

Недоумение Гарда возросло, когда буквально через несколько секунд бесшумно отворилась дверь и в кабинет вошел подтянутый, свежевыбритый Миллер. Профессор сухохато поздоровался с инспектором, поклонился Дорону и сел, повинувшись кивку генерала.

Дорон встал, неторопливо отпер стеной сейф, вынул оттуда пухлый портфель, любовно взвесил его и протянул Миллеру:

— Берите, профессор. Это документы.

Миллер вскочил на ноги, пораженный.

— Значит... — начал было он, но генерал прервал его на полуслове:

— Надеюсь, профессор, теперь работа двинется быстро?

Миллер уткнулся в папки и ничего не ответил.

— Кстати, профессор, инспектор жаждет услышать, с какой целью вам вчера вечером потребовался ваш черный «мерседес».

— Но мы же вчера вместе с вами, генерал, были на приеме у президента...

— Я не смею вас более задерживать, профессор, — сказал Дорон, но, когда Миллер уже направился к двери, остановил его еще одним вопросом: — Между прочим, вы не заметили за собой какой-нибудь слежки?

Миллер пожал плечами.

— Сегодня утром, генерал, моя жена обратила внимание на какого-то субъекта, который с газетой в руках торчал у нашего подъезда. Я подумал еще, что читать под дождем даже «Вечерний звон» не очень-то приятно.

— Узнаю ваше ведомство, Гард, — ехидно сказал Дорон и жестом отпустил Миллера. Когда за ним закрылась дверь, он многозначительно добавил: — Мои люди работают чище. Они следят изнутри, а не снаружи, и я хотел бы, чтобы вы об этом не забывали.

Гард на мгновение прикрыл глаза. У него возникло искушение совершенно не по назначению использовать тяжелую пепельницу из оптического стекла, стоящую на столе Дорона.

— Надеюсь, Гард, — сказал Дорон, — мне не придется тратить время на разъяснения?

В другом состоянии Гард после такого провала немедленно поспешил бы сказать «нет». Но сейчас он был отнюдь не уверен, что сможет встать и, не пошатываясь, выйти.

— Прикажете ли продолжать розыск Чвиза? — тусклым голосом спросил он.

Дорон сделал безгловое движение рукой.

— Мы никого не принуждаем работать насильно. Тем более таких... блаженных. Но между тем розыском профессора Чвиза («Или его трупа», — подумал про себя Гард) займусь я, вам это дело не по зубам. Полагаю, расследование автомобильной аварии, приведшей к смерти Кербера, уже закончено?

— Еще нет, — сказал Гард и, подумав, добавил: — Но уже ясно, что авария произошла из-за тормозов. Или чего-то в этом роде, не помню подробностей.

— Тормоза, руль или баллоны — это неважно, — тихо сказал Дорон.

Он опустился в кресло, как-то весь обмякнув, отяжелев. Крахмальная рубашка пузырем вздулась на его груди. Теперь он выглядел утомленным, под глазами набрякли мешки, и Гард с удивлением подумал, что ведь и Дорон — человек, что и ему эта история стоила нервов. Каких еще, наверное...

— Да, — продолжал Дорон задумчиво, как бы отвечая своим мыслям. — Если взвесить, то эта глупая авария даже к лучшему. Кербер... — Глаза Дорона на мгновение затуманили какие-то воспоминания. — Кербер... Прямолинейный дурак, вырвавшийся из-под контроля. На таких примерах я все более убеждаюсь, сколько нужна людям мораль. Не эта дряблая, ветхозаветная, а наша, новая, разумная. Сегодня ночью я думал, что было бы, если бы установка попала в руки керберов. Людей без принципов и здравого смысла. Они способны разрушать, только разрушать.

Гард успел полностью прийти в себя, и в нем теперь боролись два желания. Уйти побыстрее — первое, и узнать, какова же мораль и каковы принципы самого генерала, — второе. Но внезапно он поймал себя на контрвопросе: «А каковы же мои собственные принципы?» И у него осталось только одно желание — уйти.

— Разрешите идти? — сказал Гард.

Дорон с недоумением посмотрел на инспектора, словно не понимая, кто же это осмелился перебить ход его мыслей.

— Да, — резко сказал он.

Дорон снова был самим собой. Жестким, непроницаемым — каменной глыбой мускулов и бесстрастных нервов.

— И вот что, — услышал инспектор, уже стоя в дверях. — Слишком много людей оказались посвященными в секрет существования установки. Если вы в ком-нибудь сомневаетесь, скажите это сейчас.

Гард с трудом заставил себя обернуться.

— Нет, генерал, я ни в ком не сомневаюсь.

— Посмотрим, — многозначительно сказал Дорон.

«Надо немедленно предупредить Честера», — решил Гард. После такого заявления Дорона любое слово, ненароком оброненное журналистом, могло дорого обойтись им обоим.

Он не рискнул позвонить Фреду домой: линию уже могли прослушивать. Оставалось побывать в тех кафе, где в это время дня мог оказаться Честер.

Улицы были полны машин, все кипело и торопилось, словно люди только и заботились о том, чтобы поспеть куда-то вовремя, обогнать кого-то на доли секунды или на доли дюйма. Распахнутые двери универсальных магазинов жадно заглатывали прохожих; близился День Свободы, и каждый спешил купить подарки своим близким, своим любимым, кого считал единственными и неповторимыми, но с кого, как с книжных матриц, можно было печатать, оказывается, бесчисленные копии.

Раднаторы автомобилей сверкали на солнце лучезарными металлическими улыбками, пучки света, отброшенные ветровыми стеклами, перемигивались с окнами, хлопали полотнища уже вывешенных флагов. Машины катились ряд к ряду — поток слева, поток справа, и пешеходы на тротуарах тоже двигались строем: поток

у стен — направо, поток у бровки — налево, и все замирало, повинаясь жезлу регулировщика, словно вдруг стопорился механизм огромной машины, чтобы минуту спустя снова прийти в движение, в перемалывающий бег, нескончаемый и шумный. И тщетно песчинка — автомобиль Гарда — пыталась вырваться, уйти вперед; ее затирали, на нее шипели тормозами. И никому не было дела, куда спешит этот человек за рулем, почему он хватается за сердце, отчего он бормочет проклятия.

Но Гарду повезло. В третьем по счету кафе еще с улицы он увидел за зеркальным окном голову репортера.

В кафе оказалось пусто и прохладно, в углу за столиком — наметанный взгляд Гарда определил это сразу — не было хмурого соглядатая с развернутой газетой. Фред допивал молоко.

— А! — обрадовался он, завидя Гарда. — Я начинаю верить, что в один прекрасный день ко мне поступит английская королева. Что-нибудь сенсационное?

— Забудь, старина, что у тебя есть голосовые связки, и перейди на чревоустройство, — сказал Гард и как ни в чем не бывало кивнул бармену: — Четыре двойных виски.

— Ого! Такого за тобой давно не замечалось, Дэвид.

— Мне с некоторых пор кажется, что только пьяный может быть счастлив в этом мире.

Честер даже поперхнулся молоком. Машинально он потянулся за сигаретой.

— Что стряслось?

— Ничего особенного, если все эти дни ты держал язык приклеенным.

— Ну знаешь! — Честер искренне обиделся. — Я хоть раз...

— А теперь и полраза нельзя. — Гард наклонился к Честеру: — Кербера убрали люди Дорона.

Легко скользя по паркету, подскочил бармен с дву-

мя стаканами виски. Лицо Честера медленно бледнело.

— Ну? — сказал он, когда бармен исчез. Он пытался закурить, но кончик сигареты никак не желал пасть в язычок пламени зажигалки.

Пока Гард пересказывал содержание разговора с Дорон, Честер — и это обеспокоило инспектора — все более успокаивался. Скоро он стал совершенно спокойным, слишком спокойным, будто зритель на чужих похоронах.

— Ты все понял? — счел нужным переспросить Гард.

— Нет. — Честер упер локти в стол, и это движение открыло Гарду, что именно придавало Фреду торжественно-спокойный вид: полная неподвижность лица. — Нет, я многого не понял, — продолжал Честер, в упор глядя на инспектора. — Как Дорон догадался, что Кербер его предал, и откуда он узнал о моих телеграммах?

— Зачем это тебе знать?

— Затем, что, когда тебе или всем нам грозит удав, не мешает лучше узнать его повадки.

— Осторожней, Фред. — Гард укладкой массировал плечо: не переставая, ныло сердце. — Как Дорон узнал о Кербере и телеграммах? Это же ясно. Или мой доклад о связи Кербера с Луизой заронил в Дороне подозрение, или он сомневался в нем уже и раньше. Так или иначе, к Керберу был на всякий случай прицеплен «хвост». Не исключено также, что у него на квартире поставили парочку электронных «ушей» и «глаз»... Наконец, доложить Дорону о телеграммах мог Таратура, — не исключено, что он перекуплен Дорон, ведь ты не хуже меня знаешь, что в этом мире все продается и покупается... Вот так и появился на вашем свидании черный «мерседес» из ведомства Дорона. А генерал ничем не рисковал, он отлично понимал, что если документы украл Кербер, то он не смоется сию же минуту. Кербер же был уверен, что улики против него нет. Бежать немедленно — значит выдать себя, а это верная смерть.

Дорон достанет его на другом конце земли. Проще выждать, пока все утрясется, уехать в отпуск за границу, тайно встретиться с кем нужно. А потом... Потом ему уже ничего не было бы страшно, так как он оказался бы под защитой какого-нибудь другого Дорона. Расчет точный. Но тут, как выстрел, твоя телеграмма, которая спутала Керберу планы и помешала спокойно добраться до безопасного места. Затем «встреча», странный побег... Дорону надо было быть круглым идиотом, чтобы не догадаться об истинных намерениях Кербера. И все. Пустынное шоссе, дорога внезапно загорожена, удар о столб, дверцы настежь, папка с документами выхвачена из рук мертвеца. Чистая работа.

— И все-таки он помиловал Чвиза... — прошептал Честер.

— Пустое, Фред. Дорону жалость неведома, но он рационалист. Чем ему опасен перепуганный, выжатый как лимон старик, забившийся куда-то в щель, добряк, бежавший от самого себя? Дорон и тебя не тронет, если не будешь глупить, как он не тронул Луизу, распорядившись отпустить ее на все четыре стороны, если она, разумеется, будет молчать. Он либо презирает, либо уничтожает, но, поверь мне, до старика Чвиза он еще доберется! Я это понял. Мне кажется, сейчас появилась новая порода людей, с умом строгим, как формула, и с душой робота. Дороны. А может, они всегда были... — Гард махнул рукой. — Только сейчас они нашли в жизни что-то такое, чего им не хватало для всесилия.

Кто-то опустил в музыкальный автомат монету, и ящик весело грохнул:

Моя мать дорогая,
Тебя я узнаю сквозь тысячу лет.
Тебя не заменит никто, никогда и нигде...

— Уже заменили! — Гард выругался и опустошил стакан виски. — И как у доронов мозги работают! С установкой можно было бы делать редкие лекарства,

много лекарств или еще что-нибудь очень хорошее. Чвиз, вероятно, делал бы коровок, каждому по коровушке. Рай можно было бы сделать на земле! А они... Как их только матери рожают? Впрочем, они теперь будут пользоваться машиной. Машина наконец нашла себе машину!

— Это будет во многом зависеть, — тихо сказал Честер, — от того, какой Миллер остался.

— Ерунда. — Гард с сожалением смотрел на дно стакана. — Я стал умнее за эти два дня, а ты, кажется, поглупел, если противоречишь сам себе. Что говорил ты мне совсем недавно? Или забыл?

— Ах, Дэвид, тогда были только предположения, а теперь известно, что реальная установка в руках у Миллера. И если в живых остался не Миллер, а его Двойник...

— Надо бежать в Анды? К дикарям? — Гард пьяно засмеялся. Его уже разбирал хмель. — Ты еще мучаешься вопросом, какой Миллер остался? Плюнь! Не лезь в психологию одного человека. Что он может сделать? Помнишь, в той истории...

— А может быть, Двойник?

— Ах, все равно, Миллер или Двойник!.. Не путай меня, Фред... Не надо преувеличивать роль одного человека, даже такого, как Миллер... Когда теория...

— Нейтронного торможения, — подсказал Честер.

— Ну да, торможения... — машинально повторил Гард, — была только в его голове, Миллер еще мог раздумывать: спасти ему человечество или нет? Смешно? А ему было страшно, Фред. Очень страшно. С одной стороны, человечество, а с другой — Дорон... Я не хотел бы быть в его шкуре, Честер. Потом он понял, что роль всемирного спасителя ему не суждено сыграть, человечество обошлось своими силами... Не качай головой, Фред.

— Я это понял, старина... Но сейчас другое дело.

И многое зависит от Миллера, настоящего или Двойника.

— Ты сам меня научил: попробуй, проследив поведение Миллера в этой истории, сказать, какой он — хороший или плохой? Ну?

— Вот этого я и не пойму... — признался Честер.

— И не надо! Забудь. Ты, вероятно, думаешь, что убить в себе ангела или дьявола навсегда так просто? Ха-ха... Да какая разница, хороший ли Миллер остался, плохой ли? Обстоятельства есть обстоятельства, и никуда от них не денешься, и будет он, миленький, поступать то так, то сяк, как все мы, грешные, поступаем. Потому что остался живой Миллер! Живой! Понимаешь?

— Невероятно, — покачал головой Честер. — Я понял сейчас другое, Гард. Я понял, что, если живым остался хороший Миллер, ему придется иметь дело с Дороном, и кто из них победит — еще вопрос. Но если остался в живых Двойник, ему придется иметь дело со мной! И с такими, как я, Дэвид. Ты уже спишь? Зря спишь, старина! Ни в какие Анды я не поеду...

ПЯТЬ ПРЕЗИДЕНТОВ

(Повесть третья)

1. Снова Чвиз

Темные квадраты окон слепо смотрели на улицы. Уже не выбирая дороги и топая прямо по лужам, спешили по домам одинокие прохожие. Подъезды всасывали их как губки.

Таратура вел машину медленно: улицы были слишком узки для «мерседеса». Кроме того, ему приходилось притормаживать у каждого перекрестка: профессор Миллер только в последний момент коротко говорил «направо» или «налево».

Он сидел рядом и, казалось, был весь погружен в раздумье. Таратура бросил на него взгляд и понял, что короткие приказы он отдает, не поднимая глаз. Или он знал дорогу на память, или угадывал ее каким-то шестым чувством.

За последний год они вообще ни разу не выезжали так поздно — во всяком случае, вместе — да еще с такими предосторожностями. Миллер обычно звонил Таратуре за полчаса до выезда и, оказавшись в «мерседесе», коротко бросал: «К Дорону!», или «В лабораторию!», или «Куда хотите, Таратура!» — и такое бывало.

На этот раз еще утром он пригласил Таратуру к себе в кабинет, усадил в кресло и, сделав непривычно долгую паузу, произнес:

— В час ночи вы должны быть у аптеки в районе Строта. Об этом никто не должен знать. Даже Ирен.

Все. Да! До часу ночи занимайтесь чем угодно, только не ставьте машину в гараж.

Таратура давно отучился задавать шефу вопросы.

В час ночи он встретил Миллера у аптеки и за сорок минут, повинаясь его приказаниям, пересек почти весь город. Теперь они были в старом и грязном районе, который, как знал Таратура, не славился ничем, кроме своей древней архитектуры да, пожалуй, еще погребка «Указующий перст», куда ходили только его любители и приезжие туристы, чтобы поглазеть на любителей.

Асфальт отсвечивал, слепя глаза. Моросил дождь. Редкие неоновые рекламы, сиротливо приютившиеся на старомодных фасадах, выглядели лишними и нелепыми.

— Стоп! — вдруг резко сказал Миллер.

Таратура мгновенно остановил машину и замер, напряженно держа баранку и не выключая двигатель.

— Отсюда пойдем пешком, — продолжал Миллер. — Но прежде у меня есть к вам несколько, я бы сказал, контрольных вопросов. От них зависит, пойдете ли вы со мной дальше или останетесь ждать в машине. Выключите подфарники и двигатель.

Таратура выполнил приказание. Вокруг была тишина, нарушаемая лишь дождем, равномерно стучащим по кузову «мерседеса».

— Вам известно, Таратура, — сказал после паузы Миллер, — что я иногда посещаю этот район?

— Два раза в неделю, шеф, — сказал Таратура.

— Вы следили за мной?

— Нет, шеф, вы запретили мне это делать. Я просто догадывался, потому что каждая ваша минута была у меня на учете, кроме...

— И никому об этом не говорили? — прервал Миллер. — Даже Ирен?

Таратура улыбнулся:

— Само собой, шеф. Хоть я ваш телохранитель, я понимаю, что вы имеете право на личную жизнь!

— Благодарю, — сказал Миллер без тени иронии. — В таком случае нам пора.

Они вышли из машины. Таратура двинулся вслед за профессором, который, безошибочно ориентируясь в темноте, миновал какую-то арку, вошел в переулок и остановился у старинного трехэтажного дома, воздвигнутого, вероятно, лет двести назад. Таратура знал, что в подобных домах часто бывают многочисленные коридоры, террасы, спуски и подъемы и тысячи ступенек внутри, десятки ходов, в которых легко запутаться, как это и случилось с ним однажды, когда он расследовал убийство банкира Костена. Этот дом ничем не отличался от того дома, и Таратура, приблизившись к Миллеру, сказал:

— Здесь не меньше десятка входов и выходов.

— Вы знаете этот дом?! — изумленно воскликнул Миллер. — Так вы все же следили за мной?!

— Ну что вы, шеф! — обиделся Таратура. — Не забывайте, что в прошлом я полицейский сыщик.

Миллер внимательно посмотрел на Таратуру и остановился. Он явно не торопился или делал вид, что не торопится, потому что никак не мог решить, брать с собой Таратуру или не брать.

— Сколько сейчас времени? — спросил он.

Таратура посмотрел на часы и тихо ответил:

— Два ночи, шеф. Сейчас должны пробить часы на католической часовенке, что в двух кварталах отсюда.

И в этот момент действительно раздался гулкий перезвон, после которого два продолжительных удара в точности подтвердили слова Таратуры. Миллер уже совсем не знал, что делать.

— Черт возьми! — в сердцах сказал он. — Вы знаете этот дом или не знаете? Вы были здесь или не были?

— В «Указующем персте», шеф. Он рядом с часовней. Мы прежде заходили туда с Честером, вы долж-

ны его помнить, он был в ту пору репортером «Вечернего звона». Там редкое пиво.

— Идите за мной, — строго сказал Миллер. — Прошу вас ничему не удивляться и не задавать никаких вопросов.

И Миллер вошел в подъезд дома. Затем они, чуть-чуть пригнув головы, свернули под мрачный свод и очутились в длинном коридоре, слабо освещенном единственной лампой, пристроенной в дальнем его конце. Миллер шел впереди, и когда он повернул вправо, Таратуре показалось, что шеф просто вошел в стену. Но там были ступеньки, они вели на второй этаж, и снова был коридор, снова ступеньки, какие-то своды и, наконец, небольшой проем, в котором затаилась дощатая дверь. Миллер постучал в нее четырьмя короткими ударами. Через некоторое время в ответ раздались три легких стука. «Женщина», — успел подумать Таратура.

— Это мы, — сказал Миллер.

Дверь распахнулась. В тускло освещенном коридорчике стоял высокий старик с седой бородой, в котором можно было без труда угадать профессора Чвиза.

2. В берлоге

Лицо Таратуры никогда не было «зеркалом» его души.

Он молча поклонился и вошел в комнату, вежливо пропустив вперед шефа. Затем, присев на подвернувшийся диванчик, который жалобно скрипнул под его мощным телом, подумал о том, как вести себя в этой странной ситуации, чтобы не выглядеть слишком глупо.

Миллер был непроницаемо спокоен. Чвиз тоже не казался взволнованным. Судя по всему, они еще прежде договорились об этом визите. В нем непременно был какой-то смысл, пока еще неизвестный Таратуре. Он не умел, да и не хотел тратить много душевных и физичес-

ких сил на разгадку тайн, которые рано или поздно должны раскрываться сами. Заметив, что Миллер закуривает сигарету, он тоже вытащил пачку, чиркнул зажигалкой и пустил кольцо дыма. Потом сел поудобней, приняв столь непринужденную позу, будто всю жизнь провел в этой комнате бок о бок с профессором Чвизом.

— На улице дождь? — спросил Чвиз, беря с дубового стола миниатюрную пепельницу. — На-до-ело.

Последнее слово Чвиз произнес жутко спокойно и вышел из комнаты. Что-то стукнуло в коридорчике — вероятно, дверь в кухню. Таратура решил оглядеться.

Большой зал, в котором они находились, напоминал странную смесь тюремной камеры, монастырской кельи и дешевой мебелированной комнаты. Безобразно высокий сводчатый потолок, как в храме, венчался громадной позолоченной люстрой с двумя десятками длинных лампочек, имитирующих церковные свечи. Ни одна из них сейчас не горела, свет исходил от торшера, стоящего рядом с узкой деревянной кроватью, прикрытой одеялом. Крохотное окно под потолком было зарешечено, и Таратура подумал, что не удивился бы, если бы снаружи увидел тюремный козырек. Старые и выцветшие обои во многих местах полопались и отставали от стен. Мебель была явно музейная, громоздкая и покосившаяся, особенно стоящие в углу старинные часы с неподвижным маятником и буфет с причудливой резьбой по дереву. На подоконнике стояла финиковая пальма в деревянной кадке, доверху заполненная окурками, — верная примета дешевых мебелированных комнат. Картину завершал камин, доступ к которому был закрыт массивным дубовым столом. Стол имел цвет крови, словно на нем последние десять лет производили ежедневные вскрытия трупов. На столе возвышалась какая-то аппаратура, никогда прежде не виданная Таратурой, стоял кофейник ярко-зеленоватого цвета, валялись стопки книг, несколько грязных чашек и большой нож, напоминающий штык.

«Да, — подумал Таратура, — все это может изрядно надоест. Я бы не выдержал тут и неделю».

— Коллега, вчера утром меня вновь вызывал к себе Дорон, — жестко сказал Миллер, когда Чвиз вернулся в комнату. — Поймите, наконец, что президент торопит Дорона, Дорон торопит меня, а мне уже нечем отговариваться. Вы понимаете? Я лечу, как баллистическая ракета по заданной траектории.

— Слава богу, меня это не касается, — упрямо сказал старик. — Я вовремя снял с себя всякую ответственность.

— Но от себя вы никуда не уйдете! — зло произнес Миллер, как будто прочитал приговор. — Хватит об этом, я пришел сегодня не для того, чтобы толочь воду в ступе, а чтобы услышать ваш совет как ученого. Сейчас менять мой план и придумывать новый уже поздно. Кроме того, вы же знаете, что я надеюсь на вашу помощь. Вы думали о моем плане?

— Но почему вы решили, что я обязан помогать вам делать глупости? — сердито пробурчал Чвиз.

Миллер исподлобья посмотрел на Чвиза, и оба они замолчали.

— Я жду вашего ответа, — требовательно сказал Миллер.

— К сожалению, — через силу сказал Чвиз, — идея в принципе осуществима, хотя весь план авантюрен и лишен здравого смысла. Он знает? — И Чвиз кивнул в сторону Таратуры.

— Теперь может и должен знать, — твердо сказал Миллер. — Таратура, от вас будет зависеть многое, если не все. Выслушайте мой план.

Миллер заговорил негромко и спокойно, как если бы читал лекцию с кафедры. Через три минуты Таратуре захотелось выскочить вон и помчаться к ближайшему психиатру. Через пять минут он глубоко задумался, через семь — восхитился, через десять у него не осталось и тени сомнения, что эта ночь станет для него началом

новой и — наконец-то! — настоящей жизни. Когда Миллер кончил, он встал, одернул пиджак и твердо сказал:

— Я с вами, шеф.

— Несмотря на все?

— Риск, шеф, единственный товар, которым я торгую, — неуклюже, но с достоинством ответил Таратура.

3. Драма в пяти актах

Солнце поднималось медленно, цепляясь лучами за корявые ветви старых дубов. Окна восточной террасы уже брызнули золотом, и зяблики грянули первую песнь дня.

В усадьбе еще спали. Спали дежурный электрик и дежурный водопроводчик, спали дежурный синоптик и дежурный врач, дежурный шифровальщик и вообще Дежурный — человек, чья должность существовала с 1883 года и который никогда ничем не занимался, поскольку тогда же, в 1883 году, в спешке забыли оговорить круг его обязанностей. Не проснулись еще повара и горничные, шоферы и вертолетчики, садовники и механики. Дремал связист у погашенного табло коммутатора, рядом с которым, не мешая далекому ликованию зябликов, безмолвствовал телетайп.

Храпел седой майор у красного, очень красивого телефонного аппарата, который согласно инструкции должен зазвонить в тот момент, когда начнется атомная война. Впрочем, майор почти всегда спал. Он был типичным армейским философом, этот майор, и рассуждал так: если телефон молчит — можно спать; если телефон звонит — нет смысла просыпаться.

Спокойно вздымалась во сне богатырская грудь беспокойного О'Шари — командора спецгруппы из двенадцати телохранителей. А в соседней комнате, словно по команде, слаженно вдыхали и дружно выдыхали спертый воздух все двенадцать телохранителей, подстраива-

ясь в такт начальственному сопению. Они спали без тревог и угрызений совести, поскольку сейчас работала НЭСИА. Столь романтическое имя, достойное украсить стены Карнака, скрывало пусть весьма совершенную, но, увы, начисто лишенную всякой романтики Ночную Электронную Систему Инфракрасной Аппаратуры, окружавшую усадьбу и видевшую в темноте так хорошо, как не умели видеть даже на свету все двенадцать телохранителей вместе с командором О'Шари.

Разметался во сне десятилетний Арви, единственный наследник хозяина усадьбы, справедливо называемый всеми вышеперечисленными его обитателями божьим бичом, ниспосланным за грехи прошлые и будущие, ибо одни только прошлые грехи при самом тенденциозном их подсчете не могли уравновесить факт существования Арви.

На широкой кровати под синим, в серебряных метеоритах балдахинном, неподвижно вытянувшись, как на смертном одре, спала хозяйка усадьбы. Впрочем, сейчас никто из ее знакомых и близких не смог бы поручиться, что это действительно она, — таким неузнаваемым было ее лицо без драгоценных мазей, туши и помады, которые днем возвращали ей по крайней мере двадцать прожитых лет.

Наконец, в маленькой и сыроватой комнатке с туго запертыми окнами, задернутыми занавесками, тяжелыми от золотого шитья и вековой пыли, в конусе желтого света лежал, раскинув по подушке кисточку ночного колпака, старичок в очках — хозяин усадьбы, гражданин № 1 — президент.

Улегшись с вечера, он начал было просматривать сводки иракских нефтяных курсов, заскучал, взял киноревью да и заснул вот так, в очках, не выключив ночника, как часто засыпают люди, обремененные делами и годами.

А солнце между тем поднималось все выше и выше.

Первым в доме, как всегда, проснулся Джек. Дже-

кобс: мистер Джекобс — для газетных отчетов, старина Джек — для друзей дома, старик — для всей большой и малой прислуги, старая лысая обезьяна — для Арви и Джи, секретарь, камердинер, друг и партнер для игры в простого (не подкидного) дурака — для президента. Джек Джекобс познакомился с президентом за пятьдесят пять лет до того, как тот стал президентом. Джеку было двадцать два, а Кену — шестнадцать, и Кен своим «фордом» превратил мотоцикл Джека в дружеский шарж на самогонный аппарат. Они подружились. Легендарная авария случилась так давно, что ничего более из событий тех лет они решительно не помнили, а Кен однажды, в минуту раздражения, сказал даже, что никакого столкновения не было, что все это выдумали проклятые репортеры. На что Джек заметил:

— Люди безутешны, когда их обманывают враги или друзья, но они испытывают удовольствие, когда обманывают себя сами.

И вышел.

Надо сказать, что Джекобс часто прибегал к афоризмам в разговорах с президентом. Его любимой книгой были «Максимы и моральные размышления» Франсуа де Ларошфуко. Только эту книгу читал и перечитывал он последние четверть века, полагая, что проницательный француз сказал больше, чем все человековеды во всех книгах, изданных за последние триста лет, не говоря уже о газетах и журналах, которые Джекобс презирал так, что носил их только кончиками двух пальцев, а на лице его появлялось тошнотворно-брезгливое выражение, будто он вытаскивал убитую мышь из мышеловки. Во всяком случае, финалом всех пресс-конференций в Доме Власти неизменно являлись организованные им феерические дезинфекции, неизвестные даже в лепрозориях.

Джекобс всегда просыпался раньше других не потому, что у него было много дел и забот, а потому, что он был стар и любил утро, утренние тени, совершенно не

похожие на тени вечера. Сейчас он встанет, побреется, выпьет чашечку кофе и войдет к президенту.

— О, Джи, ты отлично выглядишь сегодня! — изумленно воскликнет президент.

— Мы хвалим других, Кен, обычно лишь для того, чтобы услышать похвалу себе, — ответит Джекобс, как отвечал вчера, и позавчера, и третьего дня, — ведь этому утреннему ритуальному разговору уже, наверное, лет пятнадцать. «А что, если ответить ему сегодня по-другому?» — подумал Джекобс и засмеялся своей мысли.

АКТ ПЕРВЫЙ

Около девяти Джекобс, еще пахнувший кофе, заглянул на всякий случай на южную террасу и, увидев там только Арви в грязной и мокрой рубашке, слипшейся от ананасного сока, понял, что президент уже в кабинете и его корзина для бумаг, вероятно, уже набита утренними выпусками газет.

Джекобс не ошибся: президент просматривал газеты. Это было правилом неукоснительным, как зарядка для спортсмена. Президент искал в газетах реальное воплощение своих идей и находил его. Это было приятно, вселяло бодрость и чувство собственной необходимости человечеству. Впрочем, иначе и быть не могло: если бы газеты не воплощали его идеи, он закрывал бы их.

— А, это ты, Джи? — Президент оторвался от газет. — Послушай, да ты отлично выглядишь сегодня! — Президент в искреннем изумлении откинулся на спинку кресла.

— Не доверять друзьям, Кен, позорнее, чем быть ими обманутыми, — улыбнулся Джекобс.

— Что? — оторопело спросил президент. От удивления у него отвисла челюсть.

— Согласен с вами, Кен, я действительно отлично себя чувствую.

— Ты заболел, Джи?

— Откуда у меня был бы такой цветущий вид?

— М-да, — сказал президент, беззвучно пожевав губами. — Ничего себе начинается день! Ты совершенно выбил меня из седла. И это перед митингом! Просто не знаю, о чем говорить теперь... Ну хорошо, я иду в зеркалку, а ты садись и слушай. Времени очень мало.

Отличительной чертой президента, снискавшей ему громкую славу, было отсутствие текстов его речей. Он не только не писал их сам — в этом не было бы ничего удивительного, хотя бы потому, что ни один из его предшественников их тоже никогда не писал, — он не поручал писать и другим: впервые за сотни лет каторжного труда канцелярия президента разогнула склоненную над столами спину. Президент выступал тысячи раз и никогда не держал в руках текста. Речи на весьма острые и сложные политические темы он произносил экспромтом. В философских кругах родилась невероятная гипотеза о необъятности президентской эрудиции, которая завоевала немало сторонников и вылилась в признание президенту ученой степени доктора права.

Однако существовал секрет необыкновенной способности президента, но он не был разгадан и по сей день. Вернее, было два секрета. Первый заключался в том, что президент репетировал речи в зеркальной комнате, позволявшей ему видеть себя со всех сторон. Второй — более сложный и действительно доступный отнюдь не всякому — заключался в том, что президент никогда, нигде и ни о чем не говорил по существу вопроса. Картины, нарисованные им, принадлежали кисти монументалиста. Даже один неверный мазок, способный перечеркнуть работу тонкого рисовальщика миниатюр, не влиял на впечатление от захватывающих дух панорам. Он обладал необыкновенным даром говорить обо всем и ни о чем. И репетиции в зеркальной комнате отнюдь не преследовали задачу отработки текста. Там, с учетом предстоящей аудитории, ее численности, национально-

го и социального состава, интеллектуального уровня и эмоционального настроения репетировалась лишь мимика и проверялся тембр голоса, для чего в приемную, на стол Джекобса, был вынесен из зеркала динамик. Раньше Джекобс присутствовал на репетициях в самой зеркальной комнате в качестве единственного слушателя. Однако после того как, просмотрев весьма ответственную речь для конгресса, он на вопрос президента: «Ну как?», ответил: «Величавость — это непостижимое свойство тела, изобретенное для того, чтобы скрыть недостатки ума», — президент разгневался, даже топнул ногой и с тех пор репетировал в одиночку, поручив Джекобсу лишь досмотр за тембром.

Сегодня президент должен был выступить на митинге, организованном благотворительным Обществом по борьбе с алкоголизмом, и ставил перед собой важную задачу завоевания полутора миллионов голосов антиалкоголиков на предстоящих выборах.

Джекобс, сидя за своим столом, слышал, как президент откашлялся; забулькала вода — он прополоскал горло, — и наконец:

— Дамы и господа! Что привело меня сюда, вырвав из тяжкого лона государственных забот? Политическая возня моих противников? Нет! Накал международных страстей? Нет! Меня привела сюда тревога за судьбы моей нации...

— Ш-ш! — зашипел Джекобс в микрофон. — Так не пойдет, Кен, вы сразу берете быка за рога. Все уже ясно. Надо поинтриговать. Запомните, что ничто так не льстит самолюбию людей, как доверие сильных мира сего. Они принимают его как дань своим достоинствам и не замечают, что оно вызвано простым тщеславием или неумением держать язык за зубами.

— Может быть, ты будешь выступать вместо меня? — съязвил динамик.

— Если вы не в духе, я выключаюсь.

— Меня интересуют не механизмы людских слабостей, а тембр, — сказал президент.

— Излишне демократичен. Так надо говорить как раз с пьяницами, не забывайте, вы выступаете на митинге трезвенников. Это хитрющие бестии, и они быстро разберут, что ваша показная простота — это утонченное лицемерие.

Динамик промолчал. Потом заговорил снова:

— Дамы и господа! Я отложил встречу в главном штабе Военно-Морского флота, чтобы побывать у вас на митинге. Я далек от мысли... Среди тяжкого бремени тревог... Воля нации движет сегодня мною... Лишь в отравленных сивушными маслами мозгах могла родиться сумасбродная мысль... Ибо никогда пути прогресса не подходили столь близко к пропасти алкоголизма... Порукой тому наши общие самоотверженные усилия...

Репетировали около часа. Наконец динамик замолк. Опять слышалось бульканье воды.

— Ну как? — спросил президент.

— Вы знаете, Кен, чертовски убедительно! Мне придется сделать гигантское усилие, чтобы впустить в себя перед обедом рюмочку вермута.

— Я уже опаздываю. Машину!

— Мне с вами?

— Оставайся. Зачем тебе тащиться по такой кошмарной жаре!

— Спасибо, Кен. До свидания.

Джекобс выключил микрофон и, обернувшись к своему пульту, ткнул пальцем в одну из кнопок:

— Машину президента к Южному входу.

Новый щелчок:

— О'Шари? Президент желает вывести на прогулку двух своих бульдогов. Поедут на митинг общества трезвости.

...Неподалеку от усадьбы президента, на обочине автострады, стоял черный «мерседес» с поднятым капо-

том. Из-под капота торчали ноги. Первыми их заметили, как и полагалось по рангу, два телохранителя. Потом президент. «Как будто машина заглатывает человека», — скромно удивляясь образности собственного мышления, подумал президент. Телохранители ни о чем не подумали и подумать не могли, потому что им нечем было думать. «Мерседес» выплюнул человека на асфальт. Президент не успел разглядеть его лица. Телохранители, как и полагалось по рангу, успели. Когда автомобиль президента превратился вдали в черную блестящую точку, человек захлопнул капот, сел за руль, но не тронулся с места. Рядом с ним на сиденье лежал плоский, как портсигар, коротковолновый радиопередатчик с приемным устройством.

— Алло, шеф! Как слышите меня? Прием.

— Неплохо. Что нового? Прием.

— Первый выехал, шеф. Прием.

— Ну что ж, — сказала коробочка с хрипловатой задумчивостью в голосе. — Начнем, пожалуй. Следите, Таратура...

АКТ ВТОРОЙ

«У птиц есть свои заботы, — не торопясь написал Джекобс, — может быть, даже свои президенты».

Затем он вытер перо о специальную кисточку, вложил его в специальный карманчик альбома, — перо было именно от этого альбома, и никаким другим Джекобс в нем не писал, наподобие того как президент никогда не позволил бы себе надеть галстук не «от этой рубашки». Затем он положил альбом в ящик стола, повернув циферблатом сложного замочка только ему известную комбинацию.

Альбом был собственным духовником, которому исповедовался Джекобс и поверял свои сокровенные мысли. Но это был не обычный дневник, куда примитивные гении регулярно вписывают примитивные сведения, оши-

бочно полагая, что количество яиц, съеденных ими за завтраком, представляет интерес для потомков. Джекобс исходил из того, что не он своей жизнью принесет славу альбому, а альбом, ставший достоянием человечества после смерти Джекобса, сделает его имя бессмертным. «Кен, — говорил иногда Джекобс президенту, — вашей мысли не хватает всего чуть-чуть, чтобы стать достойной моего альбома!» И даже президент воспринимал эту фразу как истинный комплимент. Говоря откровенно, Джекобс уже давно подозревал, что его любимый Ларошфуко отстал где-то на повороте, пропустив вперед себя афоризмы и наблюдения, изложенные в альбоме, обтянутом кожей анаконды. Но он никому не говорил об этом, учитывая, что человечество безумно обожает сюрпризы. И, что греха таить, старый Джекобс не только отдавал альбому свою мудрость, но и черпал из него, особенно тогда, когда приходилось туго. Именно это обстоятельство убеждало Джекобса в том, что Ларошфуко когда-нибудь потускнеет в свете ярких лучей, исходявших от мудрого альбома.

Итак, заперев ящик стола, он хотел было встать со своего места, чтобы выйти в парк и подышать утренним воздухом, как вдруг зазвенел звонок, вызывающий его в кабинет президента. Джекобс «погасил» его, подумав при этом, что, вероятно, опять западает какая-нибудь клавиша сигнализации, но звонок вновь зазвенел, вернув Джекобса чуть ли не от двери. Тогда Джекобс, опять погасив звонок, поднял телефонную трубку и набрал номер дежурного электрика.

— Гремон? — сказал он. — Я был бы рад вас увидеть, тем более что вы, вероятно, ужасно соскучились по работе.

И положил трубку. Пожалуй, кроме маленькой Адель и самого себя, Джекобс считал всю президентскую прислугу откровенными нахлебниками и лентяями, особенно неандертальцев из команды О'Шари, которые умели только стрелять, но, к сожалению, сами

никогда не становились мишенью. Зато для всей прислуги Джекобс был даже ббольшим президентом, чем сам президент, поскольку их благополучие зависело не столько от предвыборной речи президента, сколько от настроения «старика». Ему подчинялись безоговорочно и мгновенно, и потому молодой Гремон явился так быстро, словно стоял за дверью, а не бежал к усадьбе через весь парк.

Джекобс молча кивнул ему, ответив на приветствие, и показал глазами на дверь кабинета. Гремон понял, что президент отсутствует, иначе без сопровождения Джекобса туда нельзя было войти даже самому министру внутренних дел, и, пожалуй, только смерть имела некоторый шанс посетить президента, не спрашивая разрешения старого слуги.

Поправив на плече сумку, Гремон неслышно скользнул в кабинет, но уже через секунду с громким воплем выкатился наружу спиной вперед и, странно глядя на Джекобса, выскочил из комнаты. А на столе вновь зазвонил звонок! Тогда Джекобс медленно приблизился к дверям, аккуратно приоткрыл их и увидел президента.

Тот сидел за столом, нетерпеливо и зло глядя на старого Джека. И все же, отдавая дань традиции, президент сначала сказал то, что говорил последние пятнадцать лет, чтобы затем, не дожидаясь традиционного ответа, сказать совсем иное, что не сказать он уже не мог:

— Ты отлично сегодня выглядишь, Джи, но это все не значит, что тебе позволено посылать вместо себя разных молодчиков!

Происшедший затем короткий диалог состоял из одних вопросов, начисто исключающих какие-либо ответы.

— Как, вы здесь, Кен? — тихо сказал Джекобс.

— А где я должен быть, Джи? — сказал президент.

— А кто же поехал на вашей машине в благотворительное общество, чтобы произносить там речь?

— Джекобс, ты молился сегодня утром? — спросил президент.

— В таком случае, Кен, — сказал Джекобс, — вам, вероятно, не понравилась речь, которую вы репетировали сегодня в зеркальном зале?

— Ты шутишь, Джи? Или ты забыл, что перед благотворителями я выступал на той неделе?

— Но вы забыли, Кен, что тогда вы говорили за алкоголиков, а сегодня должны были говорить против?

— Ты не путаешь меня со своим двоюродным дедушкой, о котором сам говорил, что он умел чревоуващать?

— А вы уверены, Кен, что перед вами стою именно я? — парировал Джекобс.

И они оба умолкли, потрясенные взаимной дерзостью. Наконец Джекобс, собравшись с мыслями, решил сказать свою коронную фразу, которой явно не хватало в сегодняшнем утреннем ритуале:

— Мы хвалим других, Кен, лишь для того, чтобы заслужить похвалу в свой собственный адрес.

— Узнаю! — сказал президент. — Это ты! Слава всевышнему! — И он перекрестился.

Все встало на свои места, опять все задышало покоем, и президент, выйдя из-за стола, доверительно сообщил Джекобсу, которому — только одному — мог позволить знать об этом:

— Джек, у меня опять что-то происходит с головой!

— Ничего, Кен, — как всегда философски, заметил Джекобс. — Пока происходит с головой, это никто не замечает, но когда происходит с ногами...

— Я точно помню, — продолжал президент, — как вчера вечером молился в часовне, и... больше ничего не помню! Тебе не кажется это странным?

— Нет, господин президент, — ответил Джекобс. Ни для кого из приближенных, для Джекобса тем бо-

лее, не было тайной, что склероз уже давно запустил свои когти в старческую голову президента. — Если бы вчера после молитвы вы не выпили целую бутылку рома, — продолжал Джекобс, — и не раскладывали бы до часу ночи пасьянс, тогда бы мне показалось это странным.

Президент изменился в лице и вновь перекрестился: — Побойся бога, Жи, что ты говоришь!

— Если я буду бояться бога, — сказал Джекобс, — он подумает, что меня уже нет в живых.

Президент побледнел и вдруг встал на колени.

— Господи, — воскликнул он, — прости мою грешную душу! Клянусь тебе, что отныне и навсегда мои руки не прикоснутся к картам и душа моя освободится от этого порока! А губы мои забудут то мгновение, когда последний раз они окропились вредным алкогольным ядом...

— Кен, так вы все же будете произносить речь против алкоголиков? — сказал Джекобс. — Тогда пора торопиться, там назначено на десять утра, а речь ваша, как мне кажется, уже отрепетирована.

Президент ничего не ответил, поднялся с коленей и прошел вдоль всего кабинета, внимательно разглядывая портреты своих предшественников и беззвучно шевеля губами. Вероятно, он каждому из них произносил свой приговор, восхваляя при этом свою собственную воздержанность от мирских страстей.

Всю эту десятиминутную процедуру, пока президент сводил личные счеты с портретами своих предшественников, старый Джекобс, не шелохнувшись, привычно стоял в дверях, чуть-чуть полуприкрыв глаза. Ему на ум пришла известная мысль Ларошфуко, и он повторял ее время от времени, как молитву: «Если уж дурачить людей, то нужно дурачить их долго, как это делали в Риме».

Наконец президент умирающим голосом попросил

Джекобса прислать сына и в ожидании Арви сел в кресло.

Молодой бандит со всего размаха бросился отцу на колени, отчего кости хрустнули даже у старого Джекобса.

— Ты молился сегодня, сын мой? — спросил его президент, хотя Джекобс мог дать голову на отсечение, что Арви знает только одну молитву: «Папа, дай мне пятнадцать кларков!»

— Два раза! — соврал Арви и тут же помолился в третий: — Папа, а ты дашь мне пятнадцать кларков?

— Хорошо, сын мой, но прежде мы отправимся в церковь святого Марка, где скоро начнется служба.

— Сейчас?! — сказал Арви, словно ему предложили запить десяток пирожных стаканом касторки. — О нет, папочка, ведь ты обещал мне зоопарк!

Ему ничего не стоило выдумывать чужие обещания, так как он очень надеялся на то, что у всех взрослых рано начинается склероз.

— Джекобс, я действительно обещал Арви поехать сегодня в зоопарк?

— Какая разница, господин президент, — ответил Джекобс, — когда выполнять свои обещания: до того, как их даешь, или после?

— Зоопарк так зоопарк! — сказал президент, не имея сил встать на ноги после того, как на его коленях посидел милый сынишка. — Джекобс, машину к Западному подъезду! А ты иди, Арви, переоденься.

Когда Джекобс нажал кнопку гаража, там произошла небольшая паника, но послушаться старика никто не посмел. В комнате телохранителей по селектору ответил Грег, сменивший О'Шарп.

— Прощу, Грег, — сказал Джекобс, — двух питекантропов, но с более или менее приличными рожами, так как им придется ехать с президентом в зоопарк, и я боюсь, что они перепугают всех зверей.

Через десять минут машина с президентом и Арви

выехала за ворота. Джекобс постоял у окна и с тоской подумал о том, что старость все же приводит к необратимым изменениям в характере людей, и отныне, вероятно, ему уже не суждено будет сыграть с президентом ни одной партии в простого (не подкидного) дурака. Затем он поднял телефонную трубку и позвонил устроителям благотворительного собрания.

— Алло? — сказал Джекобс, когда услышал чей-то мужской голос. — Говорит секретарь президента. Я хочу предупредить вас, что президент не может к вам приехать, он...

— Спасибо за информацию! — перебил его довольно-таки нахальный голос. — Но президент уже на трибуне и несет, как всегда, чепуху!

— Что вы мелете?! — разозлился Джекобс.

— Но он тоже мелет, господин секретарь! — нахально ответила трубка.

— Да вы никак сторонник Боба Ярборо! — возмущенно воскликнул Джекобс.

— А вы как думали!

— В таком случае, — холодно проговорил Джекобс, — извольте сказать, что делает сын президента Арви!

— Думаю, он будет выступать следом, но скажет что-нибудь поумнее своего папаши! — не унимался нахал.

— Вы меня разыгрываете? — устало произнес Джекобс и нажал на рычаг.

В ту же секунду звонок на столе ожил, заверещал, приглашая Джекобса в кабинет, но старик остолбенело смотрел на него, не двигаясь с места.

Когда машина с президентом, его сыном и двумя телохранителями поравнялась с черным «мерседесом», Таратура передал:

— Шеф, прошел второй! Прием.

— С богом! — ответил Миллер.

Звонок продолжал звенеть настойчиво и требовательно, но Джекобс не мог тронуться с места.

— Нет, уж на этот раз ты меня не обманешь! — пробормотал он и плотно заткнул оба уха указательными пальцами. — Никакого звонка нет!.. Никакого звонка нет!.. — повторил он несколько раз подряд.

Потом осторожно отнял пальцы.

В приемной стояла полная тишина. Джекобс просиял.

— Вот и все, — вздохнул он с облегчением.

Однако в этот момент звонок застрекотал снова.

— Ну, теперь-то я знаю, как с тобой бороться, — погрозил пальцем Джекобс.

Он снова заткнул уши и на некоторое время словно застыл. Убрал пальцы.

Звонок звонил!

Джекобс снова повторил свой нехитрый прием.

Звонок звонил!

— Странно! — растерянно пробормотал Джекобс и торопливо снял телефонную трубку.

Личный врач президента доктор Арнольд Креер был человеком незаурядным. Во всяком случае, он сам со всей определенностью, исключавшей какие бы то ни было кривотолки, заявил об этом на юбилейном ужине, посвященном столетию медицинского общества «Будь здоров». Плотный, коренастый, с квадратной фигурой и наполовину облысевшим черепом, усеянным многочисленными бугорками, с резкими, стремительными движениями, доктор Креер походил на преуспевающего коммивояжера.

Он явился почти мгновенно, словно дух, вызванный из бутылки. И, как будто испугавшись его появления, звонок тут же умолк.

— Приветствую вас, дорогой Джекобс, — произнес доктор громким голосом и так энергично сжал пальцы секретаря, что тот невольно поморщился. — Что-нибудь случилось?

— Медведь! — недовольно пробурчал Джекобс, украдкой массируя помятую руку.

— Что вы сказали?

— Дело в том, милейший Арнольд, что со мной... гм... с господином президентом происходит нечто странное.

— Сегодня чересчур яркое солнце, — безапелляционно заявил доктор и, подойдя к окну, задернул штору.

Доктор Креер был не просто врач. У него была своя теория. Он считал, что причиной большинства болезней служат слишком резкие зрительные раздражения. Исходя из этого, он практиковал два способа лечения: перемену впечатлений и длительный сон в совершенно темном помещении.

Разумеется, у этой теории, как и у всякой гениальной теории, были свои противники. Но доктор Креер не унывал и лучшим доказательством правоты своего метода считал неизменно бодрое состояние президента, которое ему так или иначе удавалось поддерживать.

— Итак, пройдем в кабинет? — почему-то торжественным тоном осведомился доктор.

Но, поскольку звонок молчал, Джекобс не торопился.

— Видите ли, Арнольд... — начал он что-то неопределенное.

Но в этот момент снова настойчиво затрещал звонок. Джекобс вздохнул и почтительно распахнул перед доктором дверь кабинета.

Президента за столом не было.

«Час от часу не легче!» — подумал Джекобс и в ту же секунду чуть не лишился чувств.

Глава государства стоял в углу кабинета и, методич-

но выбрасывая руки в стороны, проделывал какие-то замысловатые приседания.

— В чем дело, Джекобс? — недовольно сказал президент, не отрываясь от своего занятия. — Я звоню уже больше четверти часа. Вы что, заснули?

— Я думал... — смущенно пробормотал Джекобс. — Я...

— А, доктор Креер! — обрадовался президент, заметив врача и прекратив свои упражнения. — Очень хорошо, что вы пришли. Я как раз собирался вас вызвать.

Креер с достоинством поклонился.

— Что-то я сегодня в плохой форме. Отвратительно себя чувствую.

— Что вы ощущаете? — деловито осведомился доктор.

— Неприятный вкус во рту, кружится голова и какой-то звон в ушах.

«Вот-вот, — подумал Джекобс. — И у меня то же самое: головокружение, звон... этот проклятый звон!»

— Но самое неприятное, — продолжал президент, — это какие-то странные провалы в памяти. Я, например, совершенно забыл все, что было со мной сегодня утром и вчера вечером.

— Провалы? — заинтересовался доктор. — А скажите, господин президент, у вас ничего не мельтешит перед глазами?

— Как вам сказать? Мельтешит! — неожиданно признался президент. — Какой-то странный предмет, похожий на тыкву.

— Давно это у вас?

— Со вчерашнего дня. С того самого момента, как я посетил регби. Этот предмет не оставляет меня в покое. И знаете, у меня все время такое чувство, что я должен схватить его и куда-то бежать!

«Боже мой! — с ужасом подумал Джекобс. — Те же симптомы! И у меня перед глазами все время пред-

мет... похожий на Кена. И тоже хочется бежать! Что же это творится?»

— Джекобс! Джекобс! Ты меня слышишь?

— Извините, господин президент.

— Джи, ты не помнишь, что я делал после того, как вернулся с регби?

Джекобс сокрушенно покачал головой и осторожно сказал:

— Извините, господин президент, но у меня тоже провалы в памяти.

— Разрешите... — вмешался доктор Креер. — Разрешите вас осмотреть, господин президент.

Он быстро сосчитал пульс, измерил давление, на несколько секунд приставил к груди стетоскоп.

— Учащенное сердцебиение, — резюмировал он. — Можно подумать, что вы все еще находитесь на стадионе. Ведь я не раз предупреждал: не следует злоупотреблять спортивными зрелищами.

— Да, да, вчера я действительно переволновался. Это было ужасно: Прайс не смог точно пробить в ворота. И это в самый решающий момент! Ах, этот проклятый мяч всегда летит не в ту сторону!

Креер озабоченно посмотрел на президента:

— Боюсь, что ваше увлечение спортом становится угрожающим. Мне это не нравится.

— Дорогой Арнольд! Разве есть в мире место лучше стадиона! Только там обо всем забываешь.

— Запишите, — строго сказал Креер, обращаясь к Джекобсу. — Утром и вечером мясной отвар. На обед фрукты и лимонный сок. Алкоголь исключить на три дня. Обеспечить резкую смену впечатлений. Послушайте, дорогой Джекобс, зачем вы пишете под копирку?

— Я знаю, что делаю, — проворчал Джекобс. — Пусть будет в двух экземплярах.

Креер пожал плечами.

— А сейчас, господин президент, вам не мешало бы отвлечься. Заняться чем-нибудь... по возможности интел-

лектуальным. Чтобы вытеснить из головы навязчивый желтый мяч.

— Это мысли! — сказал президент. — Я давно собирался выступить по радио или телевидению. Джекобс, предупредите студию, что я прибуду через тридцать минут.

В 11 часов 08 минут Таратура, увидев промчавшуюся по шоссе черную машину с флажком президента на крыле, доложил по рации:

— Шеф, проехал третий.

Проводив президента, Джекобс снова вытащил заветный альбом и открыл чистую страницу.

— Как он сказал?.. «Мяч всегда летит не в ту сторону...»

В этом, по мнению Джекобса, был определенный смысл, но, как всегда, президентской мысли не хватало ровно чуть-чуть, чтобы попасть в заветный альбом. Чего же ей не хватало? А вот чего: «Мяч всегда летит не в ту сторону, потому что та сторона всегда оказывается этой».

— Как вы себя чувствуете, Ларошфуко? — вслух произнес Джекобс, беря ручку и уже готовясь пополнить свою коллекцию новым изречением, как вдруг его остановила неожиданная мысль: сказал ли эту фразу президент или, быть может, она явилась плодом его собственного расстроенного воображения?

Рука Джекобса повисла над чистой страницей.

— Была не была! — наконец решил он и с нажимом вывел красивую букву М.

— Вы еще тут, дорогой Джекобс? — осведомился невесть откуда появившийся Креер с большой сигарой в зубах.

Джекобс с видимым раздражением захлопнул альбом.

— Пойдемте ко мне, я дам вам одно чудодействен-

ное лекарство! А еще лучше пропустим по стаканчику. Все ваши хворости как рукой снимет!

Джекобс вздохнул и, взяв драгоценный альбом под мышку, пошел вслед за доктором.

А на столе секретаря, в круглой хрустальной пепельнице, осталась лежать докторская сигара. Тонкий синеватый столбик дыма несмело и зыбко тянулся вверх.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Дверь открылась, появился президент и только было собрался произнести: «Джекобс, ты отлично сегодня выглядишь!», как удивился до такой степени, что потерял дар речи.

— Дж!.. — получилось у него, и он протер глаза. Секретарь отсутствовал!

Отсутствовал тот, кто должен был сидеть в этом кресле за этим столом, словно прикованный к ним цепями; кто последние пятнадцать президентских лет был непременной составной частью этой комнаты наряду с телефонными аппаратами, люстрой на потолке и ковровой дорожкой до самой двери; кто был символом и одновременно живым олицетворением порядка в президентском доме...

Невероятно.

Нет, что ни говорите, но день начинался на редкость удачно!

Если бы кто знал, как надоела президенту вся его президентская жизнь! Этот глупый утренний ритуал, когда он должен говорить Джекобсу идиотскую фразу, уже потеряв всякую надежду услышать в ответ что-нибудь новенькое и смешное; эти ханжеские физиономии слуг; эта постная и несоленая пища, которую нельзя было брать в рот от одного сознания, что десятки людей, отвечающих за драгоценную президентскую жизнь, пробовали и обнюхивали ее, прежде чем подать

на президентский стол; эти отвратительные эскулапы во главе с Креером, которые при каждом президентском чихе устраивали консилиумы, укладывали его в постель и пичкали всевозможными таблетками; эти тупые телохранители, которые даже в туалет входили прежде, чем туда войдет президент; эти машины, отучившие президента ходить; эти бесконечные напоминания о том, что много спать нельзя, и мало спать нельзя, и работать нельзя, и не работать нельзя, и туда нельзя, и сюда нельзя, того нельзя, этого нельзя!.. Тьфу! Если бы безмозглый кретин Боб Ярборо хотя бы краем глаза видел, какая мука быть президентом, он снял бы свою кандидатуру, отдав голос за существующего президента, тем самым убив его окончательно.

Вот почему сегодня утром старый Кен совершил подлинную революцию в своем налаженном президентском быту: он впервые за пятнадцать лет не позвал Джекобса в кабинет звонком, а вышел к нему сам! Так есть бог или нет бога, если первый нетрадиционный шаг привел к такому исключительному везению: Джекобса на месте не оказалось!

Итак, надо пользоваться сложившимися благоприятными условиями. Президент воровато оглянулся, секунду подумал, и в голове у него созрел преотличнейший план. Он решительно направился к двери, предварительно схватил кем-то оставленную и еще дымящуюся сигару и сделал две глубоких и жадных затяжки.

В коридоре никого.

Быстрыми шажками президент поднялся по левой лестнице, ведущей в покои жены, и, остановившись перед дверью, костяшками пальцев произвел тот условный стук, с которым, бывало, лет сорок назад приходил к своей Кларе: «Там-та-та-там, та, та!» Небольшой переполох в комнате, и наконец взволнованно-удивленное:

— Это вы, Кен?

Узнала!

Президент вошел в громадную спальню, и, пока он

шел к Кларе, уже сидящей перед зеркалом, она имела возможность по его походке заметить странную метаморфозу, происшедшую с мужем. Он шел легко, изящно, будто и не было ему семидесяти лет.

— Доброе утро, моя дорогая! — сказал президент, нежно целуя лоб своей супруги, уже влажный от крема «Роида».

— Ах, Кен, — воскликнула Клара, заливаясь молодым румянцем, — вы так неожиданно! И вы — курили?!

От него пахло сигарой, как в добрые прежние годы. Он улыбнулся и виновато опустил глаза.

— Кенчик, — сказала Клара, с трудом вспомнив, как когда-то звала президента, — что случилось с тобой?

— Ты помнишь, Клара, как лет сорок назад...

— О, не говори такие слова! Сорок лет назад не было ничего такого, что я могла бы помнить, а то ты решишь, что мне больше, чем тридцать пять.

Ему всегда нравилось ее кокетство.

— Хорошо, Клара, прости меня. Так вот, сорок лет назад, когда ты была хрупкой девушкой, я нес тебя на руках от самой машины до озера Файра, и ты обнимала меня за шею, а вокруг были какие-то люди, но им не было до нас никакого дела, потому что тогда все были молоды!

— Разве у тебя уже была в ту пору машина? — сказала Клара.

— Ты все забыла, — мягко перебил президент. — Был «форд», и я уже имел маленькую, но собственную адвокатскую контору... А ты помнишь мое первое дело, когда я чуть не опростоволосился, но твой отец... Удивительно, Клара, но это все я так отчетливо помню. А то, что было вчера, словно было тысячу лет назад: ни одного воспоминания! Я сегодня проснулся, открываю глаза: кабинет, уже утро, хочется есть, хочется вина, хочется жить! Понимаешь, Клара, во мне просну-

лась молодость, я понял, что больше не вынесу ограничений, я устал от них. Вероятно, нервы...

Пока президент произносил этот монолог, Клара восхищенно смотрела на мужа и думала, наверное, о том, как жаль, что он «проснулся» так поздно.

— Знаешь, Кен, — сказала Клара, — а что, если мы отправимся сейчас на озеро Файра? Сегодня воскресный день, тебе действительно нужно отдохнуть, мы возьмем Арви.

— И этих тупых молодчиков О'Шари?!

— От них никак нельзя избавиться?

— Можно... — неуверенно произнес президент. — Но тогда нам придется ехать вдвоем, без Арви, чтобы улизнуть от них.

— Все! Я знаю, что надо делать!

Клара решительно поднялась с кресла, еще раз взглянула на себя в зеркало — нет, нет, не так уж дурна! — и вышла из спальни. Через пять минут она вернулась в платье одной из своих горничных.

— Твой костюм достаточно скромный, — сказала она, оценивающим взглядом рассматривая рабочий пиджак президента. — У тебя есть деньги?

— Кларков пятьдесят, не больше.

— Прекрасно!

Она была решительной дамой — может, поэтому президент и женился на ней в свое время...

— Но, Клара, — сказал он, вновь почувствовав себя таким, каким был много лет назад, когда Клара требовала беспрекословного подчинения и он не смел ее послушаться, — как мы выйдем незамеченными?

Она смерила его таким странным взглядом, словно видела впервые, и медленно произнесла:

— Кен, кто вывел тебя в президенты? Так неужели я не выведу тебя из усадьбы?

И Клара, с которой президент прожил добрых сорок лет, вдруг подошла к стене в своей спальне и в том месте, где кончалась кровать, нашла какую-то кнопку,

а затем распахнула потайную дверь, о которой президент понятия не имел.

— Клара! — сказал он строгим голосом, но жена, улыбнувшись нежной и светлой улыбкой, взяла его за руку и увлекла за собой.

Если президент в свое время женился на Кларе не из-за ее решительного характера, то наверняка из-за этой улыбки.

Через двадцать минут они вышли на шоссе в ста ярдах от того места, где все еще возился с мотором черного «мерседеса» Таратура. Президент, потрясенный тем, что ни одна «собака» из охраны их не заметила, что скромно промолчала все замечавшая даже в темноте Ночная Электронная Система Инфракрасной Аппаратуры (НЭСИА), вел себя излишне возбужденно и порывисто. Не снимая черных очков, он лихо просеменил к «мерседесу» и звонко предложил Таратуре пять кларков за доставку в город.

Таратура онемел. Но тут же, взяв себя в руки, вздохнул и с сожалением отказался, сославшись на то, что машина испорчена.

— Я сам жду помощи, — сказал он. — А вам... папаша, — с усилием выдавил он из себя, — советую взять такси. Тут их много.

И действительно, из-за поворота показалась машина. Президент остановил ее торжественным поднятием руки, и через секунду они укатили.

На какое-то время Таратура даже забыл о рации.

АКТ ПЯТЫЙ

В душе напичканного лекарствами Джекобса, когда он вернулся от доктора Креера, пели ангелы. Прежде всего он с удовлетворением отметил, что за время его отсутствия ничего не изменилось. Ковер лежал на своем месте, на полу, часы висели на стене в единственном

числе, и вообще в комнате не было никаких признаков чуда.

И тут он увидел сигару. Она дымилась.

Джекобс погрозил ей пальцем.

— Не-ет, — сказал он. — Не обманешь.

Он потоптался вокруг стола, зажмурился и даже хихикнул, радуясь своей догадке. Потом осторожно открыл глаза. Сигара дымилась как ни в чем не бывало.

— Существоешь? — миролюбиво спросил Джекобс. — Ну существуй.

Он сел за стол и громко сказал:

— Никакого президента нет! Не было и нет! Сигара есть, раз она существует, а президента нет. Чья сигара? Моя, конечно...

Вторая рюмочка, кажется, была лишней.

Он задумался. О чем-то подобном философы однажды уже говорили. Как это? «Я» есть «я» только по отношению к своему «я», а поэтому все окружающее есть проекция моего «я». Умные головы! Конечно! Вот он сейчас войдет в кабинет президента, и никакого президента там не окажется, потому что он видел, как тот уехал, а раз он видел, то никакого президента в кабинете быть не может. А когда он вернется обратно, то и сигары не окажется, потому что в его отсутствие исчезнет проекция его «я». Надо только выбросить из головы мысль о сигаре. Тогда все будет хорошо. Надо помнить только о кресле. И о ковре. И о мире тоже. А то, кто его знает, может и он исчезнуть, если о нем не думать.

Джекобс на негнувшихся ногах сделал несколько шагов к двери президентского кабинета и, мурлыкая детскую считалку: «Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать», переступил порог.

За столом сидел президент и что-то писал.

— Я иду искать, — вслух сказал Джекобс.

— Что? — Президент поднял голову. — В чем дело, Джек? Я тебя не звал.

— Ах, не звали? — Джекобс широко улыбнулся. — Очень хорошо.

Он повернулся, как манекен, и вышел. «Что-то философы путают, — грустно подумал Джекобс. — Раз президент на месте, то и сигара должна быть на месте». Он осторожно покосился: сигара была на месте. «А если это мой президент, то значит...» — и его посетила неожиданная мысль.

— Кен, — сказал он, снова входя к президенту, — похоже, вам нужна машина.

— Машина? — Президент оторвался от бумаг. — Я не просил никакой машины.

— Выходит, речь в благотворительном обществе вы произносить не будете?

— Какая речь? Ты видишь, Джек, я работаю.

— Допустим, вижу. Но это еще ничего не значит. Так вам не нужна машина?

— Джек, ты мне мешаешь.

— А в зоопарк вы тоже не поедете?

— Что-о?! — Президент отшвырнул ручку, и она прокатилась по бумаге, разбрызгивая кляксы.

Лицо Джекобса излучало кротость.

— Что с тобой, Джи?

— Ничего. Я почему-то решил, что вы хотите выступить по радио.

— А-а... Э-э... — Президент попятился вместе с креслом. — Джекобс, кто-то из нас сошел с ума!

— Не я.

— Боже... Какой сегодня день?

— Воскресенье.

— Суббота, Джекобс, суббота! Приди в себя!

— Воскресенье. Желаете убедиться?

Джекобс на негнущихся ногах подошел к столу, набрал номер и с улыбкой протянул трубку президенту.

— Сегодня, в воскресенье, — донеслось оттуда, —

жителей столицы с утра ждет малооблачная погода без осадков, во второй половине дня...

Президент обмяк.

— О господи! — вырвалось у него. — Воскресенье! А что я делал с тех пор, как выступил на митинге филателистов?

— Определенно могу сказать: не лечился. Кен, хотя неплохо было бы подлечиться.

«А вот сейчас я расскажу ему про философов, — подумал Джекобс, — и подам воды, и мы славно потолкуем о проекциях моего «я», а то, чего доброго, бедняга и вправду подумает, что я сошел с ума».

— Джек, — президент взял себя в руки, — суббота сегодня, воскресенье или понедельник, и пусть хоть весь мир спятил, но это еще не дает тебе права мешать мне работать. Уходи и соедини меня с Доронем.

— А врача не надо?

— Не надо.

— И вы никуда не поедете?

— Никуда.

Джекобс чуть не рассмеялся.

— И не надо присылать вам Арви?

— Я занят! — взорвался президент. — Ты что, не понимаешь, что я работаю?

— А в дурака (не подкидного) мы еще будем с вами играть? — не сдавался Джекобс, давясь от еле сдерживаемого смеха.

— Вон! — заорал взбешенный президент.

— Ну как знаете, Кен, — невозмутимо ответил Джекобс. — А то я могу принести вам сигару.

Состояние духа Джекобса было теперь непробиваемо, как железобетон.

Этого, однако, нельзя было сказать о Таратуре. Час шел за часом, в канаве оглушительно стрекотали кузнечики, солнце раскалило кузов машины, над пустынным шоссе заструились серебристые переливы марева. А из усадьбы никто не выезжал.

«Четыреста восемьдесят семь... Четыреста восемьдесят восемь... Четыреста восемьдесят девять...» — считал Таратура, вывинчивая и снова завинчивая запальную свечу. Когда счет достиг пятисот, Таратура не выдержал.

— Шеф, — крикнул он в микрофон рации, — с пятым, похоже, осечка! Его до сих пор нет! Прием.

— Черт с ним, — после секунды молчания ответил Миллер. — Хватит и четырех. Возвращайтесь.

4. Вызов Дорону

По воскресеньям первую половину дня Дорон работал.

Это не значило, что Дорон не умел отдыхать. Напротив. В воскресенье он позволял себе встать на час позже, не торопясь — за стаканом черного кофе — перечитывал ночные донесения, перелистывал утренние газеты и тем самым сразу включался в ритм жизни планеты. Дорон был и мудр и равнодушен; в донесениях он видел смысл и содержание истории, к творцам которой причислял и себя.

Программу второй половины воскресенья готовил Дитрих, который точно угадывал желания и фантазии своего генерала. Поэтому вечером Дорону предстояла либо стрельба из лука по летучим мышам, либо поездка в варьете, ужин при свечах с певицами, развлечения в духе Борджиа, пасторальные танцы. В одном он был уверен твердо: Дитрих не ошибается и вечер будет приятным, интересным, запоминающимся.

В этот день все шло, как и всегда. До обеда было еще далеко. В углу кабинета то и дело раздавался пулеметный стук телетайпа, и Дитрих неслышно клал на угол стола бумаги с нулями и единицами. Дорон, погруженный в обдумывание, не замечал своего секрета-

ря. В эти часы Дорон оставался сверхточной и сверхлогичной вычислительной машиной.

— Осмелюсь побеспокоить, господин генерал. — Дитрих воспользовался секундным перерывом в размышлениях Дорона, точно им угаданным. — Сейчас объявили, что по радио будет выступать президент.

— Стоит ли слушать эту болтовню? — вслух спросил себя Дорон. — Ладно, включи.

Дорон гордился своим умением делать сразу несколько дел: думать, писать, слушать. Гай Юлий Цезарь, говорят, тоже обладал таким качеством.

Мурлыкающую речь президента он слушал вполуха, но сразу отметил некоторое своеобразие выступления: президент много и с жаром говорил о регби. Мысли генерала текли параллельно, не мешая друг другу. «Если Ла-Ронг действительно осуществит операцию на гене, то это открытие должно принадлежать нам...»; «Чего этот старик так напирает на регби? Нет ли тут тайного политического хода?»; «Ла-Ронг работает в нищей стране. Переманить его, вероятно, не составит большого труда. Но если он патриот...»; «Надо было сразу догадаться. Президент — умница. Какой тонкий ход: привлечь перед выборами на свою сторону болельщиков регби!...»; «...тогда нужно будет организовать против Ла-Ронга газетную кампанию. Подрыв религии, связи с коммунистами. Ему уже некогда будет заниматься наукой. Не грубо ли?»; «Да, у президента надо поучиться. Как заливается!»; «Нет, другой план лучше. Надо будет устроить Ла-Ронгу видный административный пост. Если патриот, клюнет. Благо народа, благо страны... и все время уйдет у него на совещания, заседания, председательство, руководство. Это хорошо. Изящно и действенно»; «Можно подумать, что от правил регби зависит ход государственной политики. Интересно, сам президент всерьез принимает свои речи?»

На пульте перед Дитрихом зажегся огонек. Секретарь снял трубку.

— Господин генерал, вас просит президент.

«Ну конечно, выступление было записано на пленку», — подумал Дорон.

— Поздравляю с отличной речью, господин президент. Я в восторге от вашего тонкого хода. Какого хода? С регби! Что? Терпеть не можете регби? Это естественно, я тоже. Грубая игра. Но народ... «Хлеба и зрелищ», как говорили римляне. Перед выборами надо польстить народу... Да, да, полон внимания, господин президент.

— Генерал, — донеслось из трубки, — настоятельно прошу форсировать опыты по дублированию. Я только что подписал распоряжение о выделении вам из секретного фонда пяти миллиардов кларков. Результаты должны быть получены за месяц до выборов.

— Слушаюсь! — воскликнул Дорон.

— Поскольку мы принадлежим к одной партии, я раскрою вам смысл этого требования. Успех опытов повлияет на финансирование кампании. Боюсь, что в противном случае трудно будет одолеть Ярборо. А Ярборо, как вы знаете, ненавидит интеллигенцию и всех, кто с ней связан. Прошу понять, что мой успех будет и вашим успехом, генерал.

— Это я прекрасно понимаю. И могу вас заверить... («Как бы не так! Ярборо тоже не кретин и в случае победы не закроет передо мной кассу. Но лучше иметь дело со стариком, тем более что сейчас он зависит от моих работ, а не мои работы от него».) Могу заверить, что вы можете быть спокойны, господин президент. Я был и остаюсь вашим верным... — на мгновение Дорон запнулся, подыскивая нужное слово, — генералом!

— Вот и отлично. Вы знаете, я не забываю своих друзей. Уверен в успехе. Всего хорошего, генерал.

— Дитрих, откуда он звонил? — спросил Дорон.

Дитрих взглянул на пульт:

— Из усадьбы, генерал.

— Я так и понял, — сказал Дорон. — Это была пленка.

Ну что ж, все складывается превосходно. До обеда еще оставалось время, чтобы обсудить ситуацию с Ла-Ронгом. А там уже скоро вечер...

Хм, еще пять миллиардов кларков, без которых, откровенно говоря, уже вполне можно обойтись. Чистейший подарок! Шальные деньги. Президент, вероятно, здорово боится этого Ярборо. Ну и отлично! Деньги можно употребить... на того же Ла-Ронга! На десяток Ла-Ронгов! Превосходная мысль!

— Дитрих, сегодня хороший день.

— Так точно, господин генерал. Разрешите обратить внимание вот на это донесение?

— Что такое? Хм... «Незапланированный расход энергии в Институте перспективных проблем». В воскресенье?

— Прикажете дать взбучку?

— Зачем? Миллер просто усердствует, зря я в нем сомневался. Работает даже в воскресенье! Судя по расходу энергии, у него сегодня серьезные успехи. Поистине день чудес. Соедини меня с Миллером, Дитрих.

Пока секретарь набирал номер, Дорон успел отключиться, чтобы уточнить план обработки Ла-Ронга. Генерал терпеть не мог непоследовательности. Что бы ни происходило, а начатое дело должно быть закончено.

— Ни в лаборатории, ни дома телефон Миллера не отвечает, господин генерал.

— Странно. Не хочет, вероятно, отрываться от работы. Хорошо, успею поздравить его завтра.

И все же Дорону трудно было сосредоточиться на текущих делах. Каким-то внутренним чутьем он инстинктивно почувствовал, что именно сегодня вздымается гребень событий, влекущих его вверх. И потому он не удивился, когда Дитрих положил на стол экстренный выпуск газеты. Экстренный?! Дорон, торопливо пробежав полосы, с некоторым разочарованием отло-

жил газету. Всего-навсего утренняя речь президента на благотворительном собрании. «Ну и энергия у старика!» — подумал он. Внезапно он снова схватил газету. Какое-то несоответствие, какая-то нелогичность... Так и есть. Он еще раз перечитал это место. «С печалью я гляжу на бурные проявления низменного инстинкта непросвещенных масс, которые так ясно проявляются в оглушительном реве толпы на регби, этой грубой, отталкивающей игре, достойной только пьяниц. Я поднимаю этот бокал (Дорон иронически улыбнулся) за то, чтобы у нас было больше больниц, церквей и школ — и меньше пьяниц! Больше воздержания от порока — и меньше упоения грубыми зрелищами!»

Дорон с досадой отшвырнул газету. Когда только эти политики научатся быть логичными! Впрочем, это в их характере: сегодня говорить одно, а завтра — нечто прямо противоположное. Но чтобы в один и тот же день! Старик явно теряет чувство меры.

— Господин генерал, вас просит президент.

— Как?

— Вас просит президент.

Дорон вытер вспотевший лоб. Что, если телепатия действительно существует, и стоит подумать о президенте, как он тотчас...

— Слушаю вас, господин президент.

— Генерал, сегодня весь день я думаю, о вашем богопротивном дублировании и молю бога, чтобы он простил мне мой грех.

В трубке трещало, и Дорон еле слышал голос президента.

— Господин президент! — заорал Дорон. — Я не понимаю вас! Плохо слышно!

— И я решил... — Голос наконец прорвался сквозь треск помех и зазвучал так громко, что Дорон отвел трубку от уха. — ...решил с божьей помощью прекратить ваши пагубные опыты впредь до... — Голос опять пропал.

— Господин президент, господин президент! Но ведь четверть часа назад вы твердо обещали... Алло, не слышу! Можно подумать, что вы говорите из автомата!

— Я говорю из своей машины. Четверть часа назад я не видел этих бедных мартышек...

— Каких мартышек?! — Дорон сел.

— ...которые как две капли воды похожи друг на друга, и даже родная мать не может их различить. Но если богу позволено так делать, то для нас это грех!

— Господин президент! Что с вами? Откуда вы говорите?

— Из зоопарка. Здесь так хорошо светит солнце, поют птички, и как я подумаю о том, что у нас творится... Я твердо решил. Прощайте.

— Алло, алло!

Но трубка уже безмолвствовала.

— Безумие какое-то! — Дорон был бледен. — Откуда президент звонил первый раз?

— Из усадьбы. Это точно. Показал пульт, и, кроме того, я узнал голос его секретаря Джекобса.

— Быть не может! За пятнадцать минут доехать до... зоопарка?! Я ничего не понимаю! Дитрих, Мартенс! Срочно!

Мартенс, доверенное лицо Дорона в охране президента (благородный псевдоним шпиона), к счастью, оказался на месте.

Дорон выхватил трубку из рук Дитриха и заговорил с Мартенсом сам:

— Где сейчас президент?

— Простите, это вы, господин генерал? Докладываю. Президент сегодня встал как обычно, то есть поздно, у него был отличный стул...

— Вы получите сто кларков, если без лишних слов точно и коротко скажете мне, где сейчас президент!

— В данную конкретную минуту?

— О боже!!!

— В данную минуту господин президент находится у себя в кабинете.

— Вы в этом уверены?

— Господин генерал, я не пьян, и если вы думаете, что я пьян...

— Нет, нет! Он точно в кабинете?

— Так же точно, как то, что вы обещали мне сто кларков.

«Подонок!» — выругался про себя Дорон.

— И он не уезжал в зоопарк?

— В зоопарк? Президент сроду не бывал в зоопарке. Болтают, будто утром он уезжал на радио, но чтобы в зоопарк...

— Болтают или выезжал?

— Болтают. А то бы я знал. Президент сидит в своем мягком кресле и...

Но Дорон уже повесил трубку.

— Дитрих! Во-первых, выдать этому дураку сто кларков. Во-вторых, найти среди охраны человека поумней. В-третьих... Нет, во-первых! Немедленно выяснить, где Миллер.

Когда секретарь вышел, Дорон схватил со стола пустотелую гипсовую копию статуи Неповиновения и из всех сил запустил ее в стену. Она с грохотом разлетелась на мелкие осколки. Генерал недаром изучал научную информацию. Он знал, что психологи рекомендуют нервам именно такую разрядку.

Ла-Ронг мог еще неделю спать спокойно. Дорону было теперь не до него.

— Выяснили? — встретил он Дитриха вопросом, как только тот переступил порог.

— Прислуга отвечает, что профессор не был дома со вчерашнего вечера. Его супруга третьего дня уехала к своим старикам в Паркинсон и вернется только в субботу.

— Достать из-под земли!

— Да, генерал, — поклонился Дитрих.

— Целым и невредимым!

И тут на пульте снова зажегся желтый огонек. Дорон покосился на него со страхом.

— Вас слушают, — сказал Дитрих, щелкая рычажком. — Даю.

Он зажал ладонью микрофон.

— Господин генерал, это он сам.

— Президент?

— Миллер.

«Надо обратить серьезное внимание на телепатию, — машинально подумал Дорон. — Она существует!»

— Профессор Миллер, хорошо, что вы позвонили. — Голос Дорона звучал почти спокойно. — У меня к вам всего один вопрос, я ищу вас с самого утра.

— Насчет президента? Ставлю вас в известность, генерал, что мной синтезировано три новых. Вместе с оригиналом в стране сейчас четыре президента.

— Что-о?! Где вы находитесь?!

— Хотел бы я знать, господин генерал.

— Зачем вы так шутите? Вы понимаете...

— А вы, господин генерал?

— Вы рискуете многим.

— Вы тоже, если сообразите, что вас тоже можно дублировать.

Дорон окаменел. Трубка выскользнула из его рук, но Дитрих сумел подхватить ее. На безмолвный вопрос генерала он тихо ответил:

— Звонит из автомата. Район Строута.

— Миллер, — прошептал Дорон, — вы меня слышите?

— Да.

— Чего вы от меня хотите?

— Узнаете немного попозже. Всего хорошего.

Телефон дал отбой.

5. За кружкой пива

«Денег у меня на одну маленькую кружечку, а выпить я хочу минимум две больших», — рассуждал Фред Честер. Что же предпринять? Клуб прессы? Там не хотелось брать в кредит: надо держать марку. Занять у знакомых? Странное дело: у тех, которые бы дали, нет денег, а у тех, у кого они есть, не хочется занимать. Бар в «Скарабей-паласе»? Дорого. «Титанус»? Это не пивная, а какой-то конвейер по изготовлению пьяных людей. Значит, «Указующий перст». Милый и добрый «Указующий перст», где ему, Честеру, без особых переживаний всегда давали несколько кружек в кредит.

Честер и сам не заметил, что уже шагает по направлению к «Указующему персту». Это была маленькая пивная, простая пивная без модернистских выкрутасов и стилизации под океанский корабль или море. Сюда снобы не ходили.

В «Персте» Фред взял газету, кружку пива и, дожидаясь, пока осядет пена, принялся читать.

Речь президента на благотворительном обеде. «Наш папа плодовит, как лабораторная мышь, — подумал Фред. — Час назад старик говорил по радио о регби и вот уже успел...» Он пробежал статью:

«Мы слишком внимательны к телу, забыв о духе... Спорт и косметика, автомобили и авиация, целые отрасли промышленности заняты телом... даже пластические операции... где эквивалент духа?.. Вознесет ли авиация наши принципы?.. Устранит ли косметика изъяны морали?.. Кто и чем сможет сделать пластические операции наших нравов?.. Сейчас, перед лицом воинствующего атеизма Ярборо и его единомышленников, мы обязаны прежде всего в интересах нации подумать о горизонтах процветания духа...»

До чего же гнусный старик! Ведь час назад он кричал по радио о том, что нация погрязла в мелком самокопании, порицал культ узкогрудых грамотеев, этих

лазутчиков туберкулеза, агитировал за регби как за наиболее полное выражение национального здоровья и политического здравомыслия и упрекал Боба Ярборо в строительстве библиотек вместо стадионов.

Честер опустил газету, чтобы взять свою кружку и... остоленел. За его столиком сидел президент с женой...

— Свежее пиво? — учтиво осведомился президент у безработного репортера.

«Неужели моя престная Линда права, и я действительно допрыгнулся до белой горячки?» — пронеслось в голове Честера, но на всякий случай он ответил:

— Здесь всегда свежее пиво.

— Разрешите представиться: Карл Бум, коммерсант. Моя жена.

«Может, и в самом деле Бум?» — подумал Честер, но тут же заметил, как президент слегка подтолкнул свою супругу локтем. «Ну, погоди, старый лицемер, — решил тогда про себя Честер. — Я отучу тебя корчить Харун-аль-Рашида и бегать «в народ»!

И он воскликнул:

— Не может быть!

— Уверяю вас, — растерянно сказал президент, оглянувшись на Клару.

— Значит, мы однофамильцы.

— То есть?

— Я тоже Бум, — представился Честер. — Феликс Бум, зубной техник.

— Очень приятно. — «Коммерсант» и его супруга натянуто улыбнулись.

— Как вам нравится вот это? — Честер протянул газету с «горизонтами процветания».

— А что? — осторожно спросил президент.

— А то, что теперь уже всем ясно, что старый болван в глубоком маразме!

— Вы кого имеете в виду? — с некоторым беспокойством спросила Клара.

— Одного нашего общего знакомого, — не моргнув глазом, ответил Честер.

Журналист ликовал. Он понял, что ему представился наконец тот фантастический, лишь в сновидениях доступный случай, когда он может сказать самому президенту все, что о нем думает. В состоянии большого душевного подъема Фред осушил кружку пива, тут же потребовал вторую и, навалившись грудью на липкий столик, начал:

— Объясните мне, пожалуйста, кого мы поселили в Доме Власти? Кто это такой? Нет, нет, не надо мне перечислять знаменательные даты его биографии с предвыборного плаката, от которого тошнит каждого приличного гражданина, — надеюсь, вас тоже. Что он за человек? Каковы его взгляды?

— Ну, как же... — смущенно сказала жена президента. — Он истинный христианин, любящий муж и отец...

— Отцом может быть любой негодяй, — перебил Честер, даже не догадываясь, какую глубокую травму он нанес жене президента. — Согласитесь, мадам Бум: чтобы стать президентом, недостаточно быть всего лишь отцом, как недостаточно быть только президентом, чтобы превратиться в отца!

Клара, по лицу которой пронесся весь спектр существующих в природе цветов, чуть не упала со стула.

— Наш президент — демократ! — сказал президент, очнувшись от потрясения. — Он тонкий политический стратег, теоретик в области финансов... — И президент напряг склеротическую память, вспоминая сведения из предвыборных агитброшюр.

— И гуманист, — добавила жена.

— И гуманист, — согласился президент.

— Этот зажавшийся сноб — демократ? — воскликнул Честер. — За всю жизнь он не пожал руку ни одному рабочему человеку, за исключением тех случаев, когда его фотографировали. Этот демократ за все свое

президентство не преодолел по земле и мли собственными ногами. А зачем демократу целая шайка телохранителей, вооруженная огнеметами, газами и лазерами?

— Но политические враги... — начал было робко президент.

— Какие враги? — горячо перебил Честер. — Вы верите в эти сказки? Как, по-вашему, господин Бум, можно ли всерьез говорить о вражде кукол в театре марионеток?

— Вы забываетесь! — выдохнула Клара.

— Ничуть! Ссориться могут лишь актеры, дергающие за ниточки.

— Уж не хотите ли вы сказать, что я... — перебил президент.

— Помилуй бог, — в свою очередь, перебил Честер, — вы мне глубоко симпатичны, и я никоим образом не хотел бы обидеть вас, господин Бум.

— Я хочу сказать, что из ваших слов явствует, что президент — лицо пассивное и ничего не решающее?

— Совершенно верно! — улыбнулся Честер. — Я рад, что помог вам разобраться в этой простой проблеме.

— Но если президент ничего не решает, как объясните вы ожесточенную борьбу за этот пост? — не скрывая неудовольствия, спросила Клара.

— Так ведь Боб Ярборо — такой же законченный кретин. У него единственное преимущество: он моложе. Если же исключить физиологию, они абсолютно одинаковы: два близнеца из одной политической банды.

— Но Ярборо... — начал было президент, однако Честер тут же перебил его:

— Не рассказывайте мне о Ярборо. Я уже все о нем знаю. Вот, читайте! — Честер сунул под нос президенту газету: — «Тонкий стратег на полях политических битв... Демократ, в жилах которого бьется пульс его народа... Знаток права... Теоретик юриспруденции...»

И, разумеется, «гуманист»!.. Прочитали? Каково? А? Я спрашиваю, каково бедному избирателю, которому приходится выбирать между этими двумя близнецами? Неужели им так сложно хоть чуть-чуть пофантазировать?

— Кому «им»? — осторожно спросил президент.

— Ну тем, кто дергает за ниточки.

— Если бы я был президентом... — торжественно начал президент, но в это время официант попросил Фреда к телефону.

— Простите, мистер Бум, — извинился Фред, — подождите одну минуту. Мне страшно интересно было бы узнать, что бы вы предприняли, будучи президентом. И он встал из-за стола.

«Кто бы это мог звонить? — думал Честер, шагая к телефонной будке. — По всей вероятности, кто-нибудь из друзей, которым известны две мои тайны: отсутствие денег и кредит в «Указующем персте». Только бы не уполз президент, пока я буду говорить по телефону!»

Он поднял трубку:

— Алло! Честер слушает.

— Привет, старина! — Этот голос он узнал сразу.

6. Министр изобретает заговор

Обе машины, стрельнув по фасаду бликами ветровых стекол, въехали во двор президентской усадьбы почти одновременно. Дорон, ковыряя носком трещину в асфальте, ждал, пока вылезет министр. Из распахнутой дверцы второй машины наконец показались ноги, обутые в дешевые сандалии. Дрыгнув, сандалии утвердились на пыльной земле; следом вылез и сам министр внутренних дел Эрик Воннел. Он отчаянно щурился. Круглые очки на крючковатом носу, перышки седых волос, торчащие в разные стороны, делали его похо-

жим на испугнутого филина. К груди министр прижимал пухлый портфель.

— Э... э... дорогой генерал...

Переваливаясь, Воннел подошел к Дорону и, взяв его под локоть, увлек в тень от дома.

— Уф! — Он вытер платком пот. — Я все еще не могу прийти в себя после вашего звонка. Рассказывайте.

Дорон покосился на министерскую машину. Из окна вились струйки сигаретного дыма. Четверо дюжих молодцов на заднем сиденье, уперев локти в колени, затаивались, как по команде, разом вспыхивая четырьмя огненными точками. Раскаленный двор был пуст. Только на крыльце стоял, широко расставив ноги, охранник и выжидающе глядел на министра и генерала.

— Все, что мне известно, я доложил вам по телефону.

Воннел хмуро кивнул.

— Согласитесь, однако, что это похоже на бред.

— Буду рад, если это окажется бредом.

— Невероятно! Все так спокойно... Мы можем попасть в дурацкое положение.

— Вы скажете, Эрик, что приехали с экстренной проверкой состояния охраны.

— И прихватил вас, Артур, чтобы потом вместе отправиться на рыбалку? Блестящий вариант.

Он поманил охранника. Тот приблизился с достоинством каменной статуи и металлическим голосом, четко, по-уставному меняя тональности, произнес:

— Господин — министр — прикажете — доложить — о — вашем — приезде — господину — секретарю — господина — президента?

Секунду министр разглядывал охранника.

— Галстук! — зловеще прошептал он. — (Охранник вздрогнул и живо подтянул узел галстука.) — Вижу, вижу, как вы тут распустились! Собрать всех. Быстро и тихо.

— Осмелюсь — заметить — ночная — смена — спит!

— Разбудить. Общего сигнала не надо. По одиночке. В Мраморную комнату. Президент у себя?

— Так точно!

— Не беспокоить. Где Джекобс?

— В приемной!

— Вызвать его первым. Веж-ли-во! На время разговора подменить. Служба государства! Все ясно?

— Так — точно!

— Исполнять. Что ж, генерал. — Воннел повернулся к Дорону. — Идемте. Там хоть прохладно. Ох, что будет, если вы... Что будет!

— Ничего не будет, — мрачно сказал Дорон. — Просто вы заявите, Эрик, что я сошел с ума.

— А что, я так и сделаю... — сказал министр.

Воннел пошел к ранчо, на ходу подняв руку и шелкнув пальцами. Сигареты в автомобиле разом потухли. Дверцы бесшумно распахнулись, и четыре фигуры безмолвно двинулись вслед за министром.

Опустившись в кресло-качалку, Воннел поставил рядом с собой портфель, снял очки и слегка помассировал веки кончиками пальцев. В мятых брюках, сандалиях, рубашке с короткими рукавами он походил теперь на заурядного дачника, неведь как попавшего в эту комнату с высоким лепным потолком, гладкими стенами «под мрамор» и бронзовыми подсвечниками на каменной полке, двоящимися в старинном тусклом зеркале.

— У вас, генерал, — тихо сказал Воннел, — еще осталось несколько секунд, чтобы подумать, не померещилась ли вам эта сказка с дублированием.

— Это не сказка, Воннел. Это наука.

— Тем хуже. Входите, входите, Джекобс! Как ваше здоровье, старина?

— А ваше, господин Воннел? И господин генерал тут? Вы один?

Министр посмотрел на Дорона, Дорон — на министра. Джекобс с безоблачной улыбкой смотрел на обоих. Из кармашка его жилета торчал окуроч сигары.

— Один ли я? — переспросил Дорон. — Разве я могу быть сам-два?

— Почему бы и нет? (Дорон вздрогнул.) «Я», как известно, есть «я» материальное и духовное, а потому...

— Да вы присядьте, сядьте, Джекобс! — Министр вскочил с кресла-качалки. — Вот сюда, отличное кресло. Ах, как жарко на улице! Президент, надеюсь, чувствует себя хорошо?

— Прекрасно, Воннел, даже слишком! — Джекобс кивнул головой. — Они будут рады вас видеть.

— Они... что?

— Разве я сказал «они»?

— Да, сказали.

— Ах, это все лекарства Креера. «Мы, божьей милостью»... Туманят голову.

— Какие лекарства?

— Президентские, я тоже их выпил.

— А почему их пил президент? — спросил Воннел. — Ведь вы сказали, что он прекрасно себя чувствует?

— Смотря кто, — загадочно произнес Джекобс.

Разговор явно зашел в тупик.

— Скажите, Джек, — мягко начал Дорон, — президент куда-нибудь сегодня уезжал?

— Конечно. Они уехали на благотворительное собрание, выступать на радио и с сыном в зоопарк. В трех машинах. А сейчас президент сидят у себя в кабинете.

— Нет, нет, Джекобс! — Воннел прижал к груди портфель, словно ища защиты. — О, боже мой! Он всякий раз уезжал отсюда?

— Ну, да, господин министр. Уехать можно только оттуда, откуда можно уехать. И он был бы рад вас ви-

деть, если бы с утра, как он мне сам сказал, не был занят чтением бумаг.

— С самого утра?

— Разве я могу не верить своему президенту?

Министр и Дорон переглянулись.

— Джекобс, — осторожно сказал министр, — как может президент с утра быть в кабинете, если он уехал?

— Может. Если философы говорят «может», значит, так оно и есть.

— Какие философы?

Джекобс скромно промолчал.

— К черту! — воскликнул Дорон. — Расскажите все по порядку, когда и куда уезжал президент.

Джекобс стал добросовестно называть время каждого отъезда. Воннел поспешно застегнул верхнюю пуговицу рубашки, щелкнул портфелем. «Магнитофон, — тотчас понял Дорон. — Предусмотрителен, бестия!» Не было больше дачника. Не было больше человека с лицом вспугнутого филина. Перед Джекобсом стоял министр внутренних дел при исполнении служебных обязанностей. Но старик будто не замечал перемены. Он светло и ласково смотрел на Воннела, как дед смотрит на внука, целящегося в него из игрушечного автомата. И министр смутился:

— Благодарю вас, Джекобс. Пожалуйста, пройдите в соседнюю комнату и подождите.

— Я могу потребоваться президенту.

— Не можете.

— Блажен тот, кто думает, будто он думает за других...

— Государственная служба, Джекобс! — строго произнес министр.

— Ах, служба! В воскресный день! Сочувствую. Такая жара... Может, хотите освежительного?

Воннел чуть не вытолкнул Джекобса за дверь.

— Вы правы, Дорон, — сказал он почему-то шепотом.

том. — Типичный заговор! Ну погодите!.. — И он потряс в воздухе кулаком. Потом нажал кнопку селектора, соединяющего с комнатой охраны: — Командира ночной смены — ко мне!

У командира ночной смены О'Шари было заспанное, отекавшее лицо. Но достаточно было одного взгляда министра, чтобы оно разгладилось, как под утюгом.

— О'Шари! — В голосе министра звенел металл. — Куда президент отбыл во время вашего дежурства?

— На собрание благотворительного общества! — бодро отчеканил О'Шари.

— Кто с ним в охране?

— Пэл и Андерсон.

— Вернулись?

— Никак нет.

— Были другие вызовы?

— Не могу знать. Я сменился в 10.00, и с тех пор...

— Вы отметили выезд в журнале?

— Так точно.

— Кто заступил смену?

— Грег.

— Ко мне!

— Слушаюсь.

Грег, полный человек добродушного вида, сразу смекнул, что сейчас потребуется вся его находчивость. Но внешне это никак не отразилось на его лице: он казался олицетворением спокойствия.

— Грег! Куда отбыл президент во время вашего дежурства?

— На радио, господин министр.

— А еще?

— В зоопарк, господин министр.

— Охранники вернулись?

— Нет.

— Вы знали о том, что до вашего дежурства президент отбыл еще на благотворительное собрание?

— Конечно. По книге регистрации.

— Вас не удивил короткий промежуток времени между вызовами?

— Я исполняю приказания, господин министр.

— Но вы думали об этом?

— Я обязан думать об охране президента.

— Где же сейчас президент?

— В своем кабинете.

— А ваши люди, которых послали с ним на собрание, на радио и в зоопарк?

— В городе.

— С президентом?

— Совершенно верно.

— Вы в этом убеждены?

— С ними поддерживается радиосвязь. По инструкции.

— Значит, президент находится сейчас сразу в трех местах?

— В четырех. Вы забыли, что он у себя в кабинете.

— Грег! Как может президент быть одновременно в четырех местах?!

— В связи с этим у меня имеется жалоба сенату.

— Жалоба?! Сенату?! На кого?

— На вас, господин министр.

Министр подпрыгнул.

— Так точно. Не мое дело знать государственную необходимость, которая заставила президента поступать таким образом, как он поступает. Но, поскольку его планы затрагивают вопросы охраны, ваш секретариат обязан был информировать нас заранее. А он не информировал. Налицо явное нарушение сенатской инструкции.

Дорон едва удержался от смеха: так забавно выглядел потерявший дар речи Воннел.

— Да, вы правы, — судорожно глотнув воздух, сказал министр. — Я разберусь. Идите.

— Слушаюсь.

Грег круто повернулся.

«Хорошая все-таки вещь бюрократия», — подумал он.

— Не сказка! Не сон! — Воннел забежал из угла в угол, снова прижимая к себе портфель. — Один президент в кабинете. Второй смотрит кенгуру. Третий где-то на радио. Четвертый пьет на благотворительном банкете антиалкоголиков. Четыре президента! О боже мой, что же делать?

— Убрать лишних, пока об этой истории никто не узнал.

— Как вы сказали? Убрать? — Министр остановил свой бег и подозрительно посмотрел на Дорона. — Вот что, генерал. Я не знаю, как появились лишние президенты. Я не знаю, кто их создал. Я не знаю, зачем. Я знаю одно: в этом деле замешаны вы!

— Я? Но позвольте, Воннел...

— Профессор — ваш. Не так ли? Установка — ваша. Не так ли?

— Но ведь я...

— Сообщили об этом. Разберемся. Я далек от подозрений, но, сами понимаете, государственная служба!

— Что вы собираетесь делать?

— Сейчас узнаете.

Воннел коснулся одной из пуговиц своей рубашки, и четверо приехавших с ним людей разом вошли в комнату. Сразу стало тесно.

— Вот! — Министр покопался в портфеле и вынул оттуда какую-то бумажку. — Срочно пригласите всех по этому списку. Сюда. Инструкции, как это сделать, там есть. Далее: немедленно вызвать в усадьбу команду «АС». Президентской охране передать приказ: исполнять обязанности как обычно. Охрану шоссе, Дома Власти, радио, телеграфа, всех аэродромов и банков возложите на своих людей. Группе «АС» взять на себя правое крыло здания, вашим людям — левое. Дополнительные распоряжения я дам, когда потребуется. Супругу президента пригласить ко мне. Полк «Моргинг»

привести в состояние боевой готовности. И еще... — Министр понизил голос так, чтобы Дорон не смог расслышать ни слова. — Ясно? Действуйте!

Четверо вышли так же безмолвно, как и вошли.

— Воннел, можно задать вам один вопрос? — сказал Дорон.

— Догадываюсь какой и потому сразу на него отвечаю: арестовывать вас я не собираюсь.

— Я хотел спросить не это, поскольку знаю, что нет закона, по которому вы могли бы меня арестовать.

— Вы правы, генерал. Формально я не могу задерживать ни вас, ни даже вашего Миллера, пока не будет установлен факт заговора. Но к чему нам с вами эти формальности?

— Вам, может быть, и ни к чему, — обескураженно начал Дорон, но Воннел его бесцеремонно перебил:

— Вы что-то хотели спросить?

— Да. Как вы решили поступить с президентом?

— Решать буду не я. Решать будут... — И министр ткнул пальцем куда-то вверх.

— Совет?

— Совет.

— Ну что ж...

Дорон снял трубку телефона.

— Алло! Мне... Что? Вот как... Поздравляю, — буркнул генерал, кладя трубку, — у вас расторопные ребята. Но мне нужно связаться с городом.

— После решения Совета.

— А если я не...

— Не советую.

— Воннел! Вы забыли, что я — Дорон!

— Генерал! Не забывайте, что я — министр.

В дверь постучали. Просунулась коротко стриженная голова одного из людей Воннела.

— Госпожа президентша, шеф, по свидетельству ее горничной, с утра отбыла в город.

— В город? Передайте Джекобсу: когда она вер-

нется, пусть он ей скажет, что неотложные дела помешают президенту быть с ней сегодня ночью.

Голова исчезла.

— Я отправляюсь к президенту, генерал, — сказал Воннел. — К тому, что здесь, в кабинете. Можете не сопровождать меня.

Шаг министра был тверд, а в мыслях была решительность.

Но, когда он вошел в кабинет, и президент поднял голову, и Воннел увидел знакомое до мельчайших черт лицо, его взяла оторопь. Несмотря на объяснения Дорона, он никак не мог поверить, что копии тождественны оригиналу: он ожидал встречи с чем-то поддельным, фальшивым, с двойником, которого нетрудно будет взять за шиворот. Но на него — Воннел был готов поклясться — выжидающе и зло смотрел настоящий президент.

— Однако... — сказал президент, постукивая костяшками пальцев по столу. — Чем вызвано ваше появление, Воннел, да еще без сопровождения Джекобса?

— Простите. — Воннел зачем-то снял очки, повертел их, надел обратно. — Я хотел только сказать...

— Разве вам не сказали, что я занят?

Воннел сжал ручку портфеля, будто портфель у него уже отбирали, и принялся лихорадочно искать в чертах президента чего-то необычного, чего-то такого... Он и сам не знал чего. Наверное, чего-то, что позволило бы ему выйти из-под гипноза привычного подчинения, что помогло бы ему низвести президента с престола власти и превратить его в двойника, в копию, в человека, стоящего вне закона.

— Поистине сегодня день чудес! — не дождавшись ответа, сказал президент и откинулся на спинку кресла. — Ну, уж раз пришли — докладывайте, а не молчите.

— Как вы сказали, господин президент? День чудес? — Невидимая броня вокруг президента треснула,

и Воннел почувствовал некоторую твердость в ногах. — Господин президент, — выпалил он, — раскрыт заговор против вас!

— Заговор? — Президент удивленно поднял брови. — Раскрыт? Это что еще за веселые картинки?

— Прошу отнестись к факту серьезно, — нервно сказал Воннел, поглядывая на часы. — Вам придется перейти в правое крыло здания. Тут небезопасно.

— Прежде доложите, в чем дело. И позовите сюда Джекобса. Я уже пять минут нажимаю кнопку, но он оглох, старый индюк!

Этой минуты Воннел боялся больше всего. Кем бы ни был человек, сидящий перед ним, — копней, двойником или даже авантюристом, но он сидел в кресле президента, он был президентом, главой государства. Воннел замахивался на святая святых любого чиновника — на власть! Поэтому на мгновение им вдруг овладела трусливая мыслишка — сбежать, предоставив событиям течь своим чередом. Но умом он понимал, что это уже невозможно.

— Пока не имею права, — глухо сказал Воннел. По его спине щекотно побежали струйки пота. — В силу обстоятельств сейчас вступил в силу (Воннел в отчаянии уже не следил за речью) пункт инструкции о мерах по вашей безопасности, господин президент, которому вы, как и я, должны подчиняться и который на несколько часов потребует принятия чрезвычайных мер...

— Ничего не понимаю! — раздраженно замахал руками президент. — Пункт «в», что ли?

— Именно он, господин президент!

— Но я не хуже вас знаю эти пункты. Там не сказано, что министр внутренних дел не должен информировать президента.

Путей к отступлению у министра уже не было. Или — или. Воннел, внутренне похолодев, пошел ва-банк:

— Господин президент! Мы теряем драгоценное время! Я все потом вам объясню, но у меня нет сейчас ни секунды, все зависит от срочности мер!

И он, решительно вцепившись в рукав президента, чуть ли не потащил его за собой.

— Не сходите с ума, Воннел! — Президент брезгливо высвободил руку. — Будь я президентом какой-нибудь банановой республики, я бы решил, что мой министр задумал осуществить государственный переворот, снюхавшись с каким-нибудь Бобом Ярборо.

— Как вы могли подумать?!

— А я и не думаю так. Но согласитесь, ваше поведение выглядит странно. Я полагаю, независимо от каких бы то ни было заговоров, вы представите мне прошение об отставке. А сейчас исполните свой последний долг, как гражданин моей страны, и покиньте кабинет президента. Я никуда отсюда не уйду!

— И я тоже, — неожиданно твердо произнес Воннел.

— Что же будет? — спросил президент, кисло улыбнувшись и подумав о том, что в минуты мрачных предчувствий он совсем не так представлял свое свержение.

...Когда через десять минут Воннел спустился в Морморную комнату, он был уже не министр, а тень министра. Его рубашку можно было выжимать.

— Разрешите доложить! — Воннел бессмысленно уставился на коротко остриженного молодого человека с холодным, энергичным лицом. — Машина президента подъезжает к усадьбе.

Воннел закрыл глаза и тихо застонал.

— Разрешите доложить! — раздалось ровно через секунду. — Члены Совета вылетели сюда!

Министр встрепенулся, как лягушка от удара электрическим током:

— Срочно ко мне домой за костюмом!

...Спустя сорок минут, затянутый в черную пару, ми-

нистр внутренних дел Воннел переступил порог президентского конференц-зала. Едва держась на ослабевших ногах, он все же стал навывтяжку, как до этого стояли перед ним охранники.

— Господа члены Совета, — осевшим, но твердым голосом сказал он. — Должен сообщить вам экстренную новость. Здесь, в этом доме, сейчас находятся четыре президента нашей страны...

7. Начинается!

Огромные старинные часы с причудливым маятником, которые весь последний год служили обыкновенной бутафорией, вдруг замысловато пробили три раза.

Чвиз вздрогнул, выронив карты, а Миллер недоуменно оглянулся на угол комнаты, где стоял оживший механизм.

— Я знаю, — сказал он, — что ружье само стреляет, но чтобы били испорченные часы...

Профессор Чвиз, ничего не ответив, вновь углубился в пасьянс, который он раскладывал на красно-буrom столе.

— Однако, — сказал Миллер, — время действительно не стоит на месте.

— А наш выстрел, похоже, произведен вхолостую, — добавил Чвиз.

Миллер принялся ходить по комнате из угла в угол.

— Целых полдня страной управляют четыре президента, — продолжал Чвиз, — и никто не обращает на это внимания, никто ничего не замечает! Не странно ли это?

— Весьма, — отозвался Миллер. — Я тоже отказываюсь что-либо понимать.

— Люди всегда были для меня самой большой загадкой, — философски заметил Чвиз, отложив в сторону карты, к которым, он, как видно, уже потерял ин-

терес. — В их поведении есть что-то иррациональное...

— Все в мире имеет свои причины, коллега, — энергично возразил Миллер. — В том числе и поступки людей. Но мы не всегда их знаем. Вот и сейчас. Эти причины ускользают от нас, хотя нам, казалось бы, все ясно: еще утром президент в одной речи говорил одно, а спустя час — совершенно другое. Между тем народ...

— Наивный вы человек, Миллер, — покачал головой старый Чвиз. — Неужели вы думаете, что кто-нибудь всерьез обращает внимание на слова президента, да еще во время предвыборной кампании?

— Но такие противоречия! Они сами бросаются в глаза!

— Ну и что? — спокойно сказал Чвиз. — Все давным-давно привыкли к тому, что сегодня говорится одно, завтра — другое, а делается совсем третье. И если уж стоит серьезно относиться к чему-то, так лишь к тому, что делается. Вы-то сами, коллега, каждый день читаете газеты?

— Как вам сказать... — замялся Миллер.

— А радио регулярно слушаете?

— Только музыку.

— Так что вы хотите от других?

Миллер в несколько раз сложил газету, аккуратно проглаживая каждый сгиб двумя пальцами.

— Вы знаете, в тот вечер, когда я разыскал вас в подвале вашего дома...

— Кстати, — перебил Чвиз, — только вам могла прийти шальная мысль, что я там.

— А вам — шальная мысль прятаться от Дорона на самом виду! Не в какой-нибудь гостинице, не на вокзалах, не в катакомбах, а в собственном доме!

— Я просто учитывал их психологию, коллега, — улыбнулся Чвиз. — Но не учел вашу.

— Жалеете?

— Откровенно? Да. Потому что вы опять втравили меня в авантюру.

В этот момент отворилась дверь, и в комнату бесшумно вошел Таратура. Он был спокоен, но выглядел несколько обескураженно. Миллер и Чвиз вопросительно посмотрели на него.

— Все тихо, — сообщил Таратура, подходя к столу и присаживаясь на край стула. — В городе и, судя по всему, по всей стране — все как обычно.

— Ну хорошо, — сказал Миллер. — Предположим, большинство действительно ничего не видят. Но есть же в стране умные люди!

— Не знаю, не знаю, — проворчал Чвиз.

— Вы с кем-нибудь говорили, Таратура? Кого-нибудь расспрашивали?

— Да, — сказал Таратура, — прощупывал. Разумеется, очень осторожно. Ведь теперь, после нашего звонка Дорону, и мне надо быть предельно внимательным. Уж Дорон, я это точно знаю, раскрутит всю свою машину!

— Так с кем же вы говорили?

— С буфетчиком, шеф, в баре. С шофером такси. Старался навести их на эту тему. Намекал. Результат — ноль.

— Буфетчик, шофер... — протянул Миллер. — А к кому-нибудь рангом повыше?

— Скажите, шеф, — неожиданно спросил Таратура, — Честер, по-вашему, умный человек?

— Да, — после некоторой паузы твердо сказал Миллер.

— Кто этот Честер? — живо поинтересовался Чвиз.

— Бывший журналист, — сказал Таратура. — Замечательный парень! Уж этот-то все знает и все понимает. Я могу позвонить ему, шеф.

— Ну что ж, это идея, — сказал Миллер. — Она мне нравится еще и потому, что нам сейчас важно столкнуть хотя бы один камень, чтоб начался обвал. И ваш Честер — вполне подходящая фигура. Звоните, Таратура!

— Отсюда?! — воскликнул Таратура.

— Ничего, звоните. При всем своем могуществе прослушивать сразу восемь миллионов телефонных аппаратов Дорон не может. А брать на особую заметку этот... С какой стати?

И он протянул телефонную трубку Таратуре. На том конце провода трубку подняла Линда. Таратура сразу узнал голос супруги Честера.

— Добрый день, Линда, — сказал он. — Мне нужен Фред.

— Мне он тоже нужен, — ответила Линда. — А с кем я говорю?

— Со старым его другом, поэтому я вас знаю, но мое имя вам ничего не скажет.

— Если вы действительно его старый друг, — сказала жена Честера, — вы можете найти Фреда по количеству денег, с которыми он вышел на улицу.

— Сколько же миллионов он взял с собой? — спросил Таратура.

— Все мое состояние, — ответила Линда. — Пять лемов. Будьте здоровы.

И в трубке шелкнул отбой.

— Ну? — спросил Миллер.

— Будем искать, — ответил Таратура. — Однако где же его искать? Он вышел из дома, имея пять лемов в кармане, это значит, на одну кружку пива. Следовательно, ни в «Титанус», ни в «Скарабей-палас» он пойти не мог. Нужно звонить в «Золотой зуб».

Таратура извлек из кармана записную книжку, пролистал две-три странички и вновь поднял телефонную трубку. На этот раз ему пришлось изменить свой голос:

— «Золотой зуб»? У вас нет Фреда Честера? Не заходил? Благодарю вас. Не позвонить ли мне в «Указующий перст»? — сказал Таратура, безрезультатно набрав номера еще двух или трех заштатных кабаков. — Алло! «Перст»? Если вы хотите доставить мне

крохотную радость, поищите под столиками Фреда Честера.

И ровно через три секунды Честер взял трубку:

— Слушаю.

— Здорово, Фред! — воскликнул Таратура. — Я очень рад тебя слышать, старина!

— Таратура? — удивился Честер. — Как тебе удалось меня разыскать?

— Я звонил сначала Линде.

— Что она тебе сказала?

— Она сказала, что у тебя пять лемов в кармане.

— Преувеличила ровно вдвое.

— А потом мне пришлось покрутить телефонный диск, — сказал Таратура.

— Что-нибудь случилось? — спросил Честер.

— Как тебе сказать? У меня — ничего, но я хотел спросить, не знаешь ли ты каких новостей.

— Ты что же, решил отбивать у меня хлеб и поступил в репортеры?

— Мне не до шуток, Фред. Я потом тебе все объясню.

— Ну что ж, если хочешь серьезно, так вот тебе потрясающая новость: за два лема я наливаюсь пивом по самое горло.

— Ну, у тебя же в «Персте» кредит, Фред, я серьезно...

— Ах как ты недогадлив, Таратура! При чем тут кредит! Знаешь, кто за меня платит?

— Знаю, — сострил Таратура. — Президент.

— Ты что, с ума сошел? — потрясенным голосом ответил Честер. — Ты тоже был в «Персте»?

— Почему «с ума»? — возразил Таратура. — Сейчас президентов как нерезанных собак.

— А я-то обрадовался! — перебил Честер. — Понимаешь, увидел президента с его Кларой и думаю...

— Подожди, Фред, — ничего не понял Таратура, — какого президента? Где?

— Здравствуйте, — сказал Фред. — Начнем все сначала. Я сижу в «Указующем персте» и наливаюсь пивом за президентский счет. А президент со своей очаровательной супругой — рядом. Ты понял?

— Не может быть! — воскликнул Таратура и, зажав трубку рукой, быстро сообщил Миллеру и Чвизу невероятный факт. — Старина, ты не ошибаешься?

— Как и в том, что говорю именно с Таратурой, а не с Линдой.

— Спросите его, что сейчас делает президент! — возбужденно произнес Миллер. — И как выглядит!

— Кто это у тебя там путается в разговор? — сказал Честер.

— Я звоню от приятеля, — ответил Таратура, энергично показывая знаками Миллеру, чтобы тот говорил тише. — А что делает президент?

— Боюсь, пока мы тут болтаем, он смотает удочки, тем более что я уже успел сказать ему, что он кретин.

— Да ну?!

— Он выдает себя за какого-то «коммерсанта Бума», и это дает мне некоторые возможности. Но его Клара, скажу тебе, — это женщина!

— Послушай, старина, я хотел бы взглянуть на них собственными глазами.

— Не успеешь. Они собираются уходить. Ты на машине?

— Задержи их, Фред, ровно на полторы минуты. Я в двух шагах от тебя, мне ходу секунд сто.

— Ну если так, валяй, я что-нибудь изобрету.

Таратура бросил трубку на рычаг и стремительно поднялся. Но Чвиз сказал:

— Если вы собираетесь туда идти, я посоветовал бы вам обдумать это.

Таратура и сам понимал, что предприятие было рискованным. В охране президента могли быть люди Дорона, знающие Таратуру, и скрыться потом от них будет невероятно сложно. Открывать же место, где

прячутся Миллер и Чвиз, равносильно самоубийству.

— Кроме того, какой вообще смысл туда идти? — сказал Чвиз. — Проверять вашего приятеля? Я не думаю, чтобы он обманывал... Но президент — и сидит в каком-то захудалом кабаке, да еще за одним столом с отставным репортером!..

— Да, да, господа, — торжествующе произнес Миллер, — в обычных нормальных условиях такое решительно невозможно. А если это все же произошло, значит, что-то уже нарушилось. Начинается, господа, начинается!

8. Появление пятого

Последней фразой коммерсанта Бума было:

— Молодой человек! Образ ваших мыслей представляется мне антипатриотичным и недостойным гражданина великой страны! Но вас прощает ваша молодость! (Хотя Честер, имея за плечами ровно тридцать три года, уже давно не считал себя мальчишкой.)

После этого президент чопорно выставил локоть, на который тут же оперлась Клара, и направился к выходу. Супруга президента тоже не одарила Честера своей знаменитой улыбкой, потому что, во-первых, не разделяла его взглядов на президента и, во-вторых, Честер, откровенно говоря, никогда не считался красавчиком.

А Таратуры все не было. «Вот болван! — подумал Честер, так как ему пришлось буквально выворачивать себя наизнанку, чтобы задержать президента на лишние десять минут. — Метал бисер, и все, оказывается, зря!»

Между тем негодование президента и его супруги было отчасти успокоено невероятно экзотическим финалом этого невероятно экзотического дня: поездкой в такси. Как и утром, они тут же остановили машину с тремя синими шашечками на желтом фоне и получили

возможность еще раз насладиться потрясающей поездкой.

Президент, право, не мог припомнить, сколько десятилетий назад он в последний раз пользовался такси (и пользовался ли вообще?), и потому вся процедура остановки неизвестной машины с неизвестным шофером, посадка в нее, когда шофер не позволил себе даже пошевелиться, чтобы распахнуть дверцу, щелканье счетчика — решительно все сделало поездку жгуче любопытной. В своем автомобиле президент ездил обычно с несравненно меньшими удобствами, потому что со всех сторон бывал зажат телохранителями и ужасно потел в тесноте. Тут же было просторно, уютно, не гудел радиотелефон, а шофер и не думал каменеть от ответственности за судьбу главы государства, поскольку не понимал, что его нога, упертая в акселератор, держит эту судьбу, образно говоря, в своих руках. Президенту втайне хотелось, чтобы шофер узнал его, он все поворачивал к нему лицо и много раз начинал заговаривать, но шофер лишь мычал в ответ что-то нечленораздельное, явно пренебрегая разговором с этим навязчивым и шустрым пассажиром. Короче говоря, он так и не признал в президенте президента, даже когда они подъехали к усадьбе и потрясенная охрана взяла под козырек.

Первый человек дома, которого увидел президент, был Джекобс.

— Добрый вечер, Джн, — бодро приветствовал глава государства своего секретаря, поскольку дело действительно шло уже к вечеру, и вдруг добавил фразу, которую сегодня еще не произносил, ибо еще не видел Джекобса: — Старина, ты преотлично выглядишь!

Джекобс посмотрел на супругов странно туманным взглядом, потом светло улыбнулся и сказал:

— Господа, весьма польщен, но для всех вас у меня уже нет достойных ответов.

И, закрыв глаза, низко поклонился, чего с гордым Джекобсом никогда не случалось.

— Вы себя плохо чувствуете, Джи? — участливо спросила Клара, и искренняя тревога действительно прозвучала в ее голосе.

— Я? — спросил Джекобс и приоткрыл один глаз. — Я-то что! Вы спросите, Клара, как чувствует себя сенат, биржа и генеральный штаб!

Он открыл наконец оба глаза.

— Какие-нибудь новости? — быстро спросил президент.

— О мать божия! — воскликнул старый слуга. — Он еще спрашивает! Воистину родитель новости узнает о ней в последнюю очередь, поскольку, рожая, не знает, что это — новость, а знал бы, так не стал бы рожать.

— Кого рожать? — не поняла Клара.

— Ларошфуко, — не моргнув глазом, ответил Джекобс. — Эта мысль принадлежит ему.

— Да что случилось, наконец? — не выдержал президент. — О каких новостях ты говоришь, выживающий из ума болван?

— Благодарю покорно, — сказал Джекобс обиженным тоном. — Вы уже давно, господин президент, не обласкивали меня таким словами, но сегодня вы сами все посходили с ума. Да, Клара, чуть не забыл! Мне велено передать вам, что сегодня господин президент не будет с вами ночевать, хотя эта новость, надеюсь, вас не очень убивает.

— Кто посмел «велеть»?! — вскричал президент, почувствовав, что одновременно задета и его честь мужчины, и его честь главы государства.

— Не горячитесь, Кен, — печально улыбнулся старый Джекобс. — Я тоже могу погорячиться, но у нас просто неравные силы! Я — один, а вас — много.

— Не понимаю, — вмешалась Клара, — кого «вас»?

— Кенов, — невозмутимо произнес Джекобс.

— Он и впрямь свихнулся, — шепнул президент

супруге. — Иди к себе, дорогая, я сам разберусь в случившемся. Впрочем, я так устал сегодня, что отложу-ка я дела на потом. Мы идем вместе, Клара! Джи, проводи нас наверх.

— Простите, Кен, — сказал вдруг Джекобс, — вам не кажется, откровенно говоря, что президентов слишком много даже для такой большой страны, как наша? А секретарь у них всего лишь один.

— С ним бесполезно сейчас объясняться, — шепнула Клара президенту.

— Глав государства ровно столько, — официально сказал президент, — сколько положено по конституции. А ты, Джи, пока неплохо справлялся со своими обязанностями.

— Кен, скажите, мы с вами друзья? — грустно спросил Джекобс.

— Конечно, Джи! — демократично воскликнул президент.

— Тогда скажите по совести: какой вы по счету президент?

— Что значит «какой»? — оторопел глава государства. — Это же всем известно!

— Уже?! — воскликнул Джекобс. — И Клара тоже знает?

— Чуть ли не в первую очередь, — смеясь, сказала Клара.

— Я — тридцать восьмой! — не без гордости произнес президент, совершенно не понимая, почему Джекобс, воскликнув: «О мать божия! Я этого не перенесу!» — вдруг повалился на пол без чувств.

Пока длился весь этот разговор, тщетно пытающийся примирить официальную историю государственности с теорией матричной стереорегуляции профессора Чвиза, на втором этаже дома, в Круглом зале для заседаний, за огромным круглым столом белого дерева сидели во-

семь пожилых и достаточно симпатичных людей в скромных костюмах и незаметных галстуках и два относительно молодых человека, имеющих внешность киноактеров.

Из скорбных старческих ртов (а также из ртов молодых) не торчали тигриные клыки, из белоснежных тугих манжет не высывались ястребиные когти, никто из присутствующих не ел сырое мясо и не пил теплую кровь. Но это были самые опасные хищники, которых только можно было отыскать на планете. Все кровожадные твари с древнейших времен, все ихтиозавры и вампиры были в сравнении с ними плюшевыми игрушками из детских ясель, среди которых царь Ирод мог претендовать только на место доброй нянечки.

Эти восемь трусливых старичков, скрестивших на дорогах набалдашниках тростей свои подагрические ручки, и два молодых пижона, то и дело поправляющих какую-нибудь часть своего туалета, жгли напалмом деревни в джунглях, обматывали колючей проволокой черные резервации, взводили курки в дни военных путчей в банановых республиках и т. д. и т. п. За дорогим столом белого дерева сидели десять самых крупных мировых воров. Они воровали нефть в Азии, ананасы в Америке, уран в Африке, шерсть в Австрии и руду в Европе. Они выворачивали страны и государства, как вор выворачивает карманы. Они покупали банки, газеты, министров и президентов. Они решали, чем должна кончиться предвыборная возня, на которую они смотрели, как на возню щенят, понимая, что щенятам нужно иногда разрешить повозиться. Они были всемогущи, эти короли нефти, стали, ракет, нейлона и напалма. Они редко собирались вместе, потому что слишком ненавидели друг друга. Но, когда обстоятельства требовали и они собирались, их единству могли бы позавидовать самые верные друзья. Ибо в эти минуты их объединял страх. Они боялись только трех вещей на этом свете: людей, влюбленных в свободу, друг друга и смерти. Чрезвычайные обстоя-

тельства собрали их этим чудесным летним вечером в усадьбе президента, — чрезвычайные, необыкновенные, фантастические, не поддающиеся их старческому и даже молодому воображению, не укладывающиеся в привычные рамки политических и экономических коллизий: в стране было четыре совершенно одинаковых президента!

— ...Таково положение на 20 часов сегодняшнего дня, — объявил, заканчивая свой доклад, министр внутренних дел Воннел. — В настоящее время все четыре президента находятся в усадьбе, здесь, на втором этаже, в соседней комнате. Они поручены моей личной охране. Вызван врач, потому что все четыре президента, увидев друг друга, почувствовали себя плохо.

Министр стоял у холодного камина, в тени, вытянувшись по стойке «смирно», идеально выбритый и в идеально подогнанном френче. Воннел днем, в сандалиях, и Воннел вечером, у камина, походили друг на друга, как деревенская дворняга на сенбернара-медалиста. Рядом с Воннелом, в той же стойке «смирно», застыл и генерал Дорон. Больше в зале никого не было: совещание было сверхсекретным и не предназначалось даже для ушей преданных личных секретарей.

Чарлз Роберт Пак-младший (сталь, алюминиевая корпорация, вся добыча и выплавка титана, компания по использованию лазеров в металлургии, рудники меди в Чили, рудники олова в Малайе и т. д.) пожевал потухшую сигару и совсем тихо — это был не голос, а шорох — спросил:

— Ну?

Все молчали.

— Может быть, вы потрудитесь отвечать на вопросы, генерал? — прокрипел наконец Мохамед Уиндем-сеньмой (нейлон, силиконы, пластмассы, химия моющих средств, краски, специальные химические инертные покрытия, жаростойкие эмали, промышленность синтетических пленок и т. д.).

Дорон вытянулся так истово, что, казалось, вот-вот

лопнет от внутреннего напряжения, но не проронил ни слова.

— Институт перспективных проблем находится в вашем ведомстве, генерал? — прошипел «Джон Уайт и сыновья» (нефть и многое другое). — Мы требуем объяснений.

— Действительно, — глухо начал генерал, — установка биологического дублирования, точнее, матричной стереорегуляции находится...

— Не перегружайте нас научной терминологией, генерал, — перебила Сталь.

— ... находится в Институте перспективных проблем, — продолжал Дорон, — и работает...

— ...постарайтесь не говорить уже известное нам, — сказал Нейлон.

— ...работает в течение трех лет. Установку создал профессор Чвиз, затем к работе подключился известный вам профессор Миллер.

— Какой Миллер? — спросил Цемент (железобетон, строительная техника, дорожные машины и подъемные краны).

— Я вас не понял, — быстро сказал Дорон.

— Какой из двух Миллеров, генерал?! — взревела Сталь. — Не прикидывайтесь дурачком!

— Этого никто не знает, — тихо и спокойно ответил генерал. — Даже сам Миллер. Ведь оба считали себя настоящими.

— Почему вы не подняли тревогу, когда появился второй Миллер? — спросил Нейлон. — Ведь тогда мы были бы гарантированы от чрезвычайных событий, которые привели нас сюда.

— История с Миллером была чистой случайностью. Мой человек в институте гарантировал...

— Что сейчас гарантирует ваш человек? — язвительно перебила Нефть.

— Он погиб в автомобильной катастрофе несколько месяцев назад, — ответил Дорон.

— Мы отвлекаемся, — поправил Нейлон. — Итак, в институте эти работы вели профессора Миллер и Чвиз. Где они?

— Чвиза нет. Я ищу его, — ответил Дорон.

— А Миллер? Может быть, их осталось два?

— Нет, — ответил Дорон. — Один из Миллеров обезврежен и устранен. Я сам видел его труп. У меня все эти три года не было оснований сомневаться в оставшемся Миллере. Он был очень послушен и исполнительен. Но куда он исчез, пока не знаю. Буду искать.

— Неважные перспективы, генерал. Один исчез, другой погиб, третий затерялся... — задумчиво проговорил самый молодой член Совета, король ракет и самолетов.

— Меня интересует другое, Дорон, — перебила Сталь, — зачем Миллеру потребовалось создать четырех президентов?

— Я думаю, он сошел с ума, — ответил Дорон. — Других объяснений пока не вижу.

— А я вижу! — взвизгнула Сталь. — Я вижу! Сегодня четыре президента, завтра — сорок четыре президента! И все в стране летит вверх тормашками! И над нами смеется весь мир! А вы знаете, генерал, сколько миллиардов кларков стоит одна улыбка общественного мнения?!

— Можно прожить хоть с сотней президентов, — спокойно сказал один из молчавших до сих пор членов Совета. У него не было ни заводов, ни рудников, ни ракет, ни железных дорог, ни даже пошленького игорного дома. Он изучал спрос и предложения, доходы и расходы, прибыли и убыли, направления развития и тенденции упадка: он владел информацией, а его специальностью был прогноз будущего, и остальные девять членов Совета всегда слушали его с особым вниманием. — Можно прожить даже с тысячей президентов, — продолжал он, — и сотни две из них я берусь прокормить сам. Это чепуха. Но что будет, если

появится пять Доронов, генерал? Или десять Воннелов отдадут десять разных приказов службе безопасности? Или... — он вдруг поднялся, и всем стало как-то не по себе, жутко и мутно, — или появятся два Чарлза Роберта Саймака-младшего, три Мохамеда Уиндема, пять Джонов Уайтов с сыновьями? Что будет тогда? Дробление капитала, ликвидация всякого контроля за деловой активностью. Один Саймак — это сталь полу-мира, а тысяча Саймаков — это кучка негоциантов средней руки. Прошу прощения, вы понимаете, о чем я говорю. И речь идет сейчас не об улыбках общественно-го мнения, — он обернулся к молодым Ракетам и самолетам-снарядам, — сколько бы они нам ни стоили, а о стабильности самих устоев нашего общества. Я надеюсь, что мне не потребуется рисовать перед вами все ужасы бесконтрольного дублирования деловых людей.

Он сел, и в течение целой минуты никто не мог не только произнести слово, но даже пошевелиться.

— Где гарантия, генерал, что опыты Миллера уже прекращены? — резко крикнули Атомные электростанции, урановые рудники и заводы изотопов. — Я требую немедленных и абсолютных гарантий!

— Я уже отдал приказ об отключении института от всех линий энергопитания, — ответил Дорон.

— Института?! — подскочили на своем месте Ракеты. — Вы с ума сошли! Вырубить всю энергетическую сеть! Все до единой лампочки! Откуда мы знаем, где сейчас Миллер, что он может, а главное, что он хочет? Пока мы не найдем Миллера, все источники энергии должны быть отключены!

— Это, по самым предварительным подсчетам, приведет к убыткам в размере двух с половиной миллионов кларков в минуту, — быстро подсчитало Будущее.

— Вы слышите, Воннел? — Сталь повернулась к министру внутренних дел. — Вы слышите, Дорон, сколько стоит каждая минута поисков профессора Миллера?

(Оба у камина склонили головы). Вы ручаетесь, генерал, — продолжала Сталь, — что четыре президента — это первый и последний сюрприз профессора Миллера?

— Да, — глухо ответил Дорон. — Ручаюсь, поскольку лаборатория лишена тока, блокирована и полностью мною контролируется. Между тем другой аппаратуры, способной осуществлять дублирование из иных мест, не существует...

— Послушайте, что за шум, что здесь происходит? — послышался вдруг спокойный, даже сонный голос.

Все обернулись и увидели президента. Он стоял в тяжелом дорогом халате, под которым белели худые ноги в шлепанцах. Кисточки ночного колпака вздрагивали, когда президент, щурясь от света, обводил взглядом своих неожиданных ночных гостей.

— Чем обязан, господа, в столь поздний час? — спросил президент с сонной улыбкой.

— Пятый! — громко сказал Воннел.

9. Игра в лото

— Ваш любимый стерфорд, шеф, — произнес Таратура, извлекая из портфеля бутылку вина. — А это, — он подмигнул Чвизу, — отличное средство против скуки.

На стол легла коробочка, на которой зелеными буквами было написано: «Лото».

— В детских магазинах, — продолжал Таратура, — бывают удивительные вещи. Заходишь и сразу превращаешься в ребенка. Готов биться об заклад, что за этой штуковиной мы отлично скоротаем время и даже забудем, что президенты должны передрасться.

— Чепуху вы говорите, Таратура! — резко перебил Миллер. — При чем тут ваше лото?

— Таратура, вы настоящий психолог! — вмешался Чвиз, беря в руки коробочку. — В самом деле, Миллер, иногда не мешает сбросить с себя этак годков пятьдесят.

— В городе по-прежнему спокойно? — спросил Миллер, хотя прекрасно понимал, что спрашивает напрасно: Таратура начал бы не с лото, а с новостей, если бы они были.

— Спокойно, шеф, — вздохнул Таратура и серьезно добавил: — Если не считать того, что «Шустрая» родила трех щенят.

Чвиз громко расхохотался. Словно бы оправдываясь, Таратура сказал:

— Профессор, клянусь вам честью, весь магазин был занят «Шустрой», когда я покупал лото!

— Ах, лото! — подхватил Чвиз, мечтательно подняв глаза. — Я помню, как мы с покойной моей супругой играли в лото, когда были еще детьми, и моя теща отчаянно переживала, когда ей не выпадали... эти...

— Фишки, — подсказал Таратура.

— О! Фишки! — обрадовался Чвиз. — Сколько слов уходит из нашего обращения с годами... Фишки, теща... Забавно: у меня, Миллер, когда-то была теща!

Все умолкли, погрузившись в собственные мысли, как будто Чвиз помянул не тещу, а бога. Таратура не знал, о чем думают в этот момент ученые, но сам он подумал, что еще неизвестно, кто более счастлив: тот, кто вспоминает о теще, или тот, кто только мечтает о ней.

— Начнем, — сказал Чвиз, садясь за стол с таким видом, с каким садятся главы семейств, окончив молитву и разрешая семье приступать к трапезе.

Таратура мгновенно сел, но Миллер, пожав плечами, нерешительно придвинул к себе стул.

— Очень успокаивает нервы, шеф, — сказал ему Таратура, вытаскивая из портфеля мешочек с фишками.

— Почему? — спросил Чвиз, азартно потирая руки.

— По кларку за карту, не меньше! — убежденно произнес Таратура. — Иначе интереса не будет.

— Чепуха какая-то, — вновь сказал Миллер, садясь за стол. — Дайте мне... четыре карты.

— По количеству президентов, шеф? — неуклюже

сострил Таратура, но Чвиз больно толкнул его коленкой. — Простите, шеф, сорвалось...

Мешочек с фишками уже был в руках Чвиза, и как только монеты звякнули о дно чашки, стоящей на столе, он жестом фокусника выудил первую фишку, отдал ее на почтительное расстояние от своих дальних глаз и торжественно провозгласил:

— Пятьдесят семь!

На ближайшие десять минут все общество, казалось, с головой ушло в игру. Таратура сопел, с трудом поспевая за быстрой сменой цифр, Миллер с внешним равнодушием заполнял свои карты, а Чвиз успевал и говорить, и фокусничать с фишками, и заполнять клетки, и даже ревниво присматривать за картами партнеров:

— Два!.. Тридцать шесть!.. На второй карте, Миллер, вам осталась сорок девятая фишка... Восемьдесят четыре!.. А где же моя двадцатка?.. «Барабанные палочки»!.. Коллега, вы невнимательны...

— Чепуха какая-то! — в третий раз произнес Миллер. — Вам не кажется, господа, что все это выглядит как в водевиле?

Он решительно встал со стула, неловким движением сбросив свои карты на пол. Таратура тут же закурил сигарету, а Чвиз стал разочарованно поглаживать свою бороду.

— Вместо того, — сказал Миллер, — чтобы срочно предпринимать какие-то действия, от которых зависит развитие событий, а в конечном итоге, быть может, и наша жизнь, мы занимаемся этими дурацкими «барабанными палочками»!

— Но какие действия, шеф? — сказал Таратура.

— Надо бежать, — убежденно произнес Чвиз. — Бежать, пока не поздно.

— У вас, коллега, побег — идефикс, — сказал Миллер. — Уже надоело.

— А мне надоела ваша непрерывная жажда деятельности, хотя вы сами не знаете, чего вы хотите!

— Я хочу немедленно информировать общественное мнение, Чвиз! — с жаром воскликнул Миллер. — Поднять на ноги прессу, позвонить в посольства, расклеить по городу объявления...

— Вам никто не поверит, шеф, — спокойно произнес Таратура. — Или сочтут за остроумную шутку, или признают вас за сумасшедшего.

— Прав! Тысячу раз прав! — подхватил Чвиз. — Новость о том, что в стране четыре президента, должна исходить от самих президентов, и только тогда она будет достоверной. Мы выпустили джинна из бутылки, и теперь мы лишились власти над ним. Вам понятно, Миллер, хотя бы это?

— К сожалению, я вынужден это понимать.

— Но кое-что еще вы поймете несколько позже, — вдруг загадочно произнес Чвиз. — Не хочу вас разочаровывать раньше времени...

Он не успел договорить, как в комнате погас свет. Таратура тут же зажег фонарик, а Миллер сказал:

— Вероятно, перегорели пробки.

— А где щиток? — спросил Таратура.

— Откуда я знаю? — ответил Чвиз. — Это же не моя квартира.

Таратура стал шарить лучом по стенам, а Миллер тем временем подошел к окну. В доме напротив тоже не было света. Не горели даже уличные фонари. «Странно, очень странно...» — подумал Миллер, и вдруг острая догадка пронзила его.

— Чвиз, поднимите телефонную трубку! — воскликнул он.

Профессор нащупал в темноте аппарат и поднял трубку. Телефон был мертв.

— А радио? — воскликнул Миллер.

Молчало и радио!

— Друзья мои, — не сдерживая волнения, сказал Миллер, — они выключили электричество!..

— Вы думаете? — спросил Чвиз. — Во всем городе?

— Может быть, даже во всей стране!

— Но почему? — удивился Таратура.

— Они нас лишают электричества! Они боятся нас! Они хотят сохранить статус-кво! И это — начало хаоса, уже определенно, господа, определенно!

Когда Таратура, обшарив несколько ящиков, обнаружил случайно завалившийся с каких-то доисторических пор огарок и маленький язычок пламени, чуть-чуть разгоревшись, потеснил темноту и без того мрачной комнаты, Миллер решительно сел за стол и тоном полководца произнес:

— Пора!

— Что вы намерены делать? — спросил Чвиз.

— Бумагу мне, Таратура! Дайте мне бумагу! Наш час, господа, пробил!

10. Появление пятого (Окончание)

Получасом раньше в Круглом зале президентского ранчо развернулись события, которые внесли такую ясность в создавшуюся обстановку, что полностью ее запутали.

Пятый президент, появившись столь неожиданно в дверях, оглядывал всех присутствующих, резко поворачивая голову то вправо, то влево. Кисточка его ночного колпака, подвешенная на длинной тесемке, с каждым поворотом дважды обкручивалась вокруг головы, издавая в последний момент странный звук, напоминающий звук поцелуя. Наконец президент понял, что только два человека из собравшихся здесь двенадцати способны перенести его раздраженный тон. Поэтому он, наградив членов Совета совершенно неуместной в данном случае

улыбкой, строго посмотрел в сторону камина, где стояли Дорон и Воннел, после чего сердито произнес, обращаясь определенно к ним, но и не называя их по фамилиям:

— Господа, потрудитесь дать объяснения!

Дорон даже не пошевелился, поскольку чутьем опытного интригана понял, что ситуация может оказаться для него либо смертельной, либо выигрышной, но и в том, и в другом случае она не зависела от него. Надо было ждать развития событий, а уже потом решать: либо спастись, либо выходить на сцену в качестве исполнителя главной роли. Дорон, закусив губу, бросил взгляд на Воннеля, как бы призывая его выкручиваться из нелепого положения самому.

Воннел так же быстро вспотел, как и высох.

— Присядьте, господин президент, — сказал он, чувствуя себя сапером, дотронувшимся до взрывателя мины. — Пожалуйста, присядьте.

Курс был дан — Воннел определил отношение к появившемуся президенту, — и теперь он мог передать штурвал тем, кто должен был вести корабль дальше. Если бы министр внутренних дел, сардонически улынувшись, воскликнул: «Что-о-о? Объяснение?! Давать тебе, пятому дубликату, отштампованному из воздуха, нулю без палочки, пятой спице в колеснице, объяснение?! Много вас тут!..» — то, возможно, члены Совета в две секунды вышвырнули бы самозванца за шиворот из Круглого зала.

Теперь же им пришлось на какое-то время признать в президенте президента и продолжить начатую игру.

— Прошу вас, — Будущее любезно указало на пустующее рядом с собой кресло. — Сейчас мы вам все объясним, но прежде я прошу принять наши извинения за то, что мы оказались в вашем доме без вашего разрешения.

Декорум был соблюден, хотя все, в том числе и президент, отлично понимали, что никаких разрешений на

сбор члены Совета ни от кого не требуют и что не только дом, но даже кресло, в которое президент сел, ему не принадлежат.

— Генерал, — после некоторой паузы сказала Сталь, — вы умеете считать до пяти?

Дорон промолчал, не дрогнув ни единым мускулом, хотя можно себе представить, что было бы, если бы он вдруг ответил: «Виноват, господа, не умею!»

— Вы нас сознательно вводили в заблуждение или сами ничего не знаете? — резко спросили Ракеты, поправляя галстук.

— Я могу проверить, господа, в чем дело, — сказал наконец Дорон и сделал попытку шагнуть к выходу из зала.

Но из десяти членов Совета восемь, способных стоять без посторонней помощи, мгновенно встали, как будто их пронзило током.

— Дорон! — проревела Сталь, выплевывая изжеванную сигару прямо на пол. — Вы никуда не уйдете отсюда!

Воннел при этих словах уже готов был прикоснуться к пуговице своего костюма, чтобы срочно вызвать необходимых для такого случая людей. Но все обошлось. Дорон лишь качнулся, не двигаясь с места, и вновь застыл, слегка пожав плечами.

Президент, наблюдавший всю эту странную сцену, мучительно пытался хоть что-то понять.

— Господа, — сказал он наконец, — я все же хотел бы знать...

— Одну минуту, — довольно бесцеремонно перебили его Ракеты. — Генерал, у вас есть язык? Я уж не спрашиваю, есть ли у вас голова и насколько дорога она вам.

Дорон неожиданно улыбнулся — это была его давняя привычка прикрывать мушкетерской улыбкой бурю, происходящую в душе, — и презрительным взглядом смерил самого молодого члена Совета.

— Между прочим, — сказал он с деланным спокойствием, — ваши головы, господа, тоже мне дороги.

Это была неслыханная дерзость, но генерал уже не давал никому опомниться:

— Мне известно, что на каждого из вас профессором Миллером заготовлена матрица, и я не уверен, что в эту минуту он не приступает к осуществлению своей программы.

Дорон откровенно переходил в наступление, решив, вероятно, что терять ему уже нечего.

— Своей программы? — сказала Сталь, сделав упор на слово «своей». — Или вашей, генерал?

Дорон предпочел пропустить этот вопрос мимо ушей, как и все последующие:

— Вы знали, что их пятеро?

— Где сейчас Миллер? Вам известно его местонахождение?

— Это ваш заговор, генерал?

— Вы с ним заодно?

Вопросы сыпались со всех сторон, и, когда наступила пауза, вновь раздался голос президента:

— Господа, я все же не понимаю, что случилось?

— В стране сейчас пять одинаковых президентов, — сказал Дорон. — Вы продублированы профессором Миллером. Ваши...

— То есть как?! — простонал президент, чуть не лишаясь чувств.

Но Дорон, не меняя тональности, продолжал:

— Ваши двойники находятся здесь же, в соседнем зале, и вам, президент, есть смысл отправиться к ним и не мешать нам наводить порядок в стране.

Когда Дорон сказал «нам», члены Совета сделали движение, какое обычно делают театральные зрители после открытия занавеса, когда каждый в последний раз пытается найти себе удобную точку для обзора.

Воннел молча подошел к президенту, тот молча встал и, шлепая тапочками по паркету, медленно вы-

шел из зала. Через минуту, вернувшись, министр внутренних дел уже увидел Дорона сидящим за круглым столом в том единственном пустующем кресле, где только что сидел президент.

Но «круглого стола» явно не получалось. На одной стороне его были члены Совета, на другой — Дорон. Это можно было определить хотя бы по взглядам, которые они дарили друг другу.

Дорон отлично понимал, что в любой войне с могущественными финансистами он немедленно проиграет, как, впрочем, проиграет и в мире с ними. И потому он сказал:

— Господа, прошу прощения за то, что я так решительно вмешался в события. Я человек военный, а не штатский. Прошу также поверить мне, что я намерен действовать в наших общих интересах. Вы спрашивали меня: где сейчас Миллер? Отвечаю: в данный момент будем считать, что его местонахождение мне неизвестно... (Дорон вдруг перехватил взгляд Прогнозиста будущего, недвусмысленно обращенный к Воннелу.) «Пора!» — тут же подумал Дорон. — Я понимаю, господа, что вы можете подозревать меня в причастности к той игре, которую ведет Миллер. Это ваше право, и у меня нет возможности немедленно вас переубедить. Следовательно, вы вольны арестовать меня, связать мне руки и заткнуть мне рот и даже убрать меня вообще, но...

Он сделал паузу, во время которой все отчетливо слышали астматическое дыхание угольного короля:

— ...но я прошу вас иметь в виду, что и сам не уверен, я ли перед вами или мой дубликат!

11. При свечах

Арчибальд Крафт — владелец ракет, самолетов-снарядов, баз, и прочего, и прочего, способного убивать, — был весьма практичен. Он мыслил обычно с удивитель-

ной прямолинейностью, не допускающей никаких нюансов и кривотолков, и любое событие вызывало его точную и прямую реакцию. Когда же событий случалось много, он ухитрялся из многочисленных прямых линий выстраивать поступки, такие же стройные и целеустремленные, как Эйфелева башня в Париже. По всей вероятности, в делах комбинаторских иначе строить было и невозможно.

Во всяком случае, у Крафта не вызывало сомнения то обстоятельство, что генерал Дорон являлся непосредственным участником проделок профессора Миллера. Институт перспективных проблем — его институт. Миллер — его человек. Установка по дублированию — его установка. В чем же сомневаться?

«Из этого, — решил Крафт, — и надо исходить!» И в свою «Эйфелеву башню» он вставил первую прямую балку вывода.

Какова же цель Дорона? Крафт много раз видел этого человека, но взглянул на него еще раз, чтобы окончательно убедиться: желание власти. С таким ростом, как у Дорона, с металлическим, несмотря на его солидный возраст, каркасом мышц, с такими сухими и тонкими губами, прямым носом и маленькими зоркими глазами человек вряд ли стремится к тому, чтобы иметь галантерейную лавочку на площади Отдохновения.

Это — вторая балка, положенная в основание башни. Теперь можно возводить и всю конструкцию.

Конечно, Дорон сразу знал, что президентов пятеро. На всякий случай одного он припрятал, и правильно сделал. Совет мог решить убрать президентов и тем покончить с делом, объявив стране о скоропостижной кончине Главы государства. Тогда бы Дорон воспользовался пятым, как ракетоносителем, чтобы выйти в диктаторы.

Кстати, надо заложить в конструкцию и эту балочку, потому что на случай хаоса и неразберихи Дорон дей-

ствительно неплохая кандидатура в диктаторы, и его можно будет поддержать, тем самым ограничив его возможности.

Но пока что у Дорона явно сорвался какой-то крючок, если пятый президент появился раньше времени. «Экссесс исполнителя», — подумал Крафт, прекрасно разбирающийся в юридической терминологии. Что же из всего этого следует? А то, что Дорона пока нельзя трогать. Во-первых, у него может быть в запасе еще один президент. Во-вторых, он сам может оказаться дублем. В-третьих, если его убрать, Миллер тут же начнет печатать членов Совета. В-четвертых, убрать никогда не поздно, куда важнее держать человека на мушке. Такова третья балка для башни выводов.

Наконец, четвертая. Если захватить Миллера с его установкой и нейтрализовать Дорона, в крайнем случае войти с ним в деловую сделку, — а куда он денется, ведь деньги ему будут нужны в любых случаях! — то открываются захватывающие дух перспективы, о которых даже думать страшно в присутствии этих волкодавов, состоящих членами Совета.

Так думал Арчибальд Крафт, то и дело поправляя какую-нибудь деталь своего туалета.

— Господа, — сказал Чарлз Роберт Саймак-младший, нарушая молчание, словно он каким-то прибором успел отметить, что Крафт уже закончил строительство своей «Эйфелевой башни», — я предлагаю приступить к выработке наших решений.

Все девять прочих членов Совета, сбросив с себя оцепенение задумчивости, с готовностью переменили позы.

— Прежде всего, — сказал первым Крафт, — я считаю нужным немедленно вырубить по всей стране электричество, чтобы предупредить возможность дублирования кого бы то ни было.

Все согласились, и прямо из Круглого зала король электроэнергии, получив заверение других членов Сове-

та в том, что они покроют его убытки, отдал по телефону приказ погрузить страну в темноту.

Воннел не без труда добыл несколько канделябров со свечами, и дальнейшее заседание Совета продолжалось уже при свете робких язычков огня.

Совет быстро согласился с предложением Мохамеда Уиндема-седьмого, что необходимо употребить всю мощь государственного розыскного аппарата, чтобы в течение суток найти Миллера «живым или мертвым».

— Лучше живым, — сказал Уиндем-седьмой после недолгой паузы.

И Крафт подумал: «А ты, бестия, имеешь на него виды».

В свою собственную «Эйфелеву башню» он добавил при этом особую балочку: пустить на розыски Миллера и своих собственных людей, чтобы опередить Воннела и прочих членов Совета. То, что каждый из них поступит так же, Крафт понял, когда внимательно оглядел физиономии присутствующих, уловив при этом столь же внимательные взгляды.

«Придется раскошелиться», — подумал Крафт, прикидывая, во сколько обойдется ему поиск Миллера, не говоря уже о слежке за каждым членом Совета в отдельности.

Когда два главных решения были приняты, Крафт перевел взгляд на Дорона, и все члены Совета сделали то же самое. Пришла пора решить судьбу генерала.

— Генерал, — торжественно произнес тогда Крафт, еле сдерживая раздражение, — я полагаю, что выражу мнение всего Совета, если скажу, что мы хотели бы верить в вашу преданность нам и в вашу непричастность к действиям Миллера.

Половина того, что надо было сказать, было сказано. Члены Совета молчали, склонив чуть-чуть головы в знак согласия с Крафтом.

— Кроме того, генерал, — тщательно подыскивая слова, произнес Крафт, — мы хотим быть уверенными,

что вы не совершите ни одного поступка и не отдадите ни одного распоряжения, не согласовав их прежде с нами (головы членов Совета, как по команде, дружно закивали). Для связи с нами, — сказал Крафт, — вы будете пользоваться нашими людьми, которые, я полагаю, вас не оставят в трудную минуту, а также людьми ведомства Воннела.

Все, кроме Дорона, не изменившегося в лице, облегченно вздохнули.

— Воннел, — сказал Уиндем-седьмой, — вам понятно решение?

— О да, господа, — с готовностью произнес министр внутренних дел, не ожидая удара, который готовил ему Уиндем-седьмой.

— Кроме того, Воннел, мы хотели бы обеспечить постоянную связь и с вами, а потому наши люди тоже будут находиться постоянно при вас.

Крафт кивком головы подтвердил правильность этой мысли. Как и все члены Совета, он тоже подумал: «Знаем мы и тебя, голубчик Воннел, тебе палец в рот не клади!»

Воннел покорно выслушал решение Совета. За то время, пока он руководил министерством внутренних дел, ему пришлось второй раз присутствовать на заседании Совета, и он вновь убедился в совершенно невероятной способности его членов принимать общие решения без каких бы то ни было обсуждений. «Будто у них внутренние телефоны!» — подумал Воннел, готовый поверить хоть в нечистую силу.

Наконец молчавшее до сих пор Будущее взяло слово:

— Я думаю, господа, нам стоит сейчас же принять решение о создании Акционерного общества по эксплуатации установки Миллера, когда она будет обнаружена.

Секунду-вторую все молчали, поскольку никто из присутствующих не додумался до этой мысли и должен был ее оценить. Это была чужая балка, но Крафт не-

редко прибегал к подобным матерналам, строя свои высотные выводы. Он первым сказал:

— На равных паях, разумеется?

— Конечно! — сказала Будущее, и члены Совета дружно поддержали это предложение.

Крафт заметил, что поддержка была высказана всеми с такой же внешней радостью, с какой ее высказал он сам, хотя Крафт поторопился с согласием лишь для того, чтобы никто не подумал, что у него есть собственные виды на установку. «В конце концов, — подумал Крафт, — если ее обнаружу не я и не кто-нибудь из этих волкодавов, а Воннел, акционерное общество на равных паях нейтрализует членов Совета. Молодец Прогнозист!.. Впрочем, потому он и Прогнозист, что молодец...»

Дорон во время всей процедуры не пошевелил даже рукой. Он сидел каменным изваянием, переводя взгляд с одного лица на другое, испытывая удовольствие от того, что заранее угадывает каждое решение Совета. «Вот сейчас они предпримут шаги, чтобы нейтрализовать Миллера, — думал он. — Теперь перейдут к его поискам. Затем примут решение о моем домашнем аресте, — интересно, в какой форме это будет ими высказано? Теперь они возьмут на мушку этого болвана Воннела. Что, акционерное общество?» Эта мысль была неожиданной даже для Дорона, хотя и представилась ему достаточно эфемерной и уж по крайней мере преждевременной: шкура неубитого медведя. Дорон никогда и никого в жизни не боялся, кроме... Это «кроме» неотступно сопровождало его все пятьдесят четыре года жизни. Ребенком он не боялся никого, кроме точильщика ножей, который никогда не переступал порог его дома, а лишь один раз в месяц проходил по улице мимо, крича зловещим голосом: «Точу ножи!» Маленький Дорон забивался тогда под кровать, дрожа от страха и вызывая смех окружающих. Юношей он не боялся никого, кроме смерти, мысли о которой появились где-то

в пятнадцать-шестнадцать лет и преследовали его вплоть до совершеннолетия, после чего вдруг исчезли, перейдя в некую философскую категорию. Молодым человеком он боялся только отца — его дурацкого сумасбродства, которое могло лишить Дорона наследства. А затем, когда наследство было получено, он вообще никого и ничего не боялся, кроме... Совета Богов.

Они были страшнее точильщика ножей, эти десять гангстеров, страшнее сумасшедшего отца и, конечно же, страшнее смерти, потому что в наказание могли сохранить жизнь, но какую страшную жизнь!..

И вот — впервые в жизни — Дорону удалось «примерить седла к их спинам», как любил говаривать покойный Дорон-старший, когда был еще в здравом уме. Генерал Дорон отлично понимал, что он сейчас не по зубам Совету, а человек, который был Совету не по зубам, уже одним этим обстоятельством возвышался в ранг зубастых.

«Следовательно, — думал Дорон, — мне нужно и впредь делать вид, что Миллер у меня в руках, а сам я — двойник Дорона». Кстати, эта выдумка была одним из самых блестящих ходов Дорона, которые приходили ему когда-либо в голову. С другой стороны, он не мог не понимать, что его зубастость невечна. Как только Миллер будет найден, ей придет конец, а Дорон и так уж зашел слишком далеко, чтобы ждать от Совета пощады.

Опередить! — такова главная и основная забота Дорона на ближайшие сутки. Опередить всех, захватить Миллера и препятать его в надежное место.

Что потом? Потом убедить профессора в необходимости сотрудничать с Дороном и захватить с его помощью власть. Но, если Миллер откажется... его придется нейтрализовать, а если понадобится, то и убрать вообще. Пока что нужно позаботиться о побеге в самом крайнем случае.

— Господа, пока, кажется, все? — сказал Прогнозист.

Члены Совета поднялись, церемонно раскланялись друг с другом и направились к выходу. У западного входа в ранчо их ждали десять машин разных марок и личная охрана каждого. Хлопнули десять дверей, зажглись почти одновременно десять пар подфарников, и бесшумно заработали десять моторов. Одна за другой машины выехали с территории и уже там, на шоссе, показали друг другу все, на что они были способны.

В голове каждого члена Совета дозревали собственные планы и выстраивались собственные «Эйфелевы башни». В этих сложных конструкциях не было ни одной балочки, посвященной президентам.

Судьба людей, формально стоящих у власти, никого не волновала.

12. Ставка на Гарда

Луна то и дело выглядывала из прорези облаков, словно из амбразуры. Ее свет не в силах был уничтожить темноту равнин. Но лента шоссе высвечивалась луной, как лезвие ножа, и по этому слабо белеющему лезвию едва ползли две черные капли; с высоты казалось немыслимым, что эти капли мчатся со скоростью ста миль в час и что одну из них переполняло нетерпение, а другую — тупое упорство согладатаев.

Впрочем, внешне Дорон не выглядел ни озабоченным, ни встревоженным. Волнение было привычно загнано им глубоко внутрь; в летящей машине сидел просто усталый, задумавшийся человек с чуть покрасневшими от бессонницы глазами и обмякшими складками морщин властного, крупного лица. Он не оборачивался. Он и так знал, что чужой взгляд будет теперь сопровождать каждый его шаг, а чужие уши ловить любое его слово. Он был еще свободен, но уже связан.

Только его мысли оставались никому не подвластными, и Дорон спешил воспользоваться этим единственным своим оружием.

Машину слабо потряхивало, лучи фар сметали с дороги кисейные полосы тумана, пирамидальные тополя с заломленными к небу руками-сучьями выскакивали из-за поворотов, словно вспугнутые дозорные. Дорон ничего не замечал. Он был не здесь, на дороге, он упреждал время, он был там, куда стрелке часов еще предстояло идти и идти.

Не далее как утром он являлся хозяином жизни, и от его решения зависела судьба многих. Теперь его собственная жизнь зависела от других. От Миллера и его необъяснимых поступков. От Совета. От случайных людей, наконец. И чем он дольше думал, тем яснее ему становилось, что он должен поставить себя в зависимость — на этот раз сознательно — и от человека, с которым придется иметь дело, превратившись в скромного просителя.

Этим человеком был комиссар полиции Гард. Его собственная служба сейчас немного стоила, каждое его движение — Дорон это отлично понимал — будет парализовано людьми членов Совета. Но Гард был вне подозрений Совета и министра внутренних дел. Гард уже не раз занимался Миллером, и потому у него было больше шансов отыскать профессора, чем у кого бы то ни было. К тому же Гард был умен, опытен и обладал интуицией — качеством весьма редким в грубом ремесле сыщика. Правда, Гард не имел бесценного в теперешней ситуации качества — он не был верен ему, Дорону. В какой-то миг размышлений генерал искренне пожалел, что в свое время держался с бывшим инспектором, а ныне комиссаром высокомерно, но сделанного не вернешь. Просто урок на будущее: с людьми, обладающими самостоятельным характером и талантом, лучше быть в дружбе, вне зависимости от того, как низко они стоят по сравнению с тобой.

Итак, на преданность Гарда рассчитывать нечего. И для угроз сейчас не время. Остаются деньги. Купить Гарда, может быть, и нельзя. Но кто с легким сердцем откажется от денег, которые обеспечат все его будущее? «Да, деньги, — решил Дорон. — Только они всемогущи в нашем мире».

Приняв решение, Дорон с облегчением откинулся на спинку сиденья.

Розовое зарево не встало перед машиной, когда она приблизилась к городу. Безмолвные дома по обеим сторонам улицы походили на склепы. Льдистым блеском мерцали окна. Лишь в некоторых теплился жидкий огонь свечей. Кое-где по тротуарам метался растерянный луч фонарика, какие-то тени выпархивали из-под фар, но, в общем, было безлюдно. Над улицами мрачно нависали громады небоскребов, облака затянули луну, и даже на проспектах стояла жуткая темнота, как на дне ущелий.

Наконец машина остановилась перед особняком. Дорон не сразу узнал его, так непривычно выглядела улица. По одну сторону, на фасадах и на тротуаре, лежал какой-то странный синевато-белый химический блеск. Он клиньями вдавался в мостовую, и Дорон в первую минуту не мог понять, что это такое. Лишь подняв голову, он сообразил, что это выскользнула из облаков луна. Она висела над скатами крыши, и на небе четко и черно выделялась паутина проводов.

Рокот мотора эхом прокатился по улице; из-за угла выскользнула еще одна длинная машина, погасила фары и замерла в пяти метрах от машины Дорона и его «хвоста». Черные фигуры в плащах и шляпах не скрываясь высыпали из кузова. Неторопливо окружили особняк. Мимо генерала они проходили, как мимо пустого места. Их каблуки твердо печатали шаг, они двигались четко, как автоматы, и это было так же дико, как яркий лунный свет в центре большого города.

На ощупь, спотыкаясь, Дорон поднялся по лестнице

в свой кабинет. Шторы были опущены, на столе среди вороха донесений оплывала свеча, прилепленная к массивной, оптического стекла пепельнице. Колебания язычка пламени зажигали в гранях пепельницы тусклую радугу. За столом, положив голову на руки, спал верный Дитрих.

Дорон осторожно коснулся его плеча. Секретарь вскочил и тотчас вытянулся, растерянно моргая. Дорон махнул рукой: садись. Сам он тоже сел и секунду молча глядел на коптящий огонек свечи, который вызывал в памяти какие-то давние детские и почему-то щемящие душу ассоциации.

— Кофе? — Дитрих посмотрел на Дорона.

— Нет. Спать.

— Вам звонил...

Но Дорон вдруг поднял вверх палец предостерегающим жестом, и Дитрих осекся.

— Никаких дел, Дитрих, — устало произнес Дорон и повторил: — Спать. Все дела — завтра.

Затем он на листочке блокнота, лежащего на столе, энергичным почерком написал одно слово. Дитрих взглянул, прочитал: «Уши!» — и понимающе склонил голову.

— Генерал, — сказал он после паузы, — вы будете спать, как всегда, в кабинете или в спальней комнате?

— Сегодня там, — ответил Дорон и жестом показал Дитриху: внимание, Дитрих!

На листочке блокнота появилась новая запись. «Мне нужен Гард». Дитрих кивнул головой. «Немедленно!!!» — вывел Дорон. Дитрих подумал и вновь кивнул. «Чтобы никто не знал!» — Дорон трижды подчеркнул слово «никто». Секретарь кивнул головой. «Учитите, за домом следят». — «Понял», — сказали губы Дитриха. Дорон задумался и медленно вывел еще одну фразу: «Это не приказ, а больше, чем приказ: моя человеческая просьба». Дитрих чуть-чуть расширил глаза и при-

ложил руку к сердцу, давая понять, что он тронут доверием генерала.

Затем, взяв в руки перо, секретарь четко вывел на листочке блокнота: «Разрешите использовать бункер?»

На этот раз решительно кивнул Дорон и громко сказал:

— Спать, Дитрих, я еле стою на ногах!

...Об убежище Дорона знали лишь самые доверенные люди. Оно лежало под домом и садом, его перекрывали пять метров железобетона и десять метров земли. Словом, это было построенное по всем правилам фортификации домашнее атомоубежище, пригодное для жизни, даже если весь город превратится в радиоактивные развалины.

Дитрих набрал на циферблате условный шифр. Часть подвальной стены медленно стронулась, открыв толстую массивную дверь, ведущую в тамбур. Вторая дверь тамбура открылась после того, как закрылась первая, и секунду Дитрих стоял замурованный, полуослепленный вспышкой тотчас зажегшейся под потолком лампочки. О том, что у Дорона была собственная небольшая электростанция, тоже никто не знал. Лампочка светила тускло, но после темного коридора и электрического фонарика ее свет казался необыкновенно ярким.

За тамбуром открылся узкий коридорчик, выстланный кафелем. Под потолком тянулась четырехугольная труба с отверстиями, забранными решеткой. Легкое шипение воздуха в них показало, что вместе со светом автоматически включилась воздухоочистительная установка; организм убежища ожил и был готов принять человека, переступившего его порог.

Коридор шел ломаными углами и потому казался еще длиннее, чем он был на самом деле. От коридора отходили тупички, за дверями которых находились помещения, где было все необходимое, вплоть до искусственной погоды, искусственных закатов, запаха леса. Все это превращало комнатки в подобие загородной виллы.

Одной из причин безусловной верности Дитриха Дорону было сознание, что в случае чего этот подземный мир скроет его от всеобщего уничтожения. Дитрих не очень верил в новозобретенную установку нейтронного тор-можения атомных взрывов. Будучи на службе Дорона, он знал, что есть еще облака отравляющих газов, биологические яды и вирусы, способные уничтожить все живое ничуть не хуже лучей радиации. А в благоразумии людей, варясь в котле службы Дорона, он вовсе не был убежден.

Однако вид голых бетонных стен, унылый отзвук собственных шагов, низкий потолок, как и всегда, действовали на Дитриха давяще. Он поспешил пройти коридор, без задержки проманипулировал с очередным циферблатом и очутился на дне тесного, как в средне-вековой башне, спирального хода. Сотня с лишним ступеней вверх, затем прикосновение к еле заметной кнопке, и круг потолка над головой уплыл в сторону, открывая проколотый звездами зрачок неба. Дитрих поспешно выскочил наружу, и люк колодца сам собой задвинулся. Капельки росы слабо поблескивали на траве, там, где только что было отверстие.

Это был городской парк, расположенный на площади Вознесения, у самой ратуши, что в трех кварталах от дороновского особняка. Озираясь, Дитрих перешагнул изгородь, как хорошо тренированный спортсмен, и зашагал по тротуару — запоздалый прохожий, отрезанный от дома бездействием городского транспорта. Луна, к счастью, снова была за облаками, и мрак скрыл бы бесшумный прыжок Дитриха от любого, кто стоял бы даже в десяти метрах от ограды парка.

Гард жил неподалеку, всего полчаса ходьбы, но Дитрих скоро понял, что спокойно дойти до жилища Гарда будет не так-то просто. Едва он пересек Центральную улицу, как в одном из переулков раздался душераздирающий крик женщины, зовущей на помощь. Дитрих мгновенно нырнул в ближайший подъезд, и очень скоро

мимо протопали, тяжело дыша, какие-то люди, запихивая за пазуху только что награбленные вещи. Прошло минут пять, в течение которых не хлопнула ни одна дверь и не донесся звук ни одного голоса. Дитрих вновь вышел на улицу, но пошел в сторону, прямо противоположную той, что вела в зловещий переулок: его следов на месте ограбления быть не должно.

Сделав крюк, он остановился на углу какой-то улочки, достал фонарик и зажег его, чтобы выяснить, где он находится. Но тут же на свет фонарика, как бабочки на луч, сбегались какие-то жалкие существа, трясущиеся от страха, — две молодые женщины, мальчишка лет пятнадцати с порванными брюками и здоровый парень спортивного вида, у которого зуб форменным образом не попадал на зуб. Дитриху пришлось солгать, сказав, что он уже пришел домой и потому не может сопровождать перепуганных людей, и они разочарованно поплелись дальше, кроме здорового парня, который сказал: «Я останусь в вашем подъезде: я не могу, здесь на каждом шагу грабят».

С трудом отделавшись от него, Дитрих зашагал вперед, думая о том, как это страшно — одиночество. Именно о нем он думал, потому что не боялся ни темноты, ни мрачных переулков, ни грабителей, ни даже смерти, которая может явиться сейчас из-за любого угла. Он думал об одиночестве, которое преследовало его даже в самых освещенных залах дороновского особняка в те вечера, когда генерал давал обед многочисленным гостям.

Дитрих был до такой степени одинок, что не принадлежал даже себе, боясь сам с собой разговаривать, чтобы не сболтнуть лишнего. Он потерял все на свете, когда пришел работать к Дорону, хотя были у него и мать, и сестра, и какие-то друзья. Все это исчезло, все это пришлось забыть, стереть из памяти. Ему было, вероятно, немало лет, хотя он выглядел человеком без возраста. Худой, остроносый, весь состоящий словно из

пружин, которые могли натягиваться в минуты опасности и сжиматься, когда он существовал рядом с Доронам, всегда покорный ему и беспощадный.

Сказать, что жизнь потеряла для него смысл, было нельзя, потому что, получая много денег, он зачем-то копил их, вероятно надеясь на какие-то изменения в своей судьбе. Но откуда они могли прийти, эти изменения, не знал сам господь бог.

Итак, он шел по ночному городу без всякого страха, заботясь о том, чтобы точно и быстро выполнить приказание Дорона. Он понимал, что случилось что-то сверхисключительное, если генерал в собственном доме не может говорить вслух, но не хотел и не умел связывать неприятности шефа с отключением электроэнергии во всем городе, с погруженными в темноту улицами, с вспыхнувшими, как эпидемия, грабежами, с хаосом, который подкрадывался к его стране огромными шагами. У него была цель, четкая и ясная, и он шел к своей цели, как амок, не способный сбиться с пути, как бы и кто бы его ни сбивал.

...Гард спал без сновидений — вероятно, потому, что у него были крепкие нервы, хотя и очень нервная работа. Еще покойный учитель Гарда, небезызвестный Альфред Дав Купер, говорил: «Сыщику по горло хватает реальных кошмаров, чтобы еще видеть их во сне!»

В прихожей маленькой квартирки Гарда, состоящей всего из трех комнат, стоял упакованный чемодан, который оставалось только взять в руки, чтобы выкинуть из головы всякие мысли о службе, заботах и кошмарах. Все, что делал Гард, он делал обстоятельно, и потому он предпочел заранее уложить чемодан, хотя утром у него было бы достаточно времени до самолета. Билет был в кармане, такси подали бы точно в указанное время, а спать позже семи утра Гард все равно не мог, даже если ложился глубокой ночью.

«Ах, черт возьми! — подумал он за минуту до того, как заснуть. — Черт возьми, дождался-таки первого дня

отпуска!..» — и блаженство, разлившись по всему телу, окончательно освободило Гарда от служебных дум. Когда он погасил свет и закрыл глаза, ему тут же замерещилось море, и аккуратная вилла на самом берегу, и безмятежность, и счастье неведения, и желанность безделья.

Проснулся он от осторожного стука в дверь и тут же понял, что проснулся: во сне ему никто постучать не мог, так как Гард не знал, что такое сновидения. Он прислушался. Стояла мертвая тишина, и первой мыслью его было: «Неужели служба?» — хотя странно, что посылный стучит в дверь, вместо того чтобы позвонить. Померещилось? Увы, всегда, когда мы только произносим это слово, все стуки немедленно повторяются, чтобы услышавший их мог сказать сам себе: «Нет, не померещилось».

«И вряд ли со службы», — еще подумал Гард, поскольку в полицейском управлении прекрасно знали его телефон.

Он дернул шнурок бра, но свет почему-то не зажегся. Тогда он встал, ощупью добрался до выключателя, но лампа под потолком все равно не зажглась. А стук уже стал более резким и настойчивым.

Тогда Гард достал из письменного стола браунинг, набросил на плечи халат, сунул оружие в карман и, уж перед тем как двинуться к двери, глянул на фосфоресцирующие стрелки часов. У Гарда давно выработалась привычка смотреть на часы всякий раз, когда он просыпался ночью: а вдруг потом для кого-нибудь это окажется важным, и когда тебя спросят, что было в три часа ночи, когда ты проснулся, и ты ответишь, что ничего не было, кроме тишины, кто-то сделает вывод, что убийство произошло не в это время, а раньше или позже, и это поможет уличить убийцу.

Итак, часы показывали начало четвертого. Гард подошел к дверям и повернул замок. Спрашивать «Кто там?» было бессмысленно. Грабители обычно не стучат,

а открывают дверь отмычкой. Убийцы стреляют в окна, а достать окно гардовской квартиры, находящееся на втором этаже, им ничего не стоило, если взобраться на любое из трех деревьев, растущих прямо перед домом. Полиция была Гарду не страшна, друзьям он был всегда рад, а просители так поздно не приходят по пустякам. Наконец, на случай ошибки в кармане халата лежал браунинг, пользоваться которым Гард умел.

Дверь открылась, в переднюю стремительно вошел человек, быстро произнес: «Закройте дверь, пожалуйста» — и щелкнул фонариком, направив его не на Гарда, а на свое лицо.

— Я Дитрих, секретарь Дорона. Простите за беспокойство, Гард. У меня поручение от генерала.

— К сожалению, — сказал Гард, — в квартире перегорели пробки...

— Вы ошибаетесь, — прервал его Дитрих. — Электричество выключено везде.

— Вот как?!

— Гард, Дорон хочет вас видеть.

Комиссар полиции ничего не ответил, а лишь молча взял Дитриха под руку и провел в гостиную. Фонарь, который Гард взял из рук Дитриха, осветил кресло.

— Присядьте, мне неловко говорить с вами в таком виде.

Через три минуты, наскоро одевшись, Гард вошел в комнату к Дитриху. Сев в кресло напротив, он прикрыл глаза и произнес:

— Так я вас слушаю, Дитрих.

— Я уже сказал, комиссар, — повторил Дитрих, — генерал...

— Он не мог прислать за мной хотя бы завтра днем?

— Вероятно, нет.

— Очень жаль, — сказал Гард. — Завтра днем я был бы отсюда очень далеко...

Дитрих не оценил шутки и серьезно сказал:

— Я думаю, Гард, мне пришлось бы ехать за вами

даже на край света. Как я понял, вы так нужны Дорону, что мне велено без вас не возвращаться.

Гард закурил предложенную Дитрихом сигарету и задумался. Было похоже на то, что отпуск повисает на волоске: от Дорона пока еще никто не получал пятиминутных заданий, если они не сводились к производству одиночного выстрела из-за угла.

— Хорошо, — сказал Гард. — Мне нужно переодеться. Мое управление не должно знать об этой встрече?

— Нет, — коротко ответил Дитрих.

— Отлично, — сказал Гард.

В спальне, где он переоделся, все осталось нетронутым — ни раскрытая постель, ни пижама, небрежно брошенная на спинку стула, ни теплые ночные тапочки, стоящие у кровати. Ко всему прочему Гард быстро написал на листке бумаги: «3.15 ночи. Дитрих от Дорона. Иду» — и сунул его под подушку. Когда имеешь дело с людьми типа Дорона, предосторожность необходима.

Еще через минуту они молча шагали по темному городу. За все время пути и даже тогда, когда Дитрих привел Гарда в парк, открыл колодец, а затем провожал до самого бункера, комиссар не задал ни одного вопроса, прекрасно понимая, что с ответами все равно придется подождать до встречи с Дороном.

Генерал ждал их в бункере, стоя на середине крохотного кабинета, скопированного с того большого, в котором Гарду уже приходилось бывать.

— Я рад, — сказал Дорон, движением руки приглашая Гарда сесть в кресло. — Я рад. — Он помолчал, затем кивком головы отпустил Дитриха и неожиданно для Гарда сказал: — Я буду играть с вами в открытую. Это тоже маневр, но я хочу одного: поймите, Гард, что откровенность с вами — моя единственно выигрышная тактика.

Затем он спокойно и неторопливо рассказал Гарду о всех событиях сегодняшнего дня, не утаив ни одной

мелочи, даже того, что член Совета Саймак-младший кричал на него: «Не прикидывайтесь дурачком, генерал!» С невольным уважением Гард смотрел на Дорона, который ухитрился не терять достоинства и ума в такой опасный момент.

Когда генерал умолк, Гард сказал:

— Вам нужен Миллер?

— Да, — сказал Дорон.

— Его должен найти я?

— Да, — сказал Дорон.

— Вы понимаете, генерал, что это чрезвычайно трудно сделать?

— Я не беспокоил бы вас, комиссар, если бы думал, что это легко. Задача по плечу лишь талантливому человеку.

И Гард понял, что Дорон не льстит ему, что это не комплимент, а истинное убеждение генерала.

— Благодарю вас, — сказал Гард.

— Вы, конечно, понимаете, — продолжал Дорон, — что после вашего успеха я буду неоплатным должником...

— Задача не просто трудная, — как бы размышляя вслух, сказал Гард, — но и опасная.

— Знаю, — подтвердил Дорон. — И потому дело не в том миллионе кларков, которые вы получите. Они не окупят риска. Но согласитесь, более важной, интересной и ответственной операции у вас до сих пор не было.

— Что вы хотите сделать с Миллером? — спросил Гард.

— Надежно спрятать. Эти ученые не умеют скрываться. День, ну, два его, может, и не найдут, а потом...

— Но Чвиз, генерал...

— Случайность. И потом, Чвиза я искал в тысячу раз менее усердно, чем теперь ищу Миллера.

— Допустим, я найду Миллера, и вы его перепрячете. А потом?

— Я уверен, он поймет, что нам нужно стать союзниками.

— Зачем?

— Затем, чтобы реальная власть в государстве оказалась в наших руках.

— Диктатура?

— Да. Но диктатура двоих.

— Вы уберете Миллера, когда достигнете цели, генерал.

— Нет. Без него я бессилен.

— А если он откажется?

— Разумный человек отказаться не должен.

— Вы уверены, генерал, что Миллер именно такой?

— Надеюсь.

— Значит, я должен помочь вам сесть в седло.

— Да.

— И спасти.

— Да.

— Разрешите подумать.

— Конечно.

...Это крупная игра, в которой ничего не стоило сломать себе шею. Дорон откровенен, он умный человек и прекрасно понимает, что сейчас иначе говорить нельзя. Миллион кларков получить, конечно, можно, но что будет со страной потом? Предусмотреть, как поведет себя Дорон, став диктатором, невозможно. Как поведет себя Миллер — тоже. Это зависело от того, какой Миллер из тех двух остался. Судя по всему, Двойник, но все может быть... С другой стороны, отказаться от его поисков сейчас уже невозможно: нет гарантии, что тогда удастся выбраться из этого убежища живым. Кроме того, судьба страны Гарду тоже не безразлична, а его вмешательство может привести к существенным коррективам плана Дорона.

— Генерал, — сказал Гард, — гарантировать успех, как вы понимаете, я не могу.

— Понимаю.

— Но Миллера я искать буду.

— Спасибо.

Дорон встал и пожал комиссару полиции руку. Потом вынул из кармана толстую пачку банкнотов.

— У вас будут расходы.

— Конечно.

Гард взял деньги.

— Сроки?

Дорон развел руками:

— В идеале — час назад. — Дорон нашел в себе силы улыбнуться.

И тут же бесшумно появился Дитрих.

13. Золотая коронка

— Фред, нам лучше выйти на улицу, — сказал Дэвид Гард. — У меня к тебе очень сложное дело, и чрезвычайной секретности.

— Если ты мне скажешь, что расследуешь преступление самого господ бога, я не удивлюсь, — сказал Честер. — Сегодня очень странный день...

— Чем же?

— Днем я удостоился чести разговаривать с нашим президентом в «Указующем персте», а ночью ко мне является сам комиссар полиции. Разве не странно?

— Ты прав, Фред. Выйдем.

Кромешная тьма окружила их, и только над ратушей, в восточной части города, чуть-чуть обозначился рассвет. Это было время самого крепкого сна и самых кровавых преступлений.

Они сделали несколько шагов по улице, и Честер сказал:

— Ты уверен, что мы не налетим на столб?

— Ты действительно видел президента? — спросил, останавливаясь, Гард.

— Как тебя сейчас, — ответил Фред, хотя лица Гарда он в действительности разглядеть не мог.

— Это был, Фред, один из пяти президентов, существующих сейчас в стране.

— Что-что? — сказал Честер. — Ты серьезно?

— Работа Миллера, — ответил Гард. — Слушай, старина, внимательно.

И Гард коротко изложил Фреду свой разговор с генералом Дороном.

— Дэвид, — выслушав, сказал Честер и коснулся рукой плеча Гарда, — я в полном твоем распоряжении. Что мне делать?

— Я думаю, — сказал Гард, — у Миллера могло быть лишь две цели: либо захват власти, либо желание наказать сильных мира сего...

— А может, он просто шутник? — сказал Честер.

— Так не шутят, Фред. Если бы Миллер хотел посмеяться, он сделал бы не пять президентов, а пять Линд.

— Убедил! — воскликнул Честер. — Но я потерял нить рассуждений.

— Сейчас восстановим. У Миллера могут быть две цели. Какую из них он преследует, зависит от того, каков сам Миллер. Мы пришли, Фред, к тому, что остается для нас извечной загадкой...

Они помолчали, сделав несколько шагов по тротуару. Затем Честер сказал:

— Предположим, действует настоящий Миллер. Если ты его найдешь, его нельзя передавать в руки Дорона. Тебе это ясно, Дэвид?

— Так же, как и то, что нельзя передавать Дорону Миллера-двойника.

— Объясни.

— Они же мгновенно сговорятся!

— Это не так просто, Дэвид, — сказал Честер. — Если они не договорились прежде, почему ты думаешь, что найдут общий язык теперь?

— Потому, что прежде они не были равными.

— Тогда Миллер сам найдет путь к Дорону, став ему равным. Без твоей помощи. О, это будет хорошая пара коней в одной упряжке!

— И тогда, Фред, моей задачей должна стать задача помешать их единению.

— Пожалуй, ты прав.

— Подводим итог: если я нахожу Миллера, я должен начинать собственную игру. Верно?

— Ты крепко рискуешь, Дэвид.

— Нет! Посуди сам, Фред: если Миллера найдут без меня, Дорон не может иметь ко мне претензий. А если я найду Миллера и перепрячу его от Дорона, генералу — крышка, и он ничем не сможет мне угрожать.

Фред с уважением посмотрел на Гарда.

— Теперь я понимаю, — сказал он, — почему ты, оставаясь порядочным человеком, все же ухитряешься делать карьеру, старина. У меня так не получается...

— Как ты будешь искать Миллера? — спросил Честер.

— К сожалению, в этом деле ты мне плохой советчик... Но помощником быть можешь, одному мне вообще не справиться.

— А может, Миллер совсем не спрятался, а удрал?

— Все может быть, старина, все может быть...

— Тогда ищи ветра в поле.

— Попробую. Придется для начала выяснить, где его жена, где Таратура...

— Он в городе, — сказал Честер. — Вчера я говорил с ним по телефону.

— Ну-ка, ну-ка! — оживился Гард.

— Он разыскал меня в «Указующем персте», когда я мило беседовал с президентом, и обещал прийти, но не пришел.

— Почему?

— Не знаю, Гард. Я прождал его лишних полчаса, а потом понял, что он не придет.

— Таратура сказал что-нибудь такое, что заострило твое внимание?

— Нет, Гард, ничего особенного. Он очень удивился, что я сижу рядом с президентом.

— Странно... И про Миллера ничего?

— Ни единого слова.

— Жаль. Там, где Таратура — там и Миллер... Как ты думаешь все же, остался двойник или настоящий?

— Ну, Дэвид, ты всегда был мастер задавать вопросы.

— Но что подсказывает твоя интуиция?

Честер задумался.

— Иногда мне кажется, что двойника вообще не было. Был просто кошмарный сон. И все.

— Но ты же видел одного из них в гробу? Там, у Бирка! — сказал Гард.

— И это могло быть сном.

— Знаешь, Фред, я все понимаю умом, однако никак не могу смириться с тем, что двойники похожи друг на друга, как близнецы. Даже у настоящих близнецов могут быть разные глаза, рябинки не там... А тут — копия? Ты уверен, что тот, в гробу, был копией?

— Это было страшно, Дэвид, — признался Честер. — Прошло уже три года, но физиономия покойника стоит перед моими глазами, хотя, наверное, в действительности он давно уже сгнил.

— Сгнил? — сказал Гард и вдруг остановился как вкопанный. — Фред, ты дал сейчас великолепную мысль! Если Миллеров действительно было двое, и если один из них — химический, то процесс разложения трупа, возможно, происходит как-то иначе! Нейлон, например, остается целехонький, а полотняная рубашка сгниет дотла, — так и тут, и мы можем...

— Ты хочешь сказать, что Двойник из нейлона?

— Нет, Фред, я хочу сказать, что Двойник — химический и что ему от роду всего три года, а не под сорок, как настоящему Миллеру!

— Ах, Дэвид, чтобы строить гипотезы, надо быть специалистом. А что мы понимаем с тобой в химии?

— Да, ошибаешься, старина, — это дело не столько химии, сколько криминалистов. Не будем терять времени.

...Хозяйина фирмы «Спи спокойно, друг!» мучила бессонница. В последние дни хоронили довольно влиятельных в столице людей, и он был вынужден присутствовать на всех церемониях. Теперь же, едва закрыв глаза, Бирк видел им же придуманные факелы, слышал траурную музыку и не мог отделаться от красных фейерверков, букетом расцветавших в небе, когда гроб медленно опускали в землю.

Потом, когда праздник похорон заканчивался, из темноты выплывало плачущее лицо старшего смотрящего. Он рыдал так искусно, что Бирк был вынужден платить ему на сто кларков больше, чем остальным смотрящим, фальшивость слез которых была видна даже неискушенному. Несмотря на запрет, они регулярно пользовались слезоточивыми каплями. А старший... Он плакал по-настоящему, без капель, может быть, из-за того, что ему платили всего на сто кларков больше?

Бирк искренне завидовал жене. Она тоже присутствовала на церемониях, но, видно, нервы у нее были крепче. Ее даже радовали эти процессии, потому что она могла демонстрировать свои траурные наряды, сделанные лучшими портными страны.

Чтобы не мешать жене, Бирк осторожно поднялся с постели и вышел в кабинет. Он решил поработать. Последние три месяца он писал для издательства «Веселая жизнь» большую книгу «Торжество загробного мира», в которой обобщалась деятельность его фирмы.

Бирк зажег свечи, стоящие на письменном столе, достал из ящика новое гусиное перо и склонился над листом чистой бумаги. Подражая великим мыслителям прошлого, он не пользовался электричеством и автома-

тическими ручками, этими грубыми достижениями двадцатого века.

В начале пятого утра у особняка Бирка затормозила машина. Два человека пересекли палисадник и остановились у двери. Бирк услужливо распахнул двери. Он привык к ночным визитам.

— Прошу извинить нас, Бирк, — сказал один из вошедших, — мы подняли вас с постели, но дело не терпит отлагательств.

Бирк пригляделся и узнал обоих: комиссара полиции Гарда и репортера уголовной хроники Честера.

— Если дело не ждет, я к вашим услугам, господа, — вежливо ответил Бирк. — Вам, очевидно, нужны мои клиенты?

— Да, — подтвердил Гард, — один из них.

— Через минуту я буду в вашем распоряжении.

Бирк вышел, а когда вернулся, каждая складочка его черного костюма излучала элегантность. Они сели в машину: Бирк рядом с Гардом, а Честер устроился на заднем сиденье.

Машина мягко летела по чуть посветлевшим улицам.

— А почему нет света? — удивился Бирк, впервые заметив, что погашены уличные фонари и рекламы. — Неужели война?

— До этого еще не дошло, — бросил с заднего сиденья Честер. — Так что работы вашей фирме не добавится.

— Я не об этом беспокоюсь, дорогой Честер. — Бирк улыбнулся, обнажив свои большие, как у оперного певца, зубы. — Забот у нас и сейчас много. Даже ночью беспокоят, — намекнул он. — Кстати, чем я обязан вашему визиту?

— Нам нужно взглянуть на одного нищего, — сказал Гард.

— Того самого, за которого я заплатил вам однажды 156 кларков 25 лемов, — съязвил Честер.

— Помню, помню, — Бирк продолжал улыбаться, —

клиент № 24657. С седьмого участка. Полицейскому управлению это обойдется бесплатно, хотя за три года и земля слежалась, и могила благоустроилась.

— Неужели вы помните всех клиентов? — спросил Честер.

— Как заботливая мамаша имена своих детей, — ответил Бирк. — Особенно тех клиентов, которые хоть изредка приносят доход, будь они хоть президенты, хоть нищие.

— Нищие тоже доходны? — поинтересовался Честер.

— Каждый покойник — капитал. И он надежней, чем акции алмазной компании. Сегодня он нищий, а завтра его сын богатеет. Ему неприятно посещать седьмой участок, и он просит перевести папашу на первый. Фирма получает восемь тысяч кларков плюс пятьсот за установку громкоговорителя, триста в месяц за лучшее обслуживание... Вот так, дорогой Честер.

Подходя к глиняному холмику, выросшему среди цветочной клумбы, они услышали бой часов на ратуше. Честер насчитал пять ударов.

— Слава богу, — сказал Бирк, — после пяти утра нечистая сила уходит спать.

Один из рабочих прыгнул вниз и маленьким топориком чуть-чуть освободил крышку гроба.

— Стоп! — сказал Гард. — Уберите лишних, Бирк.

Хозяин фирмы отдал распоряжение, и рабочие во главе со зрителем удалились. Гард сам опустился на дно могилы и осторожно снял крышку. С сухим потрескиванием она отделилась от гроба, вызвав у Честера возглас удивления, а у Бирка — растерянность и потрясение.

Гроб был пуст.

Только в том месте, где когда-то была голова покойника, Гард заметил какой-то блестящий предмет. Это была золотая корона.

— У меня никогда не воруют трупы, — ошалело перекрестившись, сказал Бирк, — тем более нищих!

— А уж если воруют, то золотые коронки, а не трупы, — произнес Гард, вылезая из могилы и отряхиваясь. Затем он спрятал коронку в нагрудный карман и сказал: — Здесь был не обычный вор, Бирк. Очевидно, та самая нечистая сила, которая в пять утра уходит спать. Но вы можете не волноваться. Мы не подорвем вашей коммерции, если вы дадите слово молчать.

— Сенсационный материалчик можно сделать! — воскликнул Честер.

— Господа, — заволновался Бирк, — я, ей-богу, не знаю, как это случилось...

— Прощайте, Бирк, — сказал Гард, — вам лучше молчать об этом прискорбном случае.

— Конечно, комиссар, конечно, — поспешил с заверениями Бирк.

— И верните мне 156 кларков, которые я давал вам в долг три года назад, — неожиданно потребовал Честер.

Бирк тут же достал бумажник и отсчитал деньги...

— Ты правильно сделал, Честер, — сказал Гард, когда они покинули кладбище. — Но подведем итоги. Ты получил 156 кларков, а я... Если я найду Миллера, Фред, я задам ему всего один вопрос, и для меня все будет ясно.

14. Союз президентов

Бурные переживания могут достичь такого уровня, что человек, только что находившийся в состоянии высокой нервной перегрузки, вдруг разом успокаивается и как-то балдеет. Когда Воннел перед началом Совета Богов свел вместе четырех президентов в кабинете рядом с Круглым залом, они неистовствовали часа два, наскакивая, как петухи, друг на друга, и каждый тщетно попытался доказать другим, что он, именно он, является подлинным сыном своей мамы. Но к тому

времени, когда Воннел препроводил туда же пятого президента, крепкий сон которого после выпитого в «Указующем персте» пива был потревожен взволнованными голосами членов Совета, первые четыре президента уже как-то полиняли и сникли.

Вновь вошедший, все еще будучи под легким хмельком, увидев себя в четырех экземплярах, не выказал не только какой-либо враждебности, но, как ни странно, даже удивления.

— Забавно! — улыбнулся новый президент. — Нет, просто отлично! Послушайте, господа, где вас всех отыскали?

Четыре президента устало фыркнули. Заново объяснить все этому типу в «их» ночном колпаке и «их» халате было уже выше сил. А потом — кто знает! — может быть, следом придет шестой?

— Президент издан массовым тиражом? — сказал новенький, еще не понимая, что он попал точно в цель. — Ну вот что, друзья, до утра все свободны, — он сделал тот доступный немногим повелительный жест, каким обычно Цезари пускали в бой легионы, а кинорежиссеры распускали массовки, — утром я вас вызову. Разберемся. — Он запахнул халат и вышел столь быстро, что остальные четверо не успели и рта раскрыть.

Усадьба президента — сооружение доброй старой архитектуры, не зараженной еще микробом рационализма, с его просторными холлами, кабинетами и гостиницами, спальнями для гостей и обширными вспомогательными помещениями, рассосала президентов как-то незаметно. Начальники личной охраны президента О'Шари и Грегори были торжественно назначены начальниками личной охраны президентов с представлением последним самых широких полномочий на территории усадьбы и с неременной обязанностью каждые пятнадцать минут информировать Воннела обо всем, что на этой территории происходит.

Сказать по правде, ничего из того, что в действитель-

ности произошло, ни О'Шари, ни Грегори не поняли, про себя считая, что пять президентов — штука, придуманная Воннелом для их проверки, что-то вроде учебной боевой тревоги в казарме. Но уже утром они сообразили, что если это и проверка, то, очевидно, самая сложная и хлопотливая за все годы их безупречной службы. «Видит бог, мы не заслужили к себе такого отношения», — сказали они друг другу и обиделись.

Утром первым в доме, как всегда, проснулся Джекобс. Воспоминания о событиях вчерашнего дня поначалу вызвали у секретаря президента легкое головокружение, и он лежал, стараясь отыскать в этих воспоминаниях какие-либо штрихи, убедительно и окончательно доказывающие, что множественность президентов — не старческая галлюцинация. Неопровержимых доказательств он не обнаружил, но дать себе право считать все происшедшее сном Джекобс — человек трезвого ума — тоже не мог. Полежав и поразмыслив, он пришел к выводу, в данных обстоятельствах единственно правильному: существовало ли пять президентов на самом деле или ему это только казалось, необходимо сохранять полное спокойствие и продолжать поддерживать у окружающих иллюзию своей абсолютной осведомленности, короче, не удивляться ничему. «Тише едешь, — как сказал Ларошфуко, — так едешь дальше всех». Впрочем, не исключено, что это была мысль самого Джекобса, взятая им из альбома в шкуре анаконды: при такой путанице в государстве чего только не перепутаешь! Так или иначе, подобная программа, по мнению Джекобса, наилучшим образом отвечала как интересам страны, так и интересам его собственной нервной системы.

Он быстро поднялся, оделся и решил тихонько пройти по усадьбе. Однако усадьба проснулась раньше обычного и жила жизнью странной и невероятно нервной. Если бы Джекобс ничего не знал о существовании «ряда президентов» (он не хотел даже для себя огра-

ничивать их числа), то он мог бы подумать, что страна внезапно вступила в войну или подверглась ударам какой-либо грозной стихии. Все смешалось в доме президента. Издерганные дежурные метались из кабинета в кабинет. Потребовалось пять комплектов утренних газет, а их, разумеется, не было, не говоря уже о «Жизни с мячом», еженедельнике регбистов, без которого президент № 3 не желал завтракать. С завтраками тоже произошла изрядная кутерьма: готовили-то на одного. Президент № 4 требовал к кофе коньяку, чего никогда прежде не было. Совсем сбились с ног связисты, ибо каждый президент требовал сверхсрочной секретной связи, хотя всем было ясно, что сверхсрочная секретная президентская связь не рассчитана на одновременное пользование несколькими людьми, не говоря уже о том, что Воннел вообще приказал ею не пользоваться. Короче, все в усадьбе малость обалдели, а главное, никто ничего не понимал и толком не знал: сколько же их все-таки, президентов? Кто говорил — трое, кто — пятеро, а дежурный у телефона войны и мира, проснувшись, сразу сказал, что «президентов одиннадцать человек, я знаю точно».

Однако, наблюдая все это, Джекобс лишний раз убеждался, как глубоко прав был древний мыслитель, утверждавший, что нет обстоятельств, столь печальных, из которых умный или ловкий человек не смог бы извлечь некой выгоды. Такие люди обнаружили довольно быстро. Джекобс скоро установил, что некий Комс — скромный механик, досматривающий за телетайпами, — уже успел выпросить у каждого из президентов по три дня добавочного отпуска и чуть было не укатил, не ожидая ответа на вопросы, сколько же президентов управляет его родной страной, если бы не Воннел, который задержал его отпуск.

— И все-таки — сколько их? — это волновало всех. Джекобс с удивлением и даже с замешательством отметил: сам факт, что президент не один (!), дебатирую-

ется гораздо реже, чем вопрос — сколько их? Качественная сторона дела явно уступала количественной. В охране заключали пари, как на скачках. Одна из горничных утверждала, что видела вместе трех президентов, а буквально через несколько секунд — еще одного, выходящего из туалета, и еще двух, входящих в туалет. Подсчитали, получалось, что, очевидно, пять президентов, хотя всех и смутил слишком короткий срок пребывания их в туалете. Обсуждение этого вопроса было прервано диким хохотом садовника, с которым приключилась истерика, когда он увидел одновременно трех президентов на двух разных балконах. Садовника привели в чувство, посадив под дождевальную машину. Наконец, пополз невероятный слух, что настоящего президента нет вовсе, а все эти — жулье. Назревал крупный скандал, и чтобы пресечь его, по просьбе О'Шари на ранчо приехал Воннел. Он попросил Джекобса быстро и тихо собрать всю прислугу в вертолетном ангаре, где и выступил с краткой, яркой и необычайно емкой речью. Двумя штрихами обрисовав контуры красной опасности, он бегло отметил основные этапы мирового общественного прогресса, которыми человечество обязано президенту, и наконец, как говорится, взял быка за рога.

— Происки наших внешних противников, — заявил он, — ожесточение предвыборной борьбы внутри страны, губительная для нации, активность оппозиции, помноженная на распространение наглого свободомыслия цветного, экономически слаборазвитого, но физически и умственно отсталого населения, потребовали в настоящее время от правительства принятия самых срочных и решительных мер для обеспечения мира и спокойствия во всем мире. Одна из них — гарантирование полной безопасности главы государства, для чего и были созданы еще четыре президента-двойника. Прошу запомнить, что все пять президентов... (В этот момент в группе охраны можно было заметить оживление: хло-

пали по плечу и жали лапу рыжему детине, который, вероятно, и выиграл пари.) Все пять президентов, — повторил Воннел, косясь на охрану, — одинаковы и равноправны со всеми вытекающими отсюда последствиями. Может быть, кто-нибудь сомневается в целесообразности такого решения? — ласково спросил министр внутренних дел, улыбнувшись в пол-лица, и дождался ответа.

Ласточки весело щебетали под крышей ангара.

— Ну и прекрасно, — сказал Воннел. — Мне остается предупредить вас, что всякий намек на то, что президент, как бы сказать... не один, будет рассматриваться, как разглашение жизненно важных оборонных секретов и караться сообразно этому военным трибуналом без права апелляции и пересмотра приговора. При отсутствии утечки информации жалование всей прислуге возрастает в пять раз в связи с увеличением объема работы. Выход из усадьбы категорически воспрещен. Ответственность за поддержание порядка возлагается на начальников личной охраны президентов командоров О'Шари и Грегори.

Оба командора щелкнули каблуками.

После выступления министра все поняли, что дело серьезное и что можно неплохо подзаработать. Затем все внимательно выслушали командора О'Шари, зачитавшего «приказ по усадьбе №1».

В приказе были наворочены всяческие глупости: вертолетчикам было объявлено о том, что в течение двух часов они обязаны снять с вертолетов и сдать под расписку командорам все наличные винты; из соображений секретности блокировалась канализация; определялись (никто не знал, зачем это и почему) специальные места для курения и т. п.

В те минуты, когда О'Шари изошрялся в административном идиотизме, в большом парадном кабинете президента сошлись все пять высокопоставленных старичков.

С полчаса поворачив друг на друга для приличия, они быстро перешли к воспоминаниям молодости, и тут каждый из них, разумеется, не мог найти более интересных собеседников.

— Как приятно все-таки поговорить с образованными людьми! — воскликнул президент № 1.

— Вы совершенно правы, — убежденно закивал № 2. — И в самом факте нашей множественности я вижу прежде всего доказательство неустанного труда господ нашего, возблагодарить которого мы обязаны в любом случае.

— Прежде чем решать этот вопрос, — сухо вато заметил пятый президент, — необходимо решить более существенные проблемы. Хочу напомнить, что день выборов президента близок...

— Вот именно — президента, а не президентов! — заносчиво воскликнул № 1, который когда-то и был единственным.

— Не будем уточнять, — твердо сказал пятый. — Я считаю нынешнюю политическую обстановку в стране чрезвычайно благоприятной для нас. Ярборо, наш главный соперник, — один. Нас — пятеро!

— Все мы братья во Христе, — сказал второй, но третий тут же перебил его:

— Если мы встанем поплотнее вокруг президентского кресла — представляете? Никакой Ярборо не найдет лазейки к нашей защите.

— Так выпьем, господа, за нашу победу! — предложил № 4.

— Я рад, что нашел в вашем лице единомышленников, — с казенным волнением в голосе сказал пятый. — Вторая проблема, стоящая перед нами, представляется мне еще более важной. Я имею в виду отношение к нам Совета Богов. Все мы прекрасно знаем достойнейших людей нашей страны, его составляющих. Надеюсь, я выражу общее мнение, если скажу, что те посильные услуги, которые мы оказывали им (в интересах прежде

всего благоденствия нации), мы и впредь готовы оказывать. Но сам факт решения нашей судьбы без нас, за закрытыми дверьми, наводит меня на весьма грустные размышления.

— Они перетопят нас по одиночке, как котят, — предположил № 4.

— Мы не позволим! — перебил его регбист.

— Господь не допустит этого, — перекрестился № 2.

— Вы думаете, и меня они могут... того? — изумленно спросил первый у пятого.

— Сегодня утром я составил проект послания Совету Богов, — твердо сказал пятый. — Не буду утомлять вас чтением этого документа. Скажу только, что в нем указано: в случае уничтожения или отстранения от власти любого из пяти президентов оставшийся или оставшиеся моментально обнародуют не только все происшедшее, но и некоторые другие сведения, о которых, кстати, не мне вам, господа, напоминать. Если вы согласны с такой постановкой вопроса, прошу подписаться.

Пять совершенно одинаковых подписей легли под рукописными строками послания.

— Я послал за Воннелом, — продолжал пятый. — Он скоро будет здесь. Ему мы поручим вручить этот документ Совету. А пока Воннела нет, необходимо оговорить уже частные, чисто бытовые, вопросы. Дело в том, что у нас... жена и сын.

— Как это «у нас?» — спросил первый президент.

— У вас, у него и у него — у всех нас, черт побери! — пояснил регбист.

— Деликатность положения состоит в том, — продолжал пятый президент, изрядный политик и дипломат, — что жена и сын одни, а нас пятеро. Нам необходимо регламентировать нашу семейную жизнь. Очевидно, в лоне семьи мы будем пребывать по очереди...

— Как — по очереди? — возмутился первый.

— Дитя мое, укротите плоть свою, — порекомендовал второй.

— Господа! О чем речи! Неужели мы будем ссориться из-за таких пустяков? — добавил третий.

— Я полагаю... — начал было пятый, но в этот момент в комнату вошел министр внутренних дел. — Ну и прекрасно, — закончил № 5. — Отложим, господа, решение этого вопроса на потом. Воннел, потрудитесь прочитать сей документ.

Воннел молча прочитал послание Совету Бсгов, сохраняя на лице выражение государственной озабоченности, затем внимательно оглядел президентов и сказал с легкой, впрочем, весьма почтительной улыбкой:

— Здесь написано: «В случае уничтожения или отстранения от власти любого из пяти президентов оставшийся или оставшиеся моментально обнародуют...» А почему, собственно, господа, вы думаете, что обязательно будут «оставшиеся»?

15. Полторы минуты ходьбы

По дороге в «Указующий перст», где в семь утра должна была произойти встреча с Честером, Гард принял все необходимые меры, чтобы избавиться от «хвостов». В это утро ему пришлось невольно возвращаться мысленно к тому странному и не совсем обычному положению, в котором он оказался. Опытный сыщик, инспектор, а затем и комиссар уголовной полиции, он всю свою жизнь занимался тем, что кого-то разыскивал, выслеживал, преследовал. А теперь впервые сам очутился в роли преследуемого: ведь очень могло быть, что тем, кто ведет охоту за Миллером и следит за Дорроном, все же удалось засечь Гарда во время встречи с генералом. В таком случае, за ним наверняка установлено наблюдение. Было бы совсем некстати привести за собой в «Указующий перст» «хвост».

Чертовски неприятное ощущение. Кажется, что кто-то все время смотрит тебе в спину...

Ярко светило утреннее солнце. Его косые лучи играли на стеклах домов и в лужах, оставшихся от вчерашнего дождя. Небо сияло безукоризненным бледно-голубым цветом. Но почему-то все это безмятежное великолепие начинающегося летнего дня наполняло комиссара ощущением неясной тревоги.

Гард усмехнулся: оказывается, многое в мире зависит от точки зрения, от того, какое место ты в данный момент в нем занимаешь.

У самого входа в кабачок он еще раз задержался и, пользуясь витриной как зеркалом, снова придирчиво обозрел улицу. И лишь убедившись, что никто за ним не следит, быстро скользнул вниз по лестнице.

Честер уже был «на посту» — в дальнем конце потребка за «своим» столиком, который теперь, после воскресного визита президента, мог когда-нибудь сделаться историческим. Перед Фредом стояли три большие пустые кружки.

— Гард, — сказал он, — совершенно не представляю, как ты собираешься искать Миллера. По-моему, найти человека в такой стране, как наша, ничуть не легче, чем попасть в космическую ракету из духового ружья.

— Ну, а если эта ракета еще стоит на старте?

— Что ты имеешь в виду?

— Миллер в городе. По крайней мере, еще вчера вечером он был здесь.

— Откуда ты знаешь? — удивился Честер.

— Ты сам мне сказал.

— Я?!

— Тебе же звонил Таратура. А Таратура не может находиться далеко от Миллера. Профессор сейчас больше, чем когда бы то ни было, нуждается в охране.

Честер хлопнул себя по коленке.

— Черт возьми, знаешь, когда я разговаривал с Та-

ратурой, мне послышался в трубке чей-то голос. Теперь мне кажется, что это был голос Миллера.

— Это очень важно, — сказал Гард.

— Впрочем... — Честер наморщил лоб и отодвинул от себя кружку с пивом. — Таратура не мог звонить из другого города?

— Ты спрашиваешь меня? — сказал Гард.

— Я с большим удовольствием спросил бы это у самого Таратуры.

— Что он говорил?

— Оживился, когда узнал, что я сижу с президентом. Какой я идиот! — вдруг воскликнул Честер.

Гард вопросительно посмотрел на него:

— Лично я в этом никогда не сомневался.

— Таратура сказал, что хотел бы взглянуть на президента собственными глазами, — продолжал Честер, не обратив внимания на реплику Гарда.

— Так, так, — напрягся Гард, — и что дальше?

— Дальше ничего не было, — пожал плечами Честер. — Он не пришел.

— Или ты его не дождался?

— Сколько можно было ждать? Я прождал лишних полчаса, а он просил всего полторы минуты...

— Что?! — Гард насторожился. — Повтори, что ты сказал, и в деталях вспомни свой разговор с Таратурой!

— Подожди, не нажимай на меня так сильно... Ну да, он сказал, что находится где-то неподалеку, что от него до «Перста» полторы минуты ходьбы.

— Нет, Честер, ты не идиот, — сказал Гард. — Ты король идиотов!

Полторы минуты... Гард быстро прикинул: за час человек быстрым шагом проходит что-то около шести километров. Днем в городе это, пожалуй, максимум возможной скорости. Сто метров в минуту. За полторы минуты — сто пятьдесят. В крайнем случае — двести. Бежать Таратура, конечно, не собирался, это привлекло бы к нему внимание. Значит, круг с радиусом около

двухсот метров с «Перстом» посередине. Это уже кое-что! Впрочем, даже не круг, а что-то вроде овала. Ведь «Указующий перст» расположен на склоне. С восточной стороны город подступает к нему из низины, оттуда добираться до кабачка дольше. Зато с запада человеку, направляющемуся в «Указующий перст», нужно спуститься вниз.

Через несколько секунд Гард и Честер склонились над подробнейшей полицейской картой города, которую предусмотрительный комиссар всегда держал при себе.

Гард аккуратно очертил карандашом замкнутую линию вокруг кабачка. К счастью, застройка в этом месте была не очень плотной, и внутри зоны оказалось всего лишь около двух десятков зданий, в которых мог бы скрываться Миллер. Некоторые из них сразу можно было отбросить — например, районное полицейское управление и пансионат для слабоумных. Трудно было также предположить, что профессор нашел себе пристанище в пошивочном ателье мадам Борвари.

Была еще маленькая лавочка под претенциозным названием «Часы нашей жизни», которую содержал старый чудаковатый еврей Вано Рабинович, по прозвищу «Ренникс». Он был так древен, что никто из местных жителей при всем желании не мог припомнить того времени, когда он был молодым. Вано Рабинович жил тем, что скупал старинные, давно заржавевшие часовые механизмы, с большим искусством и изобретательностью реставрировал их, а затем продавал таким же неисправимым чудакам, как он сам. Дважды в год, с интервалом приблизительно в шесть-семь месяцев, лавочку обворовывали. Ни всевозможные хитрости Рабиновича, вроде сирен, долженствующих выть во время кражи, ни постоянный полицейский пост, ни, наконец, бдительность всего района не спасали лавочку от разграбления. Вору подчищали ее, как голодные коты миску со сметаной, благородно оставляя хозяину только рабочие инструменты. Ограбление производилось с та-

кой роковой и потрясающей неизбежностью, что лет двадцать назад Рабинович прекратил всякое сопротивление, хотя никуда не уехал, ибо был верующим и полагал, что от судьбы бегать неприлично. Оставшись в одних подштанниках, но зато с инструментами, он после каждого грабежа возрождался, как птица Феникс из пепла, и к очередной краже у него опять поднакапливались новые заказы и новые сбережения, которые он старался не копить, а быстрее тратить. Вот почему Ваню Рабинович жил на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая, не трясясь над каждым лемом и не превращаясь в скрягу.

Вообще не было бы ничего удивительного, если бы часовщик предоставил убежище Миллеру. Он мог сделать это хотя бы из чувства справедливости или просто из любви к необычному.

— Исключается, — сказал Гард, когда его карандаш уперся своим острием в маленький квадратик на карте, изображавший «Часы нашей жизни». — Там, где воры чувствуют себя как в своем заповеднике, Миллеру делать нечего.

Скоро внутри овала, очерченного Гардом, осталось всего четыре здания. В одном из них находилось районное полицейское управление. Когда карандаш комиссара полиции добрался до него, Честер был абсолютно уверен, что Гард пропустит его. Но Гард поставил возле знак вопроса.

— Это еще почему? — удивился Честер.

— Если ты хочешь спрятаться, — наставительно сказал Гард, — прячься там, где тебя заведомо искать не будут.

16. Запасной вариант

— Ну что же, не будем терять времени, — сказал Честер, поднимаясь. — Отправимся?

— Минуту, — остановил его комиссар. — Мы обя-

заны предусмотреть запасной вариант. У нас слишком мало времени, чтобы ошибаться.

Над этим «вариантом» Гард размышлял почти весь остаток ночи. Он лежал на спине, подложив ладони под голову, и рассеянно наблюдал, как по оконным занавескам беспорядочно бродят разноцветные краски рассвета, — так лучше думалось. «Если в живых остался двойник профессора, — размышлял Гард, — то у него, вероятно, имеются далеко идущие политические цели. Поэтому скорее всего он будет отсиживаться в своем убежище до тех пор, пока обстановка не накалится в достаточной степени. Но, предположим, действует настоящий профессор — что тогда? Трудно предположить, что все это — просто веселая рождественская шутка. В таком случае вся мистификация с президентами предпринята для того, чтобы заставить сильных мира сего отказаться от осуществления идеи массового дублирования людей. Но если так, можно ожидать, что Миллер, добившись нужного эффекта, выйдет из укрытия. Он должен рано или поздно появиться на сцене и, как принято говорить с легкой руки великого Дава Купера, «ткнуть пальцем в суть». Не исключено, что профессор предъявит что-то вроде ультиматума. Ведь не будет же он в самом деле до конца дней своих сидеть в подполье! Маловероятно также, что Миллер попытается бежать за границу, бросив на произвол судьбы жену, друзей, коллег по работе и саму установку. Кому же он будет предъявлять ультиматум? Президентам? Нет. Дорону, от которого непосредственно зависит его судьба ученого, вот кому. Хотя в поступках Миллера, как и в поступках любого другого человека, нельзя быть уверенным заранее... Впрочем, даже если он явится не к Дорону, а к президентам, он все равно окажется в руках финансовых воротил, и те постараются захватить профессора. А если они его перехватят, он в лучшем случае окажется в руках у Дорона. Но еще неизвестно, можно ли считать этот случай действительно «лучшим».

Так думал Гард, и приблизительно так он изложил сейчас Честеру свои предположения.

— Это только догадки, — закончил Гард. — Но кое-какие меры мы все же должны принять.

— Убей меня бог, чтобы я хоть что-нибудь соображал! — честно признался Фред.

— Необходимо одновременно с поисками Миллера организовать его перехват на тот случай, если он действительно явится к Дорону.

— А-а-а, — сказал Честер. — Тебе нужны люди?

Гард кивнул:

— Своих обычных помощников, как ты понимаешь, я не могу привлечь.

— Хорошо, — коротко сказал Честер, — буду через час...

Он вернулся в сопровождении двух скромно одетых молодых людей.

— Знакомьтесь, — сказал Честер. — Ральф Уорнер, шофер моей бывшей редакции. Мы с ним немало поездили в свое время, не правда ли, Ральф?

— Бывало, — бодро произнес маленький широкоплечий крепыш в берете и кожаной куртке.

— А это, — продолжал Честер, похлопывая по плечу гиганта в толстом вязаном свитере, — мой товарищ по армии, Венк Норрис. Он был отличным боксером, а сейчас служит грузчиком в торговой фирме «Крептон и К°». Ручаюсь за обоих, как за самого себя.

— Отлично, — сказал Гард. — К сожалению, я не могу сейчас посвятить вас во все подробности. А потребуется вот что...

И комиссар как можно подробнее описал им приметы Миллера и Таратуры. Один из парней должен был занять позицию неподалеку от входа в особняк Дорона, а другой — в парке возле люка потайного хода.

Разумеется, Гард отлично понимал, что оба парня

понятия не имеют о методах сыска. Однако это не очень смущало комиссара. Во-первых, чем меньше традиционно поднятых воротников, газет, прикрывающих лицо, глупых улыбок при столкновении с человеком, за которым установлена слежка, тем меньше подозрений. Ну, а если на Уорнера и Норриса все же обратят внимание, то в той перепутанной толчее конкурирующих друг с другом сыщиков, которая, вероятно, происходит сейчас возле дома Дорона, их просто примут за чьих-то людей.

— Теперь за дело! — сказал комиссар, когда Ральф и Бенк распрощались, уговорившись обо всем.

Гард и Честер вышли по одиночке и как бы невзначай встретились у одного из боковых входов первого намеченного к осмотру дома. Здесь рос густой кустарник, и они могли войти незаметно для жильцов, даже если бы те вели наблюдение из окон.

— Ничего не поделаешь, — тихо сказал Гард. — Придется осмотреть все квартиры подряд.

— Но ведь у нас нет разрешения на обыск, — возразил Честер.

— Его редко кто-нибудь осмеливается спрашивать, — заметил Гард. — Ну, да что-нибудь придумаем.

...Через несколько часов они были у последнего, четвертого дома.

— Ну, еще одна решительная попытка, — удрученно проговорил Гард и шагнул к одному из двенадцати подъездов.

В этот же момент чья-то фигура метнулась из-за угла в соседний вход и мгновенно скрылась внутри дома.

— Ты видел? — вырвалось у Честера.

— Тише... Может быть, это кто-нибудь из тех. — Гард ткнул пальцем куда-то в небо.

Перепрыгнув через ступеньки, они побежали по полутемному коридору. Впереди мелькнула чья-то тень.

17. Встреча у дверей

Если бы Таратура знал, чем кончится для него сегодняшний день, он, наверное, не вышел бы из крохотной квартирки Чвиза.

Словно предчувствуя недоброе, старый профессор, провожая Таратуру к двери, сказал:

— Может, послать к черту Дорона и сыграть нам партию в лото? А, Таратура?

— Я-то готов, профессор, — улыбнулся Таратура, — тем более что...

— Вам нужно торопиться, — резко прервал Миллер. — Учтите, Таратура, письмо должно быть вручено генералу. Никому другому. Понятно?

— Яснее ясного, шеф, — покорно ответил Таратура.

Теплый летний день плыл над городом, бурлящим и шумящим больше обычного. Даже не очень внимательным взглядом можно было заметить, что люди возмущены, что полицейских на улице столько, сколько бывает во время выборов или забастовок, что в магазинах стихийно выстраиваются очереди, что город живет в ожидании каких-то необычайных и далеко не веселых событий.

«Ну и муравейник разворошил мой профессор», — подумал Таратура.

Напротив особняка Дорона за одним из столиков кафе, раскинувшегося прямо на тротуаре, Таратура сразу же засек подозрительного типа с газетой в руках. Вдалеке маячила фигура еще одного, и тоже с газетой. У папиросного киоска и закрытого входа в метро стояли двое, у каждого через руку были перекинuty плащи. Таратура мгновенно оценил ситуацию: дом Дорона под неусыпным наблюдением.

Таратура, приняв вид беззаботного прохожего, лихорадочно соображал, что же ему делать. Продолжая идти, он поравнялся с тачкой, возле которой возился ка-

кой-то парень в берете. Огромное деревянное колесо тачки лежало на тротуаре, немногочисленные прохожие осторожно обходили его.

— Алло, приятель! — окрикнул работяга Таратуру. — Будь любезен, поддержи-ка... — Он показал пальцем на колесо.

Предложение было как нельзя кстати. Таратура быстро поднял колесо и подтащил его к тачке. Пока парень загонял шплинт, Таратура внимательно осмотрелся. Кажется, за домом Дорона только наружное наблюдение. В саду, примыкавшем к дому, его опытный взгляд не заметил ничего подозрительного.

— Вот спасибо, выручил, — поблагодарил парень и пристально посмотрел в лицо Таратуры. — Понимаешь, я уже два часа мучаюсь, и все без толку. Ты торопишься? — неожиданно спросил он.

Таратура не ответил.

— Торопливость — неважная штука, — добавил парень, понижая голос. — Не на тебя ли направлены эти глаза? Он осторожно кивнул в сторону молчаливых и неподвижных фигур, которые, как по команде, уставились на Таратуру, а потом, словно повинуюсь чьему-то приказу, двинулись в его сторону.

— Ныряй во двор! — зашептал парень. — Не отставай от меня!

Он быстро покатил тачку к углу дома.

Таратура заколебался, а затем решительно метнулся в прямо противоположную сторону и перемахнул через забор. В три прыжка он перелетел через клумбу и рванул дверь особняка. К счастью, она была открыта.

Парень тем временем осторожно завел тачку на тротуар, прислонил ее к стене и медленно зашагал к темному проему между домами. За углом он так же спокойно и неторопливо зашел в будку телефона-автомата.

— Помощник нашего друга пришел в гости, — сказал он и повесил трубку.

...Увидев Дорона, Таратура вдруг оробел. Он иначе

представлял себе эту встречу. Ему казалось, что, подавленный случившимся, генерал сникнет, станет подобо-бострастным, если хотите, угодливым. Но перед ним сидел холодный, подтянутый человек, сознающий свое величие и могущество.

— Прошу вас. — Генерал показал Таратуре на кресло. — Я очень рад, что вы наконец пришли. Как поживает ваша матушка?

Таратура ничего не понял. Он настолько растерялся, что не ответил.

— Я вижу, вы очень взволнованы.

Генерал вызвал Дитриха и, когда тот появился в дверях, приказал:

— Коньяк, пожалуйста! Вы не возражаете? — спросил он у Таратуры.

— Я... я... люблю кофе, — наобум сказал Таратура.

— И чашечку кофе... — добавил генерал, обращаясь к Дитриху. — Я давно не помню такой жары. — Дорон встал и подошел к окну, за которым творилась тихая паника. —словно в Сахаре. Говорят, солнце вредно для здоровья. В избытке, конечно. Раковые заболевания и прочее.

— И мух много, — добавил Таратура. Он почувствовал, как холодные струйки пота побежали по его спине.

— Совершенно верно, — сказал Дорон. — И мух.

Дитрих принес коньяк и кофе. Таратура лихорадочно схватил чашку, но не смог сделать и глотка.

— Генерал, — сказал Таратура, — я явился к вам...

Он не успел закончить фразы, как Дорон приложил палец к своим губам. Таратура сразу все понял и, сделав лишь короткую паузу, добавил:

— ...по поручению матушки. Она просила узнать, нет ли у вас средства от мух.

Дорон осторожно постучал пальцем о свою голову, а затем об стол. Таратура смутился. Тогда Дорон что-то быстро написал на листке бумаги. «Ни слова! — прочитал Таратура. — Следуйте за мной».

На душе Таратуры было муторно. Но страха перед генералом он не испытывал, твердо веря, что как бы там ни было, а пока что хозяин положения он. Сопровождаемые Дитрихом, они спустились вниз. Дверь убежища медленно открылась. Этого Таратура не ожидал. «Попался, как кролик, — со злостью подумал он. — Дорон не может достать до Миллера; он теперь посадит меня в этот бункер и будет допытываться, где они прячутся. А я, дурень, сам пришел». Злость росла, пока они медленно шли по длинному подземному переходу. «Даже если я его сейчас стукну по голове кистенем, — думал Таратура, глядя на голову Дорона, шедшего впереди, — мне отсюда не выбраться».

Миновав несколько дверей и комнат, они вошли в подземный кабинет Дорона. Таратура искренне пораился тому, что он был точной копией главного кабинета. Даже из окна та же панорама. «Оптическая иллюзия, — сообразил Таратура. — Ну ладно, у тебя обо мне иллюзии не будет».

— Скажите, генерал, — твердо произнес Таратура, — зачем мы пришли сюда? У меня разговор короткий.

— Там нас могут подслушать, Таратура, — сухо сказал Дорон. — Здесь же никто, кроме бога.

У Таратуры отлегло от сердца: Дорон разговаривал с ним на равных.

— Я к вам от профессора Миллера, — сказал он. — Шеф просил передать вам это письмо.

И Таратура протянул пакет Дорону.

Тот осторожно, двумя пальцами взял пакет, достал из ящика стола ножницы и надрезал бумагу. Доставая письмо, он как бы невзначай спросил:

— Где сейчас Миллер? Далеко?

— У него менее удобное убежище, генерал, чем у вас, но достаточно надежное, — усмехнулся Таратура.

— Благодарю за исчерпывающую информацию.

Дорон раскрыл письмо.

— Странное послание, — сказал Дорон, дочитав. —

Я не понимаю, чего хочет профессор Миллер. Нам лучше встретиться и обо всем договориться. Уверен, он будет удовлетворен.

— Я передам шефу все, что вы сказали, — заверил Дорона Таратура. — Мне можно идти?

— Не торопитесь, — сказал генерал.

Таратура едва заметно улыбнулся. Дорон поморщился. Затем, глядя прямо в глаза Таратуре, спросил:

— Где Миллер, Таратура? Вы должны мне сказать.

Таратура принялся насвистывать мотив «Тридцати девочек».

— Вы разумный человек, Таратура. Два миллиона кларков. Заранее. Сейчас.

— Благодарю, генерал, — ответил Таратура. — Я вам буду признателен за столь щедрый подарок. — Таратура явно издевался, и Дорон понял это.

— Вы будете моей правой рукой, Таратура, — сказал генерал.

— Мне кажется, вы тоже понимаете, что игра ведется уже не на деньги и почести. Зачем лишние слова, генерал?

— Неужели Миллер даст вам больше?

— Генерал, вы доверяете изменникам?

— Я плачу им деньги.

— И отбираете у них самоуважение.

Дорон задумался.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Вы выйдете отсюда потайным ходом прямо в парк. Учтите, я жду Миллера. Если мы договоримся, он получит все, что хочет, и даже больше того. А чтобы он доверял мне, я открою вам, как проникнуть сюда из парка. Впрочем, он может сам вызвать меня куда угодно. Я приду один. Идите, Таратура. Но берегитесь: вас ищут.

— Я это знаю, — улыбнулся Таратура. — Кстати, наверное, и ваши люди тоже. Я должен вам сказать, что с ними труднее всего работать.

— Благодарю за комплимент. — Дорон склонил го-

лову. — Но сегодня за вами «хвостов» не будет, по крайней мере моих. Не беспокойтесь об этом.

«Так я и поверил», — подумал Таратура.

...Дитрих проводил Таратуру. Вскользнув из люка, Таратура отряхнул с костюма комочки земли и направился к выходу из парка.

Кто-то схватил его за запястье железной хваткой.

— Таратура, стой! — сказал незнакомец. — Пойдешь со мной.

— Хорошо, — неожиданно согласился Таратура.

Рыжий детина задумался, но руку все же отпустил.

— Так-то лучше, — пробормотал он. — Бенк Норрис не любит, когда его не слушаются.

Они медленно шли по аллее парка. Таратура чуть впереди, Норрис сзади.

— Подожди, — остановился Таратура, — у меня развязался шнурок.

Он нагнулся. Норрис слегка наклонился, пытаясь разглядеть, что делает его спутник.

Сильный, резкий удар правой сбил Норриса с ног. Он грохнулся об землю, как чушка металла. Деревья поплыли в сторону, откуда-то из-за них выплыло лицо Чарлза Квика, «короля Эфитрии», который все-таки побил Норриса в той решающей схватке. Точно таким же ударом в солнечное сплетение.

Когда Норрис очнулся, в парке никого не было.

* * *

Таратура не один раз ходил «хвостом» за преступниками всех мастей и поэтому отлично знал, как нужно от них избавляться.

Заскочив в кабачок «Старого моряка», он поздоровался с хозяином и, подмигнув ему, направился к черному ходу. Старый моряк не сказал ни слова: он отлично все понимал и молчал, когда его клиенты предпочитали черный ход парадному.

Пройдя дворами, Таратура вышел на главную улицу, миновав несколько домов, вновь исчез в одном из подъездов. Пройдя на второй этаж, он остановился и прислушался. «Хвост» не появлялся. В конце коридора был балкон — о его существовании Таратура знал. Он открыл стеклянную дверь и вышел на балкон. Во дворе трое ребятишек возились возле кучи песка. Больше никого не было. Таратура спрыгнул вниз и поморщился от боли. Правая рука ныла. Он ударил Норриса настолько сильно, что, кажется, вывихнул кисть. Сейчас, когда он оперся на руку, острая боль пронзила тело. Таратура пересек двор, очутился в одном из переулков, примыкающих к дому, где скрывались Чвиз и Миллер, и облегченно вздохнул. Его нелегкая миссия была закончена.

Только сейчас Таратура понял, насколько он устал. Он хотел уже было войти в подъезд, когда заметил у одного из входов в дом двух человек.

Кажется, они не смотрели в его сторону, но даже если бы смотрели, все равно необходимо было предупредить ученых: дом обнаружен! Эти двое были «чужаками», один из них — полицейским. Таратуре даже показалось, что он знает его, настолько знакомой была фигура этого человека. Метнувшись в подъезд, Таратура бросился в левую галерею. И даже не услышал, а скорее понял, что те двое кинулись за ним.

Таратура добежал до конца галереи, а затем — вверх по лестнице. Его окутали сумрак и прохлада бетонных перекрытий. Он прислушался. Сзади доносился топот.

Оставался единственный выход — наверх. Таратура, перепрыгивая через две ступени, побежал туда. Вот и третий этаж. Один из преследователей, вероятно, отстал. Он что-то крикнул, но Таратура не разобрал слов.

Дверь на чердак была закрыта. Таратура растерялся, он оказался в ловушке. Преследователи близились, они тоже перепрыгивали через ступени.

Не раздумывая, Таратура навалился плечом на чердачную дверь. Прогнившие доски треснули, и он упал на рухнувшую дверь. Острая боль вновь резанула тело, — рука, поврежденная в парке, давала о себе знать.

Таратура вскочил и, опрокидывая на пути какие-то корзины, ящики, стулья, побежал к светлому пятну — это было слуховое окно.

Он выбил стекло и протиснулся на крышу.

За ним катился шум преследования. Те двое уже приближались к окну.

Черепичная крыша была очень скользкой. Балансируя руками, Таратура осторожно шел по коньку. В двадцати шагах начиналась крыша другого дома, а там пожарная лестница и — спасение.

— Таратура, стой! — услышал он знакомый голос Честера. — Вернись!

Таратура остолбенел. «Честер? — мелькнуло в голове. — Почему он?»

Левая нога заскользила, и Таратура упал. Тело медленно поехало по крутому склону крыши. Судорожным движением Таратура попытался дотянуться до стойки телевизионной антенны. Но, когда пальцы почувствовали металл, сознание помутилось от пронизывающей боли. «Как глупо...» — успел подумать Таратура, скользя к пропасти.

...Когда Честер и Гард сбежали вниз, возле расprostертого на земле тела собирался народ.

18. Чья возьмет?

Осторожный стук в дверь заставил Миллера и Чвиза переглянуться. Миллер стоял у окна, Чвиз сидел в кресле. Оба они не пошевелились.

Стук повторился.

— Это не Таратура, — стараясь говорить спокойно, произнес Миллер.

— Что будем делать? — спросил Чвиз.

Миллер ничего не ответил, лишь нервно закурил сигарету. В дверь снова постучали, и теперь в стуке определенно чувствовалось нетерпение.

— Он мог потерять ключ, — сказал Чвиз.

Миллер пожал плечами.

— Спросите.

Приблизившись к двери, Чвиз строго спросил:

— Кто там?

— Полиция! — мгновенно ответил жесткий мужской голос.

Чвиз оглянулся на Миллера.

— Открывайте! — шепнул Миллер. — В противном случае они просто выломают дверь. Я буду за шкафом.

Чвиз повернул замок. Дверь распахнулась. На пороге стояли Честер и Гард, держа руки в карманах.

— Комиссар полиции Гард, — сказал Дэвид. — Мне нужно осмотреть квартиру.

Честер остался в дверях, а Гард решительно шагнул в комнату мимо Чвиза. И тут же увидел Миллера. Мгновенно побледневшее лицо профессора не выражало, однако, никакого страха.

— Я знал, Гард, что, если нас обнаружат, это будете вы, — сказал Миллер. — Прикажите своему человеку закрыть дверь. Терпеть не могу сквозняков.

— Там Честер, — сказал Гард. — Вы с ним знакомы. Простите, я очень устал. — И Гард с явным удовольствием опустил в кресло.

Честер, слышавший этот разговор, закрыл дверь и вместе с Чвизом вошел в комнату.

— Позвольте представить вам, господа, профессора Чвиза, — сказал Миллер.

При этих словах Гард, несмотря на всю свою выдержку, не усидел на месте. Честер с изумлением смотрел на Чвиза. Зло улыбнувшись, Миллер сказал:

— Коллега, это тот самый Гард, о котором я вам

говорил. — Затѣм, повернувшись к Гарду, он спокойно спросил: — Что вы намерены с нами делать, комиссар?

— Еще не знаю, — ответил Гард.

Наступила долгая и томительная пауза. Каждый лихорадочно продумывал линию дальнейшего поведения. Но слишком много неизвестностей, возникших в эти первые минуты странной встречи, мешали выработать четкий план. Предстояло, вероятно, произнести еще несколько прощупывающих фраз, прежде чем хвататься за пистолеты или, как говорится, броситься друг к другу в объятия.

— Я видел вас, профессор, лишь на фотографиях, — сказал Гард, нарушив молчание. — И никак не ожидал встретить вас здесь.

— Я очень изменился? — ехидно заметил Чвиз.

— За минувший год я тоже не помолодел, — жестко сказал Гард. — Хотя и не жил в заточении.

— Вы легки на помине, — обернувшись к Честеру, произнес Миллер. — Не ранее, как вчера, мы о вас вспоминали.

— Благодарю, — без тени иронии ответил Честер. — Очень жалею, что Таратура не пришел в «Указующий перст». Я долго его ждал, и, приди он, все бы сложилось иначе...

— Увы, ему пришлось уехать по срочному делу, — осторожно сказал Миллер. — Но он вернется и встретится с вами, поскольку считает вас порядочным человеком.

— Он не вернется, — сказал Гард.

— Как вас понимать? — насторожился Миллер.

— Таратура принял нас за своих преследователей, пытался увести от этой квартиры и... сорвался с крыши, — грустно сказал комиссар.

Чвиз тут же схватился за сердце и начал тихо массировать грудь.

— Вам плохо? — спросил Честер, но старик не удостоил его ответом.

— Когда это случилось? — прошептал Миллер.

— Полтора часа назад, — ответил Гард.

Они вновь умолкли. Миллер стоял посреди комнаты, понурив голову и тупо глядя перед собой.

Наконец он встряхнулся:

— Где... где он сейчас?

— Его увезли, по всей вероятности. Мы были в толпе, но очень недолго, так как понимали, что рядом могут оказаться люди, которые интересуются вами. И не хотели рисковать.

— Чем?

— Скорее кем, — сказал Гард. — Вами. Они могли обнаружить квартиру прежде, чем это сделали бы мы.

— За кого же вас принимать? — нахмурившись, спросил Миллер.

— Такой же вопрос вертится у меня на языке, профессор, — сказал Гард. — Но я задам его в иной форме. Скажите, три года назад у вас была золотая коронка?

— Глупо, — устало произнес Миллер. — Поверьте, мне сейчас не до шуток и тем более не до загадок. Если хотите, спрашивайте в открытую.

Гард отрицательно покачал головой.

— В открытую не могу, Миллер. Особенно теперь, когда я понял, что вы обманули меня в деле профессора Чвиза. В открытую я вам пока не верю.

— Предположим, — ответил Миллер. — Но какое отношение ко мне имеет золотая коронка?

— Вы хотите знать правду? Обещаю сказать ее, как только получу ответ на свой вопрос. Итак, была ли у вас три года назад золотая коронка? Я имею в виду время до того, как случилось дублирование.

Честер обратил внимание на то, что Чвиз тоже с нетерпением ждет ответа Миллера.

— Коронки никогда не было, — нехотя ответил Миллер. — У меня, я помню, когда-то болел зуб, и пришлось его впоследствии удалить. Если вам достаточно

этих стоматологических данных, я жду вашей правды.

Гард широко и добро улыбнулся.

— Отлично! — Он еще сдерживал радость, которая была готова вот-вот хлынуть наружу. — Вы не представляете, профессор, сколько пудов сомнений вы сняли с меня своим ответом! Так вот: вы — и я узнал об этом только сейчас — настоящий Миллер! Вы — не двойник! И потому можете располагать мною и Честером как своими друзьями!

— Ничего не понимаю! — искренне сказал Миллер. — В своей истинности я никогда не сомневался.

— Да что тут понимать! — не выдержав, вскочил на ноги Гард. — Несколько часов назад мы с Честером были на кладбище у Бирка и видели труп двойника!

— Это ложь! — вдруг яростно сказал Чвиз. — Никакого трупа видеть вы не могли!

— Совершенно верно, — спокойно подтвердил Гард. — В гробу было пусто. Но в нем лежала золотая коронка!

Чвиз подошел к Гарду, остановился перед ним и долго, долго смотрел на него. Потом повернулся к Миллеру и сказал:

— Коллега, он умный человек. И честный человек. Ему можно и нужно верить.

— Ничего не понимаю! — с досадой воскликнул Миллер. — Но чувствую, Чвиз, что у вас есть какая-то тайна, которую вы опять скрываете от меня...

— И которая только что блестяще подтвердилась! — с жаром сказал Чвиз.

— Господа, — спокойно сказал Гард, — прежде всего нам следует немедленно покинуть эту квартиру. В более надежном убежище мы попытаемся разгадать все наши тайны. А пока — в путь!

Казалось, внезапное появление Гарда повергло Миллера в какое-то оцепенение. Он больше не задал ни одного вопроса, не расспрашивал, куда и зачем ведет их комиссар, и послушно сел в машину, которую Гард

предусмотрительно оставил неподалеку от дома в одном из тупичков. Его движения были скорее машинальными, чем осознанными.

Молчал и Чвиз, думая о чем-то своем.

Они не замечали, что творилось на улицах, по которым они ехали. Зато Гард замечал все.

Может быть, впервые за всю многовековую историю столицы ее жители в будний день остались без работы. Не было тока — стояли заводы. Замерла связь, остановились троллейбусы, метро и трамваи, погасли экраны телевизоров. Миллионы людей вдруг были вышвырнуты из привычного распорядка.

Многие из них пережили кошмарную ночь, наполненную тревогой, неизвестностью, страшными и фантастическими слухами о надвигающейся войне, диверсиях на электростанциях, антиправительственном заговоре, высадке марсиан... Не было такой глупости, которая бы не распустилась махровым цветом в эту ночь паники.

День не принес облегчения. Официальное сообщение о крупных поломках в энергосистеме, переданное правительственной радиостанцией, которой на это время рискнули дать ток, не столько успокоило, сколько вызвало гнев. Для тех, кто ему не поверил, это стало доказательством, что в стране происходят какие-то тревожные и таинственные события. Поверившие (их было меньшинство) задали себе один и тот же вопрос: чего же стоят власти, если они допустили такое?

На магистральных улицах машин всегда было больше, чем людей. Так по крайней мере казалось. Сейчас было наоборот. Те сотни тысяч людей, которые днем сидели в конторах, работали в цехах, а вечером смотрели телевизор, сегодня очутились на улице. Не только потому, что в толпе они чувствовали себя лучше. Каждый искал правду о происходящих событиях, и потому любая информация — достоверная или недостоверная — разносилась по городу как на крыльях. Домыслы

о начале войны, высадке марсиан очень скоро испарились, не получая абсолютно никакого подтверждения. Зато все более крепили слухи об остром неблагополучии в правительстве, о том, что кто-то с помощью двойников президента хочет захватить власть и установить диктатуру. Наконец, пополз слух, которому сначала не поверили ввиду его абсолютной фантастичности, но который тем не менее креп и обрастал реальными подробностями: кто-то сделал несколько искусственных президентов. (Если бы Гард и Честер появились в «Указующем персте» на три часа позднее, они бы обнаружили у дверей толпу, жаждущую лично удостовериться у Сэма Крайза и его прислуги, что президент действительно был в его кабачке вчера днем.)

Увеличившиеся наряды полиции еще более накалили обстановку, вместо того чтобы ее успокоить. И к тому времени, когда Гард вывел ученых из убежища, в настраении людей произошел перелом.

— Что это? — вышел из оцепенения Миллер при виде возбужденной толпы на площади, куда они въехали.

Люди размахивали руками, что-то кричали. Их было так много, что Гарду пришлось притормозить.

— По-моему, это пузырьки пара, — спокойно заметил комиссар, пытаясь развернуть автомобиль.

— Как, как? — не понял Миллер.

— Ну, вы, физики, должны знать это лучше. Кипение воды всегда начинается с появления пузырьков.

— А недовольство — с демонстраций, — догадался Честер.

— Недовольство? — Гард пожал плечами и до упора нажал на тормоз. Его машина, как и соседние, уже была в плотном кольце людей. — Недовольство — это постоянное состояние нашего общества, или я, комиссар полиции, ничего не понимаю в своем деле. Вы даже не представляете, до чего у нас непрочна в стране. Люди озлоблены, потому что впереди нет ясной и обнадежи-

вающей перспективы, потому что жить трудно, потому что в промышленности постоянно возникают временные затруднения, потому что доверия к правительству нет, потому что кругом лицемерие и обман, потому что над всеми висит угроза войны... А вы, Миллер, поставили этот котел недовольства на жаркий огонь. Мне непонятно ваше удивление.

— Позвольте! — воскликнул Миллер. — Еще вчера...

— А кто сказал, что вода закипает мгновенно? Нужно время и температура. Лучше послушайте, что они кричат.

— Это напоминает мне дни моей молодости.

Все посмотрели на дотоле молчавшего Чвиза.

— И это бодрит, — продолжал, не смущаясь, Чвиз. — Когда-то я тоже орал на площадях, да, да, когда-то я был молод... Что смотрите на меня так? Потом я убедился, что люди в глубине души обыватели, и никаких перемен к лучшему у нас не будет. Тогда я кинулся к науке, как жаждущий к источнику. И все было опять хорошо, вернее, я убеждал себя, что все хорошо, пока не появилась эта проклятая установка и пока Дорон не наложил на меня свою лапу. Он отнял у меня науку, а с наукой и смысл жизни. С тех пор мне все равно, жив я или умер. Но все-таки перед концом приятно видеть начало цепной реакции и сознавать, что ее вызвали мы. И чем бы теперь это ни кончилось, мир уже не останется прежним.

— Чушь, — сказал Миллер. — Революции у нас никогда не будет.

— Тогда почему же вы, коллега, своими действиями подталкиваете — и не без успеха — к ней народ?

Миллер промолчал.

— Просто об этой возможности я как-то не думал, — наконец сознался он.

— А чего же вы тогда хотели? — сказал Гард.

— Я хотел их обжечь! — с яростью сказал Мил-

лер. — Я хотел, чтобы они на своей шкуре почувствовали, как больно жжется научное открытие. Чтобы они поняли, с каким огнем играют!

— Они — это президент? — тихо спросил Честер.

— Да.

Честер разочарованно присвистнул.

— Знаете что, — вдруг сказал он, — я выйду сейчас на одну из этих площадей и расскажу людям все. Вот тогда начнется!

— Никуда ты не выйдешь, — отрезал Гард. — Ты можешь рисковать своей головой, но не нашими. Тем более, мы приехали.

— Но это же твоя квартира, Гард!

— Вот именно, — сказал комиссар. — Прятаться нужно там, где искать заведомо не будут. Идемте...

Обойдя все три комнаты, Гард опустил шторы на окнах и лишь после этого разрешил спутникам покинуть прихожую. Нераспакованный чемодан все еще стоял у двери, и Гард, показав на него, сказал:

— Повторяю, вы будете здесь пока в полной безопасности. С одной стороны — я в отпуске, с другой — «человек Дорона».

— Вот как? — сказал Миллер.

— Не беспокойтесь, последняя должность у меня чисто символическая.

— Кроме того, — добавил Честер, — я обещаю вам в случае чего просто свернуть ему шею.

Миллер натянуто улыбнулся. Он все еще не мог избавиться от подозрительности, хотя прекрасно понимал, что теперь в ней нет никакого смысла. Словно чувствуя состояние ученых, Гард поторопился рассказать им о своей встрече с Дороном. При этом он дал понять, что, вмешавшись в дело, был готов и к роли гостеприимного хозяина, и к роли человека, способного подвергнуть их принуждению.

— Я бесконечно рад тому, — сказал Гард, — что случилось первое.

— Простите, господа, — добавил Честер, — но, как мы ни гадали, мы не могли заранее предположить, что у вас благородные цели.

На что Чвиз мрачно заметил:

— Ни у кого на лбу не написаны достоинства. Особенно у людей, занимающих пост комиссара полиции.

Гард рассмеялся:

— Признаться, я уже принял решение подать в отставку, как только «вернусь» из отпуска. Особенно, если в стране произойдет что-нибудь серьезное. Мы с Честером откроем частную сыскную контору. Не возражаешь, Фред?

— Побойся бога! Ведь только тогда у меня появится реальный шанс сыскать себе приличную работу!

— Но мы отвлеклись, господа, — сказал Гард. — Я хотел бы знать, какие шаги вы уже предприняли и что намерены делать в будущем.

Миллер пожал плечами и поправил воротничок рубашки своим характерным движением шеи.

— К несчастью, — сказал он, — мы лишены какой бы то ни было информации. Мы знаем лишь, что в городе вырублено электричество и что там происходят... м-м... волнения. Вмешаться в события мы сейчас не можем. Единственное, что мы сделали, это отправили Дорону ультиматум, как только почувствовали признаки хаоса. Но нам неизвестно даже, удалось ли Таратуре...

— Удалось, — сказал Честер. — Уорнер и Норрис звонили нам. Это наши люди, они видели Таратуру входящим в особняк Дорона, а затем выходящим в парке из колодца, причем Норрис еще долго будет помнить этот выход.

— А что за ультиматум? — спросил Гард.

— Копии нет, — ответил Миллер. — Могу вспомнить основной смысл. В письме было написано, что я — о профессоре Чвизе, разумеется, там нет ни слова — пойду на крайние меры, если Дорон не примет моих условий. Условия такие: полная независимость в работе

и дальнейшем усовершенствовании установки, использование ее только в благородных целях и абсолютная гарантия свободы, которую я требую от лица всей науки. На размышления я дал Дорону десять часов.

Честер снова разочарованно присвистнул, а Гард покачал головой.

— Сколько прошло времени? — спросил он.

— В девять утра Таратура вышел из дома. Думаю, часов в одиннадцать он был у Дорона...

— Ваш срок истекает, — заметил Гард.

— А сколько времени прошло с тех пор, как были созданы президенты? — вдруг спросил Чвиз.

— Первый был создан в воскресенье утром, — сказал Миллер. — Второй — спустя час, а третий — где-то около полудня. Вот и считайте, коллега. А что?

— Так, — сказал Чвиз. — Первому, выходит, уже около сорока часов жизни.

— Простите, — вмешался Гард. — Как я понял из ваших слов, вы сделали трех новых президентов?

Он подчеркнул слово «трех».

— Да, — сказал Миллер. — Хотели сублимировать четырех, но с последним почему-то получилась осечка. Я даже не знаю почему. Матрицы, с которых осуществлялось печатание, были в порядке, Таратура заранее доставил их в кабинет президента...

— Каким образом? — поинтересовался Честер.

— Увы, он не сказал нам, и теперь это останется тайной... И, поскольку мы готовили матрицы в разное время, делая снимки с президента в разных местах — когда он молился, когда был на матче регбистов, на банкете и, наконец, один снимок, который сорвался, во время предвыборного митинга, — у нас должны были получиться четыре президента с гипертрофированием определенных человеческих качеств. Нам казалось, что именно это обстоятельство приведет к полному разнообразию в управлении государством и, следовательно, к хаосу.

— А что потом? — спросил Честер.

— Вас интересует наш план? Или то, что случилось в действительности?

— План, план, — нетерпеливо сказал Гард.

— Я же говорил. Они должны были понять, что обращаются с нашим открытием, как дети со спичками. Надо было научить их благоразумию.

— И это все? — сказал Честер.

— Разве этого мало!

— Ах боже мой! — воскликнул бывший репортер. — Эти детки должны обжечься, а потом дуть на свои бедные пальчики и плакать крупными слезами?! Простите, господа, но это счастье, что они не знают вашего плана. Как вы наивны, если верите в благоразумие акул! Убежден, что всем этим доронам и гангстерам из Совета Богов мерещится страшный заговор, чуть ли не революция, но никак не ваши пасторальные надежды!

— А что сделали бы вы на нашем месте? — спросил Чвиз. — Дело в том, что даже эту идею Миллера я считал авантюрой.

— Я бы? Я бы... Я бы напечатал несколько тысяч Уорнеров, и Норрисов, и даже Честеров, которые к чертовой матери разнесли бы...

— Стоп, стоп! — сказал молчавший до сих пор Гард. — Все это наивно, но что сделано, то сделано. А потому постараемся извлечь максимум пользы из сделанного. Итак, господа, прежде всего должен сообщить вам, что из разговора с Дороном я понял, что в стране сейчас не четыре, а пять президентов.

— То есть? — сказал Миллер. — Мы зафиксировали четырех!

— Дорон сначала тоже. И когда ваша лаборатория была обесточена, он заверил Совет Богов, что дальнейшее дублирование невозможно. Тогда-то и явился пятый президент, который перепутал им карты.

Миллер задумался.

— Вероятно, — сказал он после паузы, — произошла какая-то случайность...

— Гадать нет смысла, — сказал Чвиз. — Что бы там ни произошло, Гард прав. Надо думать, как использовать это обстоятельство.

— Вы действительно не можете продолжать дублирование? — спросил Гард.

— Сейчас нет, — ответил Миллер. — Установка в чужих руках.

— Но они думают, что можете! — воскликнул Честер.

— И это наш козырь, — добавил Гард.

— Второй наш козырь тот, — продолжал Честер, — что они уверены в заговоре и дрожат за себя. Следовательно...

— И главный наш козырь, — вставил слово Гард, — волнения в стране.

Миллер посмотрел на него с недоверием:

— Простите, но как вы, комиссар полиции, один из оплотов власти, можете радоваться волнениям?

— А как вы, профессор Миллер, один из научных оплотов власти, могли планировать потрясение основ этой власти? По-моему, Чвиз уже задавал вам этот вопрос.

— Обстоятельства... — буркнул Миллер.

— Я тоже исхожу из обстоятельств. А они подсказывают мне, что в сложившейся обстановке мы заинтересованы... — Гард запнулся, — в революции. Это наш единственный козырь.

— Не надо считать козыри, — сказал вдруг Чвиз. — Через несколько часов все равно не будет ни одного.

Он сказал эти слова так спокойно и убежденно, с такой жуткой размеренностью, что по спинам у каждого пробежали мурашки.

— Чвиз, — тихо сказал Миллер, — прошу объясниться.

— Скажите, Гард, — вместо ответа спросил Чвиз, — каким образом по золотой коронке вы угадали происхождение профессора Миллера?

— Извольте, — начал Гард. — Я прежде всего предположил, что синтетический труп должен разложиться как-то иначе, нежели естественный... Простите, Миллер, что я столь циничен в вашем присутствии. Но, обнаружив пустой гроб, а в гробу золотую коронку, я понял, что при всех случаях коронка была естественной. Или профессор поставил ее до сублимации — и тогда я подумал бы о странных ворах, которые украли полуразложившийся труп, нарочно выбросив золотую коронку. Или Двойник поставил ее в период после сублимации до своей смерти — и тогда естественно, что от него осталась лишь коронка. Логично?

— С одной поправкой, — медленно сказал Чвиз. — Тело Двойника не поддается гниению. Оно просто исчезает. Десублимируется. Превращается в ничто.

— Так я был прав! — воскликнул Гард.

— Пойдите, пойдите, — сказал Миллер. — Для меня это новость. В какие же сроки, коллега?

— В том-то все и дело, — сказал Чвиз. — Теоретические расчеты, которые я провел здесь, показывают, что, в отличие от кроликов, сублимированные люди должны существовать в среднем около пятидесяти часов!

Сначала все ошалело посмотрели на Чвиза, а потом, как по команде, перевели глаза на часы.

Первым пришел в себя Гард.

— В таком случае, — сказал он, — для успешной организации вашего побега мне нужно, чтобы правительству на несколько часов стало не до нас. Миллер, снимите, пожалуйста, телефонную трубку.

19. Месть профессора Миллера

С того момента, как у парадного подъезда плавно затормозила первая машина с опущенными занавесками, и до того, как бесшумно скользнула последняя, де-

сятая, прошло не более минуты. Говорят, точность — вежливость королей. Особенно, когда их подгоняет страх...

Воннел приехал на усадьбу еще раньше. Он знал о разворачивающихся в стране событиях куда больше, чем знали о них Миллер и Гард, видевшие лишь краешек происходящего. Из немногочисленных донесений агентов явствовало, что затаенное недовольство теперь прорвалось наружу и что многочисленные митинги и демонстрации смогут оказаться прелюдией к чему-нибудь гораздо более серьезному. Пока волнения были неорганизованными, люди еще не думали о целенаправленных действиях, просто ими владели растерянность и гнев. Но Воннел отлично был осведомлен о способности людских масс к самоорганизации, особенно когда есть люди, мечтающие о перемене социального порядка. А что таких людей много и что они вооружены опытом, Воннел нисколько не сомневался.

Но, как ни странно, на первый взгляд больше всего министра волновало сейчас не это. Он покрывался холодным потом лишь при одной мысли о том, что именно ему предстоит сообщить Совету обо всех событиях, он знал, что первые лавины гнева выльются на его голову, как это бывало еще в незапамятные времена с гонцами, приносившими правителям горькие вести.

Дорон прибыл самым последним. Он подкатил на белом лимузине, сидя рядом с шофером. За его спиной теснились люди Воннела. И хотя они проворно выскочили из машины, чтобы любезно отворить Дорону переднюю дверцу, он не обольстился этой предупредительностью: конвоир тоже кажется вежливым, когда первым пропускает в камеру заключенного. Однако Дорону хватило выдержки сделать вид, что ни под каким домашним арестом он не находится и по-прежнему самостоятелен. Легким кивком головы он поблагодарил стоящего к нему ближе агента и с невозмутимым выражением медленно, почти торжественно стал подниматься по сту-

пенькам. Чуть сзади неотступно шествовали два дюжих молодца, но Дорон шел так, будто его сопровождал почетный эскорт.

Несмотря на двусмысленность своего положения, генерал был единственным из собравшихся в Круглом зале, кому удалось сохранить бодрый вид. Он справедливо рассудил, что поскольку в данный момент все зависит не от него и не от членов Совета, а от Миллера, Гарда, сыщиков Воннела и господ бога, то лучшее, что он может сделать, — это использовать вынужденное домашнее заключение для того, чтобы отдохнуть и хорошо выспаться. Дорон всегда был рационалистом, умеющим даже из неприятностей черпать хоть какую-нибудь пользу.

Короли выглядели далеко не такими свежими. Видимо, необычайная угроза, нависшая над ними, оказалась сильнее самых новейших успокоительных средств. Заметив это, Дорон еще более приободрился: он чувствовал, что при нынешней неопределенности лучшие шансы выиграть у того, кто обладает более крепкими нервами. «А что, если мне действовать так, будто Миллер уже в моих руках?» — подумал он, усаживаясь в кресло.

Тем временем Воннел приступил к докладу. Торжественно-многозначительным тоном, вовсе не соответствующим характеру достигнутых результатов, он сообщил присутствующим о принятых чрезвычайных мерах по обнаружению профессора Миллера.

— Увы, Миллер еще не найден, — сказал Воннел, — но зато, — его голос в этот момент взвился до победной интонации, — удалось наткнуться на Таратуру, телохранителя и секретаря профессора, когда Таратура проникал в особняк генерала Дорона.

Затем последовала заранее отрепетированная пауза, в течение которой члены Совета должны были, по мысли Воннела, насладиться сообщением и проникнуться к Воннелу некоторой признательностью, очень необходимой ему в дальнейшем.

— Назад Таратура не вышел, — продолжал Воннел, — по всей видимости, он и сейчас скрывается в особняке, но приняты меры, которые не допустят его дальнейшего исчезновения. Уж будьте, мол, на этот счет спокойны.

Воннел, а вслед за ним и все члены Совета недвусмысленно посмотрели в сторону Дорона. Дорон даже не опустил глаз, он продолжал сидеть каменным изваянием, словно не о нем шел разговор.

— Что касается профессора Миллера, — закончил министр, — не исключено, что и он скрывается у генерала, и я прошу членов Совета санкционировать обыск особняка!

Воннел вновь смерил Дорона уничтожающим взором. «Благодарю за ценную услугу, — подумал про себя Дорон, не дрогнув ни единым мускулом. — Редкий болван!»

Министр глубоко вздохнул: пора было переходить ко второй части доклада. Члены Совета терпеливо ждали. Дорон отлично представлял себе, какая буря происходит сейчас в их головах, решающих вопрос о проведении обыска у почти равного им хозяина страны.

О прочих событиях Воннел сказал вроде бы между прочим, скороговоркой и таким тоном, каким обычно сообщают пустяки. Но тон не помог. По выражению лиц членов Совета, мгновенно изменившихся, Дорон понял, что вопрос о нем уходит на второй план, так как возникает опасность более серьезная.

— Вам следовало начать доклад с сообщения о событиях в стране! — грозно произнес король Стали, как только Воннел умолк.

— Вы чрезвычайно легкомысленны, министр! — добавила Нефть.

— Хотя какие-то меры вы принимаете?! — рявкнул кто-то еще.

— Я полагаю, господа... — начал было Воннел, но его перебили.

— Полагаю, нужно немедленно дать стране электричество! — решительно сказал король Стали. — Связь парализована, а это обстоятельство мешает нам вести борьбу против волнений. Кроме того, в дальнейшем ограничении я вообще не вижу смысла, если Миллер, как явствует из доклада министра, уже взят на прицел. Разумеется, если этому сообщению можно верить!

Воннел сжался в комочек и затаил дыхание.

Предложение не голосовалось. Как всегда, оно отражало общее мнение, и, как обычно, исполнять его нужно было немедленно. Воннел вышел, через секунду вернулся, а еще через какое-то короткое время заработали установки кондиционирования воздуха, которые, вероятно, в спешке не были выключены в ту ночь, когда вырубалось электричество. Воздух сразу посвежел, но общая атмосфера от этого не стала лучше.

Арчибальд Крафт, взяв слово, выразил надежду, что полиция и служба безопасности уже приведены в готовность. Кроме того, сказал Крафт, на всякий случай нужно дать соответствующее указание военному министру, чтобы и войска были готовы «сдерживать лишнюю энергию неустойчивой части населения».

Приказ военному министру можно было отдавать прямо из Круглого зала, воспользовавшись ожившим телефоном. Воннел включил динамик, и потому его разговор с военным министром транслировался с помощью усилителей для всех. Команда была дана, и члены Совета отчасти успокоились, так как привыкли считать, что нажатие одной кнопки, один телефонный разговор или даже само принятие решения уже снимает проблему: нет в стране ни паники, ни волнений, ни опасности забастовки — ничего нет! Тишина в стране! Покой и благодать! Приказ отдан...

Затем члены Совета сменили позы, скинув с себя, как слишком узкие пиджаки, напряжение, но почувствовали при этом, что легкость не пришла, так как сорочки тоже не были просторными, а воротнички сдав-

ливали шею. Оставалась «проблема Дорона», она вновь вышла на первый план, и все посмотрели, как по команде, на генерала.

«Пора! — в ту же секунду подумал Дорон. — Ни в коем случае нельзя отдавать инициативу в чужие руки!» Приняв такое решение, он, однако, еще несколько мгновений молчал. Медленно повернув голову в сторону Воннела, он даже слегка приоткрыл рот, но комок вдруг закупорил ему глотку. У Дорона теперь был только один настоящий враг на всем белом свете, но самый сильный и могущественный: он сам. И в борьбе со своей собственной нерешительностью и страхом он не мог рассчитывать ни на деньги, которые у него были, ни на верных людей, наемных убийц, шантаж и угрозы. Один на один. Дорон против Дорона. Ум против глупости. Страх против смелости. Уверенность против нерешительности...

Сознание генерала на какое-то мгновение помутилось. Он вдруг почувствовал, будто проваливается в бездну, как это бывает в кошмарном сне. Но тут раздалось слова, произнесенные чьим-то размеренным и спокойным голосом:

— Господин министр, пригласите сюда президентов.

Дорон обвел присутствующих мутным взором. На лицах королей было откровенное недоумение, но взгляды их казались прикованными к Дорону. «Это я сказал?!» — с ужасом и одновременно с чувством облегчения подумал Дорон.

Воннел был растерян, но короли уже надели на себя каменные маски.

— Я должен повторять, господин министр? — четко произнес Дорон.

Воннел осторожно выскользнул за дверь. Несколько минут в зале стояла тишина, нарушаемая лишь шипением кондиционных установок. Дорон позволил себе встать с кресла и медленно пройти вдоль стола и обратно. При этом он заложил руки за спину, и каждый

из королей получил возможность заметить его высоко поднятую голову. Наконец дверь открылась. Появился Воннел во главе невиданной процессии. Вошли пять президентов, пять совершенно одинаковых людей, имеющих каждый свое собственное выражение на лице. Членам Совета могло показаться, что это ожили фотографии какого-то великого актера, изображающего на страницах иллюстрированного журнала свои мимические способности.

Процессию торжественно замыкал Джекобс. Он был, как всегда, философически настроен, а потому выглядел не то сонным, не то мудрым.

Дорон тоже разглядывал лица президентов, чуть сощурился глазами. Потом неожиданно перевел взгляд на их одежду и еле сдержал улыбку. За истекшие сутки почтенные главы государства, предоставленные, вероятно, самим себе, успели внести некоторые изменения в свои туалеты, соответствующие их вкусам и наклонностям. От этого зрелище сделалось еще более нелепым и невероятным.

Впереди шагал президент в узеньких, не по возрасту, джинсах и в легкомысленной спортивной курточке, на рукаве которой красовалось изображение ядовитого продолговатого мяча. Следом шел президент, одетый в безукоризненную темно-синюю пару, ослепительно белую сорочку с туго накрахмаленным воротничком и в галстук бабочкой. Третий был одет во фланелевую рубашу без галстука и в простой твидовый пиджак; столь демократичный вид делал его похожим скорее на коммивояжера средней руки, нежели на президента могущественнейшего государства. Четвертый, взгляд которого был устремлен куда-то вверх, словно он молился, был облачен в строгую черную одежду, которая определенно гармонировала с изящными четками слоновой кости, нервно перебираемыми сухими пальцами. Наконец, последний, пятый президент, опустив голову, семенил позади всех; у него была нетвердая по-

ходка, плохо отглаженный костюм и явно несвежая рубашка с помятым воротничком говорили о том, что он был самым неухоженным, — либо о нем в суматохе забыли, либо он сам пожелал оказаться забытым.

Все пять президентов чинно уселись во главе стола, а чуть позади них примостился Джекобс. Весь его вид не выражал никакого желания выполнять приказы своих хозяев, а говорил скорее о просто любопытстве старого слуги. Во всяком случае, на лице Джекобса была написана вся бесконечность вселенной.

Какое-то время никто не сделал ни одного движения, не произнес ни единого слова. Все ждали, что скажет Дорон, понимая, что скажет он что-то чрезвычайно важное.

Генерал встал. По привычке он на мгновение вытянулся, как на параде, но только на мгновение, чтобы затем принять вольную позу. Присутствующие оценили это обстоятельство, как желание Дорона подчеркнуть, что отныне он не намерен вытягиваться в присутствии президентов и даже королей. На самом деле Дорон вновь потерял связь между реальным своим положением и тем, которое хотел занять. Он понимал, что неожиданно получил власть над всеми этими людьми, с которыми не мог поставить себя рядом даже в тайных мечтах. Играть с ними было опасно. Равносильно тому, чтобы забавляться атомной бомбой на складе водородных. Генерал не строил иллюзий. Он отлично понимал, что его миллионы — ничто в сравнении с их миллиардами. И если ему даже посчастливится продлить свою власть над ними, то это все равно будет власть для них... Но, боже, много раз организовав смену правительств и перевороты в зависимых странах, Дорон, как ни странно, практически не знал, как это делается в натуре, с помощью каких слов и каких конкретных действий. Впрочем, подобное неведение скорее диктовалось не тем, что генерал не умел осуществлять перевороты, а тем, что он не был уверен в необходимости этого шага

именно сейчас, в данный момент. Достаточно ли у него для этого оснований? Не слишком ли рискованно он действует? Может, лучше поискать какие-то более мягкие пути? А вдруг сейчас откроется дверь, войдут агенты Воннела и положат прямо на пол перед круглым столом связанного по рукам и ногам профессора Миллера? Что будет тогда? Акция Дорона немедленно превратится в мыльный пузырь, и спасения уже никакого не будет...

— Господа! — сказал Дорон, понимая, что молчать уже невозможно, но еще не зная, что будет говорить дальше. — Нам пора, господа, учитывая происходящие в стране события: наличие пятерых президентов, неизвестность местоположения Миллера и общую критичность ситуации — принять соответствующие меры для того, чтобы, по крайней мере, стабилизировать власть и...

И вдруг раздался телефонный звонок. Как в хорошо отработанном сценарии. Прямо тут, в Круглом зале, звенел телефонный звонок, что произошло впервые после той злополучной ночи при свечах, и почему-то все решили — все, кроме Дорона, — что звонок имеет прямое отношение к его речи. Между тем сам генерал мог воспользоваться телефонным звонком, как передышкой для осмысления последующих своих слов — и никак иначе.

Дорон умолк. Джекобс, в обязанности которого всегда входило поднимать первым телефонные трубки, поднял ее и на этот раз. Полагая, что Дорон знает сценарий лучше остальных и несмотря на это не возражает против вмешательства Джекобса, никто из присутствующих тоже не посмел возразить, в том числе и Воннел. Все еще включенные усилители донесли до присутствующих во много крат увеличенный голос Джекобса:

— Секретарь господина... — Джекобс запнулся, но, видимо, решив, что уже не выдает никаких государственных тайн, тут же поправился: — Секретарь господ президентов слушает!

— Срочно министра внутренних дел господина Воннела! — донесся чей-то взволнованный голос.

Дорон похолодел. «Вот оно, — подумал он. — Они нашли Миллера! Что делать? Что делать?» Впору было бросаться вперед, хватать трубку и хоть на несколько минут, хоть на секунды оттянуть обнародование страшной вести.

Но Воннел уже держал трубку в руках:

— Я слушаю!

— Господин министр, докладывает агент семьсот сорок восьмой. У меня срочное секретное сообщение...

— Говорите! — приказал министр.

— Есть сообщение, что погиб Таратура...

— Где?

— Район Строута. Двор меблированных комнат...

Вдруг раздались отбойные гудки — по всей вероятности, агент звонил из автомата и ему помешали вести дальнейший разговор. Несколько раз произнесенное Воннелом «алло!» было бессмысленным. Бросив трубку на рычаг, он почему-то сокрушенно произнес, ни к кому не обращаясь:

— Ускользнул!

— А Миллер? — воскликнул кто-то из членов Совета.

— Я не понял, господа, — произнес Воннел, — он сказал «труп» или «трупы»?

Все переглянулись и промолчали, но было заметно, что ангел надежды пролетел по залу, потому что лица членов Совета оживились.

— Трупы! — сказал вдруг Джекобс, научившийся в последнее время отдавать предпочтение множественному числу перед единственным.

На Дорона уже никто не обращал внимания. Генерал сел в кресло, закрыл глаза и представил себе собственное будущее настолько отчетливо, что, будь при нем какой-нибудь яд, он принял бы его непременно.

— Господа, — сказал президент, одетый в помятую

рубашку, — нам хотелось бы определенности, и, очевидно, назрел вопрос...

И вновь раздался телефонный звонок. На этот раз Воннел опередил Джекобса и схватил трубку.

— Сейчас будет определенности! — быстро сказал Арчибальд Крафт.

Дорон продолжал сидеть с закрытыми глазами.

— Воннел слушает! — сказал министр.

— Отлично! — произнес чей-то голос. — Если вы тот Воннел, который является министром внутренних дел, немедленно передайте трубку генералу Дорону!

— Кто говорит? — спросил министр.

— Профессор Миллер!

У Воннела отвалилась челюсть. Члены Совета, как по команде, встали со своих мест. Дорон, двигаясь почему-то боком, приблизился к телефонному столику. Нервы его были на пределе. С трудом сохраняя контроль за своими движениями, он сомнамбулическим жестом взял трубку.

— Да, — сказал он тихо. — Я слушаю.

— Господин генерал, — сказал Миллер, — рад сообщить вам, что матрицы членов Совета приготовлены. Жду ваших дальнейших указаний!

— Что? — сказал Дорон.

— Я говорю, — повторил Миллер, — что вы можете объявить членам Совета о том, что я жду ваших указаний по поводу их дублирования.

— Так, — сказал Дорон, пытаясь сориентироваться в этой невероятно изменившейся обстановке. — Вы... там же? — Глупее вопроса он задать не мог.

Миллер откровенно расхохотался в трубку:

— Почти, генерал.

На присутствующих этот смех произвел гнетущее впечатление. «Ну конечно, — решил каждый, — они в сговоре! Это ясно как божий день...»

Дорон тем временем уже взял себя в руки. «Вероятно, Гард сделал свое дело. Или Миллер открылся сам?

В конце концов, сейчас не это имеет значение. Важно то, что он предлагает мне сотрудничество, да еще в момент как нельзя более подходящий...»

Крафт, опустив низко голову, кусал кончик платка, торчащего из нагрудного кармана. «Вот когда начал действовать их сценарий! — подумал он. — Не в тот раз, когда был непредвиденный звонок, а именно сейчас! Дорон опасен, как черти в аду!»

— Ну, генерал? — спросил Миллер.

В голосе Дорона появились властные нотки: он уже почувствовал способность на равных участвовать в игре.

— Профессор, — сказал Дорон, — если в течение часа от меня не поступит никаких указаний, приступайте к дублированию!

— Хорошо, генерал. И вот еще что. Полиция и армейские части пытаются разогнать митинги протеста. Это обостряет обстановку в стране и ведет к напрасным жертвам. Отдайте распоряжение о соблюдении властями конституции. Иначе я приступлю к дублированию немедленно. Вы поняли?

— Разумеется, — сказал Дорон и повесил трубку. Затем, сделав паузу, он обвел присутствующих торжествующим взглядом. — Воннел, будьте любезны выполнить распоряжение Миллера. Он прав. Незачем накалять обстановку, мы все решим полюбовно. Садитесь, господа!

Все сели. Воннел опрометью бросился выполнять приказ. Дорон же так и остался стоять у телефонного столика. Свободное пространство, которое теперь пролегало между ним и членами Совета, как бы подчеркивало существо создавшегося положения. По лицу генерала пробежала еле заметная улыбка. Он вновь принял вольную позу, медленно полез в карман, медленно вытащил портсигар, неторопливо щелкнул зажигалкой и с откровенным наслаждением пустил облако сизого дыма.

— Я заметил, господа, — произнес Дорон, — что

вы приехали сюда в черных машинах. Мне очень жаль, что вы избрали для своих автомобилей столь опасную окраску... Моя машина покрашена в светлый цвет. И это не случайно, господа. Остерегайтесь черных автомобилей! Статистика показывает, что из каждых ста катастроф девяносто четыре происходят именно с черными машинами... Но это, господа, между прочим.

Он явно издевался над членами Совета.

Ну, а что делать дальше?

— Мне кажется, господа, — произнес Дорон, — ситуация вполне созрела для выводов. Кто первый?

Первым был Крафт.

— Генерал совершенно прав, — сказал он. — Наш либерализм и игра в демократию привели к распылению власти. Им необходимо противопоставить единую и твердую силу, и кандидатура генерала Дорона мне кажется подходящей.

Члены Совета промолчали. «Так вот как это происходит! — подумал вошедший на цыпочках Воннел. — Звонит какой-то профессор, провозглашает диктатором генерала, и прежнее правление летит вверх тормашками! Ни выстрелов, ни крови, никакой резни... Да, перевороты в банановых республиках осуществляются куда эффективней!» Воннел отлично помнил один такой переворот, к которому и сам приложил руку, когда три чело- века в масках явились среди бела дня на заседание Совета министров, у всех на глазах спокойно застрелили премьера и двух его заместителей и тут же заняли вакантные должности. В первые минуты, управляя страной, они даже забыли снять маски...

— Ну что ж, господа, — сказал Дорон. — Если возражений нет, я думаю, нам прежде всего следует поблагодарить наших президентов за их труды. Господин министр, проводите их, пожалуйста!

Воннел вытянулся перед Дороном:

— Куда, господин... генерал?

— Что «куда»?

— Проводить.

— Куда хотите. Воннел, вы отвечаете за каждую голову, пока сами занимаете пост министра. Господа, приступим к первоочередным делам...

— Но их не пять!.. — воскликнул вдруг Воннел. — Их только четверо, господа!

Дорон резко повернул голову. Крайнее кресло, в котором только что сидел президент, перебравший четки, было пусто. Впрочем, не совсем. На столе лежали четки, а в кресле — жалкий комочек одежды, в которую только что был облачен президент. Никто не заметил, когда он успел раздеться и куда вышел, и в зале началась паника.

И тут пропал второй президент! И вновь никто не заметил, как это случилось! Дорон почувствовал, как на его голове поднимаются волосы. Бред какой-то, типичное наваждение! Президента в спортивной курточке не было, но сама курточка лежала в кресле. И в этот момент Дорон, как и все присутствующие, увидел совершенно фантастическую картину: растворился третий президент! Он никуда не ушел, не бежал, не взвился под потолок и не провалился под пол. Он сделался прозрачным настолько, что сквозь него стала отчетливо видна спинка кресла, потом пропали его очертания, и, наконец, он беззвучно рассеялся, как эфирное облако, оставив в кресле бесформенную горку одежды.

Столь же тихо и делозито прекратил свое существование четвертый президент. Все ошеломленно смотрели на пятого, не в силах вымолвить ни единого слова. Лишь Джекобс философски заметил:

— Бог дал — бог взял...

Пятый президент, одетый в несвежую рубашку, судорожно вцепился в ручки кресла, словно надеялся с их помощью удержаться в этом обманчивом мире.

Воннел за всю свою долгую жизнь еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь так буквально и так крепко держался за президентское кресло.

Внезапно тишину нарушил Джекобс.

— Кен, — сказал он президенту, — мы с вами опять одни?

По членам Совета словно прошел удар током.

— Генерал, — прохрипел Крафт, — объясните!

Дорон судорожно глотнул воздух.

Спасительно — о, как спасительно! — сзади проскрипела дверь. Оттуда высунулась рука и сделала Воннелу энергичный знак.

Как зачарованные, члены Совета уставились взглядами на эту кошунственную руку.

Воннел метнулся к двери.

Президент, ни на что не обращая внимания, лихорадочно ощупывал себя. Со стороны могло показаться, что президента одолели блохи.

— Господа, — лицо Воннела дергалось, когда он обернулся, — некоторым образом... осмелюсь сообщить... сообщить...

— Ну?! — теряя самообладание, завопил Крафт, и члены Совета вскочили, тоже готовые завопить, заорать, закричать.

— К усадьбе движется колонна машин с демонстрантами! — выпалил Воннел. — Они близко!

— Кто допустил?! — Крафт сгреб министра за отвороты пиджака. — Войска! Почему не стреляют?..

— Это Дорон! — пискнул министр. — Он отдал приказ соблюдать конституцию!

— Господи, упокой его душу! — вздохнул Джекобс.

ОБОРОТЕНЬ

(Повесть четвертая)

Пролог

Событие, описанное в прологе, с очевидной бесспорностью наблюдал со стороны всевышний, на глазах которого вообще происходит все, что происходит. Но господь бог по старой традиции никогда не выступает в качестве официального свидетеля. Его невозможно пригласить в кабинет комиссара полиции Гарда и предложить рассказать все по порядку, предварительно угостив сигарой.

Стало быть, если нет других свидетелей, лишь человеческое воображение способно воссоздать утраченную действительность. Картина не всегда будет совпадать в деталях с той, что была на самом деле, но так ли важны детали, когда речь идет о восстановлении целого?

Итак, было то особенное время суток, о котором Земля узнала лишь с появлением цивилизации и которое всюду и везде называется часами «пик». Прозвенели звонки, возвестив всем живым, что они свободны от работы. Разом открылись тысячи шлюзов, выплеснув наружу нескончаемый людской поток. Он мгновенно захлестнул русла центральных проспектов, растекся по каналам боковых улиц и разветвился многочисленными ручьями по переулкам.

Если бы движение пешеходов поручили описать физику, он сказал бы, пожалуй, что в обычное время суток

оно подчиняется распределению Максвелла: можно встретить и бегущих прохожих, и неподвижно стоящих перед витриной. В часы же «пик» человеческая река течет одним общим потоком: почти нет обгоняющих, нет и отстающих.

В этот вечер один человек несколько выпадал из общего ритма. Он шел не торопясь, с трудом переставляя ноги. По виду он напоминал неудачливого коммивояжера, измотавшегося за день от бесплодных попыток сбыть свой товар, причем сходство с торговым агентом усиливалось еще тем, что в руках у человека был небольшой черный чемодан, в каком обычно носят образцы изделий.

Обгоняя незнакомца, прохожие то и дело задевали его, но он, казалось, не обращал на это никакого внимания. Время от времени он поглядывал на часы, но, вместо того чтобы ускорить шаг, двигался еще медленнее.

Наконец он свернул с главного проспекта на поперечную улицу, а затем углубился в лабиринт переулков. Чем больше он удалялся от центра, тем реже встречались ему прохожие.

Скоро человек оказался в узеньком, безлюдном переулке, неведомо как сохранившемся в этой части города. Это был тупичок, своеобразный аппендикс, притаившийся позади новых высоких зданий, укравших у него изрядную долю солнечного света. Здесь даже в ясный весенний день сизым дымом клубился сумрак, и от этого ветхие, все в пятнах сырости, покосившиеся домики казались еще более убогими и зловещими.

Незнакомец несколько раз приостанавливался, пытаясь прочесть на фонариках номера домов. Наконец ему удалось разобрать номер, хотя цифры и были съедены ржавчиной. Тогда он уверенно, но с предосторожностями, как будто его подстерегал снайпер, направился к стоящему в конце тупичка трехэтажному особняку с обвалившимся карнизом.

Переулок был в этот момент тих и пустынен, лишь в отдалении простучали кастаньетами чьи-то каблучки.

Подойдя к подъезду и убедившись, что на лестнице никого нет, незнакомец торопливо поднялся на второй этаж и остановился перед дверью, на которой была прибита эмалированная табличка с цифрой 3. Вдруг где-то на третьем этаже скрипнула дверная пружина, и резкий мужской голос прокричал:

— Паола, начинается!

Незнакомец окаменел. Тот, кто звал Паолу, должно быть, не собирался долго ее разыскивать. Дверь наверху захлопнулась, и вновь воцарилась тишина.

Незнакомец медленно вытащил из кармана черного плаща черные перчатки и стал натягивать их на руки. Делал он это весьма обстоятельно, расправляя каждый палец в отдельности. Трудно было понять, руководила ли им привычная аккуратность или желание хотя бы ненадолго, пусть на минуту, оттянуть главный момент.

Затем он раскрыл чемодан, вытянул толстый резиновый шнур и, шагнув к двери, решительно прикрепил его свободный конец к скважине замка. Теперь он действовал точными, хорошо рассчитанными движениями.

Проверив, хорошо ли держится шнур, незнакомец заглянул внутрь чемодана, повернул там какую-то ручку и, мгновение помедлив, нажал на кнопку звонка.

За дверью проскрипели шаги. Низкий голос спросил:

— Кто?

— Телеграмма, — глухо ответил незнакомец.

— Прекрасно, — сказал низкий голос. — Обождите минуту.

— Паола! — вновь позвали наверху. — Ты идешь?

Человек с чемоданом замер, вобрав голову в плечи. За дверью послышался характерный металлический звук: хозяин квартиры взялся за головку замка. И в то же мгновение человек на лестничной площадке быстро нажал внутри чемодана какую-то кнопку. В тишине дома отчетливо прозвучал короткий сухой треск, напоми-

нающий звук разрываемого полотна. За дверью ему тотчас ответил вскрик и мягкий стук упавшего тела.

Тогда незнакомец, не снимая перчаток, осторожно отцепил шнур, аккуратно защелкнул чемодан и быстрыми шагами стал спускаться вниз по лестнице.

Жалобно скрипнула парадная дверь.

— Паола, да где же ты! — прокричал голос с верхнего этажа. — Я только что чуть не умер от страха!

И все стихло.

...Если бы у случившегося был живой свидетель, то даже он вряд ли смог предположить, что странное происшествие в заброшенном переулке послужит началом целой цепи невероятных событий.

1. Две загадки в один вечер

Пока Фукс возился у запертой двери, комиссар Гард, облокотившись о перила, рассеянно наблюдал за тем, что происходит на лестничной площадке. Картина была привычной: там волновались жильцы, возбужденные приходом полиции. Их удерживали на почтительном расстоянии два агента, которые действовали с такой серьезной решительностью, как будто именно от них теперь зависела судьба расследования.

Внимание Гарда неожиданно привлек один жилец, пожалуй, самый нетерпеливый в толпе. Он уже предпринял несколько отчаянных попыток прорваться ближе к двери, что-то объясняя агентам и жестикулируя правой рукой. Это был пожилой человек, худой и костлявый, в махровом халате, полы которого то и дело распахивались. Агенты, не меняя выражения лиц, что-то отвечали ему — вероятно, «не велено» или «нельзя» — с тупым лаконизмом, свойственным одной лишь полиции.

Сделав знак Таратуре, Гард глазами указал ему на человека в махровом халате. Помощник с полувзгляда

понимал комиссара, и через секунду махровый халат уже был по эту сторону границы. Не дожидаясь вопросов, он первым делом и не без гордости сообщил, что именно ему полиция обязана своим приездом. В подтексте это должно было означать, что теперь полиция напрасно не желает признать его право находиться в центре событий.

Фукс еще колдовал у двери, а потому Гард располагал некоторым временем. Он не стал прерывать жильца, хотя, впрочем, тот и сам не собирался давать Гарду передышки. Азартный жилец сразу признал в нем «главного», хотя Гард был в обычном гражданском костюме, состоящем из серой пары, в мягкой серой шляпе и в плаще, который он сразу же по приезде снял и держал теперь на сгибе левого локтя. Но, очевидно, что-то специфическое было в его позе, взгляде, спокойно и достойно приподнятой левой брови, во всем его облике и манере. Это специфическое выражение не было свойственно Гарду в обычной обстановке, оно волшебным образом появлялось лишь «при исполнении служебных обязанностей», и Гард знал об этом, хотя и предпринимал иногда попытки сохранить цивильное «я» в служебные часы — увы, безуспешно.

Закурив сигарету, Гард покорно слушал человека в махровом халате. Тот говорил:

— Я только прилег, как вдруг слышу сквозь сон треск! Типичный осенний удар грома по двенадцатому разряду! Рвущееся полотно! Вы понимаете? И это — весной! Между тем готов провалиться сквозь землю, что в это время года гром бывает лишь шестого разряда, в крайнем случае не выше седьмого...

— Какого седьмого? — недоуменно спросил Гард, переглянувшись с Таратурой, который, в свою очередь, стоя за спиной жильца, повертел у виска пальцем.

Человек в махровом халате будто и не слышал вопроса комиссара. Он продолжал:

— Я вскочил. Прислушался... Тихо. Глянул в окно —

небо чистое! Моя квартира стеной к стене соседа. Странный человек, но это уж ваша забота, господин комиссар. Тогда я выглянул на лестницу. Никого. Ну, думаю, опять приснилось.

— Что значит «опять»? — быстро спросил Гард, но и этот вопрос был оставлен без внимания.

— И лег спать, комиссар. Глаза открыты. И тут меня вроде толкнуло! Ну не может гром по двенадцатому разряду идти весной! Не может! Накинул, простите, халат — и к телефону...

— Одну минуту... — Гард тронул человека рукой за плечо и повернулся к Фуксу: — Что у вас?

— Немного терпения, комиссар, — сказал Фукс. — Мне уже ясно, что семью семь — сорок девять.

Гард улыбнулся: старик в своем репертуаре. Если он говорит «семью семь — сорок девять», дело идет к концу.

— Так что же значит «опять»? — повернулся Гард к махровому халату, но того уже не было рядом.

Странный жилец, жестикулируя одной рукой, повторял свой рассказ Таратуре, разумеется не зная, что помощник Гарда никогда не отличался изысканной вежливостью.

— Вы мне мешаете, — сказал Таратура резко и отошел к Фуксу. — Надо поторапливаться, старина.

Фукс поднял на Таратуру страдальческие глаза.

— Чего только люди не придумывают, — сказал он мягко, с философскими интонациями в голосе, — чтобы усложнить мне работу! Как будто они не знают, что Фуксу уже не шесть лет и даже не шестьдесят, а хлеб не становится дешевле, чем был в Одессе, когда Фукс был ребенком.

С этими словами он пристроил к замку очередную хитроумную отмычку. Упрямый замок не поддавался, но вдруг, будто из сочувствия к Фуксу, прекратил сопротивление. Внутри его что-то мелодично звякнуло. Дверь отошла на миллиметр, а Фукс осторожно взял

Таратуру за локоть, предупреждая его намерение ринуться вперед. Агенты немедленно положили руки в карманы плащей, а человек в халате встал за спину комиссара Гарда.

Когда Фукс ногой резко толкнул дверь, отпрянув при этом в сторону с легкостью и прытью, никак не свойственной семидесятилетнему старику, Гард увидел, как в дверном проеме промелькнуло сверху вниз что-то блестящее и с силой грохнулось об пол. Толпа жильцов, с трудом сдерживаемая агентами, откликнулась общим выдохом, а Фукс, присев на корточки, вроде бы разочарованно произнес:

— Домашняя гильотина. Прimitив.

Фонарь Таратуры осветил темную переднюю. Толпа на лестнице с новой силой подалась вперед. Гард первым переступил порог и наклонился над телом. Рядом опустился на корточки врач-эксперт. Вдвоем они осторожно перевернули труп на спину.

— Здравствуй, Пит, — тихо и почему-то грустно произнес комиссар Гард, когда свет, включенный Таратурой, дал возможность разглядеть лицо мужчины. — Я знал, что рано или поздно нам предстоит такая встреча... Убит током?

— Да, комиссар, — подтвердил врач. — По всей вероятности, через дверной замок. Ваш знакомый?

— Пожалуй. Быть гангстером, доктор, тоже небезопасно.

— Убийство совершено довольно распространенным способом, — заметил Таратура. — Подключение переносного разрядника.

— Распространенным? — саркастически сказал Фукс, рассматривая в то же время входную дверь, обшитую изнутри стальным листом. — Это же не квартира, а настоящий блиндаж! Я уверен, господа, что в скором будущем убийства из-за угла начнут совершать с помощью индивидуальных мегабомб.

Гард отошел в глубь комнаты, сопровождаемый экспертом.

— Вы можете точно установить, когда наступила смерть?

Врач пожал плечами.

— Часа два-три назад.

— Мне нужно точно.

Эксперт промолчал.

— Таратура, — сказал Гард, — где этот махровый халат?

Искать обладателя халата не пришлось, он уже был рядом. Гард решительно подошел к нему:

— Когда вы слышали треск?

— Что? — наклонив голову, переспросил жилец.

— Я спрашиваю, в котором часу вы проснулись от вашего грома по какому-то там разряду?

— Я как раз прилег, — вновь начал жилец, как начинал не впервые в этот вечер, — и вдруг слышу сквозь сон...

— В котором часу это было, черт возьми? — вмешался Таратура.

Но Гард остановил поток красноречивых слов, уже готовых ринуться наружу после такого начала:

— Спокойно, Таратура, он, кажется, глух, как пень.

— В таком случае, — резонно заметил Таратура, — как он мог слышать треск?

И оба они внимательно посмотрели на хозяина махрового халата. Станный жилец тоже умолк, почувствовав какую-то неувязку, но лицо его сохраняло гордую улыбку, долженствующую, по-видимому, выразить его удовлетворение тем интересом, который он вызвал своей персоной у полицейских чинов.

— Вы меня слышите?! — вдруг заорал Таратура в самое ухо жильца.

— Да! — радостно воскликнул махровый халат.

— Но вы глухой? — нормальным голосом спросил Гард.

— Что? — спросил жилец.

— Вы глухой?! — заорал Таратура.

— Да! — не меняя радостной интонации, ответил жилец.

— Как же вам удалось услышать треск, похожий на гром? — прокричал Таратура.

Человек в халате закивал головой уже в середине вопроса, давая понять, что догадался, о чем его спрашивают.

— Дело в том, — сказал он, — что я действительно ничего не слышу. Кроме грома. Я, видите ли, заведую громом на телевидении. Цех шумов. Двенадцатый ряд — это осенний гром, а тут положено не менее шестого, но и не более седьмого, который бывает лишь весной, и когда я услышал...

— В котором часу? — перебил Гард, напрягая голосовые связки и показывая при этом для верности на свои часы.

Хозяин халата развел руками, с беспокойством глядя на полицейских. Таратура с досадой махнул рукой.

— Придется опрашивать жильцов, — сказал Гард. — Их все равно придется опросить. Займитесь, Таратура.

Через десять минут помощник Гарда сообщил, что никто из жильцов не замечал сегодня ничего подозрительного. О треске или тем более о грома вообще никто понятия не имел. Правда, все единодушно утверждали, что следует поговорить с какой-то Паолой с третьего этажа, девчонкой шустрой и все примечающей.

Гард поманил за собой Таратуру, и они поднялись вверх по лестнице. Из-за полуоткрытой двери одной из квартир доносились звуки телевизионной передачи. Таратура постучал, но никто не отозвался. Тогда они тихонько вошли внутрь.

У телевизора, впившись глазами в экран, сидели двое: тоненькая черноволосая девушка и курчавый рыжеватый парень. На полицейских они не обратили никакого внимания, хотя не могли не заметить их прихо-

да. Сейчас вся жизнь для них переместилась в плоскость телевизионной трубки.

— Уголовная полиция, — сухо сказал Гард.

Парень медленно повернул голову и посмотрел на комиссара затуманенным взором.

— Какая уголовная! — сказал он полушепотом. — Это гангстеры из «Бурого медведя», разве вы не видите? Верно, Паола?

— Конечно, — ответила девушка.

— Это мы из уголовной полиции, — почему-то тоже полушепотом сказал Гард, но его уже никто не слушал.

Комиссар никогда не смотрел гангстерских фильмов. Из принципа. Он считал их пародией на жизнь и на то серьезное дело, которым ему приходилось заниматься. И сейчас он лишь мельком взглянул на экран, успев увидеть серию пистолетных вспышек и множество тел, падающих на землю вокруг тонконого парня в джинсах.

В гораздо большей степени комиссара привлекло выражение лица Таратуры. Инспектор полиции, словно загипнотизированный, замер на месте, всматриваясь в экран. По лицу Таратуры можно было безошибочно определить все, что там происходит. Никогда бы Гард не подумал, что один из его ближайших помощников увлекается подобной ерундой.

Наконец револьверная мелодия сменилась музыкальной. На экране вспыхнула 'реклама новых бездымных сигарет, и увлеченные зрители вернулись к действительности.

Таратура смущенно посмотрел на своего начальника и, видимо желая исправить впечатление о себе, энергично двинулся к хозяину квартиры.

— Мы из уголовной полиции, — произнес он громче, чем это требовалось.

Парень и девушка переглянулись, но ничем не выразили своего удивления. «Фьють», — лишь тонко свистнула девушка.

— К вашим услугам, — сказал парень, не двигаясь с места.

— Вы не замечали чего-нибудь подозрительного в последние три-четыре часа? — спросил Гард.

— Как же! — невозмутимо произнес рыжеватый парень, как будто говорил о чем-то само собой разумеющемся. — Ровно в семь ноль-ноль на экране телевизора наблюдались сильные помехи. Секунд пять все мелькало, ничего нельзя было разобрать.

— Вы точно помните время? — спросил Гард.

— Еще бы, я заметил его специально.

— Специально? Но для чего?

— Ведь даже Паоле ясно, что такие помехи бывают в тот момент, — поучительным тоном сказал парень, — когда кто-то действует электрическим разрядником.

— Возможно, с преступными целями, — вставила Паола.

— Точно! — подтвердил парень.

— Откуда вы это знаете? — удивился Гард.

— Джо Слоу трижды пытались убить таким способом, — сказал парень.

— Джо Слоу, комиссар, это тот парень в джинсах, — счел необходимым пояснить Таратура.

— Поразительно! — только и смог сказать Гард.

Оказывается, и гангстерские фильмы могут приносить пользу! Впрочем, кто может точно сказать, кому первому пришла в голову плодотворнейшая мысль приспособить для убийства современную технику: гангстерам или изобретательным авторам телевизионных фильмов?

Как бы там ни было, а сейчас одной загадкой стало меньше. Спасибо Джо Слоу...

Инспектор и комиссар вновь спустились на второй этаж, где все еще хозяйничала полиция. Двое агентов рылись в письменном столе убитого, а третий разговаривал с кем-то по переносному радиотелефону.

— Вот что, Таратура, — распорядился Гард. —

Берите Джонстона и немедленно отправляйтесь на квартиру Эрнеста Фойта. Знаете, где это?

Таратура кивнул:

— Еще бы!

— Как только он появится, везите его ко мне.

— Вы думаете, комиссар...

— Почерк не его, но они давно конкурируют. Власть в корпорации можно было поделить только таким способом.

— Пожалуй, — согласился Таратура.

— Комиссар, — вмешался один из агентов, — сегодня у нас с вами будет веселая ночь: еще одно происшествие. Обстоятельства чрезвычайно загадочные...

— «Загадочные!» — повторил про себя Гард, беря трубку переносного телефона. Если говорить откровенно, по-настоящему комиссара полиции Гарда интересовала лишь одна загадка: дата собственной смерти.

— Старина, — услышал Гард в трубке голос своего давнего друга, дежурного инспектора, — сегодня мы, кажется, выполним недельный план, если все пойдет так, как началось.

— Чем ты хочешь меня порадовать? — спросил Гард.

— На даче, что по шоссе в сторону Вернатика, в пятидесяти километрах от города придушили парня.

— Почерк знакомый?

— В том-то и дело, комиссар, что из трех миллионов жителей города такой грубой работой могли бы похвастать почти все.

— Худо, худо, — сказал Гард. — Вот что, Роберт, с меня хватит того, что есть, а на дачу пошли... ну, хоть бы Мартенса. Он у тебя под боком?

— В баре. Ты думаешь, справится?

— Если дело обстоит так, как ты говоришь, то у

него не меньше шансов, чем у меня. Дай ему с собой собак и десяток агентов. Больше ничего нет?

— Слава богу!

— Да, Роберт, а кто убить?

— Сейчас гляну. — Прошло секунд пять. — Какой-то Лео Лансэре, тридцать два года.

— Кто он?

— Сотрудник Института перспективных проблем.

— Да? — На этот раз паузу выдержал Гард. — Подожди, Роберт, это несколько меняет картину. Дай мне подумать.

Гард почесал трубкой затылок. Институт перспективных проблем был давно известен комиссару еще по делу профессора Миллера, и по делу, связанному с пропажей Чвиза, и по убийству Кербера — короче говоря, если бы у Гарда спросили, какие люди или организации причиняли ему наибольшее количество хлопот, он не задумываясь ответил бы: притон госпожи Биренштайн, в котором периодически собирались все крупные гангстеры страны, и Институт перспективных проблем.

Гарду было уже не двадцать пять лет. Пора бы и утихомириться, — такое решение подсказывало элементарное благоразумие, но там, где начиналось благоразумие, кончался комиссар Гард.

— Роберт, ты меня слышишь? Давай Мартенса сюда ко мне, здесь его встретит Джонстон и все объяснит, а я сам поеду к этому, как его...

— Лео Лансэре, — подсказал Роберт.

— Ну и прекрасно. Высылай тогда собак, а количество агентов уменьши вдвое. Ясно?

— Как божий день.

Гард выключил рацию.

Таратура уже был готов двигаться дальше, он все понял и без специального разъяснения, и у него, как и у Гарда, забилося сердце и ноздри раздулись в предвкушении охоты. Таратура однажды чуть не лишился жиз-

ни из-за этого дурацкого Института перспективных проблем, не говоря уже о том, что по природе своей он был азартный игрок.

В течение трех минут Гард отдал необходимые распоряжения и вышел, сопровождаемый Таратурой. Получасом позже черный «ягуар» комиссара уже тормозил у въезда в загородную дачу. Здесь царила атмосфера, характерная для подобных случаев, но она не способна была удивить Гарда или хоть как-нибудь возмутить его профессиональное спокойствие. Небольшой темный двор был освещен фарами полицейских машин, успевших прибыть чуть раньше комиссара. Слышался приглушенный говор множества людей, тот самый, который режиссеры кино называют «гур-гуром». Ходили полицейские в штатских костюмах, хлопали двери, работали видеокамеры, вероятно снимающие все подозрительное, что бросалось в глаза. И между тем Гард знал, что где-то там, в доме, есть комната, в которую никто не входит — по крайней мере с тех пор, как туда вошел убийца, а затем первый обнаруживший преступление человек.

Там покойник.

Все разложено на столе в полном порядке, не сдвинута мебель, не перевернуты бумаги, нет никаких пятен крови — никаких следов борьбы. Гард тут же оценил это обстоятельство, стоя у порога, еще не переступив его. Молодой человек, неестественно высоко закинув голову за спинку кресла и вытянув вперед ноги, сидел перед своим рабочим столом. Глаза были открыты. Их стеклянный взгляд произвел на комиссара неприятное впечатление: это были глаза самоубийцы, отлично знающего, на что он идет, и принимающего смерть как должное. Но вот — открытое окно, порванная штора, грязные следы на подоконнике: через это окно ушел убийца. Он действовал в перчатках, это видно по расплывшимся следам на шее у погибшего, но действовал грубо, прямолинейно, решительно. Лео Лансэре не

успел, вероятно, даже привстать с кресла, к нему подошли сзади и без слов схватили за горло.

— В морг, на вскрытие, — коротко приказал Гард. — Кто из свидетелей есть в доме?

— Вас ждет супруга убитого, — сообщил агент. — Она в соседней комнате. Говорит, что знакома с вами.

«Возможно, — подумал Гард, направляясь в указанную ему комнату. — Хотя, впрочем, чем выше занимаемый пост, тем меньше знакомых...»

На кушетке полулежала женщина, которой на вид можно было дать не менее сорока лет. Комиссар сразу узнал ее и тут же понял, что час мучительных переживаний на целые годы состарил лицо этой миловидной дамы.

— Луиза? — сказал Гард, подходя и присаживаясь на край журнального столика. — Меньше всего ожидал встретиться с вами после дела Кербера... Ну успокойтесь, не надо плакать, теперь уж ничего не исправишь.

«Напрасно, напрасно я все это говорю, — подумал про себя Гард. — Ее ничто сейчас не успокоит. Бедняжка...»

С момента их последней встречи прошло не менее пяти лет. И — нате вам, такая неожиданность: Луиза — супруга Лео Лансэре! Н-да, человек она не простой, быть может, несколько авантюрный. Но сейчас, в эту минуту, Гард был далек от подозрения, видя распухшее от слез лицо Луизы.

— Я пришла к нему в комнату... — начала было рассказывать женщина, но Гард остановил ее:

— Не надо, Луиза, вам следует прийти в себя, успокоиться, потом поговорим.

Луиза несколько раз всхлипнула, тяжело вздохнула и вдруг резко села на кушетке:

— Комиссар, я, кажется, знаю, кто это сделал!

— Спокойно, спокойно, Луиза, я никуда не тороплюсь, — сказал Гард.

У него был неисчерпаемый запас доброжелатель-

ности. Другой полицейский, зная прошлое Луизы, немедленно «взял бы ее на мушку», как говорил покойный Альфред Дав Купер. Но за тем пределом доброжелательности, за которым у прочих людей начинается подозрительность, у Гарда еще был кусочек терпения.

— Не надо, Луиза, я никуда не тороплюсь, — еще раз сказал Гард.

2. Дневник

Было за полночь. Чистое ночное небо заволокли тучи, и по стеклам застучал совсем не весенний дождь. Гард сидел за столом и молча рассматривал толстую тетрадь — записи Лео Лансэре, найденные в одном из ящиков стола среди бумаг.

Мягко светила неяркая лампочка под зеленым колпаком. В гостиной, обставленной с довольно наивной претензией на шик, затаилась тишина, и можно было подумать, что комиссар полиции проводит в этом уютном местечке свой очередной уик-энд, если бы не полицейский, стоящий неподвижно у окна, и еще один — у двери, и еще трое, сидевших в креслах, расставленных по темным углам. И еще оцепеневшая Луиза, сжавшаяся в комочек на диване. Пожалуй, больше ничего не напоминало о трагедии, разыгравшейся здесь несколько часов назад.

Комиссар вновь попробовал представить себе, как это было. Незвестный неслышно проник в кабинет, подкрался к сидевшему за письменным столом Лансэре и сомкнул на его горле пальцы в перчатках. Через какие-то мгновения Лансэре исчез, остался лишь труп, безразличная ко всему мертвая оболочка. И в это время за дверью неизвестный услышал шаги — это были шаги Луизы. Что еще успел сделать убийца за те секунды, которые понадобились Луизе, чтобы открыть дверь? Незвестно. Во всяком случае, Луиза увидела только, как он

выпрыгивал в окно и как его длинная тень скользнула по слабо освещенному двору. Долго ли преступник пахотился в кабинете? Три минуты, час, сутки? Пришел, чтобы убить, или долго сидел, спрятавшись за портьерой, и терзался сомнениями?

К сожалению, обо всем этом Гард не мог знать. Следов убийцы не было. Никаких. Даже на клумбе, что была внизу под окном. Очевидно, убегая, он сумел сразу допрыгнуть до твердой каменной дорожки. Ну что ж, довольно сложный прыжок уже можно расценивать как своеобразную улику, как чрезвычайно слабый, но все же след!

И еще одна загадка. Убийца ничего не взял: ни денег, что лежали в незапертом ящике письменного стола на самом верху, ни дорогого обручального кольца с пальца жертвы, ни даже крохотной гравюры кисти Реальда Кира. Впрочем, одну вещь преступник все же захватил с собой: старинные карманные часы, напоминающие по форме луковицу. Это была сущая безделушка, не имеющая никакой стоимости, — память о деде Лео Лансэре, который несколько десятков лет назад еще пользовался этой серебряной луковицей. Пропажу часов довольно скоро обнаружила Луиза, после того как комиссар попросил ее внимательно осмотреть все вещи и предметы, находящиеся в комнате. Она бы не заметила и этой ничтожной пропажи, если бы не знала о том, что покойный последние три-четыре месяца играл часами, как играют малые дети. Зачем убийце понадобилось это старье? Возможно, часы просто попали ему под руку, а большее опустошение он не успел сделать, напуганный приходом Луизы? Или это был трюк, долженствующий своей алогичностью увести полицию на ложный путь расследования? Или, преследуя какие-то особые цели, личные или политические, преступник имитировал ограбление, — и такое бывало в практике Гарда.

Увы, обо всем этом можно только гадать без всякой

надежды на успех. Вот только дневник Лео Лансэре, о существовании которого не знала даже Луиза, — быть может, он прольет какой-нибудь свет на происшедшее?

Гард подвинул тетрадь поближе и открыл первую страницу.

«15 апреля 19... года. Я начинаю дневник, — прочел комиссар слова, написанные твердым, четким почерком. — Я начинаю его, потому что боюсь: меня убьют. Если это произойдет, пусть мои записи послужат предостережением...»

Гард поднял голову:

— Скажите, Луиза, у вашего мужа есть сейф?

Луиза пошевелилась в своем углу, потом до комиссара донесся ее тихий голос:

— Нет, комиссар, но некоторые документы или еще что-то он запирает в левом ящике стола. Этот ящик негораем.

— А ключ?

— Всегда носил на шее, вы же видели, иначе мы не открыли бы ящик.

— Благодарю вас, Луиза. Простите, что я вынужден иногда задавать вам такие вопросы... Кстати, вы знали, над чем работал ваш муж?

Луиза помолчала.

— Нет, комиссар, — наконец сказала она, — свои занятия он держал от меня в секрете.

— Только от вас?

— Не знаю.

Гард вернулся к столу и стал читать дальше:

«Это волновало меня давно. Почему один человек легко сочиняет стихи, другой умеет рисовать, третий оперирует сложнейшими формулами, а мне все это никогда не дано испытать? Я знаю математика, способность которого ориентироваться в неразберихе абстрактных символов просто поразительна. Как он это делает? Величайшая, непостижимая тайна другой лич-

ности! Я думал об этом много, но только сейчас нашел путь. Кажется, верный. Бинарная сигма-реакция с четырехмерной переориентацией унитарных тримплексов!..»

— Луиза, что такое тримплексы? — спросил Гард.

— Простите, комиссар, но этого я тоже не знаю.

«Я убежден, что именно в этом все дело, — читал дальше Гард. — Сегодня приступаю к опытам. При этом отчетливо сознаю, чем мне это грозит. Но я вступил на этот страшный путь и пройду по нему до конца. Если со мной что-либо случится, дневник кое-что объяснит. Разумеется, все, что я напишу в этой тетради, будет записано с помощью терминов, значение которых известно только мне. Я не хочу, чтобы кто-нибудь мог повторить мои опыты. Это слишком опасно. Но я знаю, что когда-нибудь люди научатся расшифровывать любые загадки. К тому времени человечество будет гуманным, ему не страшна станет даже моя раскрытая тайна. Тебе я пишу, завтрашний день мира!»

«Он не лишен сентиментальности, — подумал Гард, переворачивая страницу за страницей. — Но какова же его тайна, черт возьми? И способно ли ее раскрытие пролить хоть капельку света на преступление?»

Дальше, почти на десяти или пятнадцати страницах, шло подробное описание каких-то непонятных Гарду экспериментов. Значки, цифры, формулы, иносказания, восклицательные и вопросительные знаки, странные термины... Наконец, ближе к концу, появились записи, которые Гард назвал про себя «человеческими».

«Сегодня Он поинтересовался, чем я занимаюсь дома и по вечерам в лаборатории. Я что-то ответил, скорее всего невразумительное, и Он, конечно, стал что-то подозревать. К сожалению, у меня нет другого выхода: эти опыты я могу ставить только в лабораторных условиях, а Он редко уходит раньше меня».

Затем снова шли цифры и формулы, и каждый столбик венчался лаконичным: «Провал», «Провал», «Провал!», «Провал!!» И наконец: «Кажется, придется посвя-

тить Его в мои дела. Детали и самое главное останутся известны только мне, и без меня Он все равно ничего не сможет сделать. Но основную идею придется Ему сообщить. Мне необходима Его помощь, хотя я прокляну тот момент, когда увижу его кривую улыбку, обращенную ко мне после признания!»

Последние три страницы состояли из одних цифр и знаков. Последняя страничка содержала две лаконичные записи:

«Я сказал Ему. Он вникнул. Он дал совет. Я олух! Как я не сообразил, что сигма-реакцию надо вести в отрицательном режиме! Я попробую. Но теперь Он знает почти все...

Попробовал. Получилось!!! Правда, не совсем то, на что я рассчитывал, но все равно грандиозно! Люди, вы нашли то, что всегда искали и чего всегда боялись!!! Я могу дать вам в руки надежду и страх!»

На этом дневник обрывался.

Гард в задумчивости поднял голову, посмотрел в темень за окном, прислушался к перестуку дождевых капель о карниз.

Что прибавило ему чтение дневника, осложнило или облегчило решение загадки? Ясно, что убийца не был случайным человеком, он действовал умышленно, заранее обдумав преступление. Его целью могло быть либо устранение конкурента, либо завладение самим открытием; что, впрочем, не исключало и убийство Лео Лансэре. В таком случае, преступник должен был знать о дневнике или предполагать, что запись экспериментов ведется. Если так, он должен был более тщательно подготовить свою акцию, но почему-то не подготовил, если дневник сейчас находится не у него, а в руках комиссара Гарда. Стало быть, либо преступник действовал неумело, либо ему помешали довести задуманное до конца. Но если помешала Луиза — а кроме нее и спящего ребенка, в доме никого не было, — матерый преступник пошел бы еще на одно убийство, благо цель у него

была безмерной важности. Почему же удрал, испугавшись слабой женщины? А если не хотел ее убивать, то лишь по одной причине: действовал с ней заодно. С другой стороны, если они были в сговоре, то почему не воспользовались ключом, о существовании которого Луиза знала?

«Стоп, пора остановиться в своих подсчетах, — решил Гард. — Вариантов так много, что дальнейшие рассуждения лишь принесут вред».

Он внимательно осмотрел ящик стола. Ни царапин, ни трещин, никаких следов, говорящих о попытке открыть ящик без помощи ключа. Ну-с, а что же Луиза?

Гард поднялся и вновь подошел к кушетке.

— Вы уверены, Луиза, что ваш муж всегда носил ключ на шее?

— Как носят крест верующие, — сказала Луиза.

— Вы когда-нибудь сами открывали этот ящик?

— Нет.

— И вас не интересовало, что там лежит?

— Простите, комиссар, но я никогда не ревновала Лео.

«Н-да, — подумал Гард, — она непробиваема».

— В таком случае, я прочитаю вам его дневник.

Женщина всплеснула руками.

— Не надо, комиссар, умоляю вас! Мне кажется, там написано нечто такое, что может изменить мое мнение об отце моего ребенка! Умоляю вас, комиссар, если я права, дайте мне возможность сохранить о муже самые добрые воспоминания!

— О нет, Луиза, не беспокойтесь, там нет ни слова из того, что вы сейчас придумали. Там всего лишь описание опытов...

— Они меня уже давно не интересуют, комиссар.

— Ну что ж, прекрасно. Тогда перечислите мне всех сослуживцев супруга по лаборатории, которых вы знаете.

— Начать с шефа?

— Как вам угодно.

Выражение лица Луизы стало жестким и неприятным, но ровно через секунду оно приняло свое обычное выражение.

— Профессор Грег Грейчер, — лишенным окраски голосом произнесла Луиза. — Научный сотрудник Берток, научный сот...

— Минуту, — прервал Гард. — Скажите откровенно, вы не любите шефа?

Луиза молчала.

— Вы боитесь его? — быстро спросил Гард. — Ну, отвечайте, отвечайте же!

— Да, комиссар. Боюсь и не люблю.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, из-за того, что так же к нему относился Лео.

— А Лео почему?

— Не знаю.

— Как называл шефа ваш супруг? — спросил Гард.

— Шефом.

— А по имени?

— Иногда по имени.

— А говорил о нем «Он» или «Ему», «Его»?

— Не понимаю.

— Ну, он с удовольствием произносил его имя?

— Вы шутите, комиссар?

Гард умолк. Ему казалось, эта женщина искренне стремится помочь, и между тем где-то подсознательно у комиссара вновь возникла мысль о ее непробиваемости.

— Ладно, Луиза, оставим этот разговор. Последний вопрос: шеф бывал когда-нибудь в этом доме?

— Нет, комиссар. Во всяком случае, при мне. И Лео никогда не говорил о его визитах.

— Вы очень устали?

— Да.

— Джонстон, проводите Луизу в спальню.

— Я хотела бы остаться здесь, комиссар.

— Пожалуйста. Спокойной ночи. — Гард направился к двери, увлекая за собой полицейских агентов. Остановившись в дверях, он в последний раз повернулся к Луизе: — Прошу прощения, Луиза, но вы когда-нибудь видели, как улыбается шеф?

— Не помню.

— Не так? — И Гард скривил губы в улыбке.

Луиза долго глядела на комиссара недоумевающим взглядом, а потом тихо произнесла:

— Я не хочу вас обидеть, комиссар, но вам не кажется, что вы ведете себя глупо?

Быть может, впервые за сегодняшний вечер комиссар Гард смутился. Он убрал кривую улыбку со своего лица и, пробормотав какие-то извинения, вышел из комнаты.

Впрочем, дойдя до машины, он уже был самым собой и даже успел представить себе почтенного профессора Грегa Грейчера, душащего своего ассистента, а затем выпрыгивающего в окно. Малая правдоподобность картины не ухудшила настроения комиссара. «Чем больше тайн и загадок, тем проще их решение». Он уже давно понял справедливость этой мысли, высказанной еще Альфредом Дав Купером.

3. Алиби

Профессор Грег Грейчер встретил комиссара, стоя посреди обширного кабинета, почти сплошь устланного мягкими коврами и со всех сторон заставленного книжными полками.

— Комиссар полиции Гард, — представился вошедший.

— Чем могу служить? — сухо произнес профессор. Гард рассыпался в извинениях.

В кабинете была зажжена большая люстра под потолком, два настенных бра и еще настольная лампа. «К чему такая иллюминация? — успел подумать Гард. —

Возможно, профессор специально хочет подчеркнуть, что абсолютно чист: так сказать, смотрите, мне скрывать нечего. Или он просто боится сумрака? И в том и в другом случае это подозрительно. В усиленном освещении «сцены» есть нечто театральное, а театральное в жизни всегда нарочито. Что же касается страха перед темнотой, то для человека, только что совершившего преступление, такой страх вполне закономерен. Впрочем, — тут же остановил себя Гард, — я почему-то для себя решил, что Грейчер — преступник, а это еще слишком преждевременный вывод. В конце концов, есть тысяча причин, по которым можно включать все лампы в собственном кабинете».

— Только, пожалуйста, говорите тише, — все с тем же недовольным, почти брезгливым выражением лица произнес Грейчер. — Жена и дочь уже спят. Правда, они в дальних комнатах, но я не хотел бы их случайно потревожить. Так в чем дело, комиссар?

Грейчер не предлагал Гарду сесть и продолжал стоять сам, как бы подчеркивая этим, что рассчитывает на кратковременность визита. И, поскольку Гард не торопился задавать вопросы, профессор откровенно нервничал, что показалось Гарду естественным. Грейчер явно успокоился лишь тогда, когда комиссар, попросив разрешения закурить сигарету, спросил его о Лео Лансэре. Сотрудник лаборатории Лео Лансэре? Что ж, талантливый молодой человек, хороший ученый, подает большие надежды. О нем профессор не мог сказать ничего плохого. Аккуратен, исполнительен, отлично выполняет любое задание. Это все, что интересует комиссара полиции?

— У Лансэре самостоятельная научная тема или он только ваш ассистент, профессор?

Грейчер снисходительно улыбнулся, и Гард с некоторым неудовольствием отметил, что улыбка профессора вполне нормальна.

— Должно быть, комиссару полиции неизвестно, —

сказал Грейчер, — что в институте собственные темы имеют только руководители лабораторий. Когда Лансэре дорастет до самостоятельной работы, он, вероятно, тоже получит свою лабораторию. Однако...

— Благодарю вас, я действительно этого не знал, — с невинным видом признался Гард. — Но я имею в виду ту работу, которой сотрудники посвящают свое свободное время. Признайтесь, профессор, ведь вы по ночам тоже занимаетесь чем-то для души? Вот и сегодня, например? У вас освещение как при киносъемке.

— Одни любят темноту, другие свет. А ночные дела моих сотрудников меня не интересуют.

«Так, — отметил про себя Гард. — Ложь номер один».

— А в связи с чем, позвольте спросить, вас интересует Лео Лансэре? — несколько запоздало поинтересовался профессор.

И комиссар не преминул отметить, что это опоздание могло быть вызвано как естественной тактичностью интеллигентного человека, так и боязнью проявить слишком большой интерес к опасной теме.

— Я хотел бы знать, господин профессор, — сказал Гард все тем же почтительно-просительным тоном, которого он придерживался с самого начала, — где вы были сегодня вечером между девятью и десятью часами? Разумеется, — добавил он, — я приношу свои искренние извинения за столь бесцеремонный вопрос, но такова моя служба.

— Я не даю отчета даже собственной жене, — резко сказал Грейчер, но тут же взял себя в руки. Разумеется, он ответит на вопрос, если комиссар настаивает. — Дело в том, — профессор вновь улыбнулся, на этот раз смущенно, — что в интересующие вас часы я находился в клубе «Амеба», где — ради бога, не удивляйтесь, — играл в вист. Вист — моя страсть.

И короткая вспышка профессора, и то, как он сдержал себя и как ответил, — все это выглядело естествен-

но. Из абстрактного «подозреваемого» профессор все более превращался в живого, нормального человека.

— Ну что ж, — мягко сказал Гард, — я не могу вам не поверить, но вынужден, к сожалению, задать еще вопрос: когда вы вернулись домой?

Про себя же Гард подумал, что если профессор все же противник, то противник, бесспорно, умный и отлично владеющий собой.

— Я вернулся домой... — профессор задумался, вспоминая, — около десяти часов. Из клуба же уехал в половине десятого, если это вас интересует.

— Кто может подтвердить ваши слова?

— Они нуждаются в подтверждении, комиссар? — искренне удивился профессор. — До сегодняшнего вечера все верили, что если я говорю, то говорю правду.

— И я не смею не верить. Отнеситесь к моим сомнениям как к чистой формальности.

Грейчер вновь задумался.

— Слава богу, — сказал он, — что в вист одному играть невозможно. Иначе вы поставили бы меня в затруднительное положение. Со мной за столом сидели... — И он назвал несколько фамилий, небезызвестных комиссару Гарду.

— Надеюсь, вы найдете достаточно тактичный способ расспросить этих людей, дабы не бросать на меня тень подозрений, не знаю уж, право, в связи с чем?

— Можете не беспокоиться, профессор, — сказал Гард. — А когда вы пришли в клуб?

— Приблизительно около девяти... — Профессор снова задумался, и это раздумье тоже было естественным.

Итак, ясно: у профессора Грегга Грейчера абсолютно надежное алиби, поскольку убийство Лансэре произошло между девятью и десятью вечера. И ведет он себя без тени волнения. Гард невольно взглянул на руки собеседника. Руки часто выдают то, что удастся скрыть поведением, голосом и выражением лица. Но руки про-

фессора с длинными, тонкими пальцами скрипача спокойно отдыхали на спинке кресла. Трудно было представить себе, что эти музыкальные пальцы несколько часов назад сжимали смертельной хваткой горло человека.

— Вы не играете на скрипке, профессор? — спросил вдруг Гард.

— Простите, комиссар, — холодно ответил Грейчер, — но мне надоела наша беседа. В чем, наконец, дело?

«Пора сказать», — решил Гард. Он сделал шаг по направлению к Грейчеру и, глядя ему прямо в глаза, произнес:

— Дело в том, что четыре с половиной часа назад у себя на даче был убит Лео Лансэре.

Да, Грейчер побледнел. Но это еще ни о чем не говорило. Как иначе мог вести себя профессор, выслушав сообщение о трагической гибели своего ассистента?

— Как это произошло? — глухо спросил Грейчер.

— Его задушили.

— Кто?

— Я скажу вам об этом чуть позже.

— Но вы-то знаете кто?

Гарду показалось, что где-то в глубине глаз профессора мелькнуло нечто похожее на беспокойство. Быть может, только показалось?

— Простите, профессор, но мое служебное положение позволяет задавать вопросы, а не отвечать на них, — сказал Гард. — Возможно, мне еще придется прибегнуть к вашей помощи.

— Буду рад, — сухо ответил Грейчер и вновь улыбнулся, и холодные мурашки пробежали по спине комиссара Гарда: саркастическая кривая улыбка на мгновение сделала лицо профессора неузнаваемым.

Не всегда человек способен определить, какими путями приходит к нему та или иная мысль. Далеко не во всех случаях счастливая мысль всходит на дрожжах

логики, иногда она возникает сама собой, внезапно, подобно вспышке молнии, а иногда ее формируют сложные и отдаленные ассоциации. Гард уже собрался было переступить порог кабинета, как вдруг что-то заставило его обернуться. Профессор Грейчер стоял на том же месте, полный спокойствия. Лицо его ничего не выражало. Оно было непроницаемо холодным. И тем не менее Гарда словно обожгло.

«Грег Грейчер, вы — убийца!» — чуть не сказал он, совершенно уверенный в непостижимой справедливости этих слов.

Снова черный «ягуар» стремительно промчался по пустынным ночным улицам города, тревожно подмигивая оранжевым сигналом, установленным на крыше.

В кабинете комиссара уже был Таратура. Гард, не снимая плаща, уселся в кресло, затем вопросительно взглянул на инспектора. Таратура утвердительно кивнул головой.

— Разумеется, ты ему ничего не сказал? — на всякий случай спросил Гард.

— Конечно, сэр.

— Ну что ж, приступим к загадке «номер два»? Или, если считать в порядке поступления, «номер один»?

Через минуту в кабинет входил невысокий человек лет сорока пяти, одетый с подчеркнутой небрежностью преуспевающего бизнесмена. Это был Эрнест Фойт. Не дожидаясь приглашения, он опустился в кресло напротив комиссара, любезно кивнул ему. Эрнест Фойт вел себя так, словно явился на свидание с близким другом. Они и в самом деле были довольно хорошо знакомы — полицейский комиссар Гард и глава одной из самых влиятельных гангстерских корпораций Эрнест Фойт.

Станные между ними сложились отношения. Гард отлично знал, кто такой Фойт, но вот уже десяток лет ничего не мог с ним поделать. Сам Фойт не нарушал

законов. Ни поймать его за руку, ни доказать его связи с людьми, совершающими дерзкие и крупные преступления, полиция не могла, хотя все отлично понимали, что сценарии преступникам писал Эрнест Фойт. Сперва эта гримаса правопорядка выводила Гарда из себя, но постепенно он привык к Фойту, как привыкают к неизбежному. Комиссар и Фойт с некоторого времени стали относиться к сложившемуся положению с известным юмором.

— Вот что, старина, — сказал Гард, — возникла ситуация, при которой мне придется снова пощекотать вам нервы, вы уж простите.

Фойт поклонился, приложив руку к груди: вхожу, мол, в ваше положение, комиссар, и выражаю искреннее сочувствие.

— Сигарету? — любезно предложил он комиссару, шелкнув массивным золотым портсигаром. — Если не ошибаюсь, вы курите «Клондайк»?

Гард с удовольствием принял сигарету, предложенную Фойтом.

— Что же касается щекотки, — добродушно улыбаясь, продолжал Фойт, — то я не против. Надоела пресная жизнь, комиссар! Но, полагаю, вы не забыли, что всякий раз, когда вы щекотали мне нервы, расстраиваться приходилось вам?

— Увы! — вздохнул Гард. — И все же я надеюсь, что подберу к вам ключик. Вдруг сейчас, а?

— Ах, комиссар, — укоризненно улыбнулся Фойт, — проходит время, а вы все еще очень молоды! Не знаю, что у вас сегодня случилось, но я в этом не виноват.

— А я разве что-нибудь сказал? — в тон Фойту произнес Гард улыбаясь. — Но не буду интриговать вас понапрасну. Сегодня вечером был убит — скрывать от вас все равно нет смысла, крепись, старина! — Пит Морган.

Фойт не скрывал своей радости.

— Комиссар! — воскликнул он, приподнимаясь с

кресла. — Ваши люди привозят меня сюда, я жду несколько часов, думаю бог знает о чем, а вы скрывали так долго приятную новость! Нехорошо. Быть может, это и не по-христиански, но лучшего подарка вы не могли бы мне преподнести. Я слишком уважаю вас, комиссар, чтобы сказать по этому поводу что-нибудь другое.

Гард молча выслушал тираду Фойта. Когда тот умолк, комиссар с величайшим вниманием стал разглядывать свои ладони. Словно бы между прочим сказал:

— А теперь, Эрнест, я хотел бы услышать от вас четкое и ясное изложение вашего алиби.

— Вы плохо ко мне относитесь, комиссар, — серьезно сказал Фойт. — Неужели вы до сих пор не оценили мои умственные способности и сообразительность по достоинству?

— Что вы имеете в виду?

— Я с удовольствием изложу свое алиби, но предварительно хотел бы знать, когда именно мой бедный друг Пит Морган покинул этот грешный мир. Вы, разумеется случайно, забыли сообщить мне часы.

— Это случилось, Эрнест, ровно в семь вечера.

— Прекрасно. Пит благороден, как всегда: он умер в тот самый час, когда я был вне всяких подозрений. Итак, комиссар, записывайте. В четыре дня у меня было совещание. В пять я просматривал заказной фильм, — кстати, он был бы полезен и вам, поскольку касается вашей профессии. Что же потом? Ну конечно, Пит — истинный джентльмен!

Фойт с детской улыбкой посмотрел на Гарда.

— У меня не очень много времени, Эрнест, — спокойно произнес комиссар.

— Прошу прощения. Так вот, от шести до восьми вечера я сидел в кафе «Золотой лист» и пил... Если потребуется, я могу припомнить, что именно я пил, комиссар.

— Лучше припомните с кем.

— Подтвердить это обстоятельство может, например, Билл, но вы ему не поверите. Филс тоже не годится в свидетели. Верно я говорю, комиссар?

— Я жду, Эрнест.

— Прошу прощения, — Фойт галантно поклонился, явно издеваясь над Гардом, который уже понял, что ключика к Фойту и на этот раз не будет. — О, как же я мог забыть! У меня есть отличный свидетель. Надеюсь, вы доверяете Хьюсу?

Гард посмотрел на собеседника, прищурив глаза.

— Но, если вас устроит Круазо, я могу ограничиться им.

Круазо был хозяином «Золотого листа», Гард знал этого человека.

— Такой ход не по правилам, Эрнест, — сказал он. — Продолжайте разговор по поводу Хьюса.

— Надеюсь, вы ему потом скажете, что сами вынудили меня прибегнуть к его помощи? Отлично! Со мной за столиком сидел почтенный Хьюс.

Гард поднял телефонную трубку.

— Хьюса. Алло? Это я, Гард. Ты уже протрезвел, Хьюс? Хм, тебе уже пора привыкнуть к тому, что я всегда все знаю... Что?! В порядке служебных обязанностей?! Допустим, ты был в «Золотом листе» по служебным делам. Когда? Так. Прекрасно: мой агент пьет за одним столиком с Фойтом. Поздравляю!

Комиссар бросил трубку.

«Еще одно алиби, — тоскливо подумал он. — Хорошенький вечерок!»

Фойт внимательно глядел на задумавшегося комиссара, чуть-чуть покачивая носком ботинка. Гард думал долго, и Фойт успел несколько раз переложить ногу на ногу. Он очень не любил, когда комиссар умолкал. Он вообще не любил молчащих людей, угадывая большую опасность в них, нежели в говорящих. Кто его знает, что творится в голове молчащего человека, какие логические выкладки он там делает, к какому выводу придет? Ког-

да же мысли человека на кончике языка, живется много спокойней, не говоря уже о том, что мысли вслух дают возможность подготовить достойный ответ...

Гард думал. Он думал о том, что слишком надежное алиби не менее подозрительно, чем его отсутствие. Надо же устроиться так, чтобы в момент убийства Пита Моргана сидеть в кафе за одним столиком с самым верным агентом Гарда! Алиби Грейчера тоже непробиваемо, хотя... хотя от сотрудников Института перспективных проблем можно ожидать всего, чего угодно.

— Только умоляю вас, комиссар, не увольняйте Хьюса, — сказал вдруг Фойт, не выдержав гнета молчания.

— И не подумаю, — спокойно сказал Гард. — Ведь вы же во сне видите его уволенным, Фойт. Вы его боитесь. С Хьюса хватит элементарной взбучки.

4. Тупик в лабиринте

Гибель гангстера волновала Гарда меньше, нежели смерть Лео Лансэре. Девять против десяти, что корни этого дела уходят в преступный мир, который для полиции, слава богу, не потемки. Кроме того, нельзя гнаться сразу за двумя зайцами.

Убийство Лансэре оставалось полной загадкой. Дневник его был необычен, образ жизни — зауряден, скрытая от всех работа — таинственна, намек на шефа — зловещ, способ убийства — банален. Но, быть может, у Лансэре были приступы вялотекущей шизофрении? Ну что ж, задание определить его психическую полноценность уже дано, надо дожидаться результата. Но, предположим, появление дневника объясняется шизофренией — что тогда? Дневник становился тривиальным бредом, важная работа — мифом, а смерть — еще более загадочной. Впрочем, возможны и другие перестановки: жизнь — самая высшая из математик.

На рассвете Гарду доставили медицинскую карточку Лео Лансэре, обязательную для всех сотрудников Института перспективных проблем, поскольку они часто имели дело с повышенной радиацией. Просмотрев сложенную в восемь раз картонку, в которой типографский шрифт перемежался записями врача, Гард разочарованно вздохнул. За последние три года Лансэре ни разу не обращался к врачам по собственной инициативе. Данные последнего профилактического осмотра свидетельствовали о легком неврозе — недомогании столь же обычном для современных людей, как элементарный насморк.

Комиссару после бессонной ночи никак не хотелось ехать к жене покойного, но ехать было необходимо. Заключение психиатра, изучающего дневник Лансэре, каково бы оно ни было, следовало подкрепить и собственными впечатлениями. Откуда их черпать, как не из беседы с Луизой?

...«Ягуар» мягко притормозил возле дачи. К машине подошел дежурный полицейский.

— Происшествий не было? — поеживаясь от утреннего холода, спросил Гард, совершенно уверенный в том, что вопрос напрасен.

— К ней кто-то приехал, комиссар, — быстро произнес полицейский, — но, как вы распорядились, я не стал задерживать.

— Правильно, — вяло заметил Гард. — Какой он из себя?

— Она встречала его у ворот. Коренастый, стриженный, лет тридцати пяти...

— Ага... Ну ладно.

Не удержавшись, Гард зевнул. У полицейского дрогнули мускулы щек, ему тоже зевалось, и он с трудом сдержался при комиссаре. Гард понимающе кивнул, и полицейский улыбнулся.

Сквозь густые кусты сирени едва проступала веранда. На ней жалко и ненужно горела под потолком

электрическая лампочка. Гард неторопливо побрел по бетонной дорожке, с наслаждением дыша чистым воздухом и приглядываясь ко всему так, словно он был не официальным лицом, а ранним гостем, не уверенным, стоит ли будить хозяев. Дневной свет, отогнав мрачную таинственность ночи, превратил дачу и все вокруг нее в тихий, мирный уголок.

Он стукнул негромко, но стекла веранды отозвались мелким дребезжаньем. Внутренняя дверь стремительно распахнулась, и в темном проеме возникла Луиза, прижимая у шеи ворот халата.

— Это я, Гард, — сказал комиссар.

Луиза и без того узнала Гарда, и на ее лице отразилось облегчение. Она поспешно пересекла веранду, повернула головку замка, но тот не поддавался, и ей пришлось налечь плечом на дверь.

— Прошу вас, входите, — сказала Луиза, смахивая с ближайшего стула детские игрушки. — Хотите чаю?

— Не откажусь, — сказал Гард. — Но лучше кофе, если вам все равно.

Луиза вышла, кивнув головой. Гард сел за круглый столик, покрытый пластиковой клеенкой, и огляделся. На полу веранды были разбросаны вещи — так, словно их начали упаковывать в чемоданы, да и бросили. Комиссар решил не торопиться с выяснением, а вести себя так, будто он зашел без всякой цели — просто поведать бедную женщину. Луизе предстояло освоиться с приходом комиссара полиции. Ее внешнее спокойствие не обмануло Гарда, он знал нервную подоплеку такого покоя, способного в любую секунду взорваться истерикой, слезами или оцепенелым молчанием.

Но вот раскрылась дверь, за которой исчезла Луиза, и к Гарду вышел широкоплечий, коротко стриженный молодой человек в мятой рубашке, домашних туфлях, которые были ему малы. Не выпуская дверной ручки, он молча поклонился Гарду, и Гард тоже поклонился ему, подумав при этом, что туфли на ногах

гостя явно принадлежат покойному Лео Лансэре. Стриженный человек, исподлобья глянув на комиссара, неуклюже отступил назад. Дверь захлопнулась за ним сама, отсекая его угрюмый взгляд.

— Н-да, — произнес Гард и отвернулся.

За стеклами веранды посвистывали птицы. Лужайку осторожно пересек дымчатый кот, мягко забрался на клумбу, которую миновал убийца, прыгая из окна, и удалился за угол дома.

Вошла Луиза, неся в руках поднос с пустой чашкой, кофейником и бутербродами, прикрытыми бумажной салфеткой.

— А вы? — спросил Гард.

— Не могу.

Поставив поднос на стол, она села, сложив руки на коленях и устремив на них ничего не выражающий взгляд. Ее лицо было серым, как папиросная бумага. Комиссар налил себе неважно сваренный кофе.

— Уезжаете? — кивнул он на разбросанные вещи.

— Да.

— Вы правильно сделали, что вызвали брата, — сказал комиссар.

— Да, это мой брат. — Луиза даже не удивилась осведомленности Гарда.

Помолчали. Птицы пели не в тон настроению.

— Здесь неплохое место, если все хорошо, — сказал Гард. — Я б тоже снял такую дачу.

— Мы это сделали из-за Юла. Он такой... — Луиза запнулась. — Он у нас такой бледненький.

— Дорого?

— Вы хотите о чем-нибудь спросить меня, комиссар? — тихо сказала Луиза.

— Да нет, я просто так... Быть может, попутно о чем-нибудь и спрошу...

— За что его убили? — тихо спросила Луиза.

Гард вздохнул и пожал плечами. Луиза едва удерживала слезы.

— Врагов у него не было... — прошептала она. — Он был добрый.

— Отличный кофе, — сказал Гард.

Луиза вздохнула. Она все еще напряженно ждала, что комиссар скажет ей что-то важное.

— В наше время человек, у которого нет врагов, — редкость, — заметил Гард.

— Вы не знаете Лео, — прошептала Луиза. — Он был не таким, как все. Он целыми днями думал о своем.

— О чем же?

— Не знаю. Он злился, когда я расспрашивала его о работе. Я ненавидела его работу, как могла бы, наверное, ненавидеть его любовницу. Вы не хотите спросить меня, комиссар, как вышло, что немолодая женщина женила на себе человека младше ее на пять лет? Ему просто некогда было гулять с девушками, ну, а я... Женщины в моем возрасте многого не требуют. Знаете, у меня с самого начала было к нему материнское чувство. Когда он был занят своими мыслями, он мог выйти на улицу в домашних туфлях. В такие часы он слышал только комариный звон.

— Звон?

— Здесь много комаров, он не мог спать, если они звенели, но и не мог убить даже комара. Я перед сном сама била их газетой. Видите?

Она показала на низкий, оклеенный бумагой потолок, на котором пятнами темнели раздавленные комары.

— Разве мог такой человек причинять кому-либо зло? — сказала Луиза. — Он был как ребенок...

— Ребенок... — машинально повторил Гард. — Вы правы, Луиза, он действительно был ребенком.

— Вы знаете об этом?! — с нескрываемым ужасом воскликнула женщина. — Откуда вы знаете?! Тогда не ходите вокруг сложными кругами, я не хочу и не желаю быть вашей или чьей-нибудь добычей, я все сама скажу, если это надо!

И, залившись слезами, Луиза выбежала с веранды.

Гард закурил. «Ну вот, — подумал он, — случайно задето нечто важное. Теперь нельзя торопиться. Но, странное дело, какой неожиданный взрыв! Спокойно, комиссар, спокойно».

Через несколько минут Луиза вошла, села напротив Гарда, испуганно посмотрела на него страдальческими глазами.

— Простите меня, комиссар, но вам должно быть понятно, почему я так...

— Успокойтесь, Луиза, — сказал Гард. — Я никуда не тороплюсь. Ваш муж говорил вам что-нибудь о замке?

— Каком замке?

— На этой двери.

— Ах, комиссар, не надо меня мучить! Спросите сразу, ведь я готова подтвердить то, что вы уже знаете...

— Нет, нет, Луиза, об этом поговорим потом, — спокойно произнес Гард, напоминая сам себе рыболова, который зацепил рыбу и теперь хочет применить всю осторожность, чтобы она не сорвалась с крючка. При этом Гард ощущал всю разницу между собой и рыболовом: тот знает, что у него под водой рыбешка, а Гард даже догадаться не может, какой улов скрывается под невзначай брошенным им словом «ребенок». — Итак, вернемся к замку.

— Нет, комиссар, он никогда не говорил мне о замке. Мы вообще не знали, что такое запирается. Какой в этом смысл? Все наше богатство — это мы сами... Мы жили тихо и скромно. Ну, завидовали, конечно, тем, у кого много денег, а Лео еще завидовал людям, обладающим какими-либо талантами. Вы знаете, однажды он мне сказал, что хочет быть собакой, чтобы познать... Впрочем, это неважно. А нам никто не завидовал. Его убил сумасшедший! — вдруг закончила Луиза. — Кому еще он был нужен, комиссар? Кому?

— Я думаю, — осторожно сказал Гард, — ЭТА ИСТОРИЯ прольет свет на тайну убийства.

— Что вы?! — воскликнула Луиза, расширив от ужаса глаза. — Какое ЭТО имеет отношение к убийству! Вы ошибаетесь, комиссар! Я не хочу! Да ведь это просто моя галлюцинация!

— Меня как раз интересуют ваши личные ощущения, — сказал Гард. — Постарайтесь успокоиться и по порядку все мне рассказать.

— Но вы же не психиатр, комиссар?

— И вы, Луиза, не больная. Давайте разберемся.

Слегка взволнованный ее состоянием, Гард инстинктивно положил руку на плечо женщины, и это прикосновение внезапно кинуло Луизу к комиссару. Она уткнулась ему в плечо и разрыдалась, как девочка, напуганная темнотой, но теперь получившая защиту, — отчаянно и облегченно.

— Я не могу... я никому не говорила... это страшно... Откуда и почему вы знаете?.. как это страшно!..

Гард вынул из кармана носовой платок и вытер ей заплаканные глаза. Она выпрямилась, набрала в легкие воздух и, запинаясь, горячо и бессвязно, почти на одном дыхании, стала говорить:

— Вы знаете, это случилось три дня назад... Из лавки я вернулась рано... Приготовила кофе... Вхожу к нему... Тот самый кабинет... Он сидит... но это не он! Увидел меня, засмеялся, протянул руки... И вдруг сказал: «Мама!»... Из носа течет... И костюм!.. Он сидел мешком, как на чучеле... Я уронила кофе... Не помню, как выскочила... Навстречу — Юл, и как-то боком, боком, и побелел весь... Одежда порвана, вся разошлась по швам!.. И вдруг: «Где мой кофе, Луиза?» И тут выскочил из кабинета Лео... Они встали рядом, и я не могла понять, кто же из них Юл, кто Лео, кто отец, а кто сын... О боже, как страшно!.. У меня потемнело в глазах... Они схватили друг друга, бросились в кабинет, заперлись... Оттуда — крик! Когда я очнулась, сорвала

крючок, Лео зачем-то переодевал сына... Хотя нет, Юл переодевал отца! Это было так невероятно!.. А потом я ничего не помню, потом все было хорошо... Это сон, комиссар? Скажите мне, ради бога, это был сон? Галлюцинация? Я просто сходила с ума? О чем вы молчите?!

— Что было дальше, Луиза? — закричал Гард, потрясенный собственным криком. — Дальше! Дальше!

— Ничего, — с неожиданным спокойствием сказала женщина, остановив на комиссаре объятые ужасом глаза. — Ни-че-го. Я просто больна. Мне нужно к врачу. Я боюсь Лео. То есть Юла. У меня отобрали обоих. Верните мне их, комиссар! Верните! Верните!! Верните!!!

И она потеряла сознание.

Дверь на веранду быстро растворилась, вошел брат Луизы и бережно поднял на руки сестру, сползшую со стула. Он даже не взглянул на Гарда, а комиссар не мог пошевелиться, все еще находясь в каком-то странном оцепенении.

Когда дверь за ним закрылась, Гард медленно встал и побрел к машине.

— Ну как, создалась? — весело спросил шофер.

Гард издал какое-то рычание.

Ровно в десять утра Гард уже стоял у дверей кабинета профессора Грейчера в Институте перспективных проблем. Спустя две минуты появился профессор. Он сухо поздоровался с комиссаром и с нескрываемой брезгливостью осведомился, чем еще может быть полезен полиции.

— Консультацией, — коротко ответил Гард.

— Прощу.

Они вошли, сели. Грейчер сразу же бросил красноречивый взгляд на лежавшие перед ним бумаги, давая понять Гарду, как дорого ему время. Гард пропустил мимо намеков Грейчера. Минуту они сидели молча. Грейчер — с недовольным видом, Гард — изучая лицо профессора. Обыкновенное лицо с усталым, слегка над-

менным выражением знающего себе цену человека. Безукоризненная одежда, подстриженные скобкой усы, манеры английского джентльмена, вышколенного воспитанием.

Гард все еще испытывал странное состояние, появившееся после сумасшедшего рассказа Луизы. Разумеется, он не мог в него поверить, но и не мог освободить свои мысли от черного покрывала, которым они застигались. Состояние Гарда усугубилось заключением психиатра, изучившего дневник Лансэре. Оно было уклончивым, в нем говорилось об отклонении от нормы, но утверждалось одновременно, что психическим заболеванием автор дневника не страдает. Неясность казалась Гарду зловещим предзнаменованием и подстегивала его, толкая на решительные поступки.

— Итак? — кажется, они одновременно произнесли это слово.

— Я все же хотел бы уяснить, — спокойно и решительно произнес Гард, — чем конкретно занимается ваша лаборатория и чем мог заниматься ваш покойный коллега.

Профессор скучаяще посмотрел в окно, затем на Гарда.

— Моя тематика секретна, комиссар.

— Знаю, — сказал Гард. — Вот разрешение на знакомство с научной тематикой вашего института. Вас устраивает документ?

— Простите, кто вы по специальности? — вместо ответа сказал Грейчер, прочитав, однако, бумагу.

— Криминалист.

— Н-да.

Этим «н-да» профессор словно бы воздвиг между собой и комиссаром стену, с высоты которой мог снисходительно наблюдать за стараниями жалкого дилетанта, карабкающегося по головокружительной крутизне.

— Вы все равно ничего не поймете.

— Пускай вас это не волнует, профессор.

— Ну хорошо, — согласился Грейчер. — Моя лаборатория занимается проблемами трансфункций биопульсов тета-ритма и реаформацией организма по конгруэнтным параметрам.

«Успокоился? — как бы сказал насмешливый взгляд профессора. — А теперь иди спать!»

Гард проглотил слюну и через силу спросил:

— Что это значит?

— Чтение лекции, надеюсь, не входит в мою обязанность?

— Но вы не можете отказывать полиции в помощи, — сухо сказал Гард. — Я могу расценить ваш отказ как умышленный.

— Зачем же? — добродушно произнес Грейчер. — Если позволите, я представлю себе, что передо мной сидит первоклашка, и в течение пяти минут популярно объясню то, что любому студенту давно известно.

— В вопросах криминалистики вы были бы тоже новичком, — не удержался Гард.

— Возможно, возможно, — с улыбкой сказал Грейчер. — Итак, вы что-нибудь слышали о биополе?

— Нет.

— Похвальная откровенность. Биополе — это, в крайнем примитиве, это... Не знаю, как и объяснить! Ладно, попробую. Итак, механическим остовом организма служит скелет. Информационным же костяком является биополе. Представьте себе, что организм — это здание. Кирпичи его связаны друг с другом цементом. Но кирпичи образуют здание не только благодаря цементу, а еще и благодаря чертежам архитектора. Понятно?

Гард кивнул головой, подумав при этом, каким великолепным панцирем служит ученому его специальность. Такой панцирь пронцаем лишь для специалиста же. Но в глазах профана внешняя оболочка ученого кажется величественной, независимо от того, что под

ней скрывается: гений или ничтожество, мудрец или... преступник.

— Я спрашиваю: понятно? — повторил Грейчер. Гард вновь кивнул головой.

— Слава богу. Так вот, и у организма должен быть свой чертеж, как у здания, и свой цемент, скрепляющий клетки воедино. Вначале думали, что «чертеж» — это только генетический код клеток... Простите, вы знаете, что такое генетический код?

— Пожалуйста, продолжайте.

— Отлично. Что же касается «цемента», то прежде полагали, будто это электрохимические связи молекул. Но еще в тридцатых годах нашего столетия возникла идея биополя, которое одновременно является и «чертежом», и «цементом» организма. Впрочем, не совсем так... — Грейчер, увлекшись, встал и принялся ходить по кабинету, как ходят профессора по кафедре. Его определенно занимала роль учителя, поскольку комиссару полиции в этой ситуации отводилась роль ученика.

— Да, не так. Листы чертежа не тождественны овеществленному чертежу: построенное здание есть здание, а чертеж на бумаге остается чертежом. Это понятно? Прекрасно. Примерно так же относится генетический код к биополю.

— То есть биополе — это организм? — тупо спросил Гард.

— Да нет же! — поморщился Грейчер. — Это нечто вроде.. ну, вроде...

— Я понял вас так, профессор, что вы работаете над уяснением сущности биополя?

— Вы полагаете, что сам себе я эту сущность пока не уяснил? Благодарю вас, вы очень любезны!

Они отвесили друг другу джентльменские поклоны.

«Один — один», — не без ехидства подумал Гард.

— В сущности, вы правы, комиссар, — неожиданно согласился профессор. — Изучение всего биополя не

под силу даже целому институту. Моя лаборатория занята определением некоторых его функций, лишь некоторые.

— Прекрасно, — сказал Гард, меняясь с профессором ролю, как это бывает в хоккее, когда обороняющиеся вдруг переходят в нападение так стремительно и неожиданно, что даже забывают сами об обороне. — Частный интерес Лео Лансэре тоже лежал в области биополя?

— Господин комиссар, я уже прошлый раз объяснял вам, что в частные увлечения своих сотрудников я не вмешиваюсь.

— То есть вы не знаете, чем занимался Лансэре?

— Не знаю.

— Это ложь, профессор.

— Что вы хотите этим сказать?

Они стояли посреди кабинета, чуть наклонившись друг к другу.

— Мне известно, профессор Грейчер, — четко произнес Гард, — что вы знали о сигма-реакции при отрицательном режиме.

Профессор упал в кресло.

— Откуда вам известен этот термин, комиссар?!

— По долгу службы мне приходится узнавать даже то, что я предпочитал бы не знать никогда в жизни.

— Но... Впрочем, это неважно, — быстро сказал Грейчер. — Ко мне часто обращаются сотрудники за советом. Лео Лансэре не был исключением.

— Почему вы прежде отрицали это обстоятельство? Каковы резоны скрывать от полиции ваше знакомство с работой ассистента? Я слушаю вас, профессор Грейчер!

— Надеюсь, комиссар, все это не дает вам основания подозревать меня...

— Почему же не дает? — спокойно перебил Гард. — Не исключено, что эти резоны как-то связаны с гибелью вашего ассистента.

— Ну знаете...

Грейчер по-прежнему восседал в кресле, по-прежнему был похож на английского джентльмена, но он уже был не целым джентльменом, а как бы собранным из осколков. Он любезно предложил Гарду сесть, но в голосе его уже исчезли нотки превосходства и бесстрашия.

— Ладно, — сказал он устало. — Я все объясню. Я действительно знал о работе Лансэре. И я скрыл это намеренно. Возможно, это моя ошибка, но в ней виноваты вы, комиссар. Каково невинному человеку оказаться в шкуре подозреваемого убийцы? Вы тогда напугали меня, комиссар Гард, своим неприкрытым подозрением. В такой ситуации пойдешь на все, лишь бы откреститься от обвинения. Какое счастье, что в тот злополучный вечер меня угораздило быть в клубе!

— Да это ваше счастье, — сказал Гард. — Но вы заявили мне тогда, что незнакомы с работой Лансэре, еще не зная, что он убит! Да, профессор! Как это понимать?

Грейчер отшвырнул ручку, она с треском прокатилась по столу.

— Потому что Лансэре взял с меня слово, что я никому и никогда не скажу о его работе! Ясно? Когда я не знал, что он убит, я молчал из этих соображений, а когда узнал — из других. Вы довольны моим объяснением, господин криминалист?

«Крепкий ответ!» — с невольным уважением подумал Гард.

— Извините, профессор, я не хотел вас оскорбить («Отступаю, отступаю», — тоскливо подумал комиссар), но моя обязанность проверить все ходы и варианты.

Оба умолкли не сговариваясь, чтобы передохнуть после первого тура борьбы. То, что они защищают разные ворота, что от количества забитых голов зависит судьба нераскрытого преступления, понимали, вероятно, они одинаково. И как только раздался неслышный

удар гонга, они вновь заняли свои места, едва успев залечить полученные раны. Второй тайм начался атакой комиссара Гарда:

— Вернемся к работе Лео Лансэре. Итак, в чем ее сущность?

— Дорогой комиссар, в науке есть вещи, о которых постороннему, неподготовленному человеку, как вы правильно заметили, лучше не знать. Спокойней спитесь.

— Я не из пугливых.

Грейчер пропустил замечание мимо ушей:

— Работа Лансэре в числе именно таких работ. Если я изложу вам ее сущность, вы откроете дверь не из лабиринта, а в лабиринт.

— Об этом я догадывался и прежде, профессор. Не стесняйтесь, я вас слушаю.

— Хорошо. Я постараюсь быть точным и искренним. Когда имеешь дело с таким пронизательным умом, как ваш, понимаешь, как опасна неискренность. — Грейчер улыбнулся, видимо надеясь вызвать ответную улыбку.

Но Гард не ответил.

— Позвольте задать вам вопрос: что вы делаете, когда вам нужно переписать магнитофонную запись с одной ленты на другую?

— Подключаю магнитофон к магнитофону, — как школьник, ответил Гард.

— Правильно, — учтиво похвалил Грейчер. — В этом и заключается сущность поистине великого открытия Лео Лансэре. Да, да, комиссар, великого! И оно умерло вместе с ним... Такая трагическая, нелепая смерть! К сожалению, я знаю о его открытии лишь в общих чертах. О многих важнейших тонкостях Лансэре благоразумно умолчал. Благоразумно ли, комиссар? Не исключено, если бы он посвятил всех нас в тонкости своего изобретения, ему не было бы смысла умирать? Впрочем, я, кажется, касаюсь не своей области знаний...

— В чем же сущность открытия Лансэре? — перебил Гард.

Профессор наклонился к комиссару:

— В перевоплощении одного человека в другого.

Голос Грейчера звучал глухо. Гард вздрогнул, и профессор уловил это движение.

— Вот так же и я реагировал в первое мгновение, — понимающе сказал он. — Я тоже подумал, не сходит ли бедняга с ума... Так вот: когда вы подключаете магнитофон к магнитофону, вы тем самым переводите информацию, содержащуюся в одном аппарате, в другой. Но, как я уже говорил, вся информационная совокупность человеческого организма, определяющая его физический облик, заключена в биополе. Лансэре, примитивно говоря, удалось осуществить перезапись этой информации с одного организма на другой. Точно так же, как если бы запись нашего первого магнитофона переходила на ленту второго магнитофона, а запись второго — одновременно на ленту первого.

— То есть двое людей как бы меняются биополями? — Голос Гарда снова выдавал его волнение.

— Не как бы, — поправил профессор, — а именно меняются! Ваш организм, если в него вложить мое биополе, перестроится так, что вы примете мой облик, а я — ваш.

— А сознание останется прежним, — сказал Гард утвердительно.

— Откуда вы знаете? — удивился профессор.

Гард не удостоил его ответом.

— Скажите, Грейчер, — сказал он, — идея Лансэре практически осуществима? Или это гениальная догадка?

— Клянусь, мне неизвестно, достиг ли он успеха. Думаю, на современном этапе развития науки и техники...

— Я могу догадаться, что вы хотите сказать, но тут уж можете мне поверить: Лансэре был близок к осуществлению задуманного. — Гард встал со стула, закурил, подошел к окну. Не оборачиваясь, спросил: — И если это действительно так, то прикиньте, пожалуйста,

ста, профессор Грейчер, какую форму могла бы иметь установка, осуществляющая перезапись биополя?

— Я не знаю множества важных деталей...

— Это я уже слышал. Но пофантазируйте, пофантазируйте! Ученые любят фантазировать, не правда ли?

— Какую форму? — переспросил Грейчер.

— Ну да, займет ли установка целое здание, или поместится в комнате или в портсигаре?

— Полагаю, размеры комнаты будут наиболее реальными...

— Благодарю вас.

Грейчер промолчал. Перед уходом Гарда он еще раз попробовал улыбнуться:

— Я же говорил вам, комиссар, что вы открываете дверь в лабиринт.

— Я попытаюсь найти и выход из него, — серьезно сказал Гард.

Покидая кабинет профессора, он подумал еще о том, что они проговорили не менее часа, и все это время их странным образом ни разу не побеспокоили ни телефонными звонками, ни приходом сотрудников. Впрочем, желание избежать свидетелей и необходимость сосредоточиться могли быть у Грейчера вполне естественными...

«Размером с комнату, — думал Гард, садясь в машину. — Ах, профессор, все же неважный вы психолог! Я бы на вашем месте для большей убедительности поместил бы всю установку на острие иглы!»

— Луиза, опишите мне подробно часы, которые пропали вчера вечером. Кроме того, заметили ли вы, чтобы ваш муж собирал какой-нибудь аппарат?

У Гарда уже не было возможности учитывать состояние Луизы, измученной допросами. Решительность и властность, с которых он начал разговор, применя-

лись им даже в тех случаях, когда он добивался ответов от умирающих, торопясь обогнать смерть.

Вероятно, тон комиссара был столь непререкаем, что Луиза мгновенно оценила важность обстановки. Она ответила сразу и четко:

— Никаких аппаратов Лео дома не собирал, комиссар. Часы были серебряными, перешли по наследству от деда Лео. Большая луковица. Механизм испорчен... Что-нибудь случилось, комиссар?

В последней фразе уже звучал испуг.

— Нет, Луиза, все идет как надо. Когда вы видели часы в последний раз?

— Дней пять назад. Да, дней пять... Лео спал, Юл играл в его комнате часами. Я вошла, разбудила Лео, он увидел часы в руках сына и рассердился, и на меня тоже: почему я недоглядела. Потом...

— Потом?

— Он убрал часы в ящик стола... Нет, не убрал. Сделал движение, словно хочет туда их положить, а положил ли, я не помню... Это важно, комиссар?

— Больше вы часы не видели?

— Нет.

— А сын?

— Не знаю.

— Спросите, Луиза.

— Сейчас?

— Да. При мне.

— Юл! — позвала Луиза. — Юл, иди сюда!

За Юлом все же пришлось сходить. Он оказался не по возрасту длинным и тощим мальчиком, очень похожим на Лео Лансэре, если судить по фотографиям. Когда Юл предстал перед комиссаром, Гарду на мгновение стало не по себе: он подумал о том, что должна была почувствовать Луиза, увидев перевоплощение отца в сына.

Юл исподлобья глядел на комиссара.

— Скажи, сынок, — мягко произнесла Луиза, чуть

наклонившись к Юлу, — ты не видел папины часы? Помнишь, после того как папа отобрал их у тебя.

— Вчера, — сказал мальчуган.

— Что — вчера? — быстро спросил Гард.

Юл вцепился в юбку матери и испуганно посмотрел на Гарда.

— Не мешайте, пожалуйста, комиссар, — тихо сказала Луиза. — Ты видел часы вчера, Юл?

— Ага.

— Где?

— У папы. Он показал мне их и сказал...

— Что? — в один голос спросили Гард и Луиза.

— Мама, а что такое «слава»?

— Папа сказал это слово?

— Ага.

— А еще что он сказал?

— А еще он показал мне часы.

Гард с Луизой переглянулись.

— Мам, а папа скоро придет?

Гард поморщился, увидев слезы на лице Луизы. Он с трудом переносил мелодраматические сцены, даже если для них был повод.

Спустя пять минут, сидя в «ягуаре», он чуть ли не вслух произнес: «К черту! Аппарат был вмонтирован в часы? Часы похищены? Алиби Грейчера непробиваемо. Пропади все пропадом, надо выпасться!»

Выход из тупика пока не находился.

5. Логика и интуиция

Пожалуй, в профессии сыщика Гарда более всего привлекала та блаженная пора, когда можно было подводить итоги. Сидение в засадах, ночные бдения в чужих домах, где только-только произошли убийства, допросы и погоня, — разве все это могло идти в сравнение с тишиной гардовской квартиры, когда лежа одетым на

тахте, комиссар связывал и развязывал узелки противоречий и доказательств, совершая в уме многочисленные построения, сложностью могущие поспорить с абстракциями математиков. Гард никогда не славился действием, он плохо стрелял, неважно правил автомобилем, не обладал феноменальной физической силой и способностью валить противника с ног одним ударом. Но для своих подчиненных и для начальства он был человеком, обладающим таинственной способностью догонять не догоняя и попадать в цель без единого выстрела.

В наш современный век борьба с преступным миром уже немыслима без ума: схватить преступника за руку можно лишь в тех случаях, когда убийца бывал глуп или когда сыщик бывал удачлив. И так же как преступники научно разрабатывали свои действия, так же научно их следовало расшифровывать.

Вот почему злые языки утверждали, что у Гарда есть какая-то тайная агентура, какие-то «свои глаза и уши», рассованные всюду и везде, всегда приносящие ему успех. Никто из ближайшего окружения комиссара, кроме разве верного Таратуры, не мог понять, что период накопления фактов сменялся у Гарда периодом обдумывания и размышления, где логика окрылялась интуицией, которая, в сущности, та же логика, но только более своенравная и менее осознанная.

А поскольку изыскания Гарда совершались «при закрытых дверях», в полном одиночестве и, как правило, в ночные часы, его коллеги и пустили слухи о гардовской агентуре, так как в мистику сегодня никто уже не верил. В самом деле, вечером, уходя из управления, комиссар оставлял полицейских в состоянии прострации и полной беспомощности, а утром мог прийти, собрать всех в своем рабочем кабинете и спокойно дать точный адрес убийцы или, по крайней мере, верный путь поиска.

Обычно, как и на этот раз, Гарда поднимал на ноги будильник. Он ставил его на три часа ночи, чтобы до этого времени слегка освежиться сном, и по первому

звону вскакивал на ноги, лихорадочно одевался, застегивался на все пуговицы, выпивал чашку холодного кофе, приготовленного еще с вечера, и садился за письменный стол.

На столе не должно было лежать ни одной бумажки. Мыслить, пользуясь записями, Гард не умел. Он считал, что лишь тогда возможен эффект от размышлений, когда все детали и факты преступления «отлежались», «осели» в голове, обеспечивая ту легкость перетасовок и перестановок, без которых невозможно построить ни одной версии.

Горела настольная лампа, и еще над кроватью, у самого изголовья, мягко светило бра. Шторы на окнах были опущены, так что свет уличного фонаря, расположенного напротив комнаты Гарда, не отвлекал внимания комиссара. Всеобщий покой и тишина были как бы внешней оболочкой, не пропускающей в мозг Гарда ничего постороннего, но и не выпускающей из него ни единой мысли.

«Два загадочных убийства подряд, — думал Гард, — это уже третья загадка!» Пожалуй, эта мысль была ключевой ко всем последующим рассуждениям комиссара. Действительно, практика показывала, что в среднем из двенадцати убийств, совершаемых в городе за неделю, почти все, за исключением, быть может, какого-нибудь одного, раскрываются почти немедленно. Или преступник не успевал далеко уйти и его хватали в ближайшем кабаке, где он пропивал награбленные деньги, или оставались четкие следы, указывающие направление поиска, или всевидящие свидетели давали точные приметы, или...

А тут в один вечер — две загадки!

Такого не было давно.

Наиболее загадочным Гард считал убийство Лансэре. Все было бы просто, если бы не алиби Грейчера. Кому, кроме профессора, могла потребоваться смерть Лансэре? И часы. Никому. А раз никому — значит,

преступником мог быть кто угодно. Тут хоть бери кофейную гущу; она подскажет тебе ровно столько вариантов, сколько может подсказать реальная действительность.

Если исключить Грейчера, то Лансэре могли убить ВСЕ, — самая страшная для криминалиста версия. В число подозреваемых включались и Луиза, и полицейский, первым вошедший в дом, и даже Таратура, и любой прохожий, которого можно было остановить на улице и с равным успехом проводить допрос, и предводитель гангстеров Эрнест Фойт. И лишь два человека наверняка оставались вне подозрения: Пит Морган, который погиб на час раньше гибели Лансэре, и сам комиссар Гард, который мог за себя поручиться.

Ну, а если бы Гарда вызвал на допрос другой комиссар полиции? Где был Гард в момент убийства Лео? Пожалуйста: он был в квартире Пита Моргана. Морган был убит в семь вечера, комиссар прибыл туда час спустя, а в девять тридцать пальцы сомкнулись на шее Лансэре. Алиби Гарда — налицо. «Нате-ка, выкусите!» — неожиданно подумал Гард, представив себя на допросе у комиссара полиции.

Но — стоп! Эрнест Фойт не мог убить Пита Морган, потому что с шести до семи тридцати сидел в кафе. Профессор Грейчер не мог убить Лео Лансэре, потому что с девяти до десяти тридцати был в клубе «Амеба». Но что первый делал через час после гибели Моргана, а второй за час до смерти Лео? На это время у каждого из них не было алиби — во всяком случае, они его не предъявляли. Стало быть, каждый из них...

Нелепость! Вот до чего может довести всеобщая подозрительность. Даже совпадение становится доводом...

Совпадение?

Еще раз — стоп! Какая связь между этими двумя убийствами? Та, что оба произошли в один и тот же вечер. Та, что оба представляют собой загадку. Та, что оба потенциальных преступника — по крайней мере

люди, имеющие причины убить, — как нарочно представили неопровержимое алиби. Но это не связь, это только сходство, почти зеркальное. Наоборот, с позиций формальной логики оба преступления — как те две одинаково прямые параллельные линии, которые нигде не пересекаются и пересечься не могут. А в неевклидовой геометрии очень даже могут... То есть должны, обязаны пересечься...

Гард накинул плащ и вышел из дома.

Он еще не знал, что способность логически мыслить, сделавшая ему славу среди полицейских и среди преступников, отлично сработала и на этот раз.

Эрнест Фойт был дома. В отличие от Пита Моргана, он не пользовался стальными дверями и гильотинами. Его квартира была современна, и такими же современными были средства самозащиты. Стоило Гарду, предварительно обошедшему особнячок Фойта, остановиться перед парадным входом, как у Эрнеста в комнате вспыхнула красная сигнальная лампочка и тревожно загудел зуммер. Рука Фойта мгновенно потянулась к бесшумно стрелявшему пистолету. Затем он поднялся, подошел к окну и убедился в том, что у подъезда стоит Гард. Узнать его ничего не стоило по приземистому росту и характерной позе, которую всегда занимал комиссар, чего-либо ожидая: согнутые локти рук и ладони, упертые в бедра.

Дверь открылась сама собой, и Гард прошел в переднюю. Через секунду навстречу ему вышел Фойт, неся на лице приветливую улыбку. Он был тщательно причесан, выбрит, как будто вернулся с вернисажа или с банкета и еще даже не успел переодеться.

Кто не спит в большом городе ночью или, по крайней мере, спит очень чутко? Воры и полицейские! Об этом написано немало книг, снято немало фильмов, это многократно подтверждено реальной жизнью.

Гард был озабочен и не скрывал этого от Фойта. Кто-кто, а гангстеры лучше других понимают трудности полицейских, как, впрочем, и наоборот. В эту ночь они наверняка могли рассчитывать на взаимное сочувствие.

— Дела? — спросил Фойт, провожая Гарда в свой кабинет.

— И да, и нет, — осторожно ответил комиссар.

— С ордером на арест? — мягко осведомился Фойт.

— Даже без оружия, — в тон ему ответил Гард.

— Ну и прекрасно. Сигарету? Кофе?

Гард отрицательно покачал головой. Они сели в кресла, расположенные у низкого столика, заваленного журналами и газетами, и на несколько минут погрузились в размышления. Никто из них никуда не торопился или, во всяком случае, не выказывал нетерпения. Помолчим? Хорошо, помолчим. Будем разговаривать? Хорошо, будем разговаривать. Они были стоящими друг друга врагами, и каждый из них прекрасно знал цену другому.

Так молчать и сидеть, а потом мирно беседовать могут два солдата воюющих армий, оказавшиеся на ничейной земле и решившие отложить оружие в сторону хотя бы на несколько мирных часов. Так могут сосуществовать два спортсмена за десять минут до старта, после которого из друзей они мгновенно превращаются в конкурентов. Так отдыхают два боксера, уставшие от изнурительного поединка, кончившегося вничью, и собирающие силы для нового боя.

Впрочем, ничьей между ними не было. Интересы Гарда и Фойта были диаметрально противоположными: один заботился о том, чтобы ускользнуть, другой — чтобы настичь. И победителем в этой гонке пока выходил Фойт. Как победитель, он имел в эту ночь право быть большим джентльменом, нежели Гард. И потому он с еще большей, чем Гард, выдержкой ждал начала разговора.

— Простите меня, Эрнест, но я, кажется, оказался

в тупике, мне нужна ваша помощь, — наконец сказал Гард.

Фойт дружески улыбнулся и сделал движение, должное обозначать, что он весь внимание и готов приложить максимум усилий, чтобы помочь комиссару полиции.

— У вас бывали ситуации, при которых вы оказывались в западне, но оставался единственный выход, хотя и трудно было на него рискнуть? — сказал Гард.

— Вы имеете в виду дело Каснера? — спросил Фойт.

— Пожалуй.

— Мне было сложно тогда, комиссар, и вы это прекрасно знаете. (Гард улыбнулся, услышав откровенное признание Фойта.) Минуло уже лет десять, не так ли? Могу сказать, что выход я нашел случайно...

— Я не успел предусмотреть этой возможности, — как бы извиняясь, перебил Гард.

— Бывает, господин комиссар. Но лазейка была столь узкой, что, всунув голову, я мог застрять в ней всем туловищем. И все же пролез!

— Вот на это я и не рассчитывал.

Фойт добродушно засмеялся.

— А я рискнул. Что было мне делать?

— Вот и я хочу рискнуть, — сказал Гард. — В отличие от вас, Эрнест, в случае неудачи я теряю работу...

— В случае неудачи я теряю свободу, комиссар, — заметил Фойт. — Вам легче.

— Как сказать.

— И что же вы хотите сделать? — осторожно спросил Фойт, беря сигарету.

— Предположить самое невероятное и бросить на эту версию все силы, — сказал Гард.

— Что же предположить?

И оба они почувствовали, как обострился их слух и напряжились мускулы. В конце концов, безобидно беседуя, каждый из них преследовал собственные цели. Фойт тщательно скрывал за внешней непринужден-

ностью страстное желание узнать что-либо из того, что комиссар знает о нем. А Гард «прощупывал» Фойта, делая вид, что просто беседует на отвлеченные темы, как могут беседовать люди, которым «есть что вспомнить».

— Я хочу предположить, Фойт, что к убийству Пита вы не имеете прямого отношения, — откровенно сказал комиссар.

— Это можно было бы и не предполагать, поскольку так и есть на самом деле.

— Я говорю: прямого отношения, — подчеркнул Гард. — Но в тот вечер у вас были и трудные часы.

— У кого их нет, комиссар?

— И я хочу рискнуть!

— Не понимаю, — сказал Фойт, — что заставляет вас мучиться. Разумеется, надо рисковать, уж поверьте мне. Быть может, вы говорите мне об этом, чтобы я реагировал на ваши слова поступками?

Гард поморщился.

— Вот именно, — заметил Фойт. — Я все равно обдумываю каждый свой поступок, а вы давно уже поняли, что имеете дело с умным человеком. Так что бы вы хотели, комиссар, от меня?

— Того же самого, Фойт, что и вы от меня: хоть маленькой неосторожности, хоть крохотного просчета!

И оба они дружно расхохотались.

Гард мог позволить себе быть откровенным с Эрнестом Фойтом. Они не боялись друг друга: на стороне Фойта, как это ни парадоксально, был закон, хотя он и являлся оружием Гарда, а на стороне Гарда оставалось одно благоразумие. Фойт понимал, что Гард вряд ли придет к нему домой один и без оружия, не предупредив помощников, — стало быть, Гард неприкосновенен.

Но откровенность Гарда была откровенностью мышеловки! Вот, мол, тебе и кусочек сала, и открытость приема, и невинность конструкции, — только кусни, только коснись, только просунь голову!

Нег, Фойт — не мышонок. Он понюхает, даже по-

лижет отлично пахнущий кусочек, но ни за что не вопьется в него острыми зубками.

— В тот вечер, Эрнест, было еще одно таинственное убийство, — сказал Гард, откровенно цепляя прищипку на крючок.

— Для непосвященных, комиссар, два убийства в один вечер — событие, — сухо сказал Фойт. — Но мы-то с вами знаем, сколько убийств бывает каждую ночь. При чем тут я?

— И я, — сказал Гард. — С таким же успехом и я могу быть убийцей второго человека. Но у меня есть алиби. В момент второго убийства я был в квартире Пита Моргана. А где были вы, Эрнест?

Фойт взял новую сигарету. Помолчал, улыбнулся.

— Вы нарушаете условия, комиссар. Ведь это беседа, а не допрос?

— Ну кто ж вас неволит, Эрнест! — тоже улыбнулся Гард. — Уход от ответа уже есть ответ.

— Зачем же так? Я попытаюсь вспомнить... Стало быть, после кафе, о котором вы знаете, я отправился... да, я три часа провел у себя в гараже.

— С семи тридцати до девяти тридцати? — спросил Гард.

— Приблизительно.

— Вы были один?

— Один.

— Вы сами чините свою машину?

— Я понимаю и люблю технику. Кроме того, машина — это мои ноги. Я всегда хочу быть уверенным в том, что ноги меня не подведут. Парашютист, комиссар, тоже предпочитает сам складывать свой парашют.

— Это не алиби, Эрнест, — сказал Гард.

— Но и у вас нет улик, комиссар.

Они вновь умолкли. Гард внимательно посмотрел на Фойта, пытаясь угадать его состояние. Увы, лицо гангстера было невозмутимым. Он выдержал взгляд комиссара, и лишь странная интуиция, которой обладал

Гард, позволяла ему продолжать строительство здания, в основе которого лежала версия о причастности Фойта к убийству Лансэре.

— Эрнест, вы служили когда-нибудь в армии? — спросил Гард.

— Моя биография вам больше известна, чем мне, комиссар.

— В таком случае, вы должны знать, что такое отвлекающий маневр.

— Знаю.

— Второе убийство было таким маневром?

— Отвлекающим? — переспросил Фойт. — В жизни все возможно.

— Так вы знаете о нем?

— Конечно. Вы сами мне сказали.

За окнами начинался рассвет. Гард посмотрел на часы и встал. На прощанье он приготовил последний вопрос Фойту. Скорее даже не вопрос, а предложение. Стоя в дверях, он произнес:

— Не хотите, Эрнест, посмотреть на второй труп; появившийся в тот вечер?

— Если бы решение зависело от меня, я бы отказался.

— Почему?

— Потому, комиссар, что я терпеть не могу голые мужские тела.

Гард весь напряжился:

— Почему мужские, Эрнест? А может, речь идет о женщине? Откуда вы знаете?

Фойт мрачно усмехнулся, глядя Гарду прямо в глаза:

— Вы хотели оплошности, комиссар? Вы ее получили. Но не радуйтесь преждевременно. Мне совершенно безразлично, мужчина у вас в морге или женщина...

— Знаете, старина, — прервал Гард, — накиньте на себя что-нибудь приличное и вместе прогуляемся до управления.

Фойт послушно наклонил голову.

6. Серебряные часы

— Комиссар, я выражаю свой протест по поводу столь бесцеремонного обращения ваших людей со мной. Полагаю, что...

— Доброе утро, профессор.

— Когда вас поднимают спозаранок с постели и не дают выпить даже чашки кофе...

— Одну минуту, профессор. — Гард нажал кнопку вызова дежурного. — Это мы легко исправим... Прошу вас, чашечку кофе нашему гостю, — обратился он к вошедшему дежурному. — Извините, профессор, это я распорядился пригласить вас в полицию.

— Пригласить?! — возмутился Грейчер. — У нас с вами разные представления об одних и тех же вещах!

— Возможно, — миролюбиво согласился Гард. — Сегодня ночью мне явились любопытные мысли, которыми я хотел бы поделиться с вами.

— Если вы страдаете бессонницей, рекомендую микстуру «Паникина». Помогает.

— Благодарю. Обязательно воспользуюсь. — Гард достал записную книжку и что-то пометил в ней. — Видите, старею, профессор, вынужден записывать. Но, быть может, прекратим пикировку? У нас есть дела поважней.

Открылась дверь, и вошел дежурный. На столе перед профессором появилась чашка кофе.

— Подкрепитесь, — сказал Гард. — Я готов подождать.

— Мне кажется, меня доставили в полицию не для того, чтобы кормить завтраками. Я к вашим услугам.

— Хорошо, начнем.

Они смерили друг друга взглядами, как два мушкетера перед дуэлью, и каждый отметил про себя силу противника.

— Профессор, — сказал Гард, — у меня не вызывает сомнения то обстоятельство, что вы были в клубе «Амеба» в злополучный вечер и играли в вист.

— У меня тоже нет сомнений по этому поводу.

— Тогда не будете ли вы столь любезны и не помните ли, что вы делали до виста? С шести до восьми?

— Как — что? Я... ушел я из института часов... кажется, в шесть. Болела голова, и я прогуливался в Централпарке...

— Один?

— Один... Но позвольте!..

— Не позволю! Сейчас я хочу представить вам одного человека, заранее предупредив, чтобы вы держали себя в руках, что бы ни произошло.

— А что может произойти?

— Не знаю. Меня это тоже интересует.

По лицу профессора Грейчера пробежало беспокойство, но тут же сменилось выражением полной невозмутимости.

Гард нажал кнопку. Дверь открылась, на пороге стоял Эрнест Фойт, а за его спиной виднелась мощная фигура Таратуры.

— Доброе утро, комиссар. — Фойт слегка склонил голову. Заметив Грейчера, Фойт кивнул и ему.

Профессор вежливо ответил.

— Вы знакомы, господа? — вежливо спросил Гард. Фойт улыбнулся.

— Если я не ошибаюсь, передо мной известный киноактер, который играл в «Жизни по ту сторону»?

— Вы ошибаетесь, сударь, — неприязненно перебил Грейчер. — Я не имею чести быть вашим знакомым.

— У меня плохая память на лица. Прошу великодушно меня простить.

— Пожалуйста.

— Благодарю вас, господа, — поспешил произнести комиссар. — Вы можете быть свободны, Фойт.

— Вы имеете в виду мою камеру?

— Вы не ошиблись.

— Спасибо. — Фойт улыбнулся и, повернувшись к Таратуре, добавил: — Инспектор, если вам не трудно, проводите меня.

Они вышли. Гард откинулся в кресле. Грейчер полез в карман и вынул пачку сигарет.

— Что это значит, комиссар? — спросил он, закурив.

— Сейчас все узнаете. — Гард тоже закурил. — Произошла одна очень странная история, профессор. Человек, которого вы сейчас видели, известный гангстер, и знакомство с ним было бы вам полезно...

— Я не люблю таких шуток, комиссар, — резко прервал Грейчер. — Если вы не желаете коротко и ясно объяснить мне, что скрывается за появлением этого человека, прошу освободить меня от дальнейшего участия в беседе.

На Гарда глядели холодные, непроницаемые глаза.

— Хорошо, — сказал комиссар. — Слушайте меня внимательно. В нашем городе существует отлично организованная гангстерская шайка. Даже не шайка, а трест, корпорация. На ее счету множество убийств, ограблений и так далее. Но действует она так искусно, что у полиции пока нет возможности...

— Все, что вы говорите, имеет ко мне отношение? — вновь перебил Грейчер. — Не могу скрыть от вас, что я удивлен.

— Не торопитесь, профессор. Кажется, у вас сдают нервы. Будем считать, что я пригласил вас, чтобы посоветоваться.

— Найдите себе иных советчиков. Я не гожусь. Я человек науки, у меня другая профессия.

— И все же вам придется дослушать меня до конца. Итак, шайка прекрасно организована, отличается хорошей дисциплиной и тщательностью в разработке

преступных операций. Ситуация, при которой мы бессильны что-либо предпринять против гангстеров, может считаться национальной трагедией. Наш с вами гражданский долг, профессор...

— У меня другие долги, комиссар, — опять не сдержался Грейчер. — Вы полицейский, вы и занимаетесь гангстерами. Я же не прошу вас помогать мне!

Гард встал из-за стола в полный рост и тоже резко сказал:

— Профессор Грейчер, сейчас не я нахожусь в вашем кабинете, а вы в моем. Прошу вас не забывать, что вы имеете дело с полицией, ведущей расследование уголовного преступления. Вы — подозреваемый нами человек, и ваше неповиновение дает нам повод применить к вам строгие меры. Извольте выслушать меня до конца!

— Я выслушаю, комиссар Гард, — зло сказал профессор. — Но я буду жаловаться, вы определенно рискуете своей карьерой.

— Знаю, — тихо ответил Гард, опускаясь в кресло. — И тем не менее буду делать то, что задумал. Пейте кофе, профессор, он уже окончательно остыл.

— Кажется, я тоже начинаю остывать.

— Тем лучше для вас и для дела. — Гард вдруг отчетливо понял, что «благородное возмущение» Грейчера было от начала до конца искусственным. — Итак, профессор, я коротко повторяю: хорошо организованная и дисциплинированная шайка гангстеров сумела быть удачливой главным образом за счет своих руководителей — Пита Моргана и Эрнеста Фойта. Оба они умные, ловкие, хитрые и знающие люди. Но в последние несколько месяцев между ними разгорелась конкуренция за единоличное руководство группой. Дело завершилось вынужденным миром, потому что головка шайки пригрозила своим руководителям, что, если один из них убьет другого, оставшегося в живых прикончит сама шайка. Как вы понимаете, группу вполне устраи-

вали два руководителя, поскольку они мешали друг другу возвыситься в диктаторы. Не буду скрывать от вас, профессор, что ровно два дня назад Пит Морган был убит у себя на квартире с помощью переносного конденсатора. Скажите, профессор, логично ли заподозрить в преступлении Эрнеста Фойта?

— Я плохой криминалист, — ответил нехотя Грейчер, — но, вероятно, вы правы.

— Далее. Фойт тут же предъявил алиби. Это и понятно: он не так боялся полиции, как своих собственных друзей, а потому в час убийства благополучно пировал с ними в кафе. Но то обстоятельство, что он с такой скрупулезностью подготовил себе алиби, говорит о том, что он точно знал, когда должно произойти убийство конкурента. Логично, профессор?

— Да, — сухо ответил Грейчер. — Но, комиссар, я уже вышел из того возраста, когда люди интересуются детективными историями...

— Как знать, профессор, — перебил Гард. — Не исключено, что в конечном итоге эта история вас заинтересует. Однако предположим, что Фойт наверняка знал о готовящемся убийстве Моргана. Но Фойт мог знать об этом лишь в одном случае: если он это убийство организовал. Верно, профессор?

— Не знаю. Убийство могло быть и случайным.

— Когда убивают током, точно знают, кого убивают. К такому преступлению надо готовиться.

— Током? Тогда... пожалуй, вы правы.

— Прекрасно, профессор, вы делаете успехи на криминалистическом поприще. Согласитесь ли вы далее со мной, что Фойт должен был нанять убийцу, не имеющего ничего общего с его средой? Что он мог довериться лишь такому человеку, который, пользуясь вашей терминологией, никогда не интересуется детективными историями.

— Это не так-то просто, — сказал Грейчер.

— Ну, а если человек, нанятый Фойтом, тоже ну-

ждался в его услугах? Положим, тоже замышлял убийство и тоже не мог его сам осуществить.

Грейчер промолчал.

— Логично ли, профессор, что Фойт просто помнялся с этим человеком объектами преступления? Что они просто договорились и поменялись жертвами. Ведь это сулило каждому из них полную безнаказанность, так как оба получали алиби, а никому и в голову не пришло бы, что они могут договориться.

И на этот раз Грейчер промолчал.

— Меня, профессор, сейчас интересует лишь одно обстоятельство: как вам удалось договориться с Фойтом и как вы рискнули убить Пита Моргана? Сидите спокойно, я еще не кончил. Наконец, меня интересует, зачем вам понадобилось убирать Лео Лансэре? Чтобы завладеть его открытием? Зачем вам оно, что оно вам сулило? Не торопитесь с ответом, профессор, вы можете подумать. Я почему-то убежден, что опровергать мои логические построения вы не станете.

Гард устало откинулся на спинку кресла. Грейчер, не меняя позы, закурил, выпустил тонкую струю дыма и спокойно проследил, как она уходит под потолок, завиваясь кольцами. «Потрясающая выдержка», — даже с некоторой завистью подумал комиссар. Наконец профессор посмотрел на Гарда:

— Идея парноубийства принадлежит мне.

— Bravo, профессор! — воскликнул Гард и хлопнул ладонью по столу. — А этот термин — тоже ваше изобретение?

— Как вам будет угодно. Эрнеста Фойта я знаю давно. Последнее время он выполнял кое-какие мелкие поручения мои... и более крупные генерала Дорона.

— Почему вы столь откровенны со мной, профессор? — спросил Гард. — Вы не боитесь помянуть даже генерала?

— Для моей откровенности есть причины. Ни я, ни тем более генерал Дорон вам не по зубам, комиссар.

Я просто вознаграждаю вас за ваше криминалистическое искусство. Вы достойный противник, но вам следует знать, что ваши усилия на этот раз бесплодны.

— Предположим,— согласился Гард. — Но хотя бы Фойта я смогу зацепить на убийстве Лео Лансэре? Как вы считаете?

— Не считаю, хотя мог бы легко пожертвовать Фойтом. К сожалению, он будет вынужден тогда открыть рот, а я не хотел бы, чтобы дело предавалось огласке.

— Вы боитесь?

— Сейчас она преждевременна. И вот почему... Но прежде я хотел бы попросить у вас еще чашечку кофе.

Гард мгновенно нажал кнопку вызова дежурного. Через несколько минут, прошедших в полном молчании, Грейчер получил желаемую чашку кофе. Отхлебнув несколько глотков, он продолжал:

— Вы наивно полагаете, комиссар Гард, что я затеял парноубийство, чтобы присвоить открытие Лансэре. Смешно! Украсть идею можно сотнями способов, не прибегая к уголовщине. Больше того, Лансэре даже не был мне конкурентом, этот цыпленок, обладающий умом гения. Он просто мешал мне осуществить дальнейшие планы, поскольку был излишне щепетилен. Им двигали научные цели, мною — чисто человеческие. Они не всегда совпадают.

— Какова же ваша «человеческая» цель, профессор?

— Слушайте. Она может коснуться и вас, если пожелаете. Вам лет пятьдесят, не так ли? Вы скоро умрете, но вы можете вернуть себе молодость, силу, здоровье. Хотите?

— Конечно.

— Считайте, что эта мелочь у вас в кармане.

— Вы говорите языком, очень близким к языку Фойта.

— Но вы его понимаете? И прекрасно. Так вот, сейчас весь мир помешан на операциях по замене сердца, почек и так далее. Люди готовы платить любые день-

ги, чтобы купить себе чужое сердце или кусочек чужого тела. О чужой крови я уж не говорю, это банально. Нищенская возня, комиссар! Аппарат перевоплощения дает неизмеримо больше. Он дает своему владельцу чужое ТЕЛО! Целиком! Любое! Вот там, по улице, сейчас идет рослый и красивый молодой человек лет двадцати. Хотите взять его тело? Берите! Но и это пустяки, комиссар. Аппарат перевоплощения дает БЕССМЕРТИЕ! Вы можете менять тела, как обносившиеся платья, вечно живя в молодом и прекрасном теле, сохраняя при этом свое сознание, свою память, свои чувства и эмоции — свое собственное «я». Но и это еще не все. Владение аппаратом дает ВЛАСТЬ, по сравнению с которой власть всех тиранов мира, существовавших на земле и существующих, — ничто! Вы можете перевоплотиться в миллиардера, и все его миллиарды — ваши. Вы можете стать президентом и управлять страной всю вашу многовековую жизнь, самому себе передавая власть по наследству. Вы можете дарить тела и отбирать их. Молодого превратить в старика, красавца — в уродца, богача — в нищего, здорового — в прокаженного и как угодно наоборот. Кто не склонится перед такой могущественной властью? Кто? Кто не станет ее рабом? Люди, деньги, бессмертие — все это может принадлежать вам, Гард.

— Каким образом?

— До сегодняшнего дня я думал, что буду единолично пользоваться аппаратом. Но вы проявили качества, достойные компаньона. Я предлагаю вам союз.

— Программа действий, профессор?

— Вы серьезно? Я полагал, что вы попросите хоть несколько минут на размышление. Впрочем, способность решать быстро и безошибочно — ваша сила. Программа такова. На первых порах — и здесь ваша роль неопределима — мы выберем нескольких подходящих людей, спрячем их, будем о них заботиться, кормить их и поить, мыть и чистить. Ведь их тела — наши платья, ко-

торые мы будем носить по мере надобности, а потом вновь складывать в гардероб. К роли бога надо привыкнуть, комиссар!

— Скорее к роли дьявола.

— Вы шутите?

— Зачем? Но скажите, профессор, какие вы можете дать гарантии, что меня не ждет судьба Лео Лансэре, если я покажусь вам «щепетильным»?

— Я ждал этого вопроса и, честно говоря, не понимал, почему вы с ним медлите. А какие гарантии можете дать вы, комиссар?

— Аппаратура в ваших руках, профессор, она спрятана вами и, вероятно, не в том доме, где вы живете, и даже не в вашей лаборатории.

— Разумеется.

— Вот вам и гарантия вашей безопасности. А моей?

— Вам придется, комиссар, поверить мне на слово.

— Этого мало, — твердо сказал Гард.

— Вы торгуетесь, что говорит об искренности ваших слов.

— До искренности еще далеко, профессор, — сказал Гард. — Если вы хотите, чтобы я был до конца искренен, поднимите руки.

— Что?!

— Руки! — крикнул Гард, мгновенно вскинув пистолет на уровень груди профессора Грейчера.

Профессор медленно поднял руки, с удивлением и ненавистью глядя в глаза комиссару. Гард вышел из-за стола, приблизился к Грейчеру и профессиональным движением стал ощупывать его тело.

— В левом боковом кармане, — прохрипел Грейчер.

Из левого бокового кармана Гард извлек большие серебряные часы, напоминающие по форме луковицу.

— Не открывайте их! — предупредил профессор. — Они срабатывают немедленно!

Когда они вновь успокоились, рассевшись по своим местам, Грейчер утомленно произнес:

— Вы удивительный человек, комиссар, вы догадались даже об этом...

— А вы полагали, что я всерьез думаю, будто аппаратура занимает целую комнату?

— Увы! — признался Грейчер. — Что вы теперь со мной сделаете?

Вместо ответа Гард нажал кнопку. В кабинет вошел Таратура.

— В камеру три.

Профессор встал.

— Простите, комиссар, — сказал он упавшим голосом, — но оплатите мне за откровенность откровенностью: каким образом вы пришли к пониманию парноубийства?

— Вы правы, Грейчер, теперь и я могу быть с вами вполне искренен, — улыбаясь, ответил Гард, держа серебряные часы за цепочку и крутя их вокруг пальца. — Но похвастать мне нечем. Я мог бы поблагодарить за открытие элементарную логику... Но это уже не ваша забота.

Грейчер повернулся и пошел из кабинета прочь. В дверях он остановился, посмотрел на Гарда и странно спокойно произнес:

— И все же вы глупец, Гард!

Таратура и комиссар весело рассмеялись.

— Благодарю вас, профессор, вы чрезвычайно любезны! — успел крикнуть Гард.

У Гарда было отличное настроение. Он прошелся по кабинету легкой, почти танцующей походкой и подошел к окну. Все было прекрасно — все, все, все! Начинаясь день. Тихий, солнечный день. Двор полицейского управления то и дело пересекали какие-то люди, на секунду задерживаясь рядом с дежурным. За решетчатой оградой стояли автомашины, среди которых обращал на себя внимание белый «мерседес». Когда Гард хотел было вернуться к столу, он неожиданно увидел Таратуру,

пересекающего двор. «Куда это он?» — подумал Гард и, высунувшись из окна, крикнул:

— Таратура!

Помощник Гарда поднял голову, улыбнулся и весело помахал рукой. Все это он сделал на ходу, не останавливаясь, и что-то странное почудилось Гарду в походке Таратуры, или в его улыбке, или в его одежде, — комиссар не мог понять, в чем именно. Между тем Таратура подошел к дежурному, что-то сказал ему и вышел за пределы двора. Через секунду он уже сидел в белом «мерседесе». Гард оторопело смотрел на своего помощника, и вдруг его как током ударило: Таратура был не в своей одежде! Мощное тело инспектора обтягивал узенький костюм, ноги сжимали явно чужие туфли, изменяющие походку, а галстук неимоверно стягивал горло, оттого-то все выражение лица Таратуры, несмотря на улыбку, показалось Гарду каким-то задущенным, не своим...

О боже, да это же костюм профессора Грейчера!

Ничего не понимая, Гард бросился к столу и быстрым движением выдвинул средний ящик. Наверху, на папке, лежали серебряные часы. Схватив их, комиссар открыл крышку. Футляр был пуст!

Небольшая тюрьма «для местного пользования», как называл ее комиссар Гард, размещалась в полуподвале полицейского управления и вызывала бесконечные споры на всех архитектурных конгрессах. Одни считали ее гениальным произведением утилитарного зодчества, другие обвиняли ее автора в примитивизме. Среди заключенных тоже не было единого мнения. Те из них, которые предпочитали одиночество и попадали в камеру, чтобы поразмыслить о прошлом и будущем, выражали недовольство тюремной архитектурой. Зато воры, грабители и убийцы, привыкшие к веселому обществу и боя-

щиеся остаться наедине с собой, лишь в превосходных степенях оценивали тюрьму: время здесь шло для них незаметно и весело.

А дело было в том, что архитектор, создавший столь уникальный полуподвал, был ярым поборником социальной справедливости. Он считал, что если уж человек попадает в это милое заведение, то он должен покинуть его лишь после полного торжества справедливости. Преступник должен отсидеть свой срок день в день и ни в коем случае не сбежать на волю. И поэтому он спроектировал полуподвал наподобие средневекового собора, акустике которого мог позавидовать любой современный концертный зал. Каждый шорох в каждой из ста пятидесяти четырех камер усиливался настолько, что два надзирателя, находящиеся в дежурной комнате, могли отчетливо представить себе, что в данный момент делает любой из ста пятидесяти четырех заключенных. Вот один насвистывает песенку, другой справляет нужду, третий почему-либо мычит или естественным образом кашляет, четвертый сочиняет стихи, а пятый пилит решетку. Когда однажды все заключенные, сговорившись на прогулке, устроили шум во всех камерах одновременно, им все равно не удалось сбить с толку надзирателей, поскольку в том-то и заключалась гениальность зодчего, что он ухитрился все шумы точно рассортировать по происхождению.

В тот момент, когда Гард, выскочив из кабинета, бросился в полуподвал, по узкому тюремному коридору ему навстречу неся хохот. Чутким ухом Гард уловил, что смеются оба дежурных надзирателя, стоя у камеры номер 3.

Надзиратели наслаждались веселым и забавным зрелищем. Только что водворенный в третью камеру профессор Грейчер вызвал их из дежурного помещения криками: «Вы что, олухи, с ума посходили?! — и теперь утверждал, ни капельки не смущаясь, что он — инспектор полиции Таратура!

— А может, вы Юлий Цезарь? — хохотал наиболее грамотный из надзирателей.

— Ох, уморил! — держась за живот, вторил другой.

Вся тюрьма прислушивалась к их веселью, лишаящему одних заключенных покоя и дающему другим желанное развлечение.

— Ребята, вы действительно меня не узнаете? — чуть не плача от возмущения, кричал профессор Грейчер. — Вы рехнулись? Да это ж я, я, Таратура... Перестаньте ржать, в конце концов, и срочно вызовите Гарда! Я что вам сказал!

В ответ ему был дружный хохот.

— Ослы безмозглые! — бушевал Грейчер. — Болваны! Вы отсидите у меня под арестом по десять суток каждый!

— Ха-ха-ха!

— А тебе, Смил, я ни за что не верну те пять кларков, которые взял на прошлой среде!

Словно поперхнувшись, оба надзирателя умолкли. В этот момент комиссар Гард и подоспел к камере. Еще издали он увидел профессора Грейчера, вцепившегося руками в решетку. На профессоре была желтая куртка Таратуры, но сидела она на нем как мешок. Оцепенелым взглядом уставившись на профессора Грейчера, Гард медленно подошел к камере, металлическим голосом попросил надзирателей удалиться и отпер замок своим ключом.

— Вы понимаете, Гард, эти болваны приняли меня за профессора Грейчера! — облегченно проговорил профессор Грейчер. — А куда делся сам профессор, я не знаю!

— Что же случилось? — еле выдавил из себя Гард, стараясь не глядеть на заключенного.

— Когда мы вошли с ним в камеру, он предложил мне сигарету и вынул портсигар...

— Какой портсигар?

— А черт его знает! Нормальный серебряный портсигар.

— И что дальше? — не глядя на Грейчера, спросил Гард.

— А дальше я не помню. Какой-то странный зеленый луч... потом удар в челюсть... Сказать по совести, это был достойный удар, комиссар, уж в этом я понимаю!

«Еще бы! — подумал Гард. — Ведь бил уже не профессор Таратуру, а Таратура профессора!»

— И что дальше?

— Когда я очнулся и поднял тревогу, эти болваны...

Гард взглянул в лицо говорящему. Холеные щеки, благородные усики скобкой, щелочкой сощуренные глаза и этот характерный породистый подбородок, свидетельствующий об отличной кормежке... Жуть какая!

— Послушайте меня, старина, — тихо произнес Гард. — Послушайте внимательно и спокойно, собрав всю волю и выдержку. Профессор Грейчер сбежал, украл ваше тело.

— Что?! — воскликнул заключенный. — Что вы говорите, Гард? Вы мне не верите?!

— Дай руку, Таратура, — строго сказал комиссар. — Ты чувствуешь, у тебя выросли усы? Разве ты когда-нибудь носил усы? Ты чувствуешь, что у тебя стало меньше сил? Что твоя тужурка висит на тебе, как на вешалке? Ты понимаешь...

Таратура медленно сполз по стене на пол камеры.

— Это правда, комиссар? — тихо спросил он, глядя оттуда на Гарда обезумевшими глазами. — Но ведь этого не может быть! Комиссар, этого не может быть!!! — С ним начиналась истерика, хотя он прежде был сильным человеком, способным переносить любые страхи и ужасы. — Ведь это чушь, комиссар! — Таратура стал рвать на себе волосы, царапать свои холеные

щеки, ломать пальцы. Гард с трудом сдерживал его, и по всей тюрьме, усиленное гениальной акустикой, несло: — Это чушь, чушь, чушь!..

7. Плоды беспечности

Министр внутренних дел Воннел обожал отчеты. С величайшим наслаждением он читал и перечитывал все, что писали ему агенты и руководители ведомств, и с не меньшим удовольствием сам составлял докладные в адрес правительства. Пожалуй, в нем погиб великий сценарист или репортер уголовной хроники, зато в нем процветал не менее великий пожиратель сенсаций. Открыто преступление или не открыто, задержан преступник или нет — все это почти не беспокоило Воннела, если отчет содержал в себе драматическое изложение события, снабженное сложным сюжетным ходом и всевозможными хитрыми перипетиями. Читая такие отчеты, Воннел хохотал и плакал, страдал и наслаждался, подпрыгивал в своем кресле, а в особенно жутких местах сползал под массивный стол.

Прослышав об этой страсти министра, комиссары и инспектора полиции стали нанимать профессиональных писателей, которые по скромным заметкам сочиняли потрясающие отчеты, а еще чаще просто выдумывали их. В стране, таким образом, одновременно процветали нераскрытая преступность и многословная отчетность, развиваясь параллельными, нигде не пересекающимися курсами.

Отчет комиссара Гарда произвел на министра жуткое — стало быть, прекрасное — впечатление. Дочитав до того места, где профессор Грейчер превращается в инспектора Таратуру, а Таратура — в профессора Грейчера, Воннел опустил под стол и просидел там, пока по его вызову не явился первый заместитель Оскар Пун. Тогда, выбравшись из-под стола, Воннел произнес трагическим голосом:

— Вы читали?!

Оскар Пун читал все на час раньше министра. Он кивнул головой и сказал:

— Я рад, господин министр, что отчет вам понравился.

— Но каков комиссар Гард! — восхищенно воскликнул министр. — Он никогда не славился выдумкой, а тут — на тебе, наворотил такую прелесть, что просто мурашки бегут по телу! Как вы думаете, Пун, не стоит ли доложить это дело президенту?

— Полагаю, господин министр, — ответил Пун, более реалистически смотрящий на вещи, — что сначала следовало бы выслушать комиссара Гарда.

— Он здесь?

— И не один, а с профессором Грейчером, который одновременно есть Таратура.

— Давайте их по одному, — приказал Воннел.

Через минуту Гард входил в кабинет министра.

— Поздравляю вас, комиссар! — вместо приветствия сказал Воннел, выходя из-за стола и протягивая комиссару руку, что означало награждение Гарда премией в размере месячного жалованья. — Вы написали превосходный отчет! До парноубийства не додумался пока ни один комиссар полиции! Гард! Вы — первый! Даже Альфред Дав Купер...

— Я ничего не выдумал, господин министр, — перебил его Гард. — К сожалению, все то, что написано в отчете, произошло в действительности.

— Разумеется! — воскликнул Воннел. — Такое не придумается! Мы обменялись с моим заместителем мнениями и решили доложить дело президенту. Не так ли, господин Пун?

— Вы, как всегда, правы, господин министр, — ответил заместитель, улыбаясь своей многозначительной улыбкой, которую репортеры уже давно окрестили «пун-новской», а карикатуристы «Модиссон кропса» бичева-

ли ею угодничество, подхалимаж и ложные патриотические порывы.

— Где сейчас преступники? — возвращаясь к делу, спросил министр.

— Эрнест Фойт — в тюрьме, профессор Грейчер — на свободе.

— Его приметы известны?

— И да, и нет, — ответил Гард. — Дело запутанное. Сначала Грейчер украл внешность инспектора Таратуры, приметы которого нам хорошо известны. Но когда мы организовали погоню, он совершил ряд превращений, последовательно меняя внешность. На данный момент мне известны шесть человек, телами которых он воспользовался. Нужны энергичные меры для того, чтобы предупредить...

— Не понял, комиссар, — откровенно признался министр, прервав Гарда. — Вы это серьезно?

— Не волнуйтесь, комиссар Гард, — вмешался Пун, — и говорите яснее.

— Я не волнуюсь. Если у вас есть время, могу рассказать подробней. Все материалы... — Он запнулся на секунду. — Все материалы, господа, я захватил с собой.

— Что именно? — спросил Пун.

Гард поднялся, подошел к двери и открыл ее. В кабинет вошел Таратура в облике профессора Грейчера и вытянулся по стойке «смирно». Типично гражданская внешность — округлый животик, выпирающий из штанов, холеное лицо джентльмена — и эта нелепая стойка «смирно» вызывали невольную улыбку, но Гард, в отличие от министра и его заместителя, не улыбался.

— Вот так, господа, выглядел профессор Грейчер до первого превращения; когда он попал к нам, — сказал Гард.

Все еще улыбаясь, Воннел и Пун подошли к Таратуре и уставились на него, как европейские мальчишки могут уставиться на черного человека, впервые появив-

шегося в их городе. Затем улыбки на их лицах сменились недоумением, а Воннел даже дотронулся до уха Таратуры так осторожно, словно оно могло взорваться.

— Можете идти, — сказал министр, и Таратура, ловко повернувшись через левое плечо, вышел из кабинета.

Все сели на свои места, погруженные в размышления.

— Слушайте, Гард, — сказал после паузы Пун, — зачем вам все это нужно?

— Что именно, господин Пун?

— Да этот ваш... показ?

— Не понял.

Министр и заместитель переглянулись. По всей вероятности, они до сих пор не могли отнестись к делу серьезно, и коли так, то комиссар уже казался им полным кретином.

— У вас же есть оба преступника! — сказал министр, с полуслова поняв своего заместителя. — Фойт, как вы сказали, в тюрьме, а Грейчер — вот он! — И Воннел указал глазами на дверь.

— Это не Грейчер, а Таратура, — сказал Гард.

— Он может это доказать? — спросил Пун. — Вы посмотрите, как все получается: вы открыли страшное преступление, изловили двух убийц, и никто из них никуда не сбежал и не выкрал никаких чужих тел!

— А за отличный вымысел — спасибо! — добавил министр. — Очень приятно было читать, очень.

Гард оторопело смотрел на говорящих. Они экзаменуют его? Прощупывают? Просто шутят?

— Простите, господа, но Таратура не есть профессор Грейчер. Он отлично помнит, кто он, когда родился, чем занимается и кто у него друзья. Его биография и биография Грейчера не совпадают...

— Наш суд разберется в этом как надо, — сказал Воннел.

— Вы мне не доверяете, господин министр? — сухо сказал Гард.

— Зачем же так, комиссар...

— В таком случае, поверьте мне. Тем более что спасение Таратуры и всех пострадавших от перевоплощения, как и поиск преступника, — долг моей совести!

Министр поморщился, и Оскар Пун окончательно решил: премии не давать.

— Что же вы хотите? — раздраженно спросил Воннел.

— Прежде всего продемонстрировать вам записи допросов всех пострадавших.

— Давайте, давайте, — оживился Воннел. — У вас в форме отчета?

— Нет, магнитофонные записи.

— Превосходно!

Гард вынул из портфеля портативный магнитофон и, прежде чем нажать пуск, извинился за маленькое предисловие, которое был вынужден сделать:

— Итак, господа, Грейчер выехал из полицейского управления в своей машине, имея внешность инспектора Таратуры. Он понимал, что его будут преследовать. Действительно, через семь минут после побега все посты получили мою телефонограмму с требованием задержать машину, а также приметы Таратуры. Первый сигнал о невероятном событии я получил из универмага «Бенкур и К°». Естественно, что профессор направился именно туда, где больше всего народа. Там он привел в действие аппарат перевоплощения и поменялся телами с человеком, голос которого вы сейчас услышите. Внимание, господа!

Гард включил магнитофон. На фоне гудящей толпы выделялся мужской голос, истерически шептавший:

«Умоляю вас, комиссар, умоляю! Быстрее врача! Со мной происходит что-то страшное! Уберите людей! Врача, комиссар, умоляю вас!..»

«Повторите рассказ о том, что с вами произошло». — Это был голос комиссара Гарда.

«Что? — спросил несчастный. — Что? Повторить?»

Это невозможно, комиссар! Он бежал по лестнице... столкнулся со мной... Я стоял вот тут... И вдруг мне в глаза блеснул зеленый луч... О боже, как это страшно!.. Я на мгновение потерял сознание, а когда пришел в себя... Комиссар, умоляю вас — врача!.. Это не мои руки! Не мои руки! Не моя голова! Не мой голос! Я не в своем уме, комиссар? Мне все это кажется? О боже!..»

«Куда делся тот человек, что столкнулся с вами на лестнице?»

«Не знаю, комиссар, я больше ничего не знаю! Я взглянул в зеркало и вдруг увидел, что мой костюм сидит не на мне!.. Понимаете? Это страшно!..»

Гард выключил магнитофон.

— Вы слышали, господа, голос первой жертвы: студента Джосайя Болвуда. Он приобрел внешность инспектора Таратуры, а с его внешностью профессор последовал дальше.

— Как скоро вы прибыли на место происшествия? — спросил Пун.

— Через шесть минут.

— Профессор не мог далеко уйти.

— Но мы потратили массу времени для того, чтобы установить его новые приметы.

— Почему же? — спросил Воннел. — Ведь студент был с вами.

— Но в таком состоянии, господин министр, что не мог описать свою внешность. Когда же мы привели его в чувство, выяснилось, что мы вообще плохо знаем свою внешность, — во всяком случае, гораздо хуже, чем чужую. И потому нам пришлось ехать домой к Болвуду, чтобы там добывать его фотографию. На все на это у нас ушло еще двадцать четыре минуты, а за это время...

— Ну, ну, что случилось за это время? — с интересом спросил Воннел.

— Вот вторая запись, господа.

С магнитофонной ленты отделился мужской голос с приятной баритональной окраской:

«Я интеллигентная женщина, комиссар, и понимаю, что, если дело дошло до воровства наружности, мир стоит на краю гибели...»

Министр не удержался и захохотал:

— Это женщина?! Невероятно! Она же говорит почти басом!

— Это печально, господин министр, — сказал Гард. — Можно продолжать?

«Если бы я знала, комиссар, — продолжал мужской голос, — что зеленый лучик, пущенный из рук этого типа, доставит мне столько неприятностей, я десять раз свернула бы ему шею, прежде чем он ко мне подошел».

«Что вы чувствовали, госпожа Лелевр?»

Министр вновь хмыкнул, еле сдерживая смех.

«У меня закружилась голова, а потом я почувствовала, что с моих ног падают туфли. Я ношу сорок третий размер, комиссар, а этот паршивый студентиска, наверное, не больше сорокового. Моя обувь и слетела с его ног... Ну, я, конечно, сначала испугалась и заорала, а потом думаю: чего я ору, если все это мне снится? Даже интересно досмотреть до конца. Но тут явились вы, господин комиссар, и мне стало ясно, что я бодрствую. Если во сне приходит полиция — значит, это не сон!»

«Что было дальше, мадам Лелевр?»

— Да, да, что было дальше? — вставил министр.

«Они смеялись! Я ничего не понимала, а они дико смеялись. Еще бы, не всегда увидишь мужчину, одетого в женское платье, да еще не по размеру!..»

Гард остановил магнитофон.

— Это мадам Мери Лелевр, продавщица. Она получила внешность студента Джосайя Болвуда, — пояснил комиссар. — Пока мы с ней объяснялись, профессор Грейчер в женском обличье вышел из универмага и исчез. Мы потеряли его из виду.

— Вы же могли оцепить универмаг, — сказал Пун.
— Для этого мне понадобилась бы вся полиция города.

— Ну, а потом? — спросил Воннел.

— Через три часа мы узнали, что внешность Левелв отдана парикмахеру Паулю Фриделю. С ним случилась истерика, и потому это стало известно полиции. Пауль Фридель как раз собирался на свидание к своей возлюбленной и вдруг сам стал женщиной! Затем внешность парикмахера оказалась у Юм-Рожери...

— Киноактера? — сказал Пун. — О, это известнейший актер!

— Да, и мы вновь напали на след, хотя прошло уже свыше семи часов после первого перевоплощения. Дело в том, что Юм-Рожери не сразу узнал об этом. Он пришел в артистический кабачок, его не пустили, и тогда он устроил скандал. Доставленный в полицию, он утверждал, что знаменитый актер Юм-Рожери — это он, и так мы узнали об очередном преступлении профессора Грейчера. А внешность актера...

— Очень интересно! — воскликнул Воннел.

— ...досталась нищему Остину.

— Поразительно!

— Остин спал на скамейке в Приттпарке. Можете послушать его показания.

Гард вновь пустил магнитофон.

«Господин комиссар, я уважаю конституцию, но почему конституция не уважает меня?»

«Оставим конституцию в покое...»

«Вам легко говорить, господин комиссар, потому что четыре раза в месяц вы получаете жалованье, а мне приходится добывать деньги каждый день. И вот наконец, когда клиент пошел ко мне, как атлантическая сеledка в трюмы сейнера, ваши ребята хватают меня за шиворот и волокут в полицию! Кто возместит ущерб? И долго ли вы будете держать меня в участке?»

«Не надо философствовать, Остин, а говорите, что с вами произошло, когда вы проснулись».

«Вы мудры, комиссар, как царь Соломон. Преклоняясь перед вашими доводами, я готов рассказать все, что вас интересует, тем более что через тридцать семь минут кончится рабочий день в банке «Инрепрайс» и несколько тысяч служащих промчатся мимо моего места, купленного в ассоциации нищих за приличные деньги. Я надеюсь извлечь из этого людского потока кое-что для удовлетворения личных нужд...»

«Вы вновь отвлекаетесь, Остин!»

«Виноват. Итак, когда я проснулся и занял свое доходное местечко, произошло чудо. Мои клиенты превратились в сущих ангелов! Не было человека, который, рассмеявшись, не подал бы мне монету! Они подходили ко мне и клали деньги в берет с такой вежливостью, как будто я датский король из драмы Уильяма Шекспира! Некоторые из них называли меня Юм-Рожери, но какое мне дело, как меня называют, если дают деньги, господин комиссар? Если нашего президента назвать ослом, но при этом дать ему...»

«Вы опять отвлекаетесь, Остин!»

«Виноват. И вдруг ваши ребята хватают меня за шиворот и волокут в участок, как будто я злостный неплательщик налогов! Я спрашиваю, господин комиссар, есть у нас в стране конституция или нет? Кто возместит мне убытки...»

Гард остановил магнитофон.

— Итак, господа, последние данные таковы: профессор Грейчер сейчас в образе нищего Остина. Как он выглядит, мы не знаем, поскольку у нищего не было ни одной фотографии, а описать себя он не может. Говорит: «Я прихрамывал, но нарочно, а еще делал левый глаз слепым».

— Все? — спросил Воннел.

— Все, господин министр. Во все полицейские участки мною разосланы телефонограммы, требующие осто-

рожности. Перевоплощенцев я собрал в одном месте...

— Кого? — сказал Пун.

— Перевоплощенцев. Как их иначе назовешь?

— Их можно вернуть в прежнее состояние? — поинтересовался Пун.

— Вероятно, да, — ответил Гард. — Но сделать это может только профессор Грейчер. Впрочем, во всех перевоплощениях, как туда, так и обратно, возможна путаница, и концов потом не соберешь. В любом случае надо надеяться, что Грейчер когда-нибудь захочет вернуть себе собственную внешность.

— Зачем? — сказал Воннел.

— У него же семья, жена и дочь.

— Ну и что? — не понял министр.

— Если он еще полностью не утратил человечность, он захочет их повидать и сам им показаться.

Воннел пожал плечами. Гард продолжал:

— Так или иначе, но его родные ничего не знают о случившемся. Мы установили за ними наблюдение. Кроме того, приняли меры к охране Таратуры, который носит сейчас облик профессора. Если нам удастся схватить Грейчера и его аппарат, обратный обмен внешностями возможен. Но если нет, несчастные обречены.

— Их не так уж много, — спокойно заметил министр. — Ваши страхи преувеличены.

— Но ведь возможны дальнейшие превращения! Положим, к вам приходит на доклад комиссар полиции, и вы, господин министр, получаете его внешность и, стало быть, его должность.

— Как это комиссар полиции может превратиться не в моего человека? — возмутился Воннел.

— Очень просто, господин министр: с ним может обмениваться телами Грейчер... Или, чего доброго, он может передать вам тело и внешность гангстера или уличной женщины, и тогда вы потеряете...

Гард умолк, потому что Воннел стал медленно сползать под стол.

— Что нужно, — прошептал он чуть ли не из-под стола, — чтобы пресечь дальнейшие превращения?

— Вот список необходимых мер. — Гард протянул Пуну лист бумаги.

Пун быстро прочитал, затем передал министру. Они многозначительно переглянулись.

— При всем желании, — сказал Воннел, — я не могу своей властью санкционировать такие меры. Готовьтесь к докладу президенту, комиссар! Пун, отдайте распоряжение, что отныне комиссары полиции освобождаются от личных докладов министру внутренних дел. Достаточно будет отчетов! Вы свободны, господа!

Пун улыбнулся пуновской улыбкой и вместе с Гардом вышел из кабинета.

8. «Красные листья»

Вилла «Красные листья», название которой дал старинный парк с красавцами кленами, словно вспыхивающими огнем каждый сентябрь, принадлежала полиции. Одно время там был стенд для экспертизы оружия, потом в парке тренировали овчарок-ищеек, но чаще всего вилла пустовала. Теперь Гард вспомнил о ней и распорядился как можно скорее отправить туда всех несчастных оборотней. Туда же он отправил и Таратуру с двумя полицейскими, попросив их позаботиться хотя бы об относительном порядке. Впрочем, Таратура находился в каком-то оцепенении, в состоянии тихой и глубокой паники, и Гард сразу понял, что толку от него будет мало. В один из дней он сам решил поехать в «Красные листья».

Машина шла по шоссе, обсаженном старыми вяза-ми, и в ровной чередѣ их побеленных стволов было что-то глубоко мирное и успокоительное. Гард грустно думал о том, как он стар уже... Да, да, стар! Дело не в годах, потому что годы — разные. Раньше годы были

длинными, а теперь они совсем короткие, время бежит все быстрее, завивается вихрем. Его молодость — это золотое время дактилоскопии, качественных химанализов и детской доверчивости к фотографиям. Потом пошел ультрафиолет, рентген, ультразвук, углерод-14, — чего только не напридумали люди. Все эти премудрости и загнали его в старость. И вот дожили — уже меняются лицами, телами... Страшный сон. Как можно нормальному человеку разобраться в этом кошмаре? Куда он годится сейчас со своей старомодной логикой и дактилоскопией? Неизвестно, есть ли бог, но дьявол существует. Это абсолютно установленный факт. Только дьявол может научить такому.

В «Красных листьях» Гард прежде всего попросил Таратуру принести протоколы всех допросов и по ним еще раз постарался представить себе весь ход событий в универмаге. Итак, Грейчер в облике Таратуры, спасаясь от преследования, обменял лицо Таратуры на лицо... как его... Джосайя Болвуда — студент-филолог, 22 года. Значит, профессор одним махом помолодел чуть ли не на 30 лет! А студенту он, стало быть, оставил лицо Таратуры... Не оборачиваясь, чтобы еще раз не содрогнуться при виде Таратуры в облике Грейчера, Гард спросил:

— Вы видели этого... ну, студента?

— Да, комиссар, — тихо сказал Таратура. — Это ужасно... Вы даже не представляете... Я чуть не умер, когда увидел!

— Очень похож на вас?

— Да какой там похож! — в неподдельном отчаянии воскликнул Таратура. — Это я!

— М-да, — потупился Гард. — Ну хорошо, пойдем дальше. Итак, из Болвуда этот негодяй превращается в... минутку, ага, вот этот протокол, — Мери Лелевр: продавщица отдела носков, 52 года. А несчастная продавщица становится, в свою очередь... э-э... студентом. Далее парикмахер Пауль Фридель, 37 лет, превращает-

ся в продавщицу, а актер Юм-Рожери, 59 лет, в парикмахера. И, наконец, последнее перевоплощение: человек без определенных занятий Уильям Остин получает лицо актера, а его лицо... А его лицо похищает Грейчер. И, поскольку человек без определенных занятий, а точнее, просто бродяга Остин не располагает своими photographиями, мы даже не знаем, как теперь Грейчер выглядит.

У-ф! Гард откинулся на спинку кресла. Просто можно сойти с ума. Итак, если он сейчас войдет в холл, где сидит вся эта компания, то увидит... Гард перевернул один из листов протокола и набросал такую таблицу:

Я увижу...	А на самом деле это...
Таратуру	Студент Болвуд
Студента Болвуда	Продавщица Мери
Мери	Парикмахер Пауль
Парикмахера	Актер Юм-Рожери
Актера	Бродяга Остин

То, что он видит Грейчера, а на самом деле это Таратура, он уже усвоил.

— Как они там? — спросил Гард Таратуру, кивнув в сторону холла.

— Сейчас как-то вроде успокоились, — сказал Таратура. — Просто, наверное, устали кричать. А поначалу это был сущий ад. Хватали друг дружку и вопили, как будто их режут. Но, комиссар, я их понимаю. Лучше потерять руку, ногу, чем вот так... Хуже всех было, пожалуй, парикмахеру. Красивый парень, жена, возлюбленная, двое ребятишек, и вдруг — бац! — он превратился в эту... В даму. По-моему, он... или она — не знаю, кто оно теперь, слегка тронулось.

— А продавщица? — спросил Гард. — Ну, я имею в виду бывшую продавщицу.

— Понимаю, вы имеете в виду студента... Она моло-

дец. Даже смеялась. Вы можете сами поговорить с ними. Вообще-то говоря, с виду ничего страшного. Люди как люди.

Гард встал, сунул в карман заготовленную шпаргалку, пошел к двери холла, бросив на ходу:

— Как только привезут словесный портрет этого бродяги, позовите меня.

Стараниями своего бывшего хозяина холл виллы «Красные листья» был превращен в маленький зимний сад. Спрятанные под полом кадушки с землей создавали иллюзию леса: пальмы, перевитые лианами, росли прямо из-под пола. На искусных подставках и подвесках цвели амариллии, кринум, пеларгонии, замысловатые фуксии, несколько тюльпанов и сочные, аппетитные гнацинты, меж цветками которых поблескивали стекла аквариумов. Обивка низкой мягкой мебели гармонировала с тонами растений. Посередине холла стоял круглый столик с журналами.

Гард вошел и быстро огляделся. Прямо перед ним, вытянув ноги и раскинув по спинке дивана руки, сидел инспектор Таратура.

«Так, — подумал Гард, — это студент. Ясно...» В кресле у столика, лениво перелистывая журналы, развалился — о, его Гард узнал сразу! — Юм-Рожери, известнейший киноактер. Он начал свою карьеру лет двадцать назад в фильме, сделанном по какому-то русскому роману. Кажется, он назывался «Стальная птица». И с тех пор пошел на всех парах. «О, эти нежные, нежные, нежные руки», «Акула завтракает в полночь», «Эскадрилья амуров»... Да разве можно вспомнить все фильмы, где снимался Юм-Рожери! А этот, ну с дракой на крыше монорельсового вагона... Как же он назывался?.. «Едем, едем, не приедем» — что-то в этом роде...

— Хелло, Юм, — кивнул Гард и улыбнулся, но в ту же секунду сообразил, что ведь это же не Юм.

— Привет! Если не ошибаюсь, комиссар Гард? — раздался голос из-за пальмы, и, раздвигая острые тон-

кие листья, к Гарду вышел красивый брюнет лет тридцати пяти в светлом, мешковато сидевшем костюме.

— Откуда вы меня знаете? — спросил Гард и подумал: «Это парикмахер. Да нет же! Это как раз Юм с лицом парикмахера!»

— Одно время ваши портреты печатали в журналах не меньше, чем мои, — сказал брюнет.

— Чем мои, вы хотите сказать, — перебил человек с лицом Юма и захохотал, давась смехом, известным всей стране.

«Это Остин, бродяга», — сообразил Гард.

— Комиссар, умоляю вас, заклинаю вас всеми святыми, спасите меня! — За руку Гарда крепко ухватилась крупная женщина. — У меня жена, у меня маленькие дети, я не могу, это чудовищно! Я продам свою парикмахерскую, я все продам, только верните мне мое лицо!

— Успокойся, садись, у комиссара, наверное, есть приятные новости для нас, — сказал незнакомый молодой парень, обнимая за плечи женщину. — Я уверена, все образуется.

«Парень — это студент, — лихорадочно вспомнил Гард, — вернее, это одна видимость студента, а на самом деле это... — Он полез в карман за шпаргалкой. — Так, если я вижу студента Болвуда, то на самом деле это продавщица Мери. Поэтому он и говорит: «я уверена». С ума можно сойти! Значит, продавщица сейчас утешает сама себя, вернее, парикмахера с ее лицом. М-да, я чувствую, что этот профессор завязывает мои мозговые извилины морским узлом».

— Дамы и господа! — бодрым голосом начал Гард, чувствуя, что снова забыл, кто здесь господа, а кто дамы. — Рад вам доложить, что в самом ближайшем будущем все встанет на свои места. Вы оказались невольными жертвами... как бы сказать... некой мистификации, фокуса, если угодно...

— К черту такие фокусы, я мужчина! — заорала вдруг женщина.

— Безусловно! — поспешно согласился Гард, обернувшись к ней. — А сейчас мне хотелось бы просто обсудить с вами сложившуюся ситуацию. Только давайте поговорим спокойно. Мистер Болвуд... — Гард обернулся к человеку с лицом Таратуры.

— Ну, что же сказать, комиссар, — сказал студент, поджимая ноги, — история, конечно, презанятная. Как я выяснил, я стал точной копией вашего помощника инспектора Таратуры. Я всегда уважал полицию, комиссар, и, поверьте, мне даже лестно в какой-то степени.

— Давайте без взаимных комплиментов, — улыбнулся Гард.

— Конечно, с такими ножищами и ручищами я бы мог стать не последним в университетской команде регбистов, — продолжал Болвуд. — Но, согласитесь, комиссар, что такой, как сейчас, я уже несколько староват для третьего курса. И кроме того, Сузи. Я не знаю, как она отнесется к этому. Мы собирались пожениться...

— Поженились бы вы, если бы с тобой сделали такую же штуку, как со мной! — крикнула женщина.

— ...так что я готов в любой момент вернуть инспектору все, что у него отнял, — продолжал Болвуд, — если вы скажете мне, как это сделать. И, конечно, забрать у миссис Мери... э-э... себя.

Гард обернулся к молодому человеку, которого студент назвал Мери.

— Вы как раз были таким? — спросил Гард рассеянно.

— Ага, точь-в-точь, — сказал Болвуд. — Знаете, сначала кажется, что это зеркало, а потом начинает как-то кружиться голова.

— А вы? — обратился Гард к молодому человеку. — Вы, стало быть, Мери Лелевр из универмага «Бенкур», отдел носков?

— Верно, комиссар, — улыбнулся парень. — Я —

Мери. Я сначала очень испугалась. А потом подумала: «Главное, цела осталась» — и успокоилась... Со мной в жизни всякое бывало, и вот ничего, живу... Сначала мы кричали здесь один на другого и требовали назад свои лица, свои тела. Но теперь поняли, что все мы одинаково несчастны. Конечно, я хотела бы умереть такой, какой я была. Но если все это случилось... Давайте искать радости в новом своем положении. В каждой беде обязательно есть глубоко запрятанное зерно радости. Надо только найти его и вырастить...

— Какие радости, господи боже мой, какие радости! — снова закричала женщина — парикмахер. — Инспектор, если весь этот кошмар не кончится завтра, я убью себя! То есть его... То есть себя!.. — Она возделала руки к небу. — Я хочу жить, мне тридцать семь лет!

«Женщины всегда преуменьшают свой возраст, — машинально отметил про себя Гард, но тут же вспомнил: — Да ведь это же действительно парикмахер».

— Я люблю свою жену! — кричала женщина. — Моих детей! О какой радости вы говорите, какую радость получил я? Я буду жаловаться!

— Кому? — спросил актер с лицом парикмахера. — Кому ты будешь жаловаться?

— Правительству!

— И что? Что дальше? Правительство издаст указ, чтобы тебя считали мужчиной?

— А твоя жена не подчинится указу! — захохотал бродяга с лицом актера.

— Ты напрасно смеешься, — обернулся к нему Юм-Рожери. — Меня, дорогой комиссар, как раз занимает юридическая сторона вопроса. Ведь все знают прежде всего мое лицо. Кому принадлежит мой дом, моя ферма в Матре? Мне или ему? — Он кивнул в сторону бродяги.

— Конечно, мне! — радостно завопил бродяга. — Если бы меня не сцапали и не привезли сюда, я бы не-

жился на пуховых перинах в твоём особняке и лакал бы арманьяк из пивных кружек!

— Замолчи, — перебил его актер. — В конце концов, я готов начать с такой внешностью новый круг, — продолжал он. — Правда, мне придется переквалифицироваться в героя-любownika. С такой физиономией, — он провел рукой по щеке, — я как раз...

— Это моя физиономия! — закричала женщина. — Если она вам не нравится, верните ее мне!

— Нет, почему же, — спокойно ответил актер, — это не худший вариант. Вы говорите, что вам тридцать семь лет? Ну, я как раз только-только начинал в ваши годы. А сейчас тридцать семь лет плюс мой опыт, мои связи, мои деньги, моя реклама — это другое дело! Да и кому из нас не хотелось бы сбросить парочку десятилетий, не правда ли, дорогой комиссар?

— Что верно, то верно, умереть мы всегда успеем, — сказал студент, а на самом деле продавщица Мери Лелевр.

— Это несправедливо, — заметил человек с лицом Таратуры. — Выходит, у меня украли лет пятнадцать жизни?

— Тебя здорово охмурили, парень, — весело поддакнул бродяга. — Но ты запомни, у нас говорят: время — это деньги. Главное теперь — выяснить, кто будет платить. Уж не наша ли полиция, а, комиссар? — И он снова заразительно захохотал. Глядя на него, Гард никак не мог отделаться от мысли, что Остин — это вовсе не Остин, а Юм-Рожери в роли бродяги Остина. — Сказать по правде, комиссар, — продолжал бродяга, — я был бы не против, если бы эта шутка, или, как вы там ее называете, продлилась бы подольше. С моей новой рожей я за час насшибал столько монет, сколько не имел и за неделю. А в кафе «Бутерброд с гримом», где собираются артисты, мне подавали даже бумажки! Такого не бывает и на рождество! И надо же — меня сцапали! Я кричу, а ваши ребята, комис-

сар, тянут меня в машину. Это было очень весело, черт побери!

— «Весело»! — взревел парикмахер — женщина. — Тебе весело, идиот!

— Спокойно, господа. — Гард поднял руку. — Я понимаю всю сложность вашего положения и разделяю ваши тревоги. Что касается вас, мистер Фридель, — он обернулся к женщине и улыбнулся, — что касается вас, Пауль, не надо нервничать. Еще раз повторяю: я уверен, что в самом скором времени мы вернем вам ваши лица. Поиски затрудняются лишь тем, что...

В эту минуту в холл быстро вошел Таратура. Гард увидел, разумеется, профессора Грейчера, но, сделав над собой легкое усилие, понял, что это Таратура. «Пора привыкать», — подумал Гард, когда Таратура, подойдя вплотную, что-то быстро и горячо зашептал ему в ухо.

— Что-что? — переспросил Гард. Потом понял. Обернулся: — Извините, я должен ненадолго уйти. Мы еще поговорим...

У гаража виллы стоял полицейский автомобиль. Шагая в густой тени кленов, Гард видел, как двое полицейских медленно вытаскивали из машины носилки, на которых угадывалось человеческое тело, покрытое белым. Наконец они поставили носилки в траве, с громким, резким, как выстрелы, звуком захлопнули дверцы автомобиля. Гард подошел к носилкам, и, опережая его приказ, Таратура отбросил простыню. Изможденный морщинистый старик, с мешками под закатившимися глазами, лежал на спине, мертво подогнув правую руку. На нем был превосходный серый английский костюм чистой шерсти с белым уголком платка, торчащим из кармана, который никак не вязался с седой щетиной на впалых щеках.

— Смерть наступила мгновенно, — сказал сержант за спиной Гарда. — Выстрел в упор точно в сердце.

Только теперь Гард заметил маленькое отверстие

с рыжими краями под франтоватым белым платочком.

— Вы думаете, это он? — спросил Гард Таратуру.

— Похоже, что он.

— Придется позвать его.

— Это жестоко, комиссар.

— Иначе мы не будем знать точно. А нам необходимо знать совершенно точно.

— Вы правы. Хорошо, я схожу за ним. — Таратура зашагал к вилле.

— Что нашли на убитом? — спросил Гард сержанта.

Сержант достал из нагрудного кармана шпаргалку:

— «Бумажник с восемьюстами четырнадцатью кларками, авторучку «паркер-1100», чековую книжку, носовой платок, машинку для стрижки ногтей, связку ключей на платиновой цепочке длиной 32 сантиметра, записную книжку в крокодиловом переплете, пачку сигарет «Космос», газовую зажигалку «Ронсон», зубочистку в виде серебряной шпаги и шесть визитных карточек».

Гард удивленно вскинул брови:

— Визитные карточки? Покажите.

Сержант полез в кабину, достал портфель и долго в нем рылся. Наконец протянул Гарду маленький белый прямоугольник с золотым обрезом.

«Чарлз Фицджеральд Крафт-младший, — прочел Гард изысканную каллиграфическую вязь, — сенатор, президент компании «Всемирные артерии нефти». — Гард задумчиво свистнул. Очень немногие знали, что этот свист — признак наивысшего удивления Гарда, — не знали, потому что очень нелегко было удивить комиссара.

Он услышал шаги за спиной, оглянулся и увидел Таратуру, хмуро шагающего рядом со знаменитым киноактером Юом-Рожери. «Кого он ведет, болван? — подумал Гард, но тут же опять спохватился: — Все верно, все правильно. Вот, черт, не могу привыкнуть...»

— Скажите, Остин, — спросил Гард бродягу с лицом

киноактера, — вы знаете этого человека? — Гард показал глазами на носилки с трупом.

Остин взглянул и быстро шагнул вперед, к носилкам. Потом медленно опустился на колени. Его глаза не отрываясь смотрели на лицо покойника, и столько тоски, столько боли и неизбывной жалости было в этих глазах — глазах знаменитого Юма-Рожери, великого актера, который все-таки никогда не мог бы так сыграть человеческое горе.

— Это я, — не сказал, а коротко выдохнул он. — Это я, комиссар...

Гард отвел Таратуру в сторону:

— Вы знаете, кто лежит там с лицом Остина? Чарли Крафт. Да, да, тот самый сенатор Крафт-младший. Грейчер порвал цепочку... Бедняга Остин, он теперь уже никогда не вернет себе свое лицо! Но вы понимаете, что Грейчер начал игру ва-банк? Он полез наверх, на самый верх. Он ищет зону, недоступную нам. Но он плохо знает меня. Два убийства — серьезная штука, такие вещи я никогда никому не прощал. Необходимо поставить в известность президента.

И тут они услышали тихие горькие всхлипы. Упрятав чужое лицо на груди покойного, Уильям Остин, бродяга и нищий, плакал над трупом Чарльза Фицджеральда Крафта-младшего, мультимиллионера. Он был единственным человеком, который оплакивал могущественнейшего из нефтяных королей. Но он не знал об этом.

9. Лес рубят — щепки летят

Доклад комиссара полиции президенту звучал сухо и казенно, Гард сам это чувствовал. В Доме Власти, среди строгих темно-коричневых стен, перед овальным столом с флажком президента, иначе и не звучали даже самые невероятные доклады. Они не могли вызывать здесь ни делового сочувствия, как в полицейском управ-

лении, ни живого интереса, как у нормального уличного прохожего, ни вопля, как у обитателей виллы «Красные листья».

— Ясно, — сказал президент, когда Гард кончил. — Что вы думаете об этом, Воннел?

Министр внутренних дел, сидевший в кресле с видом дремлющего филина, неопределенно покрутил пальцами:

— Необходима осторожность.

— Именно, — сказал президент.

— Следует хладнокровно взвесить, — сказал Воннел, еще более удаляясь от необходимости решать.

— И учесть последствия, — добавил президент.

— А также реакцию сената и общественного мнения, — поддакнул Воннел.

— Вопрос следует рассматривать не только с юридической стороны...

— С моральной, разумеется, тоже, — вставил Воннел.

— Совершенно согласен. Ничего нельзя упускать из виду.

— Разрешу себе высказать такую мысль, — храбро начал министр, и президент с интересом посмотрел на него. — Неотвратимость справедливости содержится в самом движении справедливости!

Президент перевел свой взгляд на Гарда и полувопросительно произнес:

— Неплохо сказано, а? Как раз для этого случая.

Гард не пошевелил ни единым мускулом.

— Весьма рад, что вы поддерживаете мою точку зрения, господин президент, — сказал Воннел.

— Так какое будет решение? — спросил Гард, возвращая государственных деятелей к действительности.

Они задумались.

— Решение должно быть безупречным, — сказал наконец Воннел.

— Абсолютно верно! — обрадовался президент.

— И государственно оправданным, — сказал Воннел.

— Разумеется.

— В духе наших христианских и демократических традиций...

— О которых, к сожалению, не всегда помнит молодежь, — добавил президент, в голосе которого появились наставительные нотки. — Молодежь нужно воспитывать!

— Прививая ей уважение к истинным ценностям, — сказал Воннел.

— И сурово предостерегая от увлечения ложными идеалами.

Гард понял, что если он решительно не прервет этот затянувшийся словесный футбол, мяч укатится так далеко, что его потом и не сыщешь. Но, собственно говоря, перед кем они упражняются? Перед Гардом, с мнением которого они считаются так же, как щука с мнением карася? Друг перед другом? Или сами себя тешат мнимой мудростью высказываний, долженствующих вытекать из любого «государственного» рта, как они думают?

— Прошу прощения, — почтительно и твердо сказал Гард, — но я вынужден напомнить о необходимости принять конкретное решение. Преступник сделал шаг вверх! Сегодня он принял обличье сенатора, а завтра... — Гард сделал многозначительную паузу.

Президент забарабанил пальцами по столу, а Воннел вновь надел на себя маску дремлющего филина.

— Вы уверены, комиссар, что профессор... э-э... стал сенатором Крафтом? — спросил президент.

— Безусловно.

— Доказательства?

— Визитная карточка, найденная в костюме покойного, зажигалка сенатора, несколько его личных вещей, чековая книжка, деньги...

— Многообразие жизни, — очнулся Воннел, — учит нас, что предметы могут оказаться вовсе не там, где им по логике надлежит быть. Слава богу, в нашей демо-

кратической стране каждый человек обладает свободой воли и выбора.

— Простите, господа, — сказал Гард, — но это слишком невероятно, чтобы сенатор Крафт отдал костюм со всем содержимым какому-нибудь постороннему лицу, тем более бродяге!

— Единение с ближними завещал нам господь бог, — набожно произнес президент. — Но дело не столько в этом, комиссар, сколько в том, что у нас нет убежденности, что преступник до сих пор находится в облике сенатора Крафта. Я прав?

— Да, господин президент, я в этом не убежден...

Однако президент уже не слушал комиссара.

— Мне говорили, что вы отличный специалист, — сказал он, — но и вы можете ошибаться. К чему такая поспешность?

— Она может привести к чудовищной ошибке! — вставил Воннел.

И президент с министром сыграли еще целый тайм, гоня слова от одних ворот к другим. Гард почти не слушал их, прекрасно понимая, что такое словоизвержение — всего лишь прикрытие их нежелания принимать меры. Как только в потоке слов образовалась пауза, Гард все же сделал попытку вмешаться:

— Господин президент, я понимаю, что арест сенатора Крафта связан с некоторым риском, но его ничтожность не идет ни в какое сравнение с опасностью от дальнейшей деятельности преступника.

Гард дерзил и знал, что он дерзит, но иначе поступить не мог. Он кинул маленькую бомбу и с замиранием сердца ждал, когда она взорвется. Взрыва не последовало. Президент и министр словно и не слышали слов комиссара, как благовоспитанные люди могут «не слышать» сказанной непристойности. Воннел разглядывал потолок, а президент постукивал пальцами по столу. У него были старческие вялые руки, не руки даже,

а кости, обтянутые сетью темных вен и сухой сморщенной кожей.

— Так на чем мы остановились? — сказал президент, обращаясь к Воннелу, будто Гарда здесь вовсе не было.

— Позвольте, я сделаю резюме, — сказал министр, произнося слово «резюме» так, как ребенок произносит слово «касторка», уже зная ее вкус. — Если мы попытаемся схватить преступника, принявшего образ сенатора, что еще нуждается в доказательствах, мы только вспугнем его. А он может ускользнуть, и тогда за ним потянется череда новых жертв, чье горе будет для нас вечной укоризной. Если же мы такой попытки не сделаем, преступник, очевидно, успокоится, и новых жертв не последует...

«Вот это да!» — задохнулся Гард, посмотрев на Воннела с такой откровенной неприязнью, что любой другой человек на месте министра поперхнулся бы. Но Воннел как ни в чем не бывало продолжал:

— Вторая сторона проблемы заключается в том, что арест сенатора Крафта, обладающего парламентской неприкосновенностью, подорвет наши демократические традиции. Особенно в том случае, если сенатор не окажется профессором Грейчером. Лично у меня на этот счет имеются серьезные сомнения. Не далее, как вчера, я видел distinguished сенатора у вас, господин президент, на приеме и не нашел в его поведении никаких следов... скажем, подлога.

— Да, да, — закивал президент. — Мне тоже как-то не бросилось в глаза.

— А посему... — начал было Воннел, но Гард, решивший, что терять ему уже нечего, перебил:

— Я прошу вас, господа, взглянуть на проблему с другой стороны! Профессор Грейчер принял облик сенатора — это еще полбеды. А если бы его жертвой стали вы, господин министр? Появился бы министр-нуль! Ни знания предмета, ни знания дела — пустое место!

Полное несоответствие личности и должности! Он сохранил бы только манеру и поведение на приемах, и все! А как бы он функционировал в качестве министра? Вы представляете, что бы он натворил?!

— А что вы, собственно, имеете в виду, комиссар? — холодно спросил президент. — Что вы хотите этим сказать? И вообще, в какую авантюру вы хотите втянуть нас с Воннелом? Сегодня вы сказали, что преступник действует в образе сенатора, а завтра с такими же доказательствами укажете на министра? А потом, чего доброго, ткнете пальцем в меня? И всех нас нужно арестовывать?

— По одному только вашему указанию? — вставил Воннел.

— Что будет тогда с государственной властью? — сказал президент. — Где у нас гарантия, комиссар, что вы действуете без злого умысла?

— И без чьей-нибудь подсказки.

— Ведь только тронь сенатора Крафта, как возникнет прецедент!

Гард поднялся с ощущением полной безнадежности.

— Простите, господа, — сказал он вяло, — я не ожидал такого хода мыслей. Позвольте мне еще одно слово. Я не буду говорить об угрозе для общества и для вас лично. Я попрошу вас подумать о несчастных жертвах преступника, имеющих уже сейчас. О людях, которые потеряли свой облик, которые повержены в кошмар, чья жизнь исковеркана. Только поимка преступника может вернуть им прежний облик! Любой риск оправдан для восстановления справедливости, господа! Мы же христиане! Несчастные молят вас о помощи!

— Мы думаем о них, — веско сказал президент. — Мы думаем о всех жертвах настоящего и будущего, на то мы и поставлены у руля государства. Но еще никому не удавалось сварить сталь без шлака или срубить дерево без щепок, комиссар. Бремя государственной ответственности, неведомое вам, — президент встал, и тут

же поднялся министр, — тяжело давит на наши плечи. Но всегда и во всем мы следуем голосу совести, руководствуемся долгом перед нацией и высшими интересами страны. В данном случае я убежден, что зло уже исчерпало зло, как огонь исчерпывает сам себя, поглотив окружающий воздух. И нельзя допустить, чтобы новые струи воздуха ринулись к тлеющему очагу. Сожженного не восстановить, комиссар. Наш долг — не дать огню новой пищи! — Президент сел, и следом за ним сел Воннел. — Мы будем молиться за пострадавших, мы выделим им субсидии. Бог утешит их души.

Необычная мысль пришла в голову Гарда, когда он, стоя против президента, слушал его длинную речь, произносимую с взволнованным бесстрастием. «Бог мой, — ужаснулся он, — сколько решений, принятых или не принятых в этой комнате, оборачивались для кого-то страданиями, ужасом, нищетой, смертями! Но видел ли когда-нибудь президент своими глазами муки собственных жертв? Слышал ли стоны убиваемых по его приказу, оставленных по его распоряжению в горе и страданиях? Знакомы ли ему переживания, причиненные его собственной несправедливостью? Нет, нет, нет! Он, как пилот бомбардировщика, с высоты наблюдает огоньки разрывов своих бомб, но не видит и не может увидеть лица, сожженного напалмом... Он мог бы увидеть эти лица в кино, прочитать о них в книгах, узнать о них из пьес, заметить на полотнах художников. Но именно потому-то он тупо ненавидит литературу и искусство, чтобы не допускать к себе даже этот «отраженный свет». Вот почему и сам Гард сейчас неугоден президенту: он невольно являет собой дополнительный канал, по которому к государственному деятелю понеслись мольбы о сострадании... «Бог мой, но разве президент слеп и глух? В так несправедливо устроенной жизни он тут же перестал бы быть президентом, как только прозрел или прочистил уши!..»

Гард молча поклонился и пошел к двери.

— Минуту! — сказал президент. — Я вас еще не отпускал. Дорогой Воннел, оставьте нас наедине.

Министр повиновался, не выказав ни тени неудовольствия. Президент подождал, пока за Воннелом прикроется дверь, и после этого тихо поманил Гарда. Комиссара поразила происшедшая с президентом перемена. Это был уже не государственный деятель, а просто утомленный старик, в глазах которого можно было прочитать все нормальные человеческие чувства: и жалость, и тоску, и даже страх.

— Молодой человек, — мягко, как бы оправдываясь, проговорил президент, — не судите меня строго, да и сами не будете судимы. И не расстраивайтесь, не надо. Есть силы, перед которыми и мы с вами — муравьи.

Гард озадаченно кивнул.

— Вот и прекрасно! — вздохнул президент. — Вы, конечно, знаете пословицу: «Что позволено Юпитеру, то не позволено его быку». Между прочим, что делает бык, Юпитеру делать трудно или стыдно... Вам ясно? И хорошо. Идите. Нет, постойте. Вы говорили, что сенатор Крафт убит.

— Да.

— Но что убитый, хотя и был одет в костюм сенатора, имел внешность какого-то бродяги?

— Да.

— Стало быть, внешность сенатора Крафта... жива?

— Да.

— Так что же вы еще хотите, комиссар? Ладно, можете идти. Нет, постойте. Повторите, как выглядит аппарат... э-э... перевоплощения?

— По всей вероятности, он вмонтирован в портсигар или в часы, господин президент.

— Н-да... Вот теперь идите. Воннел!

Президент позвал министра, чуть приблизив губы к микрофончику, и Воннел появился в кабинете, будто материализовался из воздуха. Президент выразительно посмотрел на него, и министр щелкнул каблуками:

— Будет исполнено, господин президент!

«Фантастика! — подумал Гард. — Он же ему ничего не сказал, и уже «будет исполнено». Что исполнено? Как они научились понимать друг друга без слов?»

— И на приемах, Воннел, — сказал президент.

— Да, и на приемах! — подтвердил министр. — Я немедленно отдам приказ охране отбирать часы и портсигары при входе в ваш кабинет и на приемах!

— Кстати, где ваши часы и ваш портсигар, Воннел? — спросил президент с улыбкой.

— Я их не ношу!

— Уже? Ну и отлично. Теперь все в порядке. Идите, комиссар Гард, выполняйте свой долг и мой приказ!

«Так что же выполнять? — подумал Гард, пересекая кабинет президента. — Приказ или долг?»

10. Незванные гости

Над городом опускалась ночь.

Когда часы на мэрии пробили одиннадцать раз, два человека вышли из таверны «Ее прекрасные зеленые глаза». Один из них, который был с усами, направился к машине, стоящей на другой стороне улицы, но второй остановил его.

— Пойдем пешком, не будем привлекать внимания. Здесь недалеко.

Улица постепенно перешла в аллею парка. Здесь было темно, потому что лунный свет не пробивался сквозь сплетенные кроны деревьев, а уличных фонарей не было. Кое-где еще светились окна, из темноты выступали ограды и контуры особняков, спрятанных в глубине парка.

Когда они подошли к особняку сенатора Крафта, у въезда на участок они заметили красный «мерседес». От стены отделилась тень, к ним подошел третий.

— Тс-с! — прошептал человек. — Это машина Ванкувера. В ней шофер.

— Сенатора? — спросил Гард.

— Он приехал минут пятнадцать назад. Я уже подвесил лестницу. Чуть не влип.

— Ее не видно из окна?

— Не думаю.

— Ну и прекрасно, Мартенс. Кто в доме?

— Сторож, лакей и шофер. Шофер изрядно хватил, так что уже спит.

— А остальные? — спросил Таратура.

— Как обычно, играют в карты. Около двенадцати разойдутся, выпив по стопочке. Крафт ложится в полночь, так что Ванкувер сейчас уедет.

— Вы уже стали летописцем этого семейства, — улыбнулся Гард.

— Понаблюдай я не трое суток, а хотя бы десять, — ответил Мартенс, — я мог бы стать самым сенатором! Тс-с!..

Открылась дверь особняка. Высокий сухопарый старик легко сбежал по лестнице и направился к «мерседесу». Тут же востропнулся шофер, запустил двигатель. Ванкувер сел на заднее сиденье.

— Ишь ты, песок сыплется, а бегают, как мальчишка! — сказал шепотом Таратура. По его тону можно было понять, что он без особого почтения относится к сенаторам.

«Мерседес» взял с места не менее ста километров.

«Эх, Таратура! — подумал про себя Гард. — Вы и сами не понимаете, насколько можете оказаться правы! Уж слишком поспешно бежал этот Ванкувер...»

— Боюсь, что мы уже опоздали, — вслух сказал Гард. — Ну, пошли.

Сенатор действительно ложился в полночь, вот уже много лет не изменяя своей всем известной привычке. С того памятного утра 19... года, когда его посетил

Главный Йог мира и, взяв за консультацию восемь тысяч кларков, посоветовал три способа борьбы с болезнями и старостью: сон, глубокое дыхание и умеренность в пище, — сенатор неукоснительно пользовался дорогими советами и чувствовал себя превосходно.

Было уже четверть двенадцатого. Крафт, чему-то улыбнувшись, расстегнул рубашку и достал из медальона, подвешенного на груди, маленький золотой ключик. Затем он подошел к сейфу, стоящему в углу комнаты, и открыл его. Если бы кто-нибудь мог наблюдать в эту минуту лицо Крафта, то ни за что не поверил бы, что перед ним знаменитый Крафт, жестокость которого порождала легенды. Сейчас его лицо источало блаженство и даже одухотворенность. Говорят, с такими лицами поэты пишут свои лучшие стихи.

Крафт достал из сейфа аккуратно расчерченный лист плотной белой бумаги, карандаш и резинку. Потом отошел к столу и опустился в кресло. Вспыхнула настольная лампа, осветив молодое еще, не изрезанное морщинами лицо сенатора. И губы его зашевелились, словно он молился.

— Антарктида, — шептал Крафт. — Десять по вертикали... Запишем... Часть света, на которой живут пингвины. Это, понятно, не перепутаешь.

Он откинулся в мягком кресле и сам себе улыбнулся.

— Теперь первая буква Э, четвертая Ш. Восемь по вертикали. Первая Э... Эйнштейн! Блестяще. Как раз восемь букв. Но Эйнштейн ли? Кто-то, кажется, называл этого физика Эпштейном...

Крафт встал из-за стола и пошел к стеллажу, на котором были установлены энциклопедии всех времен и народов. «Эйнштейн, слава тебе, господи!»

Кроссворд получался элегантным.

Пробило без четверти двенадцать. Крафт мельком взглянул на часы. Его мозг все еще лихорадочно рабо-

тал, хотя он, не вызывая слуги, стал постепенно раздеваться.

— Первая О, третья и пятая тоже О — всего девять букв. «Оборона»? Мало. «Орфография»? Много. «Оболочка»? Одной буквы не хватает...

Сенатор устало закрыл глаза.

— Спокойно, сенатор! — неожиданно услышал он голос и странный шорох у окна.

Крафт застыл в неподвижности, так и не открывая глаз, словно надеясь на то, что это галлюцинация, и не стоит убеждаться, что происходящее — реальность.

— Откройте глаза, сенатор, — так же спокойно произнес кто-то, и Крафт осторожно приоткрыл один глаз.

Прямо перед собой он увидел человека в плаще с поднятым воротником. У окна стоял второй, у него был более интеллигентный вид, но его усы произвели на сенатора неприятное впечатление. Крафт вновь закрыл оба глаза.

— Не надо бояться, сенатор, — сказал все тот же человек. — Мы не убийцы.

Крафт посмотрел на говорящего:

— Деньги в сейфе. Вот ключ.

— Благодарим вас, сенатор. Но деньги нам тоже не нужны. Не двигайтесь и не снимайте рук со стола, иначе мы осуществим насилие.

— Вы уже и так его осуществляете, — сказал сенатор.

— Увы! — спокойно произнес человек в плаще.

— Что же вам угодно, господа? Кто вы? — преодолев первый приступ страха, спросил Крафт.

— Сенатор, — ответил человек в шляпе, — если вы тот, за кого мы вас принимаем, вы отлично знаете, кто мы такие. А если вы уже не тот человек, то знать вам, простите, не обязательно.

— Что дальше? — обретая уверенность, произнес Крафт, поняв или сделав вид, что понимает: перед ним не простые уголовники.

— Мы хотели бы прежде всего вас обыскать, — сказал человек с плащом.

От окна отделился усатый и проворно обыскал карманы сенатора. Крафт не сопротивлялся. На его лице появилось безразличное выражение, и некая надменность позы говорила о том, что он уже вполне освоился с обстановкой.

— Скажите, что вы ищете. Я, быть может, отдам вам это добровольно.

Нежеланные гости переглянулись.

— Портсигары, господин сенатор, и серебряные часы, — сказал усатый.

— Пожалуйста! — с охотой произнес Крафт, делая движение, чтобы открыть ящик стола.

— Не двигайтесь! — почти крикнул усатый. — Я сам.

В ящике действительно лежали какие-то часы, но портсигара не было. Часы были маленькие, к тому же не серебряные, к тому же действующие. Усатый положил их назад в стол.

— Вы курите, Крафт? — спросил он.

— Нет.

— Давно?

— Какое вам дело?

— У меня есть дело ко всему, что касается вас! — резко сказал усатый, но человек в плаще остановил его незаметным жестом.

— Спокойно, господа, больше благоразумия! Сенатор, давайте говорить напрямик. Нас интересует, кто вы, и пока мы это не выясним, мы отсюда не уйдем.

— То есть как вас понимать? — удивился Крафт. — Что значит — кто я? Не я к вам пришел, а вы ко мне — стало быть, вы должны знать, куда идете!

— Кто вы? — жестко спросил человек в плаще, словно не расслышав последних слов сенатора. — Отвечайте на вопрос!

— Сенатор Крафт, господа, разрешите представиться.

— Сенатор Крафт-младший был убит четыре дня назад! Это так же верно, как то, что я стою перед вами.

— Это чушь, господа!

— И кто бы вы ни были, вы не Крафт! — продолжал человек в плаще. — Посмотрите на этого господина!

Крафт перевел взгляд на усатого и снова брезгливо поморщился.

— Вам знакомо это лицо?

— Впервые вижу.

— Это ваше лицо, сенатор Крафт!

Сенатор на секунду закрыл глаза. Потом открыл их и спокойным голосом произнес:

— Вы просто сошли с ума. Вы бредите.

«В самом деле, — подумал Гард, снимая плащ. Ему стало жарко. — В самом деле, с точки зрения нормального человека, происходящее сейчас — чистый бред. Но ведь он не может быть сенатором! И он знает это! Кем бы он ни был, профессором Грейчером или сенатором Ванкувером, он превосходный актер! Но как поймать его, на чем?»

— От вас только что уехал Ванкувер, — сказал Гард. — Вы уверены, что он не оставил здесь своего «я», а в его теле не уехали вы?

— Отказываюсь вас понимать!

«Я сам себя не понимаю, — подумал Гард. — Если Грейчер был в облике сенатора Крафта, а потом поменялся телами с Ванкувером, то, значит, передо мной сидит сенатор Ванкувер в облике Крафта, а Грейчер уехал в машине Ванкувера. Стало быть, передо мной человек, у которого сознание Ванкувера, его память и привычки, но тело — Крафта? Черт его знает, как все запутывается!»

Крафт терпеливо ждал.

«Лобовая атака явно провалилась», — сказал про себя Гард и взглянул на Таратуру. Надо было обладать потрясающей выдержкой, чтобы не свихнуться в эту минуту: Гард искал Грейчера дома у Крафта, действуя бок о бок с человеком, внешность которого и была внешностью Грейчера! Фантаσμαгория!

— Ладно, — сказал Гард, — меня утешает только то, что мы прекрасно понимаем друг друга, сенатор, хотя вы и делаете вид, что вокруг вас происходит чертовщина. К сожалению, кто бы вы ни были, я не могу вас поймать. Вы меня тоже. Ведь вы не посмеете завтра пожаловаться Воннелу на мой визит, хотя не исключено, что вы прекрасно меня знаете. Вам выгодней изобразить незнание, поскольку знание вас разоблачает.

— Что же дальше? — спокойно спросил Крафт, когда комиссар умолк.

— Я вынужден произвести тщательный обыск в вашем кабинете и в вашей спальне. В конце концов, меня интересует лишь аппарат перевоплощения. Без него вы — ноль!

— Вы уже надавали мне много лестных характеристик, таинственный незнакомец. Благодарю вас и за «ноль».

— Могу добавить еще одно звание, — серьезно сказал Гард. — Вы — оборотень, вот кто вы такой!

— Премного вам благодарен. Ну что ж, ищите ваши таинственные портсигары и аппараты.

В течение последующего получаса Таратура облазил обе комнаты, в которых работал и спал сенатор. Гард, не спускающий глаз с Крафта, уже не надеялся на успех, хотя и отдал Таратуре приказ приступить к обыску. Он должен был это сделать для очистки совести. Все полчаса сенатор внешне был спокоен, а что у него делалось на душе, оставалось тайной. Лишь пальцы Крафта нервно теребили листок бумаги, который, в конце концов, привлек внимание Гарда.

— Кроссворд? — спросил он, не скрывая удивления. — Вы сами его сочиняете?

— Да, — неохотно ответил Крафт.

— Давно?

— Давно.

— Ваша страсть к сочинительству кроссвордов кому-нибудь известна?

— Нет, я скрывал это обстоятельство даже от слуг и близких родственников.

— Почему?

Крафт промолчал. Впрочем, и так было понятно: сенатор, сочиняющий кроссворды или увлекающийся переводными картинками, — бог мой, до какого еще ма-разма могут дойти великие мира сего! — такой сенатор вызвал бы поток издевательств со стороны прессы и конкурентов.

Из спальни вернулся Таратура, пожатием плеч иллюстрируя свой успех. Гард встал и выглянул в окно. Внизу, как и было условлено, дежурил Мартенс. На легкий свист Гарда он ответил двойным свистом, что означало: путь свободен.

— Сенатор, — сказал на прощание Гард, — мы уходим, но вам не будет покоя. Знайте, что потеря вами лица — это несчастье не ваше, а всего государства, и пока мы не найдем ваше истинное лицо, мы не успокоимся...

— Кто бы вы ни были, — прервал Крафт, — оставьте государство в покое! Предоставьте нам заботиться о нем...

— Нет, не предоставим, — твердо возразил Гард, тоже прервав сенатора.

Как только незваные гости вышли, сенатор облегченно вздохнул, достал из глубины стола сигарету и закурил. Потом его взгляд нечаянно упал на незавершенный кроссворд. Одна графа его не была заполнена.

— «Оборотень!» — вспомнил Крафт. — Превосход-

ное слово из девяти букв! Гм, это как раз то, что нужно...

Кроссворд был готов.

В таверне «Ее прекрасные зеленые глаза» посетителей почти не было. В углу шепталась влюбленная парочка да какой-то бродяга уснул за столом, уронив на руки голову.

— Коньяк, — сказал Гард подскочившему хозяину. — Два раза.

— Я не буду пить, — тихо сказал Таратура.

— Все равно два раза, — сказал Гард. — Даже три!

— Мартенс уже добрался до дома, — сказал Таратура. — Я не советовал ему жениться, вот дурак!

— Бог с ним, — миролюбиво заметил Гард. — Лично я понимаю женатых. Уют, кофе в постель...

— Заботы, волнения, ревность... — в тон Гарду продолжил Таратура.

Гард засмеялся:

— Ах, Таратура, сознайтесь, что вы ему просто завидуете! Вы не знаете, кстати, почему хозяин назвал таверну «Ее прекрасные зеленые глаза»?

Как раз хозяин подошел к столику и поставил три рюмки коньяка. Гард тут же выпил одну, потом рассмотрел пустую рюмку на свет.

— Признайтесь, — сказал он хозяину, — у кого были зеленые глаза?

— И прекрасные! — добавил Таратура.

— У той, которую я хотел бы любить, — заученно ответил хозяин и отошел к парочке влюбленных, уже готовых расплачиваться.

— Наверное, он всегда отвечает так, — мрачно сказал Таратура. — У него выработался стереотип.

— Если бы он ответил иначе, он был бы уже не он, — сказал Гард. — Он был бы оборотнем.

Коньяк действовал на Гарда довольно быстро. Сначала Гард по обыкновению грустнел, а когда хмель распространялся по всему телу, на комиссара нападала болтливость, остановить его было трудно. В редких случаях Гард становился буен и неводержан в поступках, но эта, третья стадия навещала его крайне редко.

Неожиданно Гард отодвинул третью рюмку в сторону:

— Пока я не пьян, Таратура, надо поговорить.

«Грустная» стадия на этот раз оказалась короче, чем обычно. Таратура взял сигарету, и его губы, губы профессора Грейчера, сами собой сложились в трубочку и выпустили длинную и тонкую струю дыма, которая ушла под потолок таверны, завившись там кольцами. Гард проследил кольца до самого их исчезновения.

— Вам не показалось странным, Таратура, что мы ушли от Крафта ни с чем?

— Я вытряс бы из него душу, — признался Таратура, — но выбил бы признание.

— Какое?

— Если он не Грейчер, то знает, где он и кто!

— Увы, может и не знать.

— Просто боится признаться. Он нас испугался, Гард?

— Нет. Он струсил, пока думал, что мы грабители или убийцы. А когда понял, что нас интересует другое...

— А себя он тоже не боится?

— Привык. Он смирился, что он Крафт, и кто бы он ни был, сейчас наслаждается новым состоянием.

— Понимаю. — Таратура вновь полез за сигаретой. — В конце концов, если он был Ванкувером или кем другим, какая ему разница, нефть у него или сталь, ракеты или пылесосы. Уж коли внешность отобрали...

— Боюсь, Таратура, он добровольно отдал свое лицо.

— Это невозможно! — почти вскричал Таратура. — Я по себе знаю, как это страшно. А семья, дети, родители?

— Они ничто в сравнении с игрой, какую ведут сильные мира сего. У людей, одержимых одной алчной страстью, другие законы, другая совесть, другие привязанности. Деньги, положение, власть — вот их бог, содержание и смысл их жизни, и во имя этого они готовы пожертвовать честью, женой, детьми, лицом. Крафт ненавидит Ванкувера, потому что у того на десять миллионов больше, а не потому, что у того жена на десять лет моложе. А Ванкувер завидует тому, что в родстве с Крафтом состоит Бирмор, скважины которого в Муролии сидят поперек горла Ванкуверу. Он убежден, что из этих скважин можно качать в два раза больше. А Бирмору беснуется, потому что Ванкувер купил лучшие пляжи на Гавайях... О, Таратура, у них слишком много причин, чтобы завидовать и ненавидеть друг друга!

— Почему же они не перегрызутся?

— Волки тоже готовы разорвать друг друга в клочья, но тем не менее объединяются в стаи, чтобы опустошать стада.

— Они иногда убивают своих, — сказал Таратура.

— Только слабых, очень слабых!

— Вы хотите сказать, что Грейчер...

— Да, Таратура, среди них он как рыба в воде. С одними договаривается, с другими поступает, как с вами. И все молчат! От перемены мест сумма не меняется. Если Ванкувер стал Крафтом, он теперь будет в родстве с Бирморами, а потому легче оттяпает скважины в Муролии. А его бывшая собственность, его пляжи на Гавайях будут приносить ему столько же неприятностей, сколько прежде они приносили Бирморам. Что изменится, старина, что?

Гард решительно перевернул третью рюмку и крикнул.

— Но мы еще встретимся с Грейчером, Таратур! Не надо отчаиваться! Поверьте, старина, ваша прежняя шкура мне нравилась больше, чем эта...

11. Безликий мир

— Садитесь, Фойт, садитесь. Не обязательно под лампу. У вас уже выработался условный рефлекс садиться под лампу. Вы и в гостях усаживаетесь, как на допросе? — Гард изо всех сил хотел казаться оживленным, бодрым, но получалось плохо. Он очень устал за эти дни, вдоволь набегался, а эта последняя бессонная ночь в особняке Крафта совсем доконала его.

— Я знаю, Фойт, что, если я предложу вам разговор по душам, вы тут же заподозрите какой-нибудь подвох. Поэтому я не вызываю вас более на откровенность. Просто мне самому хочется быть откровенным. Считайте это причудой состарившегося полицейского комиссара.

«Старая лиса затевает что-то необычное», — подумал Фойт и взял из деревянной коробки сигарету.

— Видите ли, Фойт, — продолжал Гард, — я стал полицейским по убеждениям. Я ненавижу несправедливость. Я ненавижу насилие. Может быть, я несовременен, старомоден, смешон, но я не понимаю, почему люди быстро ездят на автомобиле тогда, когда дела позволяют им ездить медленно. Я хочу, чтобы мои внуки любили Санта Клауса, а не Биби Хорна — короля рока. Я люблю собак больше, чем транзисторы, а живой огонь в очаге больше айр-кондишэн. Я убежден, что человек может и должен жить без зла: без взяток, воровства, убийств. Конечно, я видел, что одни живут лучше других, но до сего дня предполагал, что те, кто живет лучше, ну, просто талантливее, способнее, ловчее, наконец.

Они сидели в сумерках кабинета Гарда, не зажигая лампы. Все, кроме дежурных, уже ушли, и надоедли-

вый стук телетайпов связи за стеной умолк. Если бы вы вошли в этот момент в кабинет комиссара, то, наверное, подумали бы, что вот здесь, в сумерках, он беседует не с преступником, которому обеспечена намыленная петля, а с добрым старым приятелем.

— Кстати, хотите выпить, Фойт? Нет? А я, пожалуй, выпью немного.

Гард достал в стенном шкафу бутылку стерфорда и стакан.

— Жаль, что нет льда... Так вот, насколько я понимаю, вы — человек прямо противоположный мне по характеру. Все, что я люблю, вам в лучшем случае безразлично; все, чему я молюсь, вы высмеиваете; чуждое мне — органически ваше. Вы мой антипод, понимаете?

— Не во всем, комиссар, — улыбнулся Фойт.

— Интересно, — Гард отхлебнул из стакана, — в чем же мы похожи?

— Вы любите в летний, не жаркий, а теплый день полежать на траве?

— Люблю.

— Я тоже. Вы напрасно делаете из меня чудовище, комиссар. Я почему-то думаю, что мальчишками мы были с вами очень похожи. Вам смешно это слышать, но профессию я выбрал, как раз руководствуясь стремлением к борьбе с несправедливостью. Когда я работал в гараже — это не для протокола, комиссар, — так вот, когда я работал парнишкой в гараже, я вдоволь насмотрелся на этих свиней, которым я мыл машины, на этих пьяниц с барами в багажниках, на всех этих чинуш и развратных дураков. И когда один из них дал мне четыре тысячи кларков и магнитную бомбу с часовым механизмом, которую я должен был прицепить под днищем машины его приятеля, такого же негодяя, как он, я взял и прицепил. Я подумал: «А кому, собственно, будет хуже, если одной свиньей на белом свете станет меньше?» С этого все началось. А потом я задал себе вопрос: почему я, сильный, умный, ловкий па-

рень, должен жить впроголодь, спать на тощем тюфяке и покупать своей девушке пластмассовые браслетки, тогда как эти ничтожества экскаватором гребут золото? Разве это справедливо, комиссар? Вы правы, ваша мораль чужда мне, поэтому вы останетесь в этом кресле, а я буду болтаться на веревке. Но антиподы ли мы? Так ли непохожи, как вам кажется? Подумайте, что изменится в мире, покой которого вы так ревниво охраняете, если в нем будет царствовать моя мораль? Что изменится, комиссар, кроме того, что я буду сидеть на вашем месте, а вы болтаться на веревке? Разумеется, для нас с вами эта перемена имеет принципиальное значение, ну, а по большому счету? Вы думаете, эту перемену кто-нибудь заметит?

Гард молча прихлебывал из стакана стерфорд. Помолчали. В кабинете было уже так темно, что Фойт не видел лица Гарда.

— Я могу сейчас говорить откровенно, комиссар? Я знаю, что мне крышка, и молчу на ваших вопросах, чтобы не подводить ребят. Мне бояться нечего, но для вас убийство — факт, а для меня — итог. Кто убил? — это вас интересует. Почему? — интересует уже меньше, в той степени, в какой это поможет найти соучастников. А как вообще родилась возможность убийства? Почему существуют убийства? Вы думали об этом, комиссар?

Гард молчал.

— Вы очень хотите жить? — наконец спросил он Фойта.

— Очень.

— Зачем?

— Если серьезно, чтобы еще раз полежать на траве в теплый летний день.

— Вы сможете измять своими боками всю траву в Цетралпарке, если сделаете одно дело.

— Не понимаю, комиссар.

— Сейчас, прямо из моего кабинета, вы уйдете туда — в мир, на свободу. Но при одном условии.

— Слушаю, комиссар.

— Вы соберете своих мальчиков и, если сможете, всех чужих мальчиков и принесете мне часы и портсигар.

— Какие?

— Часы вот такие. — Гард открыл ящик стола и достал старинную серебряную луковницу. — Впрочем, вы их знаете, ведь это вы украли их у Лео Лансэре. Таких часов сейчас уже немного. Это облегчает поиски...

— А портсигар?

— Не знаю. Любой серебряный портсигар. Судя по всему, он открывается кнопкой.

— Но где их искать, комиссар?

— Тоже не знаю.

— Чьи они?

— Не все ли равно? Сейчас их носит при себе один из самых богатых, самых известных, самых влиятельных людей в нашей стране. Я знаю, что человек этот никогда не расстанется с этими часами или с этим портсигаром. О, он рад был бы запрячь их в какой-нибудь грандиозный сверхсейф, но они могут понадобиться ему в любую минуту, в любую секунду. Поэтому они всегда с ним. Всегда! Думаю, что он даже спит с ними. Но где они у него, и только ли часы, только ли портсигар, и кто он сам — не знаю. Быть может, уже сам президент, — задумчиво добавил Гард.

— Не могу же я ограбить президента! — воскликнул Фойт.

— Нужно, Энри, нужно, — спокойно сказал Гард. — Никогда за двадцать пять лет службы я не обращался к вашей компании и к вам ни с одной просьбой. И раз уж я прошу вас об этом — значит, мне действительно нужно позарез. Вернее, я не прошу, а предлагаю вам обмен по прелестной формуле грабителей двенадцатого века: «Жизнь или часы».

— Чего только не бывает в жизни, комиссар! Сначала я должен был украсть эту луковицу, чтобы из живого Пита Моргана сделали мертвого. Теперь я должен украсть ту же самую луковицу, чтобы из мертвого Эрнеста Фойта сделали живого...

— Вся штука в том, — перебил Гард, — что луковица, вероятно, не та же самая. Это скорее копия той, которая мне нужна. А если это та же самая луковица, мне нужен портсигар.

— Но, комиссар, я никогда не работал вслепую, — сказал с достоинством Фойт. — Зачем вам эти безделушки? В них упрятан бриллиант?

— Нет.

— Схема клада на острове Тианогу?

— Нет.

— Тогда зачем они вам?

Гард молчал. Темный силуэт его фигуры неподвижно возвышался над столом, и только руки белели на папке с бумагами.

— Да, — сказал Фойт, — профессор Грейчер тоже не отвечал мне на этот вопрос. Или вы, комиссар, все же ответите?

— Они нужны мне, Энри, — услышал Фойт глухой голос Гарда. — Это все, что вам можно знать. И вы принесете мне эти безделушки. Только не открывайте крышку часов или портсигара. Пусть это будет еще одна моя причуда, хорошо?

— У вас одинаковые причуды с профессором Грейчером... Ну хорошо, — задумчиво сказал Фойт. — Я не буду любопытствовать. Пусть там лежит самая большая жемчужина мира, я все-таки считаю, что голова Эрнеста Фойта стоит дороже любой жемчужины. Мы не можем контролировать друг друга, комиссар. Вы всегда найдете причину отменить свою амнистию, я всегда могу прикарманить ваши безделушки. В этом случае единственный выход из положения — играть честно.

— Рад, что вы это поняли, — сказал Гард. — Вот пропуск.

— Вы написали его заранее?

— Да.

— Это самый большой подарок, который я получал в своей жизни, комиссар.

— Ошибаетесь. Это чек. Я плачу за услугу.

— Но предупреждаю: возможны ошибки...

— Вы хотите сказать, что вместо одной луковицы принесете мне сотню? — улыбнулся в темноте Гард. — А вместо одного портсигара — тысячу?

— Согласитесь, комиссар, что сначала нужно взять вещь из кармана, а потом уже рассматривать ее и с чем-то сравнивать. Положить ее назад много труднее, чем наоборот. У каждой профессии свои особенности, комиссар. Зато через неделю часы и портсигар будут лежать на вашем столе.

— Не надо ставить сроки, Фойт. Однако найти предметы будет тем легче, чем скорее вы приметесь за дело.

— Я приду к вам через неделю, — сказал Фойт уже в дверях кабинета.

— Одну минуту, Фойт, — остановил его Гард. — Вы знаете легенду о шкатулке Пандоры?

— Нет, комиссар, впервые слышу эту фамилию.

— Хорошо. Идите.

В темноте Фойт не увидел улыбки комиссара.

«Чего стоят злодеяния этого парня по сравнению с аппаратом профессора Грейчера!» — подумал Гард.

В полицейском управлении заметили, что комиссар Гард в последнее время пристрастился к чтению газет. Действительно, утро комиссара начиналось с просмотра светской хроники. Сознание того, что оборотень находится где-то в самых влиятельных политических, экономических, военных или культурных сферах, заставляло Гарда с пристальным вниманием сыщика оценивать все

явления внутренней и внешней жизни страны, следить за курсом акций, выступлениями сенаторов и бизнесменов, репликами обозревателей, рецензентов и критиков, скандалами и аферами на бирже, телевизионными премьерами и театральными контрактами. Даже за бракоразводными процессами. Гард считал, что оборотень, человек в чужой шкуре, обязательно должен выдать себя, вступив в область ему малоизвестную. Используя присвоенное им лицо, он встанет перед неизбежной необходимостью продолжать деятельность обворованного, что должно неминуемо привести к провалу. Незвестный и невидимый, как самолетик в стратосфере, Грейчер должен был, по расчетам Гарда, оставить в небе жизни инверсионный след разоблачений.

Но чем больше материалов читал и анализировал он, тем труднее ему приходилось. Гард установил, что пити управления всеми телевизионными компаниями держит в своих руках глава знаменитой мыловаренной фирмы «Пузыри и сыновья», театрами заправляет известный в прошлом фехтовальный чемпион и торговец наркотиками, а киностудиями — трубач из портового джаз-банда. Потом Гард раскопал профессора, открывшего «всемирный закон внутривидовой помощи». Закон зиждился на трех главных примерах: 1) если подгнившее дерево падает на здоровое, здоровое удерживает его от падения, препятствуя гниению и тлену на земле, 2) если в гусиной стае один гусь устал, сильные гуси берут его на крыло, препятствуя падению, гниению и т. д., 3) если один неловкий человек поскользнется на улице, другой, ловкий, подхватит его, препятствуя и т. д. Объемля, таким образом, весь мир живой природы (аналогичные примеры легко обнаруживались в мире хищников, приматов, рептилий и даже кишечнорастных и низших водорослей), закон формулировался так: «Человек — человеку, как волк — волку, как дуб — дубу», или сокращенно для зоологии: «Человек человеку — волк», а для ботаники: «Дуб дубу — друг».

Гард подумал было, что оборотня надо искать в науке, но тут он натолкнулся на интервью члена сенатской комиссии по делам искусства, в котором тот рассказывал о своих впечатлениях от художественной выставки в Венеции. Сенатор утверждал, что законы перспективы — «выдумка макаронников Возрождения» и если у человека нарисован один глаз, то нечего ссылаться на то, что человек изображен якобы в профиль, а надо прямо признать, что у него действительно один глаз. Гард стал собирать досье на сенатора.

То тут, то там натыкался Гард на удивительные и, казалось бы, невероятные вещи. Грандиозные разрекламированные строительства оказывались мошенничеством, патентованные снадобья, способные предостеречь от многих жизненных невзгод, — пустым обманом, мэры крупных городов — малограмотными дураками. И удивительнее всего, что канцелярия президента, сенат и все его комитеты, комиссии и подкомиссии, советы, министерства, штабы, союзы, объединения — весь этот гигантский мир, построенный из денег и власти, живущий по законам золота и приказа, не замечал, не желал замечать всего того, что увидел Гард.

Потом Гард сделал еще одно невероятное открытие: просмотрев газеты и журналы, вышедшие до появления оборотня, он обнаружил там то же самое! Как это могло случиться? — спрашивал он себя. — Почему общество не разваливалось, не рассыпалось в прах? Почему власть, породившая столько идиотизма, причинившая столько бед и не давшая народу ничего, кроме бесправия, существует? На чем же она держится?

Нет, оборотня защищают не часы и портсигары! Его защищает положение, которое он занимает в обществе, — стало быть, деньги. Он — подзащитный золота, он заранее оправдан, ибо приговор ему пишут на зеленой бумажке в один кларк. Смешно говорить о злодеяниях Фойта, если сравнить их с коварством Грейчера. Но так же смешно обвинять Грейчера, если думать обо

всем том, что безбоязненно и уверенно творится на глазах миллионов людей. Ведь те же самые воротилы, в толпе которых сегодня скрывается Грейчер со своими часами, уже давно живут по этим часам, живут задолго до их изобретения! Несчастный Лансэре открыл и без того известный закон: многоликость, или, лучше сказать, безликость, куда страшнее уэллсовского невидимки!

И Гард с ужасом понял, что может просчитаться, что он, наверное, обманул тогда, в разговоре на вылле «Красные листья», а позже — в таверне «Ее прекрасные зеленые глаза», беднягу Таратуру, пообещав ему найти профессора Грейчера. Он понял, что может не найти его, потому что оборотень не один, потому что в каждой клетке мозга, управляющего страной, сидит свой оборотень — человек с непроницаемым ворованным лицом.

Лица такие добрые, внимательные, такие умные, приветливые, такие славные и открытые, — они украдены, забраны, конфискованы вот у этих людей, идущих по улице мимо окон гардовского кабинета. Украдены для того, чтобы можно было с их помощью говорить прекраснотушные слова о единстве нации, единстве помыслов и устремлений, единстве капиталов и интересов, единстве богатого и власть имущего — с бедным и бесправным.

Там, среди столпов этой системы, Гард пытался разглядеть обман, человека-оборотня, не понимая, что обманна вся система. И если тогда, в универмаге «Бенкур и К^о», он еще мог найти Грейчера, то теперь это действительно становилось невозможным. Там, наверху, если уж искать, легче было найти как раз честного, умного, порядочного человека, разумные и справедливые дела которого преследуют общее благоденствие и процветание. Он был бы слишком замечен на общем фоне. Да, его бы обязательно сразу заметили и не простили бы этой непохожести на остальных, не простили бы

ему индивидуального лица. Но Грейчера найти трудно, потому что нельзя схватить оборотня в мире оборотней, нельзя по лицу найти человека там, где у всех одно лицо, нельзя узнать его по поступкам, когда все действуют одинаково...

Телефонный звонок прервал мысли Гарда.

— Комиссар, — послышалось в трубке, — уже третий раз к нам обращается с запросом о своем муже Алина Фридель, жена парикмахера Пауля Фриделя. Что ей отвечать?

Гард помолчал.

— Скажите ей, что ее муж жив, здоров («это правда») и помогает нам в раскрытии одного важного преступления («это тоже правда»), а чтобы успокоить ее, я попрошу его завтра позвонить ей по телефону... или даже зайти на минуту домой («это неправда»). — Гард повесил трубку. Потом снова обернулся к телефону, набрал номер «Красных листьев»: — Таратура? Это я, привет. Нет, пока ничего нового... У меня к тебе просьба: позови-ка к телефону Юма-Рожери. Нет-нет, настоящего Юма, с лицом парикмахера... Хэлло, Юм! У меня к вам просьба, старина. Надо сыграть одну чертовски трудную роль. Я завтра пришлю машину, и вам придется съездить домой к Фриделю, да... Жена очень беспокоится, и разговоры всякие ползут... Я знаю, что это нелегко. Но, понимаете, это надо сделать. Спасибо, Юм! Я ценю, что впервые за двадцать последних лет вы будете играть, не подписав контракта... Спасибо, старина!

«Если мы не найдем Грейчера, что же будет с этими несчастными? — подумал Гард, вешая трубку. — Ведь на обмане долго не продержишься... Впрочем, это уже устаревшая фраза. Ах, Грейчер, быть может, вы и не знаете, что использованное вами чудовищное открытие позволило скромному полицейскому комиссару сделать другое открытие, не менее чудовищное. Спасибо, профессор...» И Гард пошел к шкафу, где стояла бутылка стерфорда.

12. Молодец, Эрни!

Как и было обещано, ровно через неделю на столе комиссара полиции появилась первая дань гангстера: девятнадцать серебряных луковиц и сто двадцать восемь серебряных портсигаров. Гард попросил Фойта «погулять» где-нибудь немного, а сам внимательно осмотрел награбленное добро. Увы, это были нормальные часы и нормальные портсигары. Они разногласно верещали, открываясь, а часы монотонно тикали, навевая на комиссара невеселые мысли. Гард задумчиво щелкнул последнюю луковицу и стал ждать Фойта.

— Все это не то, Эрни, — сказал Гард, когда Фойт переступил порог его кабинета. — Ищите дальше.

— Но это наиболее похоже на предметы, о которых вы мне говорили, — озабоченно сказал Фойт. — Если бы вы видели, комиссар, какую отбраковку мне пришлось делать самому! Ребята перестарались и натащили бог знает что!

— Что же именно? — поинтересовался Гард.

Фойт рассмеялся:

— Это невозможно описать! Они особенно перестарались с часами. Конечно же, я сам виноват. Прибежал к своим и на радостях говорю: «Так и так, друзья, если у вас нет желания проводить подписку на обелиск над моей могилой, надо пощупать самых жирных поросят в нашем хлеву! Добывайте часы и портсигары, друзья мои, и работайте без прежнего страха, потому что у нас есть сильный защитник!» Я имел в виду вас, господин комиссар. Ведь вы наверняка выручите из беды моих мальчиков, если они невзначай попадутся? Они, конечно, быстро раззвонили об этом по всей стране, хотя и не очень поняли, в чем тут фокус...

— По всей стране? — спросил Гард.

— Ну, мало ли друзей у деловых людей, комиссар! — с улыбкой ответил Фойт. — И началось! Не очень хорошо разобравшись, они тащили мне все. Око-

ло сотни кукушек, часы с боем, с музыкой, с движущимися человеческими фигурами, — презанятная, скажу я вам, конструкция! Около полутора тысяч портсигаров, среди которых два с крышками, открывающимися внутрь! Когда все это свистит, кукарекает и играет, у нас в подвале начинается сумасшедший дом, комиссар!

— В каком подвале? — перебил Гард.

— На складе моей фирмы, — небрежно бросил Фойт.

— На складе?! Где?

— У нас много складов, комиссар, — осторожно произнес Фойт, мгновенно вспомнив, что он сидит все же в полицейском управлении. — Я просто не могу запомнить все адреса.

Гард засмеялся.

— Что вы смеетесь? Самое смешное впереди. Когда мне приперли башенные часы с министерства военно-морского флота, я понял, что надо что-то предпринять. К этому времени у меня стояли уже семьдесят четыре стенных механизма с гирями, каждый величиной с тот самый саркофаг, который Микки Раскер спер в позапрошлом году в Каире. Маятниковые часы я еле успевал считать, просто валил их в кучу. А будильников!! Один мой друг с Запада прислал сразу два грузовика будильников и эшелон портсигаров! Кстати, хотите, я подарю вам будильник президента? Все-таки достопримечательность...

— Добрались и до президента? — засмеялся Гард. — А вы боялись.

— Виноват, но президенту мы оставили точно такие же, купленные за собственные деньги. Мы уважаем президентов... Я отвлекся, комиссар. Так вот, я почувствовал, что становлюсь крупным специалистом во всех этих кукушках-погремушках, а я люблю свою профессию и не хотел бы деквалифицироваться. Надо было что-то предпринимать. Тогда мы собрали съезд карман-

ников страны. Съехались человек двести руководителей, солидные люди, ну, разумеется, делегация из-за рубежа...

— Куда? — снова перебил Гард.

— Что «куда»? — не понял Фойт.

— Куда съехались?

— Вы невыносимо любознательны, комиссар. Съезд работал на юге — скажем так. На берегу ласкового, теплого моря. Для пленарных заседаний сняли роскошный ресторан, докладчики...

— А хозяин ресторана? — спросил Гард.

— Что хозяин?

— Он не мог накрыть всю вашу компанию?

— Хозяин?! — изумился Фойт. — Что вы! Хозяин — один из популярнейших карманников мира, о нем книги написаны. Сейчас он солидный человек, взрослые дочери, купил себе имя, документы, ресторан... Ну что вы! Милейший старик! Так вот, я выступил с отчетным докладом, объяснил обстановку, представил полный список моего часового парка — замечу попутно, что ни одни часы не пропали. К этому времени у меня уже были: два хронометра с авианосца, затем какая-то хитрая тикалка, о которой мне сказали, что она — часовой механизм нейтронной бомбы, и я хранил ее на всякий случай в другом городе, и, наконец, какой-то ни на что не похожий прибор без циферблата и без стрелок, хотя меня уверяли, что это часы. Клянусь, комиссар, они даже не тикали! Их вытащили из какой-то шахты, в которую никому не разрешалось входить, чтобы не испортить их ход, поскольку они будто бы были самыми точными часами в мире! Вы же понимаете, чего проще — украсть часы из шахты, когда в нее никто не заходит! О портсигарах я даже не говорю. Если бы люди, у которых пропали портсигары, с горя бросили курить, вся нация поздоровела бы, комиссар! Короче говоря, я выступил и сказал, что дальше так продолжаться не может. Я сказал, что мне нужны только старинные сереб-

ряные луковицы и серебряные портсигары... И вот пожалуйста, результат! — Фойт кивнул на стол.

— Печальный результат, — сказал Гард.

— Теперь, комиссар, когда даны точные инструкции, мы найдем то, о чем вы говорите. Дайте мне еще неделю!

— Хорошо. Но торопитесь, Эрни. А эти можете забрать обратно. — Гард закурил и отвернулся к окну. Он слышал, как за его спиной Фойт складывал в портфель девятнадцать серебряных луковиц и сто двадцать восемь портсигаров. Мягко щелкнул замок портфеля...

Страна была объята часовой и портсигарной лихорадкой. Поскольку люди Фойта не всегда знали друг друга в лицо, а отличительной формы они не носили, злосчастная луковица или какой-нибудь портсигар, прежде чем добраться до Фойта, перекрадывались по два и по три раза. Великие карманники сделали для себя неожиданное открытие: когда воровство идет в таком всеобщем масштабе, оно лишается смысла и не приносит даже элементарного обогащения. Все крали у всех! Во всяком случае, король часов Мариан Смокстарший и король портсигаров Эдвард Бинкельфорд не могли увеличить выпуск дефицитных товаров и обогатиться в связи с этим, так как дефицита не было. Небольшая часть краденого, которая в конечном итоге оседала на складе Эрнеста Фойта, не могла существенно отразиться на экономике, а все остальное Фойт вновь «пускал в оборот», не желая «пачкать руки» на пошлом карманном воровстве.

Люди кое-где уже определяли время по солнцу, и не только потому, что у них не было часов, но и потому, что они боялись их вынимать, если они и были. Единственный приличный бизнес сделал король сигарет Майкл Ворни, который стал выпускать курево в картонных портсигарах...

В то утро Гард опоздал на работу, поскольку у него тоже украли часы и вот уже неделю он ориентировался по радио, но, видно, что-то случилось и там, так как передача, обычно начинающаяся в четверть девятого утра, тоже запоздала на пятнадцать минут. В управлении его уже ждал Фойт.

— Простите, комиссар, — сказал Эрни, как только они вошли в кабинет, — мои люди донесли мне, что и вы пострадали.

— Ерунда, — сказал Гард. — Пошло бы на пользу дела!..

— Смотрите.

И Фойт выложил перед Гардом очередную добычу: восемь серебряных луковиц и полный чемодан серебряных портсигаров. Даже не отсылая Фойта «прогуляться», Гард принялся лихорадочно вскрывать луковицы, на всякий случай стараясь не направлять на себя возможные зеленые лучи. И на четвертой же луковице — удача! Мелодичный малиновый звон, тонкий зеленый луч, и Гард на секунду лишился сознания, то ли от радости, то ли от действия аппарата...

Фойт почтительно стоял в стороне, наблюдая за Гардом; как это делают взрослые люди, тихо радуясь радостям ребенка от купленной игрушки.

Немного придя в себя, комиссар спросил:

— Эрни, у кого взяты эти часы?

— Не знаю, комиссар, — ответил Фойт.

— Мне очень важно установить владельца!

— Увы, комиссар, при таких масштабах вести регистрацию было трудно...

Гард долгим взглядом посмотрел в лицо Фойта, затем подошел к нему, положил гангстеру руку на плечо и дрогнувшим голосом произнес:

— И все же вы молодец, Эрни. Играйте отбой. Вы свободны... Да, постарайтесь в дальнейшем избирать пути, которые не пересекаются с монми. Мне было бы

очень грустно иметь с вами дела на профессиональной основе...

Фойт повернулся и вышел, и когда за ним закрылась дверь, Гард почувствовал, что рука его сама потянулась к носовому платку.

«Старею, — подумал комиссар Гард. — Ах, черт возьми, старею!»

Эпилог

Не чаще, но и не реже, чем раз в полгода, Гард, захватив с собой Таратуру, садился в «ягуар» и, влекомый воспоминаниями, катил на юг, к морю. В прекрасном отеле «Покой» для них всегда были два пятикомнатных номера, в которые они обычно заходили не более чем на пятнадцать минут: принять после дороги душ и сменить сорочки. Затем они спускались в ресторан «Кто прошлое помянет», бывший главной целью их приезда. В дверях ресторана стоял швейцар роскошного вида, с необычайно благородным лицом, седыми висками и усиками, подстриженными скобкой. Он обменивался с приезжими рукопожатием, как со старыми и добрыми знакомыми, а навстречу Гарду уже спешил хозяин ресторана, старик лет шестидесяти.

— Рад видеть вас, дорогой комиссар! — говорил он, почтительно склонив голову. — Ваш столик готов.

В нескольких безобидных с виду фразах, которыми они обменивались, пока проходили к столику, никто из посторонних не обнаружил бы ничего, кроме элементарной светскости, тем более что они произносились с неизменной улыбкой, не сходявшей с уст говорящих.

— Сегодня у вас не будет конференции или съезда, дорогой Стив? — спрашивал комиссар Гард.

— Мы ждали вас, дорогой комиссар, — отвечал хозяин ресторана, — а когда вы приезжаете, все прочие мероприятия идут кувырком.

— Очень жаль, — улыбался Таратура, — а то у нас не так уж много работы.

— Не сокрушайтесь, — отвечал радушно хозяин, — и берегите здоровье.

— Стив, — говорил Гард, — вы хорошо помните съезд, который проходил здесь лет пять назад под руководством Эрнеста Фойта?

— Кто прошлое помянет, дорогой комиссар...

— Вы хотите сказать, нам лучше бы пообедать в соседнем ресторане?

И все трое разражались добрым и громким смехом, в котором был и тайный смысл, поскольку соседний ресторан, конкурирующий с «Кто прошлое помянет», назывался «Око за око».

Заказ у гостей принимал сам хозяин. Перед тем как отдать распоряжение кухне, он говорил, опережая вопрос приезжих:

— За Остина не беспокойтесь, он процветает.

— Как я понимаю, — говорил Гард, — еще немного, и он станет вашим компаньоном?

— Увы, — отвечал Стив, — боюсь, конкурентом, потому что он задумал перекупить «Око за око». А как поживает Эрни, комиссар?

— Вам лучше знать, Стив.

— Клянусь богом, — восклицал хозяин, — вот уже год, как я не видел Фойта!

— Во сне? — с улыбкой спрашивал Таратура.

И вновь ресторан оглашался добрым смехом, даже не привлекающим внимание посторонних.

А их было немало. С некоторого времени — точнее говоря, с тех пор, как в ресторане появился новый швейцар, — сюда зачастили разные влиятельные люди. Они приезжали в «Кто прошлое помянет» и в гордом одиночестве, и во главе шумных компаний, оставляя хозяину изрядные суммы денег и расплачиваясь со швейцаром так, как будто отдавали ему громадный и неиссякаемый долг. Во всей стране, пожалуй, больше

никто не получал таких чаевых, но швейцар привык к ним, принимая деньги с достоинством императора, обложившего данью покоренные им государства. Любовь влиятельных людей к ресторану была, как правило, недолгой, но крепкой. Проходил месяц, второй, и какой-нибудь министр здравоохранения, регулярно навещающий ресторан, словно передавал эстафету какому-нибудь королю стали, который, в свою очередь, через определенный промежуток времени уступал свою привязанность известному дипломату.

Прослышав о том, что «Кто прошлое помянет» пользуется успехом у известных людей, сюда зачастили и представители кругов, стоящих рангом ниже. Отдохнуть в «Покое» и поужинать в ресторане, проведя сутки-двое у моря, — это стало признаком хорошего тона, своеобразным приобщением к высшему свету: «Поедем, милый, в «Кто прошлое помянет», там нынче бывает имярек!»

Стив процветал, прекрасно понимая, что обязан процветанием своему швейцару, которого, в свою очередь, к нему устроил комиссар Гард. Вот почему чувство благодарности к комиссару полиции вот уже пять лет не выветривалось из сознания бывшего гангстера.

В крепком подпитии сильные мира сего иногда чуждились. Нет, они не заказывали Стиву ни цыган, ни стриптизов, ни даже танцевальной мелодии. Они просто поднимали уставшие лица и в течение нескольких минут безотрывочно смотрели на швейцара немигающим взором, смотрели грустно и тоскливо, съедаемые изнутри печалью, как смотрят люди на свое собственное изображение в зеркале, досадуя на быстротекущее время или на свое прошлое, вдруг явившееся перед очами.

Гард отлично понимал смысл этих взглядов, часто ловил их, присматривался к людям, «заболевающим» любовью к ресторану, не без оснований подозревая в них оборотня. Да, это каждый раз мог быть профес-

сор Грейчер, без конца меняющий шкуры и фамилии, должности и капиталы, но Гард ничего не мог с ним поделать, поскольку не мог преодолеть броню, защищающую высшее общество.

Грейчер приезжал в «Кто прошлое помянет», чтобы посмотреть на себя — на швейцара. Когда, применив аппарат, Гард дал событиям обратный ход, вернув несчастным обитателям виллы «Красные листья» их собственные тела, лишь один бродяга Остин остался без оболочки, и ему пришлось взять себе внешность профессора Грейчера.

Бывало, при каком-то странном совпадении, они собирались все вместе в милом ресторане: какой-нибудь финансовый воротила или министр, бросающий странные взгляды на жену, то есть вдову Грейчера; швейцар Остин, облаченный в тело профессора; инспектор Таратура, переживший все ужасы перевоплощения, и комиссар Гард — единственный почти до конца разбирающийся во всем человек. Все они в разной степени узнавали друг друга, но все молчали, что было самым красноречивым подтверждением главной философии современного общества: «Молчи, даже если хочешь говорить, и будь слеп, даже если хочешь видеть».

И все же есть какие-то поры, через которые просачивается молва. Откуда это началось, неизвестно, но будто из воздуха родилось прозвище, которым наградили швейцара Остина: «Профессор». И, бывало, собираясь в ресторан, какая-нибудь парочка, обсуждая планы, никогда не говорила: «Поехали в «Кто прошлое помянет», а говорила: «Давно мы не видели «Профессора»... Заглянуть, что ли, к нему на ужин?»

СОДЕРЖАНИЕ

КТО? *Повесть первая*

5

ПЕРЕКРЕСТОК. *Повесть вторая*

66

ПЯТЬ ПРЕЗИДЕНТОВ. *Повесть третья*

156

ОБОРОТЕНЬ. *Повесть четвертая*

316

ИБ 7300

Багрян Павел

ПЯТЬ ПРЕЗИДЕНТОВ

Заведующий редакцией В. Щербанов

Редактор В. Родиков

Художник М. Лисогорский

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Е. Михалева

Корректоры Е. Самолегова, Н. Понкратова

Сдано в набор 26.12.90. Подписано в печать 22.05.91.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 19,6. Усл.
кр.-отт. 19,95. Учетно-изд. л. 20,7. Тираж 100 000 экз.
Цена 5 р. 50 к. Заказ 1352.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, Суцевская, 21.

ISBN 5-235-01721-8

Б И Б Л И О Т Е К А

5 р. 50 к.

П'ЯТЬ президентов

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ф
С
А
О
Н
В
Т
Е
А
Т
С
С
Т
К
И
О
К
И

ПАВЕЛ БАГРЯК

